

Сергей БОЛОТНИКОВ

ЗМЕИНОЕ ПРОКЛЯТЬЕ

суп
ФЭНТЕЗИ

Сергей Болотников

Змеиное проклятье

<http://www.fenzin.org>

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=160980

Змеиное проклятье: Издательство «Крылов»; СПб.; 2006

ISBN 5-9717-0329-3

Аннотация

Над Волгой разразилась буря. Стихия чуть не смела с лица земли село под названием Черепа. А то, что уцелело, приобрело иной лик, иной нрав.

Обыденные прежде явления стали страшными до жути. Любой шаг стал шагом в ужас. И никто не знает, кем обернется назавтра твой товарищ, которого знаешь с детства, и в какую тварь превратится твой сосед по дому. А может, чудищем станешь ты сам?

Спасти удастся только тому, кто поймет, что же всколыхнула буря, какие пласты подняла из темных недр на берега вольной русской реки...

Содержание

Пролог	4
1.	13
2.	48
3.	55
4.	77
5.	97
6.	117
7.	168
8.	205
9.	324
10.	383
11.	398
12.	427
14.	455
15.	467
17.	505

Сергей Болотников

Змеиное проклятье

Пролог

Буря была знатной. Собственно, это была самая мощная буря за всю известную историю Ярославской области. Насколько известно из летописей, такой же силы катаклизм случился лишь в 1598 году. Он пронесся непосредственно по всей территории Верхнего Поволжья и, судя по записи, до основания разрушил деревянную церковь Спаса на Крови в селе со старым финно-угорским названием Черепа.

О церкви нам ничего не известно, но на этом месте в данный момент высится основной собор села Черепихово.

Весь день 26 июня в Ярославской области выдался тихим и солнечным. Больше того, с самого утра никто не мог бы определить, что этим вечером над Волгой разразится гроза.

Небо было чистым и совершенно лазурным, лишь у самого горизонта наблюдались легкие плоские облачка.

Солнечные лучи играли на куполах Черепиховского собора, прыгали зайчиками по Тинным прудам неподалеку и весело играли на волнах реки Волги, до высокого обрыва которой было всего несколько километров. Воздух здесь пах свежестью, с Волги доносились редкие гудки теплоходов, шед-

ших на Углич.

День был безмятежен. Где-то к трем часам дня воздух уже пропитался зноем и основное население Черепихово отправилось на пруды купаться, а кто посмелей – и на Волгу (туда правда осмеливались идти немногие, потому, – как неподалеку был Воскорецкий омут, где по преданиям в шестнадцатом веке утопилась жена местного старосты, да и потом потопло весьма много людей).

Село Черепихово было основано в четырнадцатом веке, сразу после изгнания отсюда племен Финно-угорской группы. Особенными потрясениями село не славилось, за исключением Большого пожара в 1739 году и переименованием его в город в 1932 г.

Тогда, решением местного партийного совета, здесь начал строиться огромный комбинат тяжелой промышленности. Но время было трудное, и стройка в прямом смысле завязла в местных болотах. Остатки возведенных корпусов так до сих пор и торчат, как скелет доисторического животного, окруженный совершенно дикими лесами.

А в 1992 году город Черепихово снова был переименован в село Черепихово и теперь медленно ветшал.

Да, день 26 июня был безмятежен, но прошлым вечером большинство селян могло наблюдать необычный феерически-кровавый закат, впрочем, обратили на это внимание в основном старики, так как они знали – красный закат к ветру.

К вечеру двадцать шестого июня начало нарастать напряжение, температура воздуха подскочила до отметки 32 градуса по Цельсию, а воздух стал просто удушающим.

– Будет гроза, -говорили селяне, но они и представить не могли, что за гроза их ждет.

Впрочем, тогда еще никто не беспокоился о будущем. Не обеспокоились они и к восьми вечера, когда на горизонте стали вырастать тяжелые черные тучи и потихоньку заполнять собой небосклон.

21-00. Сторож местного садового товарищества старик Савитский вышел из своей перекошенной будки, что располагалась не так далеко от правого берега Волги, и сразу обратил внимание на странный цвет неба над головой.

Небо действительно было странным. Обычно спокойного лазурного оттенка, небеса светились тяжелым и яростным интенсивным зеленым светом. Свет шел отовсюду, заполнял собой небесный свод и бросал тяжелые тени на остывающую землю. Это было странно и ненормально и это напомнило Савитскому пятьдесят третий год, когда неподалеку от Ярославля прошел смерч и погубил несколько десятков га посевов. Да, тогда небеса светились точь в точь как сейчас.

– Не к добру это. – Вздохнул старик и поплелся проверить – закрыты ли рамы в его сторожке. В прошлый раз прошел косой дождь и все стекла пришлось вставлять заново, так как плохо прикрытые рамы были вышиблены яростным

шквалом. В тот день безвозвратно погиб его новенький радиоприемник Сибиряк-303, которым старик очень дорожил.

21-30. Тучи на горизонте все сгущались и порой можно было видеть, как отдельные пласты более светлого фиолетового цвета снуют на фоне основной чернильно-черной массы. Тяжелый зеленый свет с небес стал гуще и давил на притихшую землю.

21-45. Селяне стали готовиться ко сну. Сельские жители вообще рано ложатся. Неожиданно стих ветер. Во всем селе был слышен лишь одинокий брех разгулявшейся вдруг собаки. Было видно, как кто-то копается в своем огороде. Солнце, плохо видимое за зеленой завесой, коснулось горизонта. Где-то плакал ребенок.

22-00. Метеорологическая служба Ярославской области получила штормовое предупреждение. Но почему-то не передала его по окрестностям. На пороге сильнейшей за двадцатое столетие бури люди спокойно засыпали, не закрыв даже окон из-за страшной духоты. Откуда-то доносилась тихая музыка.

22-15. Солнце село. Откуда-то издалека громыхнул гром, затем еще раз. Небеса озарила синяя вспышка. В крайнем доме настойчиво требовали закрыть теплицу, пока град не побил помидоры.

В двадцать два тридцать разверзся Ад. Шквал налетел неожиданно и мощно, оглашая окрестности трескоподобным грохотом и многочисленными вспышками молний. Чу-

довищный вихрь неся с сияющих зеленым небес подминая под себя вековые деревья.

Сведений о той буре пришло немного, так как немного было и свидетелей происшедшего.

Все рассказы очевидцев сводятся к тому, что около десяти вечера хлынул сильнейший ливень, сопровождавшийся ураганным ветром, с легкостью валивший толстенный деревья.

Известно, что буря, представлявшая собой могучий циклон с эпицентром над Черепихово заняла площадь около пятисот квадратным километром и бушевала в течении лишь одной ночи, но за одну эту ночь она причинила такие бедствия, что потом долгие годы область не могла оправиться от потрясений. Список повреждений не поддается исчислению, но вот несколько из них.

Столицу области – город с двухсоттысячным населением – Ярославль – буря затронула боком, но и там разрушения были сильны. В частности, по всей протяженности Проспекта Ленина были сорваны рекламные щиты, некоторые вместе с опорами, их поддерживающими. Яростный шквал прогнал их по всей длине проспекта, скрутив в огромный железно-фанерный ком, который пронесся по улице, сметая урны и расталкивая стоящие автомобили. Прискорбный случай, но два человека были раздавлены этим бешено мчащимся шаром.

В конце улицы порядком разогнавшийся ком влетел прямо в стеклянные двери неработающего кинотеатра "Волж-

ский", вышибив их, и, протаскив их еще десять метров, ударился в минимагазин "Услада", снеся его и разбросав по округе импортные цветастые батончики.

На территории города было повалено около тридцати тяжелых бетонных столбов, причем часть из них на стоящие под ними автомобили. Пятнадцать киосков взвились в воздух с местной площади и воздушным путем покинули город.

Один потом нашли плавающим в Волге в пятидесяти километрах от точки взлета.

Имело место падение вертолета метеорологической службы на жилые кварталы, а также взрыв дома местной администрации.

По показаниям единственного свидетеля, находящегося в больнице с тяжелой черепно-мозговой травмой, он ехал, направляясь к площади, и, когда дунул сильнейший порыв ветра, он увидел, как шедший сзади бензовоз неожиданно пошел юзом, а затем, набирая скорость, боком почти полетел в сторону пострадавшего. Свидетель едва успел повернуть в подворотню из-под носа летящего грузовика, но успел заметить, как тот, не останавливаясь, влетел в здание местной администрации и взорвался.

В этот момент на его машину обрушился стоящий рядом телеграфный столб, лишив его сознания.

Еще надо отметить грандиозную автокатастрофу с тремя туристическими автобусами и груженым песком КАМАЗом неподалеку от черты города.

Среди областных происшествий можно отметить полное уничтожение деревеньки Глухово с населением в 150 человек.

Судя по всему мимо нее проходил тяжелый грузовой состав с бензином на весьма высокой скорости и, когда он проходил поворот тепловоз просто сдуло с рельс. Почти километровый состав обрушился с насыпи вниз и погреб под себя деревеньку, буквально утопив ее в сразу же вспыхнувшем бензине.

Кроме того известно также о гибели огромного четырехпалубного теплохода "Циолковский", который попал почти в центр бури и был потоплен в одном из самых глубоких мест Волги.

Ну и наконец село Черепихово, принявшее на себя основной удар стихии. очевидцев очень мало, и все потому, что большинства находившихся на улице и видевших бурю на утро просто не нашли.

Удар бури был силен. Пятеро самых слабых Черепиховских домов снесло почти сразу вместе с еще не успевшими проснуться. Остальные держались еще некоторое время, в течение которого обезумевшие от ужаса жильцы прятались в подвал.

Смотритель местного музея, не назвавший своей фамилии, рассказал о том, как он наблюдал полет старенького трактора "Беларусь" над куполами Черепиховского собора, в котором смотритель пытался укрыться от стихии.

Некий Ерепеньев Е.А. рассказал о том, что пытаясь укрыться от ветра в местном овощехранилище он видел, как по воздуху над ним пролетела сторожка садоводческого общества, в которой он своими глазами видел местного сторожа – старика Савитского. По словам очевидца старик был дико напуган и, удаляясь что-то кричал.

Савитского впрочем так и не нашли, и его имя затерялось в огромном списке погибших.

Наконец основное.

В 23-50 на поле неподалеку выпал смерч. Те, кто его видел из погребов, пытаясь удержаться в земле, говорят, что виденный при частых вспышках черный столб был не менее полкилометра в диаметре.

Смерч проследовал через поля, натолкнулся на вековой дуб, стоящий на краю, вырвал его и, пронеся через весь город, обрушил его на местный дом культуры.

Построенное в позапрошлом веке и относящееся к достопримечательности Черепихово строение было почти полностью разрушено, а падающая южная стена придавила еще две избы, чудом стоящие посреди вселенского разгрома.

В общей сложности население Черепихово с полторы тысячи человек сократилось до пары сотен, если считать те десятки семей, которые съехали с пепелищ своих разрушенных домов и никогда не вернулись обратно.

В 6-05 буря начала стихать, а в 8-30 она прекратилась.

Рассвет застал кучу обездоленных людей, горестно бродя-

щих среди развалин.

Финал был ужасен. Но самое ужасное было еще впереди...

1.

Мотор надрывно взревел, лысые шины крутнулись пару раз на месте, и потертый автомобиль перевалил-таки через глинистую преграду.

– Черт ты дери! – выругался Сергей, когда увидел, как маленький кролик, вероятно с разрушенной фермы, бесстрашно сиганул под колеса машины и лишь чудом остался жив, проскочив под днищем автомобиля.

Это была глупая идея. Идея ненормальная с самого начала – с той старой летописи – рукописи, жалкого клочка бумаги, из-за которого он оказался здесь. В этом пустынном разрушенном краю, на этой поганой, вязкой грунтовой дороге, ведущей к этому забытому богом селу, притаившемуся на углу Ярославской области.

Да, идея была глупой, но из-за нее он сейчас находился здесь, и терял драгоценные дни своего вымученного отпуска.

Кусок бумаги с весьма важной информацией приплыл к нему в момент вполне заслуженного обеденного перерыва, во время которого Серега отдыхал от пятичасового сидения за компьютером, на котором он рисовал очередной заказной плакат.

Будни захудалого рекламного агентства, где он служил основным дизайнером, были серы и скушны.

Документ принес маленький человечек с роскошной,

длинной не по росту бородой, в прошлом историк, специализирующийся на истории средних веков. Несмотря на то, что он уже довольно давно переметнулся в агентство, где больше платили, страсть к раскапыванию архивов в нем сохранилась.

Один бог знает почему историк, которого звали Леонид, так любил тащить эти старые запыленные бумаги к Сергею. Может быть, он видел, что тот мало-мальски интересуется всякой стариной.

Был обеденный перерыв и Сергей, порядком отупевший от пятичасового сидения за компьютером, не сразу обратил на сослуживца внимание.

Он встрепенулся только тогда, когда экс-историк сказал:
– Монеты, много старых золотых монет, предметы утвари из золота и серебра.

– Постой, постой! – произнес Сергей – какие монеты? – Клад, какие же еще, клад под Черепиховским собором. Монашій клад, спрятанный от нашествия недругов. Это старая рукопись, я уверен – до этого ее никто не осмотрел как следует.

– Ты хочешь сказать, что отрыл рукопись, которая говорит о реальном кладе под неким собором? – Под Черепиховским собором, это село в Ярославской области. – И ты хочешь сказать что есть вероятность, что до нас его никто не тронул?

– Большая вероятность.

– Ого! – произнес Сергей. С этого его возгласа и началась

эпопея гонки за золотом, которая продолжалась до сих пор.

Он не собирался ехать один, но случайность перечеркнула их общие планы. Его ученый приятель всего неделю назад отправился в Ярославский архив, дабы разузнать побольше о древнем Черепиховском соборе, но имел несчастье это сделать как раз в канун знаменитой бури. Она и застала его на шоссе, неподалеку от городской черты. Ветер достиг такой силы, что выдрал из земли дерево и уронил его на машину. Дерево было не слишком большое, но достаточное, чтобы промять крышу и опрокинуть машину. Теперь историк валялся со сломанной ногой в окружной больнице, а Сергей поехал один.

Теперь он об этом жалел. Дорога была ужасна. Это даже была не дорога, а косо спускающаяся рытвина, в которой было ясно видно, что здесь во время бури бежал яростный поток воды.

Шины скользили и буксовали, движок хрипел, надрываясь, но все же двигал машину вверх.

Вообще машины была неплохая. Это Форд-Гранада 1986 года выпуска. Изрядно потертый, побитый, но прочный и качественный, как все американские автомобили.

– Да, – подумал горожанин, – "Ока" бы здесь уже села. И вообще эта дорога явно не на легковушки.

Впереди дорогу перекрывал ствол толстеного дуба, поваленного недавней бурей. Могучее дерево было грубо выдрано с корнем и перекрывало дорогу примерно наполовину.

Сергей начал огибать дерево справа и тут же был вынужден нажать на тормоз. Едва избежав столкновения, из-за дуба вылетела древняя ржавая "Победа" с одним разбитым подфарником и крашеными – перекрашенными дисками.

Тупорылый капот машины пронесся буквально в сантиметрах от капота "Форда", и, скрежетнув по ветвям, машина скрылась позади.

Сергей перевел дух.

– Еще бы чуть-чуть, – подумал он – и он бы на меня налетел.

Перед глазами у него сразу встала картина, на которой обе машины сталкиваются и, сцепившись передками, кувыркаются вниз по этой грязной глинистой дороге, вплоть до основания холма.

Эта машина, кто бы ее ни вел, была единственной встреченной горожанином с тех пор как он въехал на этот грязевой тракт. Один раз ему встретилась костлявая кобылка, волочащая за собой древнюю телегу, на которой лежал напившийся вдрызг дед. И он, и кобыла, и телега представляли собой весьма печальное зрелище.

Но теперь, похоже, Сергей все – таки доехал. Он тормознул машину как раз на вершине пологого, поросшего чахлым леском холма. Одним своим боком холм резко обрывался в Волгу, а на другом склоне примостилось село Черепихово.

Село, как и многие в этой приволжской полосе было построено на склоне холма и одним своим краем спускалось к

реке. Некоторые домики стояли всего в трех-четыре метра от обрыва.

(По слухам, после бури один из этих домишек нашли в почти целом виде в деревне Карявкино, что на другой стороне Волги, причем создавалось впечатление, что на момент отрыва дома от земли, хозяин еще оставался внутри, но выпал, когда дом пересекал реку).

Да, когда-то домики стояли почти вплотную к песчаному обрыву, а вниз к реке были протоптаны тропинки. Внизу обрыва начинался длинный песчаный пляж, который во время половодья заливало целиком. До бури там находились гаражи селян, в которых они хранили свои моторки и рыболовецкие лодки.

Буря унесла и те и другие.

В общем, теперь, когда Сергей смотрел на село с холма, Черепихово представляло собой сильно печальное зрелище. Когда-то в нем было много домов, но теперь приезжий видел лишь около семи целых построек, причем часть из них была явно не для жилья. Эти редкие домики высились своими почти целыми крышами над улицами полнейших развалин, где все так перемешалось, что трудно уже было сказать, где стоял один дом, а где начинался следующий. Буря сильно потрепало село, и у Сергея возникло впечатление, что восстановленным ему уже не быть. Скорее всего оставшиеся селяне просто разбегутся по окрестным деревушкам или подадутся в город.

И вот, стоя над развалинами когда-то большого села, обдуваемый довольно-таки промозглым ветром (стоял июль, но после бури погода неожиданно испортилась), а над головой проносились рваные черно серые облака, Сергей наконец увидел то, что ему было нужно.

Черепиховский собор по-прежнему вздымался из моря развалин, белея оштукатуренными стенами, он на удивление мало пострадал во время бури, и у горожанина возникла надежда на благополучный исход его предприятия.

Тучи над головой собрались в одну однородно-серую массу, которая повисла, казалось, прямо над головой. Нет, такие тучи не прольются громогласным ливнем, они лишь прокапают унылым морозящим дождиком, который растянется на весь этот и начало следующего дня.

Чуя приближение дождя, Сергей залез обратно в машину и прикрыл дверцу. Тучи, вкуче с видом разоренного села, давили на нервы. Вообще Серега хотел совсем отменить поездку, когда в газетах появилось сообщение о буйстве стихии, но потом, подумав, он решил, что если клад закопан, то ему и не должно ничего сделаться.

Все-таки он поехал. И теперь сильно ругался.

Нанесло дождик. Как раз такой, как ожидалось – мелкий, ледяной, морозящий. Казалось, температура сразу упала на три градуса. Дождь начал легонько шуршать по крыше машины и оставлять свои метки на лобовом стекле.

Сергей вздохнул, в машине было так же холодно и про-

мозгло, как и снаружи.

– "Печку включить, что ли?" – подумалось ему, но дома Черепихово были уже близки, и он надеялся найти там жилье.

Сергей газанул и снял автомобиль с ручника. Движок взревел, и горожанин почувствовал, как под ним крутнулось колесо, бессильно царапнув раскисающую глину.

Он газанул еще раз, заставив машину яростно дергаться в рытвине. Перспектива топать до деревни пешком, под ледяным дождем, ему совсем не улыбалась. Задние колеса яростно завращались, а затем нашли опору и вытолкнули машину на дорогу.

– "Ну слава богу", – подумалось Сергею, и он медленно покатился по склону, остерегаясь особо глубоких рытвин. Впереди виднелись передовые дворы Черепихово.

На середине пути печку он все-таки включил.

Дождь моросил и нагонял уныние. Он размазывался под дворниками на ветровом стекле, утомительно шуршал по крыше и падал тонкими нитями на раскисшую землю. Создавалось впечатление, что скоро дорога станет совсем непроезжей, и лишь местные на их лошаденках, (вот уж вездеходный вид транспорта) смогут катиться вверх или вниз по холму. Было три часа дня.

Через пятнадцать минут утомительного спуска сквозь серую морось (с реки, похоже, еще и напелзал туман) Серега неожиданно увидел туманную фигуру человек, идущего

вверх по холму, судя по всему, прочь от села. Подъехав поближе, горожанин увидел, что это древний дед, одетый в рваную телогрейку и кирзовые сапоги, такие же древние, как и он сам. На одном плече старикан нес драный рюкзак, а к спине были привязаны средних размеров вилы. Выглядел этот путник удивительно, и создавалось впечатление, что он уходит из села насовсем.

– "Может, он местный?" – подумал Серега, – "Спросить у него о жилье?".

Когда старик поравнялся с машиной, Серега тормознул и тут же с удивлением заметил, что дед испуганно схватился за свои вилы, словно ожидал невесть чего.

Вообще он выглядел каким-то дерганым, и все время кидал взгляды через плечо, на Черепиховские дома.

Серега приоткрыл дверь и, ежась, вылез под ледяной дождик.

– Здравствуйте! – как можно доброжелательнее сказал он, – вы случайно не местный?

Дед покосился на горожанина, но уже поспокойнее. Глядя на Сергея, за версту можно было сказать, что он нездешний, даже не видя московские номера его машины, а дед, похоже, боялся вовсе не приезжих.

– Да, – сказал старик, – с Черепихово я, да только теперь ухожу.

Что-то не понравилось Сереге в том, как дед сказал "ухожу". Так говорит погорелец, глядя на свой сгоревший дом, в

котором остались вся его семья и веселые соседи. Как будто в селе больше не осталось никого.

– Я приезжий, – сказал Сергей, – по работе меня послали в Черепихово. Нет ли у вас там какого-нибудь жилья, а то я...

Серега оборвал фразу, потому что старик неожиданно переменялся в лице и опять схватился за вилы. Горожанин отпрянул (он начал подозревать, что дед давно слетел с катушек).

– Ты ЖИТЬ туда едешь!?! – вскрикнул он и испуганно обернулся в сторону домов. Там по-прежнему было тихо.

Старикан обернулся к Сергею и неожиданно глянул на приезжего с жалостью.

– Сынок! – выдал он, – Ты не едь туда, не едь! Нехорошие дела там творятся. Сгубишь ведь себя ни за грош!!

Серегу слегка ошеломила эта тирада, какой-то странный ответ на просьбу о жилье.

– Почему сгублю? – осторожно спросил приезжий, теперь он точно уверился, что странник сумасшедший. В конце концов, это не так странно. После бури у многих могла слететь крыша не только с дома.

Но дед не ответил ему на это, он продолжал бормотать:

– Нельзя тебе туда, нельзя, пропадешь. Послушайся совета моего, не едь туда – и он опять оглянулся в сторону мрачных облезлых домов без крыш. Два или три окна пялились на них пустыми рамами.

И хотя теперь Сергей точно знал, что перед ним псих, он

ощутил тонкое поползновение страха при взгляде на эти слепые окна. Из одного окна, как бельмо, торчала старая тюлевая занавеска. Судя по всему хозяин этого дома либо ушел, либо умер.

– Не езди туда, сынок – продолжал старик – не езди!

– Может, и не поеду – сказал Серега, чтобы успокоить старика, Мрачны эти окраинные дома или нет, а общество сумасшедшего старика его прельщало еще меньше.

– Не езди, – продолжал вещать тот, – не езди!

Сергей кивнул и медленно пошел к машине, чтобы наконец уехать (а то вдруг дед все-таки захочет использовать свои вилы, что бы не пустить его в село), но тут неожиданно произошел совершенно дикий и безумный эпизод.

Повернувшись к машине, Сергей неожиданно увидел перед капотом змею.

Да, натуральную серую змею, судя по всему – гадюку. Змея была довольно большая, около метра в длину, и она просто лежала перед машиной свернувшись в клубок, похожая на серый грязный шланг. И смотрела.

Да, именно так показалось тогда Сергею, змея смотрела своими черными, затянутыми в пленку глазами без век, – парализующий взгляд змей, смотрела не на Сергея, она смотрела на старика.

Немая сцена длилась с минуту. Змея смотрела на старика, а старик и Сергей, в ступоре стоявший возле машины, смотрели на змею.

Змея высунула язык. Это подействовало на старика как удар. Он с необычной для своего возраста скоростью, сдержнул вилы и одним ударом пригвоздил змею к месту. Молча.

А затем произошло что то уже совершенно дикое.

– Вот ты и получил свое, Василий! – сказал старик, глядя в глаза змее, и сдобрил свои слова хорошей порцией мата.

Змея извивалась в мокрой глине. Крайний зуб вил пригвоздил ее к земле как раз в районе шейного отдела. Затем ее пасть открылась, и секунду казалось, что змея издает долгий мучительный вопль. Затем длинное тело дернулось и в последнем спазме обвилось вокруг вил. Змея была мертва.

Старикан со странным выражением лица поднес вилы с мертвой змеей к лицу.

– Получил свое! -повторил он и махнул вилами в сторону леса.

Змея сорвалась с зуба и исчезла в кустах. Сергей стоял в столбняке.

– Так что не ездь туда, – сказал старик Сергею уже спокойно, он ни в коем роде не напоминал сумасшедшего – помни совет.

А затем он перекинул вилы за спину и прошел мимо машины, направляясь вверх по склону, на Сергея он больше не глядел.

Приезжий некоторое время тупо смотрел, как он уходит. Белесые полосы дождя падали на его непокрытую голову и давно промочили куртку, а он все стоял, пока пелена не до-

ждя не скрыла странника из виду. Тогда он на трясущихся ногах дошел до машины и тяжело сел в кресло. Сердце билось как сумасшедшее, а по рукам бежали мурашки.

Некоторое время он просто сидел, держась за руль, а затем кинул взгляд на дома за лобовым стеклом.

Кто-то смотрел на него из тьмы дома!

Два пылающих желтых глаза пялились на него из пустой рамы. Секунду Серега сидел вцепившись руками в руль, а затем глаза задвигались и на свет из окна выползла тощая черная кошка. На свету ее глаза уже не сверкали тем яростным блеском. Кошка была кожа да кости, похоже ее не кормили уже недели две, а точнее со времени бури.

Неожиданно у него появилась яростная потребность кинуть все это, развернуть машину и гнать прочь, прочь от всего этого, от этих черных гнилых домов-призраков, от отошавшей кошки, и от сумасшедшего старика. От всего. Он страстно желал последовать совету старика, уехать отсюда.

Но он просто сидел и до боли сжимал руль.

Минут через пятнадцать ступор стал проходить. Дождь по-прежнему шелестел по крыше, капал на ветровое стекло, а черные дома впереди были неподвижны и мертвы.

Серега разжал пальцы, на ладонях четко отпечатались шероховатая поверхность руля.

– В конце концов, что я видел? – сказал он вслух. В машине было тепло, а звук своего голоса успокаивал, – сумасшедший старик заколол вилами змею, и понес некую чушь.

А из дома выползла лишь черная полудохлая кошка.

Сергей еще раз взглянул на дома. Там была полная тишь. Даже кошка куда то исчезла.

Горожанин посидел еще. Дождь лениво шелестел над головой и стучал по крыше, кроме этого никаких звуков. Даже ветер вроде как не задувал и лишь маленькая лужица крови на дороге перед машиной напоминала о случившемся.

Сергей посидел еще.

– А кто сказал, что будет легко? – спросил он себя и без всякой связи добавил – а змея все-таки кричала!

Он дернул ключом зажигания и движок отозвался натужным ревом (глушитель у Форда был не совсем исправен), затем колеса без всяких пробуксовок понесли его к черте села Черепихово.

Черные стены безлюдных домов приблизились и... проехали мимо, дома стояли так плотно, что проезжая Серега увидел следы от древоточных жучков на черных бревнах.

Он был в Черепихово и, начиная от капота его машины вдаль тянулась длинная и совершенно разрушенная улица. Целый квартал разрушенных и разбитых домов, деревянных, бревенчатых и каменных, а кое-где остались лишь печные трубы. Стихия не пощадила ничего. Через полкилометра впереди можно было видеть дохлую корову, чьи останки печально свисали с конька чудом уцелевшего каменного дома без южной стены. Вообще на крышах домов, было много необычных предметов и создавалось впечатление, что

во время бури здесь было грандиозное авиа шоу с участием окрестных тракторов, коров, собак, кошек и людей.

Еще одну корову он нашел на пересечении двух улиц километром впереди, эта влетела в открытое окно ранее уютного двухэтажного коттеджа.

В общем-то Серега знал, куда надо ехать. Не так далеко высились руины местного Дома Культуры, похожие отсюда на развалины греческого Акрополя, тем более, что три из шести колонн здания все еще стояли, словно в насмешку, так как основная часть строения просто рухнула. Если бы Сергей подъехал поближе, он бы несомненно заметил древний дуб, виновник этого разрушения, сюрреалистично торчавший среди колонн.

С вершины холма, где он встретил странного старика, было видно, что жилые дома сгруппировались в центре, самой старой Черепиховской части, где, судя по всему, находились самые древние избы и Черепиховский Собор. Селян здесь осталось немного, но на то, что они есть, указывал легкий дымок из пары труб.

Туда горожанин и поехал, временами объезжая не расчищенные завалы. Мысли против его воли снова вернулись к случаю на холме.

Змея кричала. Да, именно так, она издавала долгий агонизирующий вопль, она чувствовала боль. А до того момента смотрела на старика, с ненавистью смотрела.

Что есть змея – тупое пресмыкающееся, не мозгов, ниче-

го, наступил – укусила. Обычное поведение змей.

Они не должны просто вот так лежать и смотреть своими глазами без век.

Сергея вздохнул: он не любил змей, не любил и боялся, как бояться их многие люди, а здесь такое осмысленное поведение пресмыкающегося вгоняло в шок.

Старик назвал змею Василием. Обычное имя, человеческое, но так называть змею? Причем дед явно знал, к кому обращается, и убил змею не из самообороны, а намеренно, словно расквитался и свел наконец счеты.

Кто был этот Василий? И что он сделал старику, раз тот убивает теперь змей, называя каждую его именем.

Нет, не каждую, только эту. Старикан явно имел в виду конкретную змею.

Сергей потер лоб рукой – в машине было душно.

– Да, – сказал он, – давно я не был в деревне.

Неожиданно ему подумалось, что и другие селяне могут быть такими же (а может и еще хуже? Бежал же от кого-то дед!).

– Да уж, – произнес приезжий вслух – и куда же я попал...

Он снова ощутил сильный позыв развернуть машину и гнать прочь из этого места, хоть до самой Москвы, лишь бы не чувствовать вокруг эту атмосферу всеобщего разорения и гниения.

Внезапно он вспомнил, что когда выезжал из Москвы, стояла яркая солнечная погода, а температура поднималась

за двадцать градусов. И только здесь, на подходе к этому богом забытому селу, погода резко испортилась и пролилась морозящим дождем. Тяжелые серые тучи висели над головой и, похоже, в ближайшие десять – двенадцать дней расходиться не собирались.

Машина скользила по разрушенным улицам, и скоро Серега смог увидеть, как через пелену дождя блеснула свинцово-серая поверхность реки Волги. Зрелище было безотрадное. Река в этом месте достигала около километра в разливе и огромная масса тяжелой серой воды давила на психику. Тем более что неподалеку был знаменитый Воскорецкий омут с течением, утаскивающим на дно, рассказов о котором приезжий наслушался вдоволь, когда добирался сюда.

Минут через пятнадцать он все-таки добрался до жилых районов.

Тормознул.

Тут была небольшая площаденка, на которой стояли около десяти полу восстановленных домиков, а одну сторону занимал Черепиховский собор, почти целый.

Домики были действительно восстановлены только наполовину. В некоторых местах в рамках были вставлены листы фанеры. Несколько досок косо и криво прибитых, закрывали дыру в крыше, а двери, похоже, были приперты чем-то изнутри.

В общем, создавалось впечатление, что всю работу по восстановлению домов вели в крайней спешке и без стара-

ния. После зрелища разрушенных кварталов это пугало даже больше, чем вид коровы, висящей на трехметровой высоте.

И никого на улице, только дым указывает на то, что люди здесь все-таки есть. Свет не проникает через забитые досками окна. Конечно, понятно, что на улице дождь и холодно, все сидят по домам, но хоть кто-то должен хотя бы выглянуть.

Сергей вышел из машины, подняв воротник. После печки снаружи было особенно промозгло и стылый холод пробирал до костей. Сделал шаг через лужу и поневоле оглянулся назад. Когда он проезжал мимо последнего пустого дома, ему показалось, что он видел в окне чье-то бледное мертвое лицо и угадывал очертания тела, висящего в темноте на крюке для люстры.

– Прекрати, – сказал Серега себе, – тут не должно быть мертвецов, должны же они убрать хотя бы их. Что делали ремонтные бригады, когда разбирались в завалах?

Затем ему неожиданно подумалось: а разбирались ли они? А был ли здесь вообще кто-то чужой со времени бури. А ведь, судя по виду, здесь все так и осталось...

Он неожиданно резко встал и вытаращил глаза. Из-под крыльца домика, к которому он направлялся, выползла, извиваясь всем телом еще одна змея. Тоже гадюка.

Опять змеи. Но эта целеустремленно извивалась прочь от крыльца. Затем заметила стоящего совсем рядом Сергея и замерла.

Некоторое время Сергей и пресмыкающееся пялились друг на друга и у змеи был на удивление осмысленный взгляд, а затем над ухом оглушительно грохнуло и змею разорвало. Порвало в клочки и часть головы полетела в одну сторону, а в другую ошметки туловища.

– "Кто-то здесь очень не любит змей" – подумалось Сергею и он медленно поднял глаза.

В воздухе остро пахло пороховой гарью. На крыльце развалюхи стоял маленький плюгавенький человечек в дырявом рваном в некоторых местах зипуне. На воротнике тулупа пристала шелуха от семечек.

К слову сказать, лишь глянув на него Сергей понял что у жильца не все дома. Вообще говоря он виделся полным психом, да таким, что давешний старик показался бы рядом с ним образцом ясности мысли.

Подбородок у жильца дергался и с него обильно стекали дикие слюни, нос был сворочен на одну сторону и распух, словно своротили его совсем недавно, а в глаза лучше вообще не смотреть. Они были вытарашены, покрыты сетью прожилок, и безумно крутились в орбитах. В них не было ни капли разума, причем зрачки, как заметил горожанин имели странную овальную форму.

Самое неприятное было в том, что абсолютно помешавшийся жилец крепко сжимал в руках старую Тульскую двустволку десятого калибра с потертым прикладом, один ствол которой он только что разрядил в змею, и теперь похоже раз-

думывал не разрядить ли второй в Сергея. Руки с ружьем тряслись и нервно хватались за цевье.

Сергея молчал, собственно он и не мог ничего сказать, так неожиданно вывалился из своего домика сумасшедший жилец. Тут к тому же накатились недавние воспоминания о проколотой стариком змее, и уже непонятно было, что его пугает больше, стоящий тут псих с ружьем или очередная убитая змея. Наконец приезжий сумел таки выговорить слово, видя что секунду спустя сумасшедший жилец из села Черепихово все таки выстрелит в него.

– Как змею то звали? – ляпнул испуганный и не слишком соображающий что говорит Сергей.

Жилец замер, руки его разжались и ружье рухнуло их них в грязь, с грохотом разрядив второй ствол в землю. Затем ноги селянина подогнулись и тот бессильно сел на крыльцо. Теперь его глаза наполовину вернулись в орбиты, по грязному, давно не мытому лицу текли горячие слезы. Пару раз жилец повторил какое то имя, но оно было неразличимо из-за звериного плача.

– Пр... Простите – вымолвил Серега наконец -я...это... приезжий, вы не могли бы...

– Уидииии!!! – проверещал вдруг жилец все еще заливаясь горячими слезами – уидии же!!! Уидииии!!!

Видя, что селянин вновь нашаривает в грязи свое ружье (в нем хоть и не было патронов а как дубинка сгодится) Сергей начал поспешно отступать к машине, а когда нащупал руч-

ку, рывком открыл ее и дернул с хода ключ. Мотор с ревом ожил.

Вовремя. Позади бежал сумасшедший жилец, зажав свое ружье за стволы и неся ее над собой как дубинку.

Дубинка успела один раз обрушиться на багажник Форда, а затем автомобиль сорвался с места и стрелой промчался через всю площадь. На другом ее конце, рядом с собором приезжий наконец тормознул и оглянулся. Жилец его не преследовал, а домик его скрывался за развалинами трехэтажного особняка.

Дождь продолжал моросить, а Сергей сидел за рулем стоявшей машины, чувствуя, как начинает промокать под ним сидение (он здорово вымок, стоя под дождем), и думал.

Итак, второй встреченный за день жилец тоже оказался психом, хотя теперь Серега сомневался в сумасшествии того старика, его вполне можно понять если он бежал из общества таких вот ненормальных. Так получается от этого предостерегал старикан Сергея. Дед знал, что все жители Черепихово уже не нормальные люди.

Стоп, но не может же так быть, что все оставшиеся жители села не в своем уме? Еще как может, сумасшествие как известно заразно, а в психиатрии не раз наблюдались случаи массового психоза. Безумие передается от одного к другому и катится по нарастающей, пока вокруг не остается не одного нормального человека.

Сергей потер лоб, вспоминая, что он еще читал о сума-

сшествии.

Кстати в селе похоже сложились очень благоприятные для этого условия. Замкнутый объем, все друг друга знают, затем эта буря, нанеся сильную умственную травму, а теперь вот отрезанность от цивилизации, ведь теперь Сергей был уверен в том что никакая помощь в село не являлась.

Так получается все жители села безумны? Хотя есть у них один странный штришок, в общем то он и говорит о массовом характере их безумия.

Все жители села ненавидят змей.

И они дают им имена.

И убивают их.

– "Стоп!" – сказал Сергей себе – "Я ведь видел только двух жителей села. Может только они и ненормальные? А змеи? ...Ладно, в дома я больше не зайду."

А куда же можно пойти? Горожанин обвел взглядом площадь (посреди площади, как он только сейчас заметил, лежала дохлая лошадь и удирая от безумного жильца Сергей чуть на нее не наехал). Дома, дома, несколько целых, остальные разрушены, странная рубленая изба, стены которой раньше были обшиты импортным европластиком. Над входом вывеска, раньше светившаяся неоном. Бар похоже. Точно, бар в этой глуши.

Название полу разбито, но можно прочесть, что бар называется "Левый берег" что было очень странно, потому что Черепихово находилось на правом берегу Волги.

Сергей стронул Гранаду с места и докатил до избы (в одном месте Форд забуксовал, но мощный мотор опять вытянул). Когда он подъезжал к дому Серега увидел, как занавеска отодвинулась и в окне мелькнуло лицо. Некоторое время смотрящий оценивал автомобиль, а затем занавеска вернулась на место.

Насколько Серега смог увидеть, лицо смотрящего не высказывало не каких признаков безумия. Наоборот, это было вполне нормальное человеческое лицо.

– "Зайду!" – решил Сергей останавливаясь – "Возможно это единственное нормальное место в деревне. Кроме того там наверно тепло... Первый раз вижу такое промозглое лето".

На не слишком твердых, после происшедшего ногах приежий вышел из машины и проходя мимо автомобиля к двери с досадой отметил, что твердый приклад ружья безумного жильца, оставил довольно таки солидную вмятину на багажнике.

Затем он потоптался неуверенно на пороге и толкнул дверь.

Дверь отворилась с режущим уши скрипом и головы сидящих внутри, как по команде, повернулись к вошедшему.

Внутри был действительно типичный бар, пришедший к нам видимо в начале девяностых, когда эти Американские забегаловки открывались повсюду в России.

Не слишком большое помещение, грубые доски пола, а на

полу стояло около девяти – десяти столиков, причем некоторые скрывались в совершенно темных углах. На столиках скатерти а вокруг потертые стулья. В дальнем конце деревянная стойка под орех, а еще дальше стеллаж с различными бутылками разного калибра. За стойкой никого не было.

За столиками сидели пять человек. Трое почти одинаковых мужиков, все бородатые и обросшие, мрачно сидели за ближним к окну из столов, (одного из них Сергей и видел в окне), и глядели на свои кружки с неясным напитком, прежде чем повернуться к вошедшему. Неподалеку от них сидел еще один человек, с виду лет двадцати, но совершенно обросший и запаршивевший, так что трудно было определить точный возраст.

Челюсть у него отвисла, а глаза смотрели не на Сергея, а вниз на стол, где его руки что-то интенсивно творили швейной иглой.

А еще в дальнем темном углу бара мирно спал огромный детина в жеванной кожаной кепке надвинутой низко на глаза, так что нельзя было рассмотреть лицо. Спал он явно тяжелым алкогольным сном и не шевелился.

Серега сделал шаг от двери к тем троицам, которые выглядели сравнительно нормальными.

– Добрый день – запинаясь сказал он – я приезжий и...

И тут Серега заметил, что так старательно сшивал обросший шизик в углу.

Яростно двигая руками тот сшивал змеиную кожу.

Да шкуру снятую со змеи и теперь он сшивал из нее нечто похожее на длинный носок. Работ основательно и не глядел вокруг. Еще один кандидат на змеиный психоз.

Замерев на полуслове Серега вылупился на сидевшего, и не сразу заметил, что один из троих что то ему говорить и заметил лишь когда тот снова повторил.

– Сядь. – Спокойно сказал сидевший слева человек – сядь сюда.

Голос у него был ровный и спокойный и не похож он был на психа. Не то что этот в углу.

Сергей покорно присел к этой троице. Два из них были очень похожи, оба высокие с рыжеватой бородой, третий – седой старик напоминающий давешнего путника снова уронил голову на грудь и похоже задремал.

– Приезжий говоришь? -спросил крайний из рыжебородых, (видимо они были братьями) – откуда?

Серега наконец оторвал взгляд от змеиного чулка и немного воспрянул духом. Наконец то ему попались нормальные люди.

– Из Москвы. – сказал он.

– Ого! Аж из Москвы? Далеко же это отсюда, что привело тебя сюда, в нашу деревню?

– Командировка, с работы – соврал Сергей – я журналист и мне было задание прожить несколько недель в разрушенной деревне.

Я и спросить то хотел как тут можно найти какое ни будь

жилье? Я согласен на достаточно большую плату.

– Ого... – сказал молчавший до этого другой рыжебородый – вот так делааа.

Сергею это "делааа" не понравилось, как бут то человек на вулкан приехал селится, а не в обычное село.

– Так значит ты сюда к нам жить приехал – снова сказал первый – причем долго.

– Да это так... – Сказал Сергей – Я...

– Добро пожаловать в Черепихово! – провозгласил рыжебородый и улыбаясь протянул руку.

Сергей руку пожал.

– Я – Иван Щербинский, бывший зоотехник, а это – он показал на другого – мой брат Анатолий, тоже зоотехник, а это – старик на которого он указывал резко поднял голову и поморгал явно не врубаясь в происходящее. – Кузьмич, наш сторож овощехранилища... бывший.

Кузьмич что-то прошамкал и его снова сморил сон.

– А вон там сидят Саня Васильев, он сегодня не в себе, и Коля наш тракторист, ты его не буди – доверительно сказал рыжебородый Щербинский.

Сергей серьезно кивнул и бросил взгляд на тракториста Колю. Тот по-прежнему сладко спал и было похоже что никакая сила не сможет его разбудить раньше чем через два дня.

– Ну а тебя то как звать? – спросил один из братьев, который Иван.

– Сергей – Ответил Сергей. – Рад познакомится, но все-таки я хотел узнать, как насчет жилья?

– А никак – Ответил его собеседник. – По краям площади дома пустуют и жить тут в ближайший год не будут. Бери себе любой да живи на здоровье.

Видимо мысли о пустующих домах показались ему тягостными, потому что Щербинский снова опустил взгляд в кружку, на дне которой плескалось мутное зелье. Его брат поступил также.

Затем старший снова поднял взгляд и обернувшись посмотрел на шизика Саню. Тот надел только что сшитый носок на руку и любовался ей поворачивая руку из стороны в сторону. Змеиная кожа тускло поблескивала.

– Зря ты это сделал, парень – сказал наконец Щербинский оборачиваясь – в нехорошие времена ты сюда приехал.

– Чем же они так нехорошие?

– Плохие времена, плохие, тяжкие... Мужичка такого когда к нам приезжал видел? Маленький такой, в зипуне все ходит?

– Видел.

– Это Сенцов, наш бывший библиотекарь... Он тоже не в себе, но ты его не бойся. Как встретишь, просто скажи ему, что змей боишься и он тебя не тронет.

Над столиком повисло тяжелое молчание, позади в темном углу шизик Саня продолжал восторгаться своим змеиным чулком, да доносился храп тракториста неподалеку от

стойки.

– А еще у нас фельдшер есть – без всяко системы сказал вдруг старший Щербинский – Тимаго В.Р. Бывший ветеринар. Но теперь лечит людей. И еще старик один, Саврасов, но он отсюда ушел... Недавно.

Сергей не ответил, потому что в этот момент его внимание приковал новый предмет обстановки бара.

Здесь подле стойки, лежали ружья, пятеро ружей, аккумулятивно сложенные на полу, пятеро ружей по числу людей, как бут то без ружей они никуда не выходили. В основном это были классические двустволки, но попались и два современных помповых ружья.

За окном мягко шелестел дождь и капли воды подрагивали на оконном стекле.

– Так что же произошло в селе после бури? – спросил наконец Сергей.

Ответом ему было молчание, затем Иван Щербинский поднял голову и ни на кого не глядя вымолвил:

– Жизнь тяжела.

Кузьмич спал мертвым сном, а Щербинский второй тоже был близок к этому.

Вскоре вся компания мирно спала.

Сергей встал, от всех троих сидящих перед ним селян яро несло перегаром. Приезжий заглянул в кружку старшего Щербинского и квалифицировал находящееся в ней зелье, как ядреный деревенский самогон.

Вздохнув Серега обвел взглядом зал и повернулся к двери.

У самого выхода его догнал заплетающийся голос старшего Щербинского:

– Купи себе ружье, слышишь! Купи! – и снова настала тишина.

Сергей повернулся и толкнул дверь.

Приезжий вывалился за порог и тряхнул головой. Фу-у-у, единственные нормальные люди в поселке, упиваются как свиньи, и то явно для того, чтобы не сойти с ума, вслед за остальными.

Он просидел в баре около часа и получил достаточно исчерпывающую информацию о деревне.

Никто никому не нужен. Живи где хочешь и купи ружье. Нечего сказать, милое предостережение, особенно вкупе с убиваемыми змеями.

Да, змеями, вот и еще одна висит на покосившемся фонарном столбе возле бара. Не хватает лишь таблички на туловище – "шпион".

– "А я ведь всегда боялся змей", – подумал Сергей, – "Как же мне тут жить?"

Стоит ли клад таких страданий? Да, стоит, иначе зачем я сюда сунулся, клянусь, что когда найду этот клад, то уже никогда не сунусь в глубинку, всю жизнь в мегаполисах буду.

Холодный дождик сыпался за шиворот. Несмотря на то, что было лишь полседьмого вечера, уже темнело, или скорее

тучи так прочно загоразивали солнце, что его вечерний свет не пробивался через серую мглу. Позади, в баре, включили свет, зажгли что-то наподобие керосиновой лампы.

Похолодало еще сильнее, и Сергей, сев в машину, отправился на поиски дома. Дом он будет искать в пределах этой площади. Чтобы не углубляться далеко в развалины, в которых лежат так и не разобранные тела погибших жильцов.

Дом нашелся довольно быстро, моментом приковав внимание Сергея своим васильково синим цветом. Веселый такой домик, не слишком большой, на две-три комнаты, а на скате крыши вырезаны большие, мастерски сделанные совы.

А самое главное, что он совсем не давил на психику, как те черные дома на въезде в эту сумасшедшую деревню. Маленькая уютная избушка, и стекла все целы.

– "Вот здесь" – решил Сергей, – "тут я и поселюсь, только остается надеяться, что бывшие хозяева отсюда съехали, а не остались внутри.

Заходя в дом, Серега увидел, что часть крыши с Северной стороны провалена и из дыры торчат гнилые доски стропил. Внутри попал дождь, но больше одной комнаты он не залил, а приедем больше и не нужно.

В доме действительно оказалось всего три комнаты. Даже две жилые и маленькая кухонька с одним окном и бесполезной (к тому же совершенно древней) из-за отсутствия газа плитой. Одну комнату залил дождь, и Сергей ее закрыл, чтобы влага не пробралась в прихожую. Другая осталась сухой.

Комнаты были пусты. Как и хотелось, бывшие хозяева васьковского дома бросили после бури свое жилье и съехали, постаравшись забрать все более-менее ценное, они и забрали все, даже мебель, лишь осталась стоять возле окна старая железная койка, которую жильцы, видимо, не взяли из-за непригодности, тем более, что сетка в середине кровати заметно прогнулась. Пол был сделан из крашеных досок, потолок выбелен известью, а особый уют комнатухе придавали бревенчатые стены, покрытые олифой.

И – самая большая радость! В уголке стояла изрядно прожарившаяся, но вполне работоспособная печь-буржуйка, труба которой выведена через форточку в окно.

– "Тепло!" – подумалось Сереге с восторгом – "Сейчас будет тепло!"

Тем более, что поленницу дров он заприметил еще в прихожей и, судя по всему, дрова были не сырые.

На поленнице стояла древняя керосиновая лампа типа "Летучая мышь" – еще один приятный сюрприз.

– "Здесь все-таки можно жить" – подумалось Сереге с улыбкой.

Нащепав перочинным ножом лучины, он растопил печку и скоро сладостное тепло от разогревшейся буржуйки разошлось по крохотной комнатухе, изгоняя прочь промозглую липкую сырость. Сергей с удивлением увидел, как с его мокрой одежды поднимается пар. Сняв куртку и повесив ее на оконный шпингалет, горожанин быстренько выскочил

в дождливые сумерки и вытащил из машины свой походный рюкзак. Затем запер автомобиль. Не то чтобы он боялся здесь взлома, но так спокойнее.

В рюкзаке были самые необходимые для него вещи. В частности, там была ксерокопия пергамента с рукописью о кладе на древнеславянском, и ее машинописный перевод.

"И пройди пять аршинов из ризницы, повернись налево на три вершка, там буде дверь невидная, в остроги ведущая, а острогах пять вершков отмерь от двери а потом еще три налево. Там и копай".

Этим прозаичным "там и копай" кончалась рукопись неизвестного монаха, спрятавшего там на удивление огромный клад, по большей части состоящий из драгоценных камней потрясающей величины.

Тут же находился рисованный план Черепиховского собора с указаниями движения. Это была заслуга историка Леонида, который специально для этого ездил в село на осмотр.

План Сергей знал наизусть и поэтому сейчас отложил его в сторону.

С тихим стоном приезжий завалился на ржавую койку, сетка которой жалобно заскрежетала.

Теперь отдохнуть. Наконец-то тепло, наконец-то нет изматывающей дорожной тряски, и можно лежать вот так – отдыхая и не двигаясь. Крупные ячейки сетки впивались через одежду в тело. Но это можно было терпеть, ради спокойного отдыха.

Минутой раньше Сергей запалил лампу и теперь мягкий свет, сплетающийся с оранжевыми бликами из печурки, заполнял комнату.

За окном совсем стемнело, и даже дождь престал нагонять тоску, теперь он успокаивающее шуршал за окном.

Серега глянул на часы, было половина десятого, так незаметно пролетело время за поиском дома, видать – искал его не меньше часа, а ведь показалось – так быстро.

После тяжелого дня тянуло в сон, но горожанин хотел сегодня прочесть еще кое-что, и подумать, наконец, о том, что происходит в разрушенном селе, ранее носившем название Черепихово.

В рюкзаке была еще толстая папка с неброской надписью карандашом: "История села Черепихово."

Здесь, в этой папке, были собраны все известные факты об этом селе, кропотливо выкопанные из многочисленных архивов.

Фонарь бросал мягкие тени на бревна, а печурка потрескивала, разгоняя вокруг тепло. Сергей принялся пролистывать папку.

Да, четырнадцатый век, – приходят русские и гонят все финно-угорские племена прочь. Потом основывают село, прямо на пепелище старого разрушенного племенного. Странная манера, строить поселок там, где перебито столько народа (а в том, что народа перебили много, горожанин не сомневался – ведь сухое слово "вытеснили" на самом деле

означает, что порезали всех подряд, а кто остался жив, бежал.)

До того, как русские пришли сюда с мечом, село уже было. Называлось оно, как известно, Черепа и заселялось язычниками. По проведенным в 1978 году раскопками смогли даже восстановить его строение – чем-то похоже на уменьшенную Москву: радиально разбегающиеся от центра улочки и кольцо снаружи.

А в центре – языческое капище.

Кстати, теперь именно на этом месте и стоит Черепиховский собор, а до этого стояла церковь Спаса на Крови. Тоже не новость, так как ставить церкви для очищения языческих святынь тоже было повсеместной практикой.

У язычников в Черепах была довольно сложная система богов, но известно, что главенствующим богом был Скользящий бог – именно так переводится его имя с языка тех племен. Ему и было посвящено то капище, кстати, полностью разрушенное при постройке церкви, хотя в веках потом ходили слухи, что один из камней капища замурован в стенах построенной церкви. Так ли это, неизвестно до сих пор, и погребено в веках.

Листались страницы, и в дальнейшем было видно, как село из маленькой деревушке, постепенно растет и расширяется, как становится большим и богатым. Оно стояло на берегу Волги, в то время бывшей одной из самых больших торговых путей, и потому основной поток груза проходил через

селение.

В общем, ничего особенного, обычная история богатого села.

К середине пятнадцатого века Сергей наткнулся на интересный документ. Маленький такой, он рассказывал о появлении оборотня в селе. Оборотень был даже не волком, а вообще, непонятно каким монстром, судя по описанию. Чудовище лютовало зиму с 1492-93 годов, а весной было изловлено в волчью яму и выяснилось, что это звонарь в церкви Спаса на Крови.

Документ сообщал, что в момент поимки оборотень обратился в человека, но ничего не понимал, не отвечал на вопросы и вообще был не в себе.

Бормотал он лишь о подвалах Черепиховской церкви и о том, что скрыто там зло большое. Сильно каялся, но по законам того времени был разорван надвое согнутыми деревьями весной 1493.

Интересная заметка, и напрямую касается церкви.

Листаем дальше. Снова ничего интересного, село потихоньку развивается, и в конце концов достигает размеров села нынешнего, богатые дома в центре, бедные по окраинам, кстати – похоже, что некоторые из этих домов до сих пор тут и стоят.

Ага, вот снова интересное. В 1598 голу разразилась страшнейшая буря, по мощности своей вполне напоминающая нынешнюю. Церковь Спаса на Крови была разрушена

почти до основания. Что же мы видим после бури?

Почти треть селян переселяется по окружным деревням, короче, бегут прочь из Черепихова. Те, что остаются, начинают клясться, что видели всякую чертовщину.

"И настолько разум их был помутневшим что клялись они в том, что видели нелюдя поганого, что по прудам шастает, а еще клялись, что народ их пропадает".

Да, довольно-таки похоже на сегодняшнюю ситуацию, только люди не исчезают. Или исчезают? Надо завтра расспросить Щербинских, они, похоже, много знают.

Ого! Вот и еще одна приписка на шестнадцатый век, черным по белому – "В 8498(1598 п.н.с.) году наблюдались в селении и окрестных деревнях много змей поганых".

Змеи, в том далеком времени, после бури, тоже были змеи, и змеи теперь. Но ведь прошло столько времени! Да и как могло быть это взаимосвязано?

Огонь в печке уютно потрескивал, и думать о прошедшем не хотелось. Трудная дорога и переживания на входе в село сильно измотали Сергея, и он, отбросив папку с историей поселения, начал засыпать. Фонарь бросал блики, а за окном шуршал дождь, и скоро горожанин спал, там и не обдумав вычитанное, а если бы потрудился, то нашел бы для себя гораздо больших совпадений, помимо бури и змей.

Угли в печке медленно остывали.

2.

В то же самое время, когда городской охотник за кладами мирно засыпал на продавленной койке, убаюканный теплом и покоем тракторист Коля очнулся от своего продолжительного забытья. Перед глазами он видел шероховатую поверхность стола, на котором бессильно лежала его голова.

В самой голове плавал туман и бессвязные отрывки воспоминаний о грандиозной попойке с местным фельдшером, бывшим ветеринаром, потом он помнил, как его кто-то настойчиво будил, но не помнил кто, а затем вот это пробуждение.

Тракторист с трудом оторвал голову от грязной столешницы и мутно взглянул в глубину бара. Это движение вызвало резкую боль в голове и черные точки перед глазами.

Он увидел, что в баре было пусто, а на дворе была ночь. Он помнил, что за столом возле окна сначала сидели братья Щербинские и Кузьмич, а затем к ним присоединился еще кто-то, незнакомый, в дорогой джинсовой куртке.

Впрочем, видения и реальность так перемешались в голове бывшего первого на селе тракториста, что он уже не мог сказать наверняка, что было, а что нет.

Пили все, кто остался в селе. Иначе можно было сойти с ума, не выдержав повторяющихся кошмаров. Алкоголь дарил забытие и заставлял относиться отвлеченно к окружаю-

щим опасностям, давал наконец возможность выспаться.

За это селяне расплачивались головной болью и пониманием, что они снова находятся в мире, где каждый миг подвержен опасностям.

Что за проклятие пало на село после бури? Он не знал.

Тракторист тяжело поднялся из-за стола, качнулся, но удержал равновесие и огляделся в поисках ружья. Оно лежало тут, у стойки, как обычно. Старая Ижевская двустволка двенадцатого калибра, вполне может завалить и лося и зубра, а еще можно из нее стрелять по своим страхам. Все селяне ходили с ружьями, и не напрасно.

Да, нехорошо на этот раз получилось, слишком долго он засиделся в баре, никогда со времени бури не засиживался он до темноты, потому как знал – зло всегда приходит в темноте.

Все ушли, и теперь ему придется добираться до дома одному. И это было особенно плохо, потому что путь к его дому пролегал мимо Черепиховских прудов, на которые не один нормальный, из оставшихся в живых, селянин не рискнет сунуться после наступления темноты. Он бы давно переехал бы в любой другой из свободных домов и не ездил бы мимо прудов, но его старый дом был достоянием семьи и был построен еще его дедом, так что бросать дом не хотелось, и приходилось с замиранием сердца каждый раз ездить мимо прудов.

Коля покачал гудевшей головой и, подняв ружье за ство-

лы, вышел из бара.

Темнота тут же навалилась на него со всех сторон, и испуганный селянин вскинул ружье. После того, как выключилось электричество, окрестности погрузились в глубокую тьму. Каждую ночь нагоняющую на жителей страх. Но сейчас было тихо, лишь холодный дождь падал сверху, освежая затуманенную голову.

Тракторист прошелся в темноте несколько метров, держась за стену бара, и нащупал железные выступы своего трактора Беларусь, которого давеча поставил в стороне от дороги, на нем Коля и ездил.

Тихо ругаясь под нос, селянин, дважды поскользнувшись на подножке, забрался внутрь машины и завел двигатель. Неуклюжая машина двинулась в ночь, слабенькие фары с трудом освещали метра три впереди.

Трактор двигался с неторопливой скоростью двенадцати километров в час, и вскоре он уже ехал по раскисшей проселочной дороге, ведущей к прудам.

Так как была непроглядная тьма, то ни прудов, ни темного леса за ним не было видно, но тракторист, как всегда, взмок, проезжая мимо них. Он чувствовал, что за этой пеленой дождя они скрываются, эти крупные водоемы, наполненные черной стоящей водой, водой, которая заманит тебя, а затем закроется над твоей головой, увлекая тебя в черную глубину. Плохая ночь и место плохое. Тракторист подвинул поближе ружье, все же приятно чувствовать под боком ору-

жие.

И тут слева во мраке прудов вспыхнул маленький синеватый огонек.

Ничто не могло сильнее напугать тракториста Колю, как этот маленький огонек, горевший там, где никаких огоньков не должно быть, на берегу черного маслянистого пруда. Но он горел, горел сизым неживым светом, как горели когда-то ртутные лампы, не разгоняя своим светом тьму, а лишь углубляя ее, делая непроглядней.

Неожиданно он заметил, что уже какое-то время его трактор стоит не двигаясь. Более того, мотор машины потихоньку остывал, а свет фар слабел и слабел.

Тракторист смотрел на огонек, да свет был неживой, неприятный, он был похож на взгляд змеи, он притягивал и манил, он заставлял идти к нему.

Не сознавая, что он делает Николай открыл дверцу трактора и, оставив ружье, вышел в окружавшую липкую тьму. Порыв ветра кинул ему в лицо россыпь холодных брызг, и вот уже раскисшая глина чавкает под ногами. А он идет. Удаляясь от ружья и безопасной кабины трактора.

"Остановись!!!" – крикнул он про себя, осознав, что идет к черным глубоким прудам с лесом вокруг, глубокой ночью. Идет сквозь тьму, туда, где еще темнее.

Но он все равно шел к огоньку. Он пытался остановиться, но ноги не слушались его, они несли Николая прямо в сердце ужаса.

Вот он дошел и до прудов. Огонек погас, но из темных глубин прудов хлынул поток зеленоватого мерцающего света, который, казалось, оттенял их бездонность и холодный мрак.

Свет этот осветил большой пологий валун, лежавший здесь с незапамятных времен. Когда-то, когда на прудах еще не было так страшно, с него очень любили нырять местные пловцы, потому как сразу под камнем начинается четырехметровый омут, позволяющий выделять потрясающие прыжки и при этом не биться об дно.

На валуне, с которого оттолкнулось столько ног, стояла древняя подставка для свечей, какие используются в церкви, а на подставе старый, разъеденный эрозией камень неопределенного цвета. Камень был с кирпич размером, округлой формы и очень шероховатой поверхностью, а на нем были глубоко высечены странные символы, каких трактористу до сих пор видеть не приходилось.

Зеленоватый глубинный свет освещал их и они, казалось, были полны какого-то жуткого смысла.

И тут Николай ощутил чье-то присутствие, скорее даже не присутствие, а его тень, как будто что-то было вложено в камень, а теперь выходило оттуда, чтобы увидеть человека.

– "Подойди!" – сформировалась в воздухе мысль, и селянин ощутил, что ноги снова подчиняются его воле.

Тракторист сделал шаг к камню и услышал тихий свист, доносящийся до него со всех сторон.

И тут же понял, что его издавало. Вокруг замершего от ужаса человека ползли змеи, гадюки, не меньше двух десятков, они образовали своими длинным телами круг, диаметров около двух метров, в центре которого и стоял селянин, змеи притирались так близко друг к другу, что обод образованного ими колеса казался почти цельным.

– Вайна! Аоно! Тан!!! – прогрохотал рядом с ним голос, идущий одновременно из черных глубин пруда, и из шероховатой глубины камня.

– Вайна. Аоно. Тан... – безвольно повторил Николай и тут понял весь жуткий смысл, заключенный в этих словах.

– НЕЕТ!!! – заорал он и рванулся прочь от прудов, но змеи сомкнули круг и оплели ноги бежавшего тракториста.

Более двадцати змей повисли на нем, не кусая, и опрокинули Николая в жидкую тину.

– Нет! – плакал он – Не надо...

Все больше змей сползалось со всех сторон, они захлестывали его, затапливали, скрывали с головой.

Некоторое время на месте упавшего человека шевелилась черная блестящая масса. Затем змеи расползлись.

На земле никого не было. Маленькая серая гадюка сползла с середины круга, некоторое время смотрела на камень, затем скользнула в сырую траву.

Змеи расползлись, скользкая призрачная тень, реявшая неподалеку, исчезла, исчез и зеленоватый свет из глубины пруда, уступив место наползающему туману. Круг окутала

тьма.

Обряд на Темных прудах был закончен.

3.

В 10 часов утра Сергей проснулся. Из маленького полу-слепого окошка падали косые лучи летнего солнца, печка прогорела, потухла, и теперь была холодна. Но она была уже и не нужна, потому как от вчерашней мороси не осталось и следа.

В этом Сергей убедился выглянув наружу, на маленькую площаденку. Температура прогрелась градусов до двадцати, а сверху на разоренное село смотрело ослепительно и глубоко синее июльское небо. Некоторое время Серега, жмурясь, смотрел на слепящее солнце, затем снова окинул взглядом деревню.

Неизвестно, что произошло, была ли погода виновата, или трудная дорога, но село больше не выглядело зловещим. Яркое солнце играло на уцелевших стеклах в окнах Черепиховских домов и на облупившейся позолоте собора, под которым и лежал в данный момент клад. Солнце отражалось и в каплях падающих с медленно высыхающих крыш, и в лужах, где возились голуби.

Голуби были здесь, несмотря на обилие змей и кривотолков, а значит, и Сергей сможет тут прожить необходимое время. Тем более, что спалось этой ночью превосходно, без дурных сновидений. За ночь, накопленное днем полегчало, обдумалось, и уже больше не казалось таким страшным и

противоестественным. Не испортил утреннего настроения и труп очередной змеи, висящий на края крыши соседнего дома.

На сегодняшний день был намечен план посещения Черепиховского собора, возможно, что и место клада будет сегодня отмечено. Поначалу Сергей хотел действовать по ночам, но вчерашний день показал, что жители домов, похоже, не выходят из своих убежищ, кроме как в бар, а значит своими походами к собору приезжий не привлечет никакого внимания.

Он поднялся (тут его хорошее настроение дало легкую трещину, потому как крупноячеистая сеть крепко вдавилась в тело, да и вообще, прелести сна в постели, без матраса, были весьма сомнительными) и некоторое время разгибал занемевшую спину, а затем позавтракал своим походно-тушеночным рационом, не разогревая. Жуткая вообще вещь, но с утра пойдет, так как магазинов в селе больше нет, придется обходиться этим. Хотя можно зайти в бар и посмотреть, что там у них есть съестного.

В собор Серега собирался отправиться ближе к часу дня, а сегодня с утра ему хотелось лишь одного – выбраться на природу и отдохнуть наконец от постоянной отупляющей езды.

Его Форд тихо дремал в тени от дома.

Возле колеса сидела змея.

Сергей встал как вкопанный. Змея сидела около колеса и не думала ускользать. Как и те другие, встреченные ранее,

она просто сидела и смотрела на человека.

Во взгляде змеи была боль. Это чувствовалось ясно и сразу. Змея пришла сюда, стосковавшись по людям, она не хотела возвращаться обратно в сырой темный лес, к переплетениям корней, вонзающихся в тело без ног.

– Стой, – тихо сказал Сергей, делая шаг к змее, – подожди, не уползай, – он не отдавал отчета в том, что говорит с пресмыкающимся.

Но в этой змее было слишком много человеческого, как и во всех предыдущих. Приезжий еще на шаг подошел к змее и между ними оставалось метра два, змея вздрогнула, но положения не изменила.

– Ты человек, – уверенно сказал Серега – ранее ты был человеком, если это так, кивни головой, я знаю, змеи это могут.

Змея мучительно затряслась, пару раз свернулась в кольцо, затем стремительно скользнула между колесами Форда и исчезла. Сергей разочарованно выпрямился, в последний момент он почему – то надеялся, что змея все-таки кивнет.

– "Почему ты ожидал этого?" – спросил он себя, – "неужели ты даже на минуту мог допустить, что видел змею, бывшую ранее человеком?"

Нет разумных змей в Черепихове, есть лишь кучка ополумевших селян и клад под собором.

Прихватив свой дорожный рюкзак, Серега сел в машину и некоторое время заводил остывший двигатель, затем движок завелся, и автомобиль горожанина двинулся вверх по холму

туда, где на обрывистом берегу не было домов, а был раскинут маленький деревенский парк. Солнце ласково светило с небес, а синее небо было безоблачным. Такая превосходная погода после вчерашней ледяной мороси казалась просто раем, тем более, что и во второй половине дня дождя, похоже, не будет. Пробираясь по разваленным кварталам, Сергей увидел впереди троицу серых ободранных собак, пытающихся допрыгнуть до висящего на столбе трупа козы. У козы была уже оторвана одна нога, и, похоже, что и вторая скоро окажется внизу, в собачьей пасти.

В общем-то, это было довольно тривиальное явление, но подъехав поближе, Сергей узрел, что было неправильно в этой стае.

Псы были ободраны и неопределенной породы, но только двое, средним в этой троице был волк. Да, натуральный волк, что угадывалось по серой шерсти и характерно висящему поленом хвосту. Он не рычал на собак, а, наоборот, все трое весьма мирно пытались добраться до козы. Когда Сергей проезжал мимо, то пугнул их гудком, и троица бросилась от козы в разные стороны. Когда мимо промчался волк, можно было посмотреть, что он достаточно холеный, словно имел круглосуточное питание.

– "Волки" – подумал приезжий – "Стоит людям ненадолго исчезнуть из области, как появляются волки".

Труп козы болтался на бывшем фонарном столбе, отражаясь на фоне синего неба в луже внизу. Какую рану этой зем-

ле нанесла буря? Как мощна все-таки стихия, и как бессилён перед ней человек.

Он наконец добрался до парка и тормознул автомобиль, здесь он собирался провести первую половину дня. Маленькая рощица тонких берёзок и синева Волги за ними.

Выбрав более ли менее сухое место неподалеку от края обрыва, Сергей уселся, задумчиво глядя в даль. Этот высокий правый берег Волги поднимался над водой на тридцать метров и давал прекрасный обзор на реку и на пологий левый берег.

Вот и сейчас на том берегу можно было видеть утопающие в яркой зелени домишки и купола местной церквушки. Там, на том берегу была деревня Карявкино, и пострадала она гораздо меньше Черепихова. И там было спокойно. Сергей мог видеть копошащихся деревенских, рыбака невдалеке от берега, видел, как взмахивают топорами, восстанавливая дом. Там было спокойно, а Черепихово загнивало.

Такие мысли пришли ему в голову, но они были совершенно неуместными среди этого июльского сверкающего дня, и он отбросил их прочь. Теплое солнышко пригревало сверху, и приезжий, довольно развалившись на высохшей траве, смотрел на реку.

Волга была ярко-синего цвета, как и небо, а посередине реки солнце отражалось на мелкой ряби ослепительным золотом. Блики играли, переливались, и глаза начинали болеть, когда долго смотришь на это чудо природы.

Раздался гудок, еще один. По реке шел теплоход. Белоснежный трехпалубный теплоход, направляющийся в Углич или еще куда, казавшийся сверху маленьким и напоминающий белую же речную чайку. Вид был потрясающий, и Сергей впервые порадовался тому, что выбрался-таки на природу из этой душной и пыльной летом Москвы. Вот где настоящая средняя полоса, самый расцвет среднерусской природы.

С Карявкино раздался одинокий удар колокола, затем еще один. Полдень. Наверху в восходящих потоках ветра зависла чайка, а еще выше проносились стрелами ласточки, не предвещающая дождя. Теплоход погудел снова, ему еще идти и идти вверх по огромной реке, он посетит много городов, сменит несколько рек и, возможно, окажется в конце концов на Ладожском озере или в Финском заливе.

Но у Сергея есть дело – ему надо выкопать клад и попутно разобраться в том, что здесь все-таки происходит.

Теплоход уходил, его белые очертания скрывались вдалеке, пусть ему повезет больше, чем тому, что потонул неподалеку во время бури.

Сергей поднялся, пора было идти в собор. Сложил рюкзак и погнал машину вниз по склону. Мимо висящей козы и разрушенных домов на площадь, где и поныне стоял собор.

Несмотря на претенциозное название, собор представлял собой не слишком большую церковь и вмещал в себя лишь две комнаты. Внутри был зал, уходящий ввысь к куполам, и дверь, ведущая в подвалы.

Все это приезжий знал из плана, но сейчас чувствовал себя неуютно, подъезжая к собору и зная, что придется лезть в темное подземелье.

Дверь собора была открыта с того самого дня, как некто Ерепеньев, позже давший показания, прятался здесь от надвигающейся стихии. Дверь висела на одной петле и тихо колыхалась от ветра.

Сергей оглянулся, прежде чем зайти внутрь. Через площадь был виден давешний свихнувшийся библиотекарь, сидящий на крыльце своего дома с ружьем на коленях и смотрящий в небо.

Сделав шаг, приезжий переступил порог собора и оказался внутри в предбаннике, с двумя узкими деревянными скамьями и истертым ковром на полу. Осколки выбитых стекол лежали на вытертом полу. Потолок пересекала длинная змеящаяся трещина. Пол был осыпан отпавшей штукатуркой. Чуть дальше виднелся вход в основной зал. Горожанин прошел туда и мельком окинул взглядом иконостас, оставшийся целым, пнул лежащий на полу гнилые деревянные, свалившиеся с потолка, и прошел к неприметной подвальной двери сбоку. В соборе было тихо и абсолютно спокойно, а из подвальной двери пахло холодом и легкой затхлостью.

Вниз спускались вырубленные каменные ступеньки с чуть закругленными краями, истертые ногами множества здесь прошедших. А внизу была полная тьма. Это давило. Солнечное просторное помещение собора давало яркий контраст

темноте подземелья. И еще из глубины доносился легкий сладковатый запах, природы которого Сергей не смог определить.

Человек знающий, пожалуй, сказал бы, что довольно явно пахнет мускусом, но Серега знать этого не мог.

Приезжий запах едва заметил и знал только одно – в подвал лезть не хотелось. Особенно после всего происшедшего в Черепихово.

Он достал из походного рюкзака план и мощный аккумуляторный фонарь, стоявший больших денег, и бросил взгляд вверх к куполам, где солнца было больше всего. В семидесятих, когда здесь находился склад, в этом помещении проводили репетицию одного латиноамериканского не слишком пристойного спектакля. День был ясный, но очевидцы говорят, что принесло одно единственное облачко, из которого в основной правый купол ударила молния. Народ убоился и спектакль был прекращен. Правда или нет, но пятно от разряда ясно виднеется с внутренней стороны купола. Сергей шагнул в темноту, впрочем, сразу же разогнанную фонарем. Потолок украшали стоваттные лампы, и если бы в Черепихове осталось электричество, проводить изыскания было бы гораздо легче. Ну, а так приходилось освещать фонарем.

Ступенчатый спуск был не долог, как не глубоки были подвалы Черепиховского собора. Он заканчивался маленькой площадкой с грубой железной дверью – остатком еще складского быта. На двери табличка "Посторонним вход вос-

прещен", только вот уже не понять, где в селе свой, где посторонний. Здесь, за этой дверью, и размещались ранее складские помещения. Было холодно и сквозило из всех щелей.

Ключи торчали в двери, но она и не была заперта, и открылась от первого же рывка. Луч света, торопливо направленный в открывшееся пространство, высветил низкий свод и утоптаный земляной пол. Не слишком большая комната, метров десять в длину и столько же в ширину, и еще непонятная дыра в углу.

Хлопающий звук родился позади, и безумно заметался по тоннелю, долетая то справа, то слева. Сергей с ужасом развернулся выхватывая лучом каменную поверхность, затем торопливо махнул фонарем в сторону подземелья, чтобы не оставлять темноту за спиной, а затем повернулся и кинулся вон из подвала.

Взлетел по лестнице и выскочив в основной зал, остановился, тяжело дыша. Хлопающий звук повторился, но теперь, когда приезжего не окружала темень подвала, причина его становилась ясна.

Голуби. Голуби поселились под самыми куполами после бури. Они свили там гнездо и теперь, потревоженные шагами пришельца, вились в высоте над головой Сергея. Крылья хлопали и гулкое эхо разносило его отовсюду.

Нет, не эхо испугало приезжего, скорей вся обстановка заброшенного подвала, куда приходится спускаться одному, без людей. Эх, почему с ним нет историка? Вдвоем все стало

бы легче.

– "А у меня нет даже оружия" – подумалось Сергею.

Впрочем, чем поможет оружие против теней прошлого? Против однородной тьмы вокруг...

– Я становлюсь похожим на селян – сказал Сергей себе – прошли сутки, и я понимаю, почему они ходят с ружьями.

Из оружия у него был лишь походный ножик-финка. Но доставать его сейчас было просто глупо.

Он снова посветил в глубину подвала. Там было тихо и пусто. Приезжий вновь спустился по лестнице, стараясь не обращать внимание на пляшущие тени по углам, и подошел к полуоткрытой двери. Верхнюю дверь он оставил на этот раз открытой, и теперь серый свет легонько проникал вниз. А вперед можно было светить фонарем. Так стало легче, и теперь Сергей, не колеблясь, шагнул в подвал, на ходу сверяясь с картой. Дверь заменили, но считать вершки от древнего дверного проема было возможно.

Но считать он пока не стал, а направился в угол земляного подвала, где в первый раз видел дыру.

Дыра оказалась на месте, это была широкая полутораметровая яма, уходящая в глубину. Сереге сразу пришла в голову мысль, что кто-то до него успел прийти сюда и выкопать клад. Он лихорадочно сверился с картой и глянул вокруг. Нет, если мерить вершки, то клад лежит совсем в другой стороне, а точнее, в противоположном углу. Что ж, все-таки легче.

– А что же в этой? – спросил себя вслух Серега и посветил в дыру.

Довольно широкий земляной ход идет под уклоном в глубину. Прорыт, похоже, давно, но ранее был чем-то закрыт.

– "Может, еще подвал" – подумалось горожанину, – "А почему нет ступенек?"

К слову сказать, мерзкий мускусный запах здесь ощущался сильнее всего. Вообще ход не выглядел очень уж зловещим, по крайней мере не более мрачным, чем подвал.

– "Слазить, что ли?" – спросил себя Сергей.

Но зачем туда лезть? Лезть в катакомбы, мало ли что может таиться в глубине. Но почему-то ему казалось, что эта дыра как-то соотносится со всем, происходящим в Черепихове.

– "Вот так" – сказал он про себя, прыгая вниз на сухой почвенный пол – "Кучка спивающихся трусливых селян, и всего один единственный человек, который хочет во всем разобраться".

На глубине полутора метров начинался туннель, и вел он вниз. На всякий случай Сергей все-таки вынул финку, пригодится. В конце концов он наслушался много историй о происходящем в московском подземелье. Почему бы и здесь не быть чему-нибудь подобному?

Свет фонаря высвечивал скручивающийся вниз туннель. Проход был не слишком длинен, но крут, и временами земля под ногами осыпалась. В проходе было пусто и достаточно

сухо, даже вода не падала сверху.

Туннель завершился в маленькой комнате, облицованной диким камнем со следами грубого теса. Пол был покрыт такими же плитами.

Келья. Крохотная келья под землей. В чем было ее предназначение? Быть может, здесь составлялась летопись о Черепихове? А может, это была тайная сокровищница? Да нет, зачем тогда было зарывать клад в подвале. Странная комната. Может, каземат какой или склеп...

Сергей осветил фонарем стены и глянул в карту. Разумеется, ни тайной комнаты, ни прохода там не было.

Зато повторное освещение фонарем показало кое-что интересное. В одной из стен, строго посередине, была выемка. Неровной формы, достаточно глубокая, с застывшим раствором по краям. Непохоже, что отсюда просто выпал кирпич, скорее, что-то тут было замуровано довольно долгое время, вон раствор какой старый. В глубине выемки застыли капли зеленоватой слизи. Да и слизь дурно пахнет.

Сергей вздохнул – здесь было пусто. Если тут что и хранили, то очень давно.

Он не хотел больше задерживаться здесь и, последний раз осветив фонарем комнату, направился к дыре наверх. Выбравшись, он пометил кирпичом место, где, предположительно лежит клад. Ну вот и все на сегодня. Завтра можно достать лопату и начать выкапывать, а затем, наконец, свалить из этой проклятущей деревни.

Он выбрался и из подвала, благодатно вдохнув свежий воздух. Несмотря на пыль, он был гораздо лучше, чем затхлый смрад подвала.

– "Ну вот, теперь можно и отдохнуть".

Все-таки было страшно лезть в глубину. Сергей решил направиться в бар и порасспросить там местных жителей о селе. Быть может, они сегодня будут поразговорчивее.

Он сложил все свое снаряжение и бодро направился к автомобилю. На небе по-прежнему ни облачка, а температура грозила подползти к двадцати пяти. Серега решил, что если такая погода продлится дольше, то завтра можно и искупаться в Волге. Хорошая награда за перенесенную слякоть.

Машина стронулась, и колеса понесли ее к невзрачному и ободранному "Левому берегу", окна которого сегодня были темны, но зато горела блеклая лампочка у входа.

Тормознув Форд у дверей (на краю крыши висела змея. Он мог поклясться, что вчера ее не было), он снова толкнул дверь и вошел.

Бар был полон. Похоже, сегодня здесь собралось все умеющее ходить население Черепихово. Почти все столы были заняты, а под стойкой навалена гора ружей. Поискав знакомые лица, Серега отыскал Щербинского, который сидел на своем месте у окна один, и Саню в темном углу (змеиный чулок одет на руке). Тракториста Коли, что так хорошо спал вчера у стойки, нигде не видно.

Сергей направился к бывшему зоотехнику и уселся на

ближний к окну стул. Из окна сюда падал ласковый солнечный луч.

– А! Приезжий явился! – поприветствовал селянин – нашел себе жилье?

– Нашел, – сказал Сергей, – синенький такой домик со словами на крыше.

– Синенький? Так это же бывший дом семьи Саврасовых, они после бури как раз уезжать собирались. Погрузили скарб весь свой на грузовик и уехали из села. Но дождь ведь был, глина мокрая, скользко, а они гнали как проклятые, подальше от села, ну и на выезде из Черепихово, колесо скользнуло, машину повело и они со всем добром прокатились вниз по холму. Теперь все в Волге – матушке. Так-то.

– "Милое открытие", – подумал Сергей, – "Ничего не скажешь".

– Вот так-то, – продолжал изливаться сельский, сегодня он, похоже, был не прочь поговорить, – кто бежит из родного села, тот так или иначе оказывается в реке. Кстати! Если ты собирался сегодня купаться, повремени. Выше Черепихова во время бури кладбище смыло, так что все, кто там был, по реке поплыли. Основная масса-то посередине прошла, но отдельные могли в заводях запутаться.

Сергей похолодел, купание придется отменить, похоже, Щербинский сегодня выдает только плохие новости.

– Да я вот зашел спросить, – сказал Серега, – у вас есть где – ни будь лопата или заступ? А еще я хотел бы найти матрас.

В доме его не оказалось.

– Пройди по домам. Большинство из них пусты. Но в них есть все, что тебе нужно, еще у нас был магазин, но его давно разграбили. А вот в домах все так и лежит нетронутым.

– "Ага", – подумал приезжий, – "Потому как там все еще лежат неубранные жильцы. Что же происходит в вашей деревне?"

Мерно гудящие голоса в дальней половине бара неожиданно поднялись выше и сменились криками. Головы всех сидящих тут же повернулись в ту сторону. Глянул и Сергей.

Группа селян вскочила со своих стульев и оторопело смотрела на пол. Сергей был уверен, что всего минуту назад за столом с этими сельскими сидел еще один. Здоровый мужик в драном треухе. Теперь его не было, зато, от стола со всей возможной скоростью отползала змея. Народ в страхе шарахался с пути ползущего пресмыкающегося, затем кто-то кинулся к стойке с ружьями, схватил массивный дробовик и крикнул:

– В стороны, стреляю! – и, не посмотрев, убрался ли кто с траектории выстрела, нажал на спуск.

Выстрел прозвучал оглушительно, тем более, что палил селянин дуплетом и из тяжелого калибра. Дрогнули стекла. Люди в баре зажали уши ладонями.

А змею разорвало. Ошметки змеи расшвыряло вокруг, а ее голова с застывшим непроницаемым выражением в глазах, приземлилась совсем рядом со столом. В воздухе плавал

едкий, сизоватый дым от выстрела.

– "Человек-змея. Человек-змея", – подумалось Сергею, – "Человек в Змею?".

Народ потихоньку стал успокаиваться и рассаживаться по столам. Кто-то пинком вышвырнул остатки змеи за дверь. Зоотехник сидел с каменным лицом, уставившись в окно поверх Серегоного плеча. Приезжий тоже молчал, наблюдая за красочной росписью кровавых брызг на стене, а затем спросил в лоб:

– Почему ваши селяне так ненавидят змей?

– Когда-нибудь я тебе расскажу об этом, – невозмутимо сказал Щербинский, – но не любить этих скользящих гадов мы имеем полное право. Да ты и сам скоро поймешь... – добавил он и снова уставился в окно, откуда падали прямые лучи жаркого дневного солнца.

Хотя нет, уже вечернего, вечер подходит за всей этой дневной суетой. Люди вокруг по-прежнему спокойно сидели и разговаривали, словно и не было выстрела, только дымок плавающий в солнечных лучах, напоминал о случившемся. Да россыпь дырок в полу.

– "Безумная деревня, безумные селяне, свихнутые змеи, висящие на столбах коровы, мне пора уезжать отсюда, пока я сам совершенно не свихнулся со всем этим. Завтра выкопаю клад и вернусь домой".

Что-то мокрое и холодное с размаху ткнулось в безвольно висящую Серегину руку. Приезжий отдернул руку и кинул

взгляд вниз.

Собака. Большая собака. Породы терьер с золотистыми завитками шерсти на груди и коротким, как у всех терьеров, рубленным хвостом. Уши висели тряпочками, а глаза карего оттенка светились радостью ко всему на свете. Хвост безостановочно вилял, а само существо в собачьей улыбке скалило нелепую бородатую морду. Псина была явно неспособна покусать хоть кого-либо.

– Привет! – сказал Серега псу, по крайней мере эта собака выглядела совершенно нормальной, чего теперь сильно недоставало приезжому.

Хвост завилял еще быстрее.

– Ну, Венди, не приставай к людям. – Послышался голос из глубины зала – Иди ко мне! Иди!

Псина кинула еще один взгляд на Сергея и кинулась обратно, к зовущему ее человеку.

Ее хозяин был явно не местный, и вида был вполне городского, тем более, что и одежда ничуть не напоминала потертые ватники селян. Жиденькая бороденка и очки, явно откуда-то из науки или писатель и, похоже, приехал совсем недавно. Сидел и глазел по сторонам, видимо, находя ситуацию в селе такой же странной, как и Сергей.

Щербинский неожиданно толкнул горожанина локтем:

– Видишь вон того типа? – спросил он, – сегодня с утра приехал, говорит, журналист, как и ты, пишет что-то о буре. Что-то много вас в последнее время понаехало.

– "Журналист", – подумал Серега, – "А если как я, липовый, может, тоже клад ищет, прознал как-то".

– "Хотя вряд ли, рукопись была не слишком известная, в общем то про нее и не должен никто знать. Наверное, и правда журналист, вон и собаку привез. Собака хорошая, но дурная, ко всем, небось, лижется, знаю я такой тип".

Псина опять куда-то помчалась. Хозяин позвал ее, и та появилась из темного угла, аккуратно переступая через наваленные ружья.

– Фамилии его не помню, то ли Липкин, то ли Лапник, идиотская достаточно, – неожиданно добавил Щербинский, – и собаку притащил, с собакой тут вообще не место. Сам видишь, змей полно, людей мало, жизнь тяжела".

– "Завтра" – решил Сергей про себя, – "Завтра все выкопаю и уеду отсюда, а то еще этот попробует – пора бросать этот дурдом".

– Ну ладно, – сказал Сергей, поднимаясь, – Пойду я, мне еще матрас надо отыскать, уж темнеть скоро начнет.

Щербинский его не слышал. Он спал, уронив голову на стол.

Серега еще раз окинул взглядом зал и понял, наконец, что такого странного было в баре.

Напитки никто не продавал. Никто не стоял за стойкой, не принимал деньги. Каждый селянин подходил к полкам и брал, что хотел. Было ясно видно, что запасы спиртного на полках близки к истощению.

– "Что они будут делать, когда все закончится? Вместе сойдут с ума и перестреляют друг друга. Но меня к тому времени здесь не будет", – подумал Сергей, выходя в вечернее тепло.

Разумеется, он ошибался.

Вечер и правда наступил. Солнце уже скрылось за крышами разрушенных хат, и блики на реке приобрели красноватый оттенок.

Домой он пошел не сразу. Поначалу обшарил окрестные домики, нашел не слишком целый матрас и прихватил еще дровишек на растопку. Сгрузив все это возле домика, Серега отправился на реку, благо до нее тут было недалеко.

Нашел то же место, на котором сидел сегодня с утра, и снова сел, уставившись на Волгу. С утра это место сияло свежестью и жизнью, а теперь дышало миром и покоем. Миром и покоем для всего, кроме этого проклятого села. Деревушка на другой стороне, теперь выглядела особенно безопасно, над трубами домов курился тонкий дымок, свечой уходя в небо.

Солнце садилось, его было видно, как оно медленно спускается в Волгу, окрашивая блики на поверхности в красновато-оранжевый оттенок. Солнце было туманным, набухшим, нечетко прорисованным в парящей атмосфере, оно потеряло болезненную для глаза яркость, и теперь нижний край солнечного диска готовился слиться с поверхностью реки.

Сергей, задумчиво смотря на солнце, увидел, как с севе-

ра начало стремительно натаскивать неясную мглу, что группировалась подле солнца, клубясь и образуя ком синеватых туч, тянущих во все сторону дымчатые щупальца.

Резко дунул ветер, растрепал волосы и распахнул куртку, трава на берегу пригнулась, побежала волнами, а вдалеке зашумел бор.

Ветер дул резкими порывами, дул сильно и мощно, затем спадал до слабого бриза, затем снова дул в полную мощь.

Приезжий увидел, как от клубка сизых туч оторвалась одна, совершенно черная, с размытыми разодранными очертаниями, и бешено понеслась над рекой.

Секунду спустя она была уже над головой, а ветер дул сильным непрерывным потоком, сталкивая в глубь парка, если бы Сергей сейчас встал, то неминуемо был бы снесен ветром, но он сидел и во все глаза смотрел на невиданный катаклизм.

Вокруг потемнело, ветер хлестал по сгибающимся деревьям, пара веток с хрустом отломилась, и понеслись по улице в вихре пыли. Черная туча застыла над селом, как огромная сумрачная крыша, темный свод, она закрыла все небо, задавила собой, и лишь у самого горизонта открылась щель, через которую странно светило солнце, окрашивая низкие облака в черно-красный цвет. Тяжелые тени пали на землю, нагоняя смятение, придавливая, а солнечный свет, пройдя через дымку на горизонте, стал какого-то болезненного желто-красного оттенка.

А ветер дул все сильнее, и Сергей видел, как на том берегу в этом ядовитом красноватом свете яростно мотаются деревья, с них срывает ветки и листву и потоком уносит на воду.

Ветер шумел в ушах, и если бы Сергею сейчас кто-то закричал, стоя лишь в полуметре позади, то он бы не услышал ни звука.

Буйство стихии достигло апогея, навевая воспоминания о давешней буре. Сергея мощным дуновением бросило на землю, и он вцепился руками в землю, а над головой свистело, да с шумом доносились брызги аж с поверхности Волги.

Сама река тоже утратила спокойствие. И теперь было видно, как по ее раньше гладкой поверхности ходили огромные разгоняемые ветром валы. Солнечный свет отражался на их рябых горбах, перекачивался, струился, выделял каждую волну. С вершущек некоторых валов срывались шапки густой, желтоватой пены, ее поднимало в воздух и рассеивало там, наполняя пространство холодными мелкими брызгами.

Брызги были липкими и ледяными, они оседали вокруг, липли на одежду, на руки, волосы. Сергей в изумлении глядел на это буйство, а солнце отражалось позади него в стекле автомобиля.

А затем туча прошла. Пронеслась дальше, давая дорогу чистому закатному небу. Туча уходила, унося с собой шквал, и теперь ветер стихал с каждой секундой.

Чистая полоска впереди ширилась и захватывала уходя-

щее солнце. Ветер дунул еще пару раз и стих. Остался лишь ровный поток, что не срывал ветви и не гнул деревья.

Сергей поднялся, стряхнул с себя прилипшие прошлогодние листья и сухие ломкие веточки. Внизу, на Волге, валы все еще шли, но теперь на них не было барашков, они были гладкие, словно стекло и сверкающие, словно хром, отражающие солнце. Валы были редкие, небольшие и пологие, теперь было слышно, как они обрушиваются на песчаный пляж внизу.

Вообще, такие быстрые шквалы нередко бывают на Волге, но здесь, над селом Черепихово, буря приобретала прямо-таки мистический оттенок, пугая своей внезапностью.

– "Буря прошла над краем и ушла", – подумал Сергей, глядя на гладкие валы, что плескались внизу, – "Но в Черепихово она не закончилась, и продолжается до сих пор".

Ветер стих, утихло и буйство реки, а туча ушла на юг, унеся с собой шквал. Осталось лишь заходящее солнце. Сергей постоял, смотря на горизонт, надеясь увидеть зеленый луч.

Но, конечно, ничего не увидел.

4.

Возвращался он в нехорошем настроении, да и в каком можно быть, увидев черную тучу, словно являющую плохое предзнаменование. Тучу, превратившую тихий вечер в полную мрака стихию.

Не прибавили настроения и новые змеи, появившиеся на столбах за день, а также группа серых, подозрительно похожих на волков собак, стремительно метнувшихся в сторону перед машиной.

Пока Серега добирался до дома, успело окончательно стемнеть, и теперь в свете фар прыгали неясные тени разрушенных домов. Их коньки выделялись на фоне неба, как хребты неведомых, давно погибших чудовищ (проезжая один из крайних домов, Сергей заметил в окне неясный синеватый свет, источником которого была явно не керосиновая лампа или печка. Этот свет вовсе был не похож на живое свечение огня, свет в окне скорее напоминал о трухлявых гнилушках, о гнилых бревнах в глубине леса, да о дохлой рыбе на берегу черного пруда. Короче нехороший был свет. Сергей едва глянув на него, от греха подальше дал газу и быстро промчался опасное жилище).

Неподалеку от дома он все-таки остановился ненадолго, заметив прислоненный к стене разрушенного сарая топорик. Его Сергей прихватил с собой на всякий случай, может быть

пригодится для колки дров.

Вот и синенький домик с совами на крыше, над коньком сияет первая вечерняя звезда, дает легкий блик на целые окна. Сергей зашел, затащил свой собранный скарб и снова разжег керосинку, а затем и печурку, наколов щепу топори-ком.

Перед сном Серега снова рассмотрел карту собора и не нашел обозначения странной ямы, что была выкопана в подвале. Не нашлось упоминания у нее и в истории села, что странно, ведь даже самые скрытые тайники имели обязательно хоть какое-то упоминание в летописях. А этот был совершенно неизвестен.

– "Что такое ценное могли прятать в этом тайнике?", – подумал Сергей, листая страницы летописей, – "Что за выемка?"

Время было позднее, а завтра он собирался встать пораньше, чтобы вырыть клад и уехать из этой безумной деревушки к обеду. Сергей погасил лампу, лег на найденный матрас и почти сразу же заснул.

Проснулся он глубокой ночью, и долго не мог понять, что же его разбудило. Печка потухла, и из оконных щелей дуло ночным холодом. Луна стояла над селом и заливала комнатку холодным ровным светом, бросая длинные тени деревьев снаружи на дощатый пол. Луна была в три четверти, и через окно можно было видеть ухмыляющееся лицо на диске ночного светила.

Что-то стучало в окно. Тихо стучало. Как стучит ветка дерева, когда дует слабенький ветер. Стучало и царапало. Легкие удары барабанили по стеклу, издавали временами царапающие звуки. Сергей встряхнул головой, отгоняя сон.

– "Дерево?", – подумал он.

Да нет, там никаких деревьев у окна, все растут в некотором отдалении, а в окно кто-то стучит. Только вот кто, лунный свет временами словно закрывает легкая тень, возникающая в такт ударам. Серега поднялся и тени деревьев на неровном полу, перекрыла его собственная тяжелая черная тень, он подошел к окну и выглянул через стекло.

В тот момент, когда Сергей заглядывал в окно, удары утихли.

Да и были ли они? Приезжий видел лишь гладкую пустую площадь без одного огонька, громаду собора неподалеку, да бесстрастно светила сверху луна. Свет яркий, холодный, хорошо видно всю площадь, ничему тут не укрыться. Затем через площадь промчался ободранный пес, а затем снова никого.

– "Почудилось" – подумал Сергей и отошел от окна, ступая по пятнам лунного света.

Когда он снова лег на кровать удары возобновились. Горожанин лежал недвижимо слушая вновь возникшие скребущие звуки. Пустите меня! Пустите! Пустите внутрь, здесь холодно!

Только вот кого пускать? Может это ночной мотылек сту-

чится в окно? Да нет мотыльки летят на свет, разве что птица.

Легкая тень опять играла в лунном свете, на секунду заслоняя отпечатки деревьев и вновь исчезая. Сергей медленно сел, сна не было ни в одном глазу, и теперь он пристально глядел на трепыхающуюся тень.

Стук-стук. Стук-стук. А вот это уже не из-за окна, скорее в кухне, и тоже поскребывает, интересно что там?

– "Может сходить?" – спросил себя Сергей – "вдруг эта птица залетела и не может выбраться?".

Неожиданно недавно еще уютная комната потеряла весь свой уют, стало более просторной, более мрачной, разрезанная пополам лунным светом, теперь другая ее сторона, где ранее стояла печка была в абсолютной тьме. Серега медленно поднялся с кровати и в одних носках сделал шаг в сторону двери. Луна светила в спину делая комнату вокруг совершенно нереальной, казалось и сам горожанин находится здесь лишь отчасти, так бесшумно он ступал по некрашеным половицам.

Вот и дверь, а на ней лежит квадратное пятно лунного света, безумно ярко высвечивая глубокую трещину, проходящую по обветшавшим доскам.

Сергей замер, напряженно глядя на трещину, ему казалось, что она живет, извивается и корчится на досках как... Как змея! Трещина походила на змею что извивается и пытается вырваться из гладкой поверхности дерева. Одна из тех

змей что висела на каждом столбе в селе. Змея умершая, но пытающаяся вернуться сюда, в виде трещины.

Одно из самых неприятных воспоминаний связанных со змеями осталось у Сергея с того времени когда ему было около шестнадцати. В то время Сергей плавал на теплоходе по Волге, по той самой реке что течет сейчас под обрывам всего в полукилометре позади, наверняка он тогда проплывал и Черепихово, не зная что окажется там при таких странных обстоятельствах. Его маршрут проходил через Кострому, которая тоже была недалеко отсюда. И в этой самой Костроме Серега посетил местный серпентарий, где как раз проходила выставка экзотических пресмыкающихся.

Сергей и ранее не любил змей. Но теперь с интересом осмотрел гадюк, кобр, полозов и ужей, лежавших в сильно одурманенном состоянии в стеклянных аквариумах. Дошел он и до стеклянного вольера с водой, в котором жила какая то водяная черепаха.

Он смотрел на черепаху, когда она внезапно встрепенулась и проплыла вперед, задев лапой какой то черный клубок, поднявшийся от движения со дна. Сергей секунду смотрел на него недоумевая, а затем неожиданно понял, что это такое.

Змея. Это была змея, которая скрутилась в тугой клубок, из которого торчала только одна голова с немигающими глазами, змея скрутившая себя в черный мячик медленно дрейфующий под водой. Через некоторое время приезжий понял

и еще одну истину.

Змея была мертва. И была мертва давно. Вероятно каким то образом живая еще змея попала в аквариум к черепахе, плавала поверху, пыталась освободиться, а затем силы ее оставили и она пошла ко дну. Змея не могла больше дышать и попросту утонула в аквариуме, а агония скрутила ее в тугой комок из которого была видна лишь голова. Теперь она тихо плавала, от нее отрывались легкие маленькие чешуйки, а глаза были открыты и блестели, словно змея была еще жива.

Вид мертвой змеи плавающей лишь в полуметре от его лица. Наполнил Сергея ужасом, эта скрутившаяся ненормально змея плавающая в воде, где она не могла дышать, вызывал тошноту. Особенно мерзко было то, что не скрутиться так змея, нельзя было сказать, что она умерла, ведь глаза у нее были по-прежнему открыты и по-прежнему ничего не выражали. Сергею приходила на ум картина, как обессиленное пресмыкающееся тонет на дно, исходя жуткими судорогами, а блестящие глаза остаются без выражения и после того как конвульсии замирают.

Этот вид внешней жизни и внутренней смерти (Ведь Сергей не сразу понял что змея мертва), был так ужасен, что приезжий покинул выставку и до отплытия больше не сходил, на гостеприимный берег Костромы.

Вот эти воспоминания нахлынули на Сергея, когда он стоял и смотрел на выпирающую из дерева трещину. Все это се-

ло было таким. Вроде живущее снаружи, но мертвое и разлагающееся внутри, как утонувшая змея, село, под кровлями домов которого поселился страх.

Поселилось, что-то большое, скользящее, похожее на мертвую змею, и пахнущее мускусом, вперемешку с гнилью. И Сергею внезапно пришла уверенность, что до бури оно жило, в том тайнике, вырытом, под подвалом в Черепиховском соборе.

Все это молнией пронеслось в голове горожанина, когда он стоял, взявшись за ручку двери. А лунный свет падал сзади, а в окно кто-то скребся.

Сергей потянул ручку на себя, распахнул дверь и тут в темноте раздался долгий мучительный вопль. В следующее мгновение Серега уже захлопнул дверь и сотрясаемый от нахлынувшего ужаса кинулся обратно к окну. Ноги подгибались и он тяжело упал на кровать широко открытыми глазами вглядываясь в дверь.

Затем он понял, что вопль раздался не внутри прихожей. А снаружи за окном. Тем более, что он повторился снова не более чем в пяти метрах от окна. Заунывный такой крик. Не то плач, не то хохот, а удары в стекло продолжались только теперь похоже колотили и в заднюю стену.

Сергей сидел, затравленно озираясь и вздрагивая при каждом ударе. Стуки становились все настойчивей и громче, вырабатываясь даже некий ритм. Приезжий сидел в этом хаосе звуков и мучительно пытался подобрать, хоть одно логи-

ческое определение царящей вокруг вакханалии, да только не получалось, казалось десятков барабанов лупят одновременно. Оглушая и лишая рассудка. Давешний топорик по-прежнему мирно лежал у печки, Сергей пригибаясь подошел и схватил его в руку. Какое не какое а все ж оружие.

Грохот достиг небывалой величины и вдруг стих. Луна спокойно светила в окно, высвечивала драные половицы с грязными следами от ботинок Сергея. Наверху, там где находился чердак что-то заскрежетало и заворочалось. В тишине раздался мощный выдох, словно что-то тяжелое, огромное ворочалось над головой, как медведь шатун, забредший ночью в деревню. Сильно запахло зверем, вперемешку с запахом мускуса.

Снова раздался вопль, но уже в отдалении, затихающий, он сменился мяуканьем и упав на полтона наконец стих совсем.

Тишина, совсем тихо, только остро пахнет зверем, да какой то застарелой гнилью, тинной. Затем тяжелый удар в дверь:

– Открывай!!! – Чей то голос, невнятный, словно каша какая во рту. Да еще с сипом. А затем снова молчание.

Сереге напряженно всматривался в окно, там пусто, лишь залитая луной площадь. Может это из местных кто пришел? Надрался в баре и пришел. Потому и каша во рту. Ответить или не надо?

Снова легкие стуки в окно, пережить бы эту ночь.

– К...кто это? – вглядываясь в темноту за окном промолвил Сергей.

Шумное дыхание, затем снова сильный удар в дверь:

– Открывай!!! – одно слово, словно других не знает. Да и голос неприятный, не живой, как будто с перерезанной глоткой говорит.

– Не открою – тихо сказал Сергей – Сгинь!!!

Жуткий знакомый вопль из-за двери, снова удаляется, запах мускуса слабеет

Снова тишина, безумная ночь. Сергей нервно сжал топор. Все его детские страхи выползали наружу и активно заселялись во тьме.

– "Может лампу зажечь?"

Да, но если лампа будет гореть, то снаружи будет видно все что происходит в комнате, тогда как за окном будет полная тьма.

– "Может рискнуть? Выскочить и попытаться добежать до машины?"

Страшно, в этой комнате он в сравнительной безопасности, на улице он окажется в лапах, тех кто хохочет вокруг.

Лампу он не зажег и на улицу не кинулся, лишь покрепче сжал топор, теперь он слышал. Как на чердаке что то скребется, вжик – вжик. Да луна эта еще светит.

Комната вокруг расширилась, стала казаться еще больше, словно ночная тьма смогла забраться внутрь. Вдалеке послышался вой, характерный такой вой, больно похож на волчий.

– Открывай!!! – вопль вдалеке и дикий хохот, и снова вой, затем неизменный стук в окно.

– Нет!!! – заорал Сергей вскакивая к окну, откуда испуганно шарахнулась некая тень – Не открою! НЕ ОТКРОЮ!!! Сгиньте твари! Не дождетесь!!!

Он кричал в пустоту, стояла полная тишь, и звук его голоса даже не прорвался наружу.

Затем мощный удар в окно и в комнату ворвалось что-то маленькое трепетающее перепонками крыльев и вцепилось Сергею в волосы.

Нетопырь! Большая летучая мышь влетела через окно и запуталась теперь в Серегиных волосах, яростно царапая крохотными мерзкими коготками. Сергей вскрикнул, заметался по комнате, скидывая маленькое чудовище с головы, наконец ухватился за скользящее мохнатое тельце и резко дернул. Мышь запищала и горожанин почувствовал, как у зверька что-то отрывается и остается вцепившимся в голову.

Он отшвырнул кровавый смятый комок, только что бывший летучей мышью в угол и в ступоре наблюдал, как тварь омерзительно корчится на корявых досках, беззвучно разевая безобразную пасть. Тельце зверька было переломлено и теперь задняя половина быстро дергалась в затухающих конвульсиях, задней правой лапы не доставало, а переломанные крылья были похожи на папиросную бумагу и висели в лохмотьях.

Мышь все еще дергалась, Сергей в ярости шагнул к ней

и с рыком:

– Сдохни тварюга! – припечатал ее ногой.

Хрустнуло, дернулось и все затихло, лишь что-то продолжало шебуршить в голове. Сергей провел по волосам и снял оторванную лапу мыши, которая намертво вцепилась в волосы и все еще подрагивала, давно отделенная от тела.

Секунду приезжий смотрел на эту оторванную вздрагивающую лапу, более гадкого он не видел с тех пор как его в детстве укусила пчела и он имел радость наблюдать, как в ужаленной руке дергается отделившееся жало, а затем с криком "Жрите!!!" зашвырнул конечность в полуоткрытое окно.

Там раздался взрыв хохочущего воя и все стихло. Еще одна мышь попыталась прорваться и с лету врезалась в закрываемое окно. Пискнула и канула во тьму.

– Открывай! – Это уже совсем далеко.

От мыши осталась лишь неясная лужица на полу. Сергей снова сел на кровать, подобрал топор и сжал его в руках. Какая бы нечистая сила не окружила этот дом, живым он ей не сдастся.

По стеклу продолжали колотить, но теперь приезжий знал, что это сомнище летучих мышей пытается проникнуть внутрь, да только не удастся это у них, ставни старые крепкие.

Разве что кто помощнее придет...

Сверху раздался грохот и гулкий удар. Кто-то проломил крышу и тяжело затопал по чердаку. Дверь на чердак была

вроде бы закрыта, кажется, а нет так нарвется на топор. От мысли что кого-то придется рубить топором стало дурно, и не менее страшно, проломивший крышу зверь топал поверху и скреб балки крыши, но судя по всему вниз спускаться не собирался. И то хорошо.

Неожиданно Сергей понял, как можно отвадить снующих вокруг тварей. Печка! Необходимо затопить печку, а от нее запалить пару тройку лучин. Существа ночи боятся света, должны бояться, если они существуют. А звери боятся огня.

Раздался звон стекла и продолжительный писк. Посреди оконного стекла пролежала трещина, края которой были щедро обогрены мышьей кровью. А сама мышь только что со всего маху влетела в окно, воспользовавшись собой как тараном, следом за ней в стекло таранулась еще одна и Сергей еще успел рассмотреть искаженную мерзкую морду с розовым рылом за треснувшим стеклом. Следующая мышь пробила стекло и слепо заметалась по комнате. Пока Сергей не сбил ее на пол и не растоптал, не разбросал по углам.

– Открывай!!! – Проорал голос совсем под окном, всего в двух метрах, от сидевшего тихо Сергея. – Открывай!!! Открывай!!!

И кто-то врезал всей массой в бревенчатую стену домика. К счастью бревна даже не шелохнулись, дом был старый и построен прочно, именно это помогло ему выстоять против бури.

– Не дождетесь. – Уже себе под нос пробормотал приез-

жий и стащив с койки тяжелый матрас заткнул им окно, мышам не пробраться. Кто-то продолжал биться в стену молча, но совершенно без эффекта, стена держала.

– "Печка!" – думал Сергей – "На нее вся надежда".

Тут обнаружилась еще одна неприятность, дров не было, те что лежали у печурки, он пустил вечером на растопку, да и зачем было складывать в комнате много поленьев, когда можно зайти в сени и там набрать сколько хочешь. Только вот теперь это проблематично. В прихожей наверняка творится черт знает что.

Идти или не идти?

Риторический вопрос, здесь в комнате, его в любом случае изловят, либо не изловят, но он съедет с ума и утром его найдут дико орущего в изрубленной топором комнате. А там можно попытаться прорваться, набрать дров и прихватить, тяжелую ржавую кочергу, что валяется в прихожей, он заметил ее еще вчера вечером.

– Открывай!!! – глухо прочавкало за окном.

– Пойди да войди! – яростно огрызнулся Сергей и перехватив топор двинулся к двери, на которой продолжала пульсировать под лунным светом трещина.

То что она пульсировала, модно было заметить теперь невооруженным глазом, а если присмотреться поближе то видно было, как по ней ползут маленькие шестиногие букашки навроде муравьев, оставляя за собой мокрый слизистый свет. Сергей некоторое время смотрел на них, а потом врезал

кулаком, сметя большую часть букашек на пол, осторожно прислушался к звукам из-за двери.

Тихое попискивание и шуршание. Кто может издавать такие звуки? Он снова перехватил топор а затем сделал шаг вперед и рванул на себя дверь, одновременно занося над головой топор. Рванулся вперед в темный проем.

Писк, скрип, пара десятков мышей разбежалось в разные стороны из-под ног приезжего. Мыши были белые, красноглазые и они мчались прочь, стараясь спрятаться по углам. Секунда, и на полу никого не было.

В прихожей был абсолютный мрак, отсюда было слышно, как неизвестный ломится в стену, требуя открыть, но пока у него не получалось прорваться внутрь. Серега тихо сделал шаг в сторону поленицы.

Ниша была пуста, кто-то совсем недавно утащил отсюда все полена. На месте поленицы сидел маленький полоз, который с шипением крылся в ближайшей щели.

– "Дров нету". – Подумал Сергей – "Что мне делать?"

Внезапно захотелось бросить здесь отсиживаться и выскокить наружу, размахивая топором и постараться зарубить, как можно больше этих собравшихся вокруг тварей.

А тварей было много, целый шабаш. Собрался сегодня вокруг домика с совами на крыше, и желавших лишь одного, выцарапать прятавшегося там человека и разорвать.

Выскакивать на улицу он не стал, вместо этого осторожно приоткрыл дверь соседней нежилой комнаты.

Там было тихо и сыро, а луна падал через пролом в потолке, когда Сергей заглянул, дряхлые доски пола зашевелились и из подпола полезло, что-то тяжелое и объемистое, тяжело сопя, и изо всех усилий пытавшееся прорваться наверх к свету. Что-то подземное. Сырое и гнилое.

Серега захлопнул дверь и услышал, как неизвестный монстр обиженно взвыл, силясь поскорее выдраться из под досок, чтобы достигнуть ускользящую добычу. Дверь захлопнулась и заглушила его завывания.

Приезжий повернулся от двери и тут из темного угла на него сигануло что-то собакообразное, с белыми блестящими клыками. Он взмахнул топором и удар пришелся по почти невидимой морде зверя. Чудище взвыло и отлетело туда откуда прыгнуло, рассыпая по пути липкие брызги. В углу что-то страдальчески заскулило, зафыркало.

Вторая тварь поджидала его у входа в комнату и прыгнула так неожиданно, что Сергей едва не опрокинулся под массой налетевшего зверя. Приезжий оттолкнул тварюгу руками во тьму, откуда она пришла, напоследок наподдав ногой, что впрочем похоже не слишком потревожило зверя, потому как он снова попытался прыгнуть. Но встретил перед собой лишь закрытую спешно дверь.

В комнате все осталось по-прежнему. Из-под матраса закрывающего окно, торчал слабо трепыхающийся кончик крыла летучей мыши, но дальше видно мышшь прорваться не смогла. Некая жидкость из порубленной твари осталась на

куртке и не поддавалась идентифицированию, а в лунном свете вообще казалась зеленоватой.

С того момента, как горожанин вернулся побитый в свою комнатку, ночь кошмаров вошла в пике и стала развиваться со все возрастающим ускорением. Безумные создания за окном орали, визжали на все голоса, требовали открыть выли, стучали в стены, в окна, пробовали прорваться через дверь. Две или три твари таки прорвались, но были слишком малы, и бесславно пали под ударами топора. Воздух в комнате менялся, временами он озарялся зеленоватым светом, то начинали светиться сами стены, словно внутри них негасимо тлели некие огромные светляки.

И было уже непонятно, что является фантомом в этой комнате ужасов, а что тяжелой и жестокой реальностью. Призрачные твари стали носиться по комнате, подвывая и их вой сплетался с криками живых (или не живых?), во всяком случае во плоти, тварями.

Чудовищный порождения сновали по комнате из угла в угол, Сергей сначала пытался атаковать их, бросался с топором, но только порубил бревенчатые стены, оставив на них глубокие отметины. Прозрачные твари кидались на него, визжали на все лады, но в последний момент отскакивали в сторону и исчезали. Правда двое или трое из них не свернули а проскочили прямо сквозь человека, повергнув того в еще больший ужас и теперь ему временами казалось, что твари навеки поселились у него внутри.

Вокруг топали, визжали, орали, этот звук глушил и давил, и на его фоне уже нельзя было отличить отдельных выкриков. В какой то момент с потолка посыпалась труха и вниз, в комнату свесилась длинная чешуйчатая змея, и Сергей считал ее призраком, пока она не подползла к нему (сидящему посередине комнаты, подальше от стен) и не обвив ногу попыталась укусить. Но лишь вцепилась в ободранный край куртки. Сергей придавил ее обвившееся туловище к полу и отрубил ей голову. Змея оказалась вполне реальной и некоторое время корчилась в конвульсиях, не отпуская однако ноги, так что безголовое туловище пришлось снимать отдельно.

Да и сами стены комнаты временами менялись, теряли реальный вид, они неожиданно начинали тлеть вполне настоящим, роняющим искры огнем, затем обратились в монолитные стены из серого треснутого камня, затем в клепанные, проеденные ржавчиной металлические листы. С них капало, сыпалась труха, и каменная крошка.

Когда лунные тени удлиннились, и стали только частично попадать в окно, прям через стену в комнатку вломился, с душераздирающим ревом, человекоподобный голем, с головой, похожей на перевернутое ведро, а вместо рук у него торчали дергающиеся змеиные хвосты. Несмотря на то, что чудище было явно призрачное, Серега кинулся на него и с одного взмаха снес голову. Голова легко отделилась и, улетев в темный угол, мгновенно истлела. Тело, даже не остановив-

шись умчалось в другую стену. Там где упала голова, остался лишь жесткий ведро подобный шлем. Который вроде был сначала ненастоящим.

Вообще, к концу ночи буйство достигло такого накала. Что Сергей до поры себя сдерживающий потерял остатки рассудка и кинулся рубить проносящихся тварей. Он уже перестал ощущать время и уже не мог сказать какой момент происходило то или другое.

Так, однажды, стены в это время как раз обратились в каменные, вой и крик чудовищ вокруг достиг единого пика, и на каменной стене проступил сияющий багровым светом знак. Знак – символ был мерзок и навевал какие то ассоциации. Если бы Сергей в этот момент мог соображать, то он тут же понял, что изображение похоже на знаки, какими племена финно-угорской группы обозначали своих богов. Только этого знака не было не в одном из архивов по всей стране.

Но в тот момент Сергей сделал лишь одно, с воплем, походившим на крики чудовищ вокруг ринулся на знак и начал яростно его рубить. Знак поблек и начал исчезать, а затем, стены комнаты снова сменились и превратились в точную копию той тайной комнатухи под Черепиховским собором. Только ниша была не пуста, в ней что-то было и от него на Сергея дышало злобой ужасом.

Приезжий кинулся и на него и рубил, со всей яростью и силою и топор высекал искры об деревянные ранее стены.

Затем все померкло и слилось в один темный водоворот

из страшных морд клювов, глаз и когтистых конечностей. А хуже всего был тот запах древности, шедший ото всей этой нежити. Запах старого застоявшегося зла. И не старого даже, а древнего, давно уже вроде умершего.

Часа в три ночи мощным ударом вылетел закрывающий окно матрас и в пролом засунулась толстая волосатая рука с черными обезьяньими ногтями. Стал слепо шарить, тыкать-ся в стены, получила по пальцам топором и исчезла.

Затем крик и вой стих и настала полнейшая тишина. Сергей замер посреди комнатухи затравленно озираясь, В углу шипели, испаряясь чьи то внутренности. Стены потухли и через окно лился слабый, серый свет раннего утра.

В дверь раздался сильный удар, затем еще один. С третьего она слетела с петель и в комнату тяжело шагнул человеческий силуэт. Утренний свет пал на его лицо и Сергей узнал его. Это был шизик Саня, недавно сидевший в баре. Его лицо было спокойно, даже безмятежно, но странного синевато – багрового цвета, глаза были закрыты. Причина этого была ясно видна, вокруг шеи селянина был туго затянут давешний змеиный чулок, а обрывок, которым он был к чему-то привязан, лохматясь свешивался вниз.

С неменяющимся безмятежным выражением на лице он шагнул к Сергею и тут за разбитым окном, в утренней тишине звонко прокукарекал последний наверное оставшийся в селе петух.

Саня запнулся делая шаг и все с тем же спокойным ли-

цом (его покой был явно покоем смерти) рухнул на искоря-
банные залитые мерзостью доски. С грохотом, аж звякнули
оставшиеся стекла в окне.

Сергей стоял над упавшим телом. Затем топор грянулся о
землю, выпав из расслабившейся враз руки и приезжий из-
дал долгий переливчатый вопль по громкости своей сопер-
ничавший с криком болотной выпи. Затем и он сполз по сте-
не на грязный заляпанный пол.

5.

На следующее утро Серега купил ружье.

То есть ружье он купил днем, а раним утром третьего дня его пребывания в этой проклятой деревне, сидючи рядом с распластанным трупом, неизвестно как дошедшим сюда человеком, Сергей увидел как отворяется висящая на одной петле дверь и кто-то снова входит в проем. Отработанным жестом он подхватил зазубренный топор и кинулся силуэт. Тот правда резво отскочил с криком:

– Ты чего?!!

Топор воткнулся в стену, а Сергей снова отключился.

Старшему Щербинскому сильно повезло этим утром, во общем то идя на дикий крик несущийся из синего с совами дома он не предполагал что на него кинутся с топором, а вот к открывшейся картине он был вполне готов, такое теперь часто случалось в деревне.

Войдя в комнату, он едва не подскользнулся на лужи подсыхающей слизи разлитой во множестве на полу и увидел перед собой приезжего, который с отсутствующим видом сидел на полу, сжимая в руках топор. Он был густо залит, зеленоватой жидкостью, был жутко измазан в слизи и от него за версту несло змеиным мускусом. В слизи было все даже волосы, ну а на руках до локтя нельзя было различить кожи из-за налипших чешуек.

Приезжий сидел и тупо смотрел перед собой в стену. Смотрел точку не отрываясь. Глядя на Сергея Щербинский подумал что приезжий безнадежно свихнулся. В таком же виде, не так давно он видел местного библиотекаря, тот тоже сидел посреди комнаты залитой кровью и зеленью и уже ни на что не реагировал. Что-то напугало его так, что бедняга теперь целыми днями ходит с ружьем по селу, бьет змей и развешивает их на столбах. Теперь вот похоже в их деревне появился второй сумасшедший.

– "Я ж предупреждал его" – подумал селянин – "Чтобы он купил ружье, чтобы вообще уезжал отсюда, сколько уже убегло не выдержав этого, у скольких крышу сорвало?"

В этот момент Сергей стремительно прыгнул на него, с такой скоростью, что зоотехнику чтобы уклониться пришлось упасть на липкий пол. Топор с хрустом вонзился в деревянную стену домика оставив там еще одну отметину, стены там кстати были совершенно изрублены. Топор остался в стене а Серега повалился на пол.

– "Как и есть псих" – тяжело поднимаясь с пола подумал Щербинский – "Жалко..."

Но видно у Сереги нервы оказались крепче, чем у воинственного библиотекаря, или мозги, почувствовав перегруз включили некую систему защиты. Во всяком случае когда в нос ему ударил резким неприятный запах он очнулся, вполне могущим рассуждать. Та же защитная система видимо отключила и загнала в подсознание воспоминания о прошед-

шей ночи, оставив лишь разрозненные обрывки, как от закончившегося кошмара. Знал лишь что было нечто совершенно жуткое и непонятное.

Резкий запах усилился и Серега вяло подняв руку отпихнул, комочек ваты смоченной в нашатыре. Открыл глаза.

Его комната, изуродованная до не узнавания, стены изрублены пол в высыхающей слизи, над ним стоял человек. По короткой рыжей бороде Серега узнал Щербинского.

– Очнулся? – сказал тот – Меня понимаешь?

– Вполне. – сказал Сергей с трудом – Уже утро?

– Утро, утром все заканчивается, ты остался жив... чудом.

Приезжий осторожно приподнялся, сел, все тело дико болело, а сам он был заляпан в слизистой дряни. Он помнил, что эта дрянь летела из тех, кого он яростно рубил, только вот кто это был? И скольких тварей он успел уложить? И когда наконец это все происходило. Неужели за одну единственную ночь? Кошмар...

Щербинский стоял рядом и выжидательно смотрел на Серегу, он все еще не был в нормальности приезжего. Ружье он положил у двери а в проеме стоял еще один человек, тоже с ружьем. Тот давешний журналист из города. Собаку он держал за ошейник и прижимал к ногам, а сам с некотором испугом осматривал поле битвы, в частности бранные остатки Сани, недвижно лежащие посреди комнаты.

Сергей поднялся на ноги. Его шатнуло, но селянин придержал, не дал упасть, ботинки скользили по липкой дряни.

Доски пола проглядывали лишь в двух трех местах.

– Ты знал это! – зло сказал он, в упор глядя на Щербинского – знал, что в селе что-то не ладно. Да не то что неладно! Здесь ужас сплошной! Здесь тьма!

– Спокойно, спокойно – сказал Щербинский делая шаг назад – в общем то я хотел сегодня тебе сказать. Поперву они два три дня не нападают, но тебе не повезло, сегодня ночь такая была, теплая.

– Не та ли ночь, в которой по рассказам утопленники всплывают и плывут по реке. А кто их увидит, того потом преследуют?

– Да, середина Июля, иногда раньше, иногда позже, ты попал как раз в такую ночь, другим повезло.

– Хочешь сказать что и другие через это прошли?

– Я прошел, сегодня ночью. – не отрывая взгляда от Сани произнес стоящий в дверях журналист – Но у меня было ружье, и Венди. – он кивнул на собаку.

– А до него, через это прошли все селяне – добавил Щербинский – давай ка выйдем на солнце.

И они вышли во двор. По пути Сергей запнулся о труп, но никак не прореагировал на это. Лишь аккуратно переступил второй ногой.

На улице было солнечно, и день обещал быть таким же ярким и теплым, как и вчерашний. Но вчерашний день Сергей помнил плохо, лишь бурю, да подземную комнатку. Дул легкий ветерок и по небу лениво плыли пушистые об-

лачка, медленно, незаметно. Кошмарные воспоминания, засевшие у него в голове, как страшные твари, что сиганули сквозь него ночью, поблекли, отступили, но не растворились насовсем.

Собака обнюхала его руку, фыркнула, не понравился видно запах, потому что отошла в сторону. Не мудрено от него сильно воняло мускусом.

Еще один удар ожидал Сергея во дворе. Боковые стекла его машины были расколоты вдребезги и стеклянная крошка обильно усеивала сидения. Кроме того лобовое стекло треснуло и на нем застыл желтоватый кровоподтек.

– Сволочи!!! – рявкнул Сергей бессильно опускаясь на капот автомобиля – и до тачки добрались!!!

– Видимо не добравшись до вас они выместили злобу на вашей машине, – сказал журналист присаживаясь на другой стороне – К сожалению мы с вами сильно вляпались в дурную историю.

– Сильно же дурную. – ухмыльнулся Сергей печально созерцая разбитые в крошево окна, внутри, на обивке пузырилась слизь – Как вы здесь очутились?

– Лапников моя фамилия, я журналист и собирался писать очерк о буре, только вот теперь похоже уцелеть бы самому... А это Венди, моя псина. – Он потрепал собаку за холку, та пугливо жалась к хозяину, видно не нравились запахи вокруг.

Для чего сюда приехал Серега спрашивать не стал, что

сильно обрадовало приезжего, не хотелось бы рассказывать легенду, полностью совпадающую с историей Лапникова, вот уж действительно дурацкая фамилия. Прав Щербинский.

Сергея сидел и медленно приходил в себя. Он нарочно сел под солнцем. Чтобы он прожарило и прогрело его, выгнало прочь страхи, что поселились в душе. И действительно, через некоторое время почувствовал себя несколько лучше, тем более что мир вокруг так и светился жизнью. Синело небо поверху, зеленела внизу сочная летняя травка, ослепительно белели облака, толстые и кустистые, похожие невероятных белых овец, разбрасывающих в разные стороны, белесые щупальца, на которых играло поднявшееся солнце. Смотреть на облака было больно и он перевел взгляд на дом.

Дом больше не был синим. Он посерел, и вся его лицевая часть, была покрыта мелкими, и достаточно крупными надрезами. На нем застыла слизь и слюна. Ставни были сорваны. А окно, идущее в комнату вдребезги разбитое, даже рамы были вынесены.

Под окном валялась рука, пальцы были скручены. А пара черных ногтей сорваны, рука была покрыта темно коричневым мехом. Серега попытался припомнить, не было ли ночью такой руки, и не рубил ли он ее, но так ничего и не удалось.

– Пойди те ка сюда. – Щербинский стоял над рукой и тыкал ее стволем.

– Кто это мог быть? – спросил Лапников наклоняясь над

рукой, – Рука вроде бы человеческая, но волосатая слишком.

– Рука на вроде человеческой, – поправил Щербинский – Да вовсе не человеку принадлежала она.

По руке ползали муравьи, путались в густой шерсти. Сергей неожиданно вспомнил.

– По-моему, – сказал он – Бывший обладатель этой руки все ходил вокруг дома и орал "открывай!", голос у него был грубый такой, потом вроде в окно сунулся, я ему руку и срубил... я вообще много чего перерубил.

– Лесовик может? – Щербинский покосился на Лапников.

Тот пожал плечами явно в этом не разбираясь

– Не, не лесовик, – сам себе ответил местный – Те все больше по лесам, в село не суются, медведь значит.

– Медведь?

– Угу, в человека стал превращаться, да на пол пути остановился, счас такое, временами, со зверьем творится, жуть.

Сергей горестно вздохнул и уставился в сияющее небо. Небо везде одинаково, что в этом ядовитом гнезде, именуемом селом, что в родном городе.

– Так, – сказал он – Вам придется мне все рассказать. Этой ночью я чуть не тронулся умом и сейчас нахожусь в здравом рассудке лишь потому, что не вдумываюсь во все это. Но я все таки хотел бы знать, с чего все началось.

– Мы расскажем. – Произнес Лапников, поглаживая собаку – Мне вот уже по пути все рассказали, это никак не

укладывается в воображении, но к сожалению это касается непосредственно нашей жизни. Как и вы, я этой ночью, чуть не погиб, особенно. Когда ко мне вломился этот призрачный голем с змеями вместо рук...

– Голем говоришь? – встрепенулся Сергей – У него еще на башке шлем такой был, на ведро похожий.

– Нет, шлема не было, лицо было видно, темное такое, не русское, скуластое, но глаза живые. Я его как увидел, так начал из ружья палить, патронов десять высадил, но он через стену свалил.

– А шлем значит я ему снес. – Глухо произнес Сергей.

Лапников удивленно повернулся к нему, соскочил даже с капота:

– И у вас он был?

– Он у всех был, – ответил за Сергея Щербинский – Он призрачен, но когда-то жил. Кузьмич недавно рассказывал. Тень чья то древняя, явно не из русских, еще до них тут жил. Этот поганец давно здесь ходит, в общем то он поначалу в снах являлся, а потом уже сам... да ладно расскажу я тебе все, только вот до бара дойдем.

– Зачем до бара? Чем плохо тут?

Щербинский поднял ружье:

– Тут плохо во всем, не все уходят вместе с ночью, давайте-ка зайдем в дом. Вставай, вроде оклемался малость.

Сергей и правда малость отошел, по крайней мере ноги держали и больше не подгибались. Лапников, по-прежнему

держа собаку за ошейник вошел следом за селянином. На спине у него висел помповый дробовик тринадцатого калибра с потертым прикладом.

Войдя в дом все остановились перед хладным трупом Сани, лежавшим лицом вниз.

– Лежит. – Мрачно сказал Щербинский – Неделю назад ночь была грозовая, а он один остался, соседа его змеиная забрала, довели его, надломили

– Мне он показался... не слишком нормальным. – вымолвил Лапников – Все чулок этот вертел.

– Наверное это был кто-то из его родственников – Заметил Щербинский.

– Да не уж то? – ахнул журналист.

Сергей ничего не понял но на всякий случай сказал:

– Он пришел под конец ночи, сделал шаг и пропели петухи... петух то есть. А он упал.

– Когда мертвяки ходят, больше всего ненавижу, – сказал сельский, – раньше ведь свои были.

И он носком сапога перевернул труп вверх лицом. Сергей и Лапников попятнулись. Лицо у Сани было не вполне человеческое. Оно было покрыто жесткой сухой чешуей, надбровные дуги выдавались вперед, а нос провалился в неровную дыру. Судя по впалым губам, зубов у него не было.

– Думаю он повесился сам – сказал Щербинский всматриваясь в лицо мертвеца – у него еще сохранялись остатки мозгов и когда все началось он предпочел повеситься, но не

потерять человечность.

– Однако это похоже было бесполезно, – заметил Лапников – Его все равно скрутило. Он и мертвый отправился на охоту.

Вид чешуйчатого Сани, разлегшегося на полу пробудил в Сергее воспоминания об утонувшей змее и он поежился. Заметил в углу под перевернутой койкой свой рюкзак и отправился взять его. Когда подошел, то об его ногу что-то загремело.

Шлем голема, тот который он потерял, сматываясь через стену. Серега пинком отправил его к Лапникову, а сам начал рыться в рюкзаке. Он нашел там запасную куртку, одел ее, а старую выкинул в угол, ее теперь ничем не спасти. Остальное менять не стал, не было не времени не охоты.

– Интересный шлем. – За его спиной журналист показывал щиток Щербинскому – Насколько я понял древнегерманского происхождения. Вроде бы именно в таких пошли ко дну Чудского озера тевтонские рыцари. Жаль я плохо знаю историю.

– Ведро и ведро, – проворчал Щербинский критично. – Важно то, что эта призрачная мразь больше не в шлеме, теперь мы узнаем его в лицо.

– А что нам это даст?

– Посмотрим, нам сейчас надо идти в бар, там люди, туда бояться соваться.

– Лучше поедем на машине. – Сказал Сергей и они вышли

обратно на свет, и приезжий заметил как селянин настороженно вскинул ружье при выходе.

На машине поехать не удалось. Помимо разбитых стекол, анонимные варвары начисто вырвали аккумуляторные провода, а с самой батареи сорвали крышку и наполнили внутренность некой слизью. Между свинцовыми пластинами, мерно дрейфовали три утонувшие мыши. Они были белыми и их розовые хвостики мерно колыхали.

Сергей с грохотом захлопнул крышку капота, и едва удержался от мощного удара по крылу, оглянувшись на спутников.

Щербинский невозмутимо смотрел в небо, пощипывая рыжую бороду, а журналист неприязненно оглядывался на дом. Не говоря не слова зоотехник двинулся прочь от машины, а Сергей и Лапников последовали за ним. Они шли пешком вдоль разрушенных домов и Серега имел теперь возможность хорошо разглядеть их внутренности, благо стекол почти нигде не было. Да, не мерещились ему белые лица внутри, они и правда там были. Лежали вповалку. Кто-то висел на ламповом крюке. Кто-то был растерзан до неузнаваемости.

– Щербинский а Щербинский, – тихо сказал подойдя ближе Сергей. – А что, хозяев домов и правда никто не убирал. Как погибли так и лежат?

– Лежат, кто ж их вытащит. Самому бы уцелеть. Еще когда все начиналось, выслали сюда бригаду спасателей, с машинами с краном. Телефоны тогда еще некоторые работали. Сказали что выезжают. Три дня спустя одного, в комбинезо-

не с эмблемой спасателей вытащили из Волги. Куда делись остальные непонятно.

– Что тут непонятного, небось и остальные там же.

– Может и так.

– Дааа, – протянул Лапников. – Все в Волге.

– Да это еще ничего, вон когда "Циолковский" потонул, сколько народу спастись пыталось.

– И что, все пошли ко дну? – спросил Сергей, над их головами вилось с карканьем воронье, причем некоторые из птиц выглядели престранно.

– Да нет, часть спаслась, два дня мотались по окрестным лесам, а затем все это началось и почти все там же и сгинули. Либо змеиная их сразила.

Полчаса добирались до бара. Щербинский и Лапников отвлеченно болтали, обсуждая окружающую их разруху. Журналист под мышкой сжимал шлем голема, а на коротком поводке вел Венди, которая отвлеченно влеклась в сторону. Сергей шел чуть позади и осмысливал неожиданно появившуюся у него мысль. Машина сломана, похоже так же, что это единственная машина в проклятом селе. А это значит, что из села придется либо выбираться своим ходом, либо оставаться здесь. Ни то не другое приезжего совершенно не грело, у Сергея до сих пор крутилась в памяти черная волосатая рука и дикий невнятный вопль, словно кричит пьяный "открывай!!!". Этой ночью он не открыл, но как здесь оставаться на ночь? Как теперь вообще жить зная, что есть

на свете чудовища, что приходят во тьме? Зная, что реально можешь погибнуть, стоит лишь открыть ночью дверь.

Он всегда боялся темноты и змей. Что же делать теперь?

Щербинский резко остановился и вскинул свою двустволку, которую держал в руках и не вешал за спину все это время. Ружье было заряжено и не на предохранителе, сделано так, что можно стрелять на вскидку.

Селянин тщательно прицелился в темный провал между домами и выпалил сначала из одного а затем и из другого ствола. Из провала донесся отчаянный агонизирующий визг, который неожиданно захлебнулся. В темноте что-то дернулось и на свет вылез ободранный дворовый пес.

Лапников удивленно взглянул на Щербинского, а затем на издыхающую в корчах собаку. Бок у животного был основательно разворочен, и из кровавой дыры выглядывали белые осколки ребер.

– "Крупная дробь, почти картечь". – Подумал Сергей, подходя вслед за зоотехником к замирающей собаке.

Лапников остался на месте, его псина, пряталась за ноги хозяина и наотрез отказывалась подойти к мертвому животному.

– Собаку то зачем? – спросил Серега подходя.

Щербинский молча указал на убитое животное стволом ружья. При ближайшем рассмотрении выяснилось. Что убитая тварь не совсем собака. Так у нее неожиданно обнаружился третий глаз, в данный момент закрытый. Хвост ее об-

лезал, и через редкую шерсть явственно просматривалась чешуя. А когда селянин дулом ружья раздвинул стиснутые челюсти, оказалось, что у псины совсем нет зубов, лишь вместо резцов обнаружился длинный, двойной зубо – клык, с конца которого медленно стекал на землю бледноватый гной.

Это было мерзко, и кроме того выглядело как издевательство над животным. Сергей, воспоминания которого о прошедшей ночи были еще ясны, сразу подумал. Что эта псевдо собака сильно похожа на убитого Саню, словно и та и другой были поражены одной некой болезнью, схожей с лучевой. Интересно, а если обследовать рот у трупа шизофреника, есть ли там такой же клык?

От этой мысли Сергея замутило и он взглянул в небо, фиксируя глазами редкие точеные облачка, поражающие сегодня своей белизной. Тем гаже выглядели стаи воронья, безостановочно, черной тучей, выющиеся на фоне небесно сини.

– Обратите внимание на третий глаз – раздался позади голос Лапкина, тот наконец сумел справиться со своей собакой и подтащил ее поближе – это даже не глаз в нашем понимании, а тепловой орган, чувствующий температуру, такой есть у змеи.

– У нее змеиная, – мрачно сказал Щербинский, и добавил, – нежить.

Он переломил свою двустволку и вставил еще два патро-

на, затем повернулся и зашагал прочь. Следом за ним поволокся на поводке Лапников, его собака стремилась как можно скорее убратся с этого места. Сергей постоял еще, глядя как на вытарщенный белый глаз мертвого животного, садится жирная отливающая гнилой зеленою муха, затем двинулся вслед за спутниками.

Минут через десять остановились возле оружейного магазина. Его здесь устроили лет пять назад, так как село Черепихово находилось в местах известных своей дичью, и осенью, через него стремились караваны охотников. После бури он был порядочно разграблен, и теперь большая часть магазинного арсенала лежала у стойки бара, оставляемая там своими владельцами. В общем то по количеству забранных отсюда ружей можно было легко просчитать точное население Черепихова, так как ни один человек не остался невооруженным.

Однако на полках осталось еще несколько стволов, и порывшись Сергей нашел себе низко серийный нестандартный помповый дробовик "Дракон", сделанный на базе какого то западного образца. Футуристично выглядящий, с магазином на восемь патронов. Больше кстати ни к какому из присутствующих ружей зарядов не оказалось, видно селяне хотели быть уверенными в то, что в самый опасный момент у них не закончатся боеприпасы.

Сергей взял две коробки с патронами двенадцатого калибра, подумав мельком, что такими вполне можно завалить

и слона.

Щербинский смотрел на ружье с одобрением, а Лапников с некоторым сомнением, явно видя тяжелый калибр ружья. Впрочем, вспоминая волосатую руку, легко проникающую через окно, и неизвестного монстра, прорывающегося, через половицы, Сергей решил, что двенадцатый калибр это еще мало.

Когда вышли из арсенала, небо было чистое, воронья стая осела на ближних березах, а облачка унесло за реку. Мир казался безмятежным, таким же безмятежным Июльским днем, как тот жаркий и медленный день перед бурей, когда сутра ничего не предвещало плохого.

– "За светом дня скрывается ночь" – подумал Сергей – "И эта ночь настанет, как бы хорошо и спокойно сейчас не было. Где я буду ночевать сегодня?"

– Пойдемте, вон уже бар. – Сказал Щербинский, насто- роженно оглядываясь по сторонам, стремясь не упустить из виду не одну, даже самую маленькую деталь.

Мысль о том, что среди этого ясного дня может скрывать- ся опасность, казалась абсурдной. Хотелось расслабиться, тем более, что тяжелое ружье с первого шага начало нещадно лу- пить по спине.

– Не забывайся. – Тихо сказал себе Серега. – Сколько на- роду встретило смерть среди такого вот прекрасного денька.

Ружье лупило по спине, но приезжий не хотел брать его в руки как Щербинский, потому что весило оно немало, а в

руках и так болтался рюкзак с порванной, вероятно где-то ночью, лямкой.

Лапников нес свое оружие в руках и подозрительно оглядывался так же как и селянин, он явно знал побольше Сергея. Мир вокруг выглядел добрым и солнечным, но Сергею почему-то не хотелось вспоминать, как он лез один и безоружный в темное подземелье собора. Не зря боялся, ой не зря.

Хотелось бы знать, зачем журналисту ружье. Ведь судя по разговору он с ним пришел, а не взял здесь. Станный тип, может все-таки у него та же цель, что и у Сергея?

Щербинский начал пересекать площадь, но неожиданно стал и показал рукой вдаль:

– Видите? Местный дом культуры.

Теперь селение не скрывала дымка и можно было ясно различить громоздкие руины старого здания, отсюда похожие на развалины греческого Акрополя. В общем ничего особенного, но над полуразрушенной колоннадой выдается в небо перевернутый ствол дерева с безумно чернеющими на небесном фоне корнями. Ну прямо как спутанные волосы.

– Огого, пожалуй теперь он стал лучше, – заметил вглядываясь Лапников.

Щербинский усмехнулся, местной дом культуры, достойный образец сталинской архитектуры, в последние годы вид имел устрашающий, пугающий селян змеящимися по фрон-тону трещинами, и обваливающейся серой штукатуркой.

Особенно неуютно жилось семье Старосельских, чей дом граничил с задней стеной здания. Старик Старосельский, кстати большой друг сторожа Савитского, каждый день остававшийся дома, всерьез предполагал, что когда ни будь стена обрушится и похоронит его вместе с домом. Что кстати и случилось во время бури, только компанию старику составила вся семья из шести человек и один заезжий гость.

– Дуб жалко. – Произнес селянин. – Хороший был дуб, древний, Кузьмич говорит, что ему десять веков отвалило, еще Лемех помнит.

Он снова двинулся к бару, и с дальнего конца площади ему помаhal сумасшедший библиотечарь, зоотехник помаhal в ответ, а затем шагнул дверь бара.

Сергей еще раз окинул взглядом развалины. Корни несчастного дерева возвышались над селом метров на тридцать, страшна стихия.

На крыльце бара висела змея. Щербинский брезгливо сбил ее ружьем и она улетела в траву, затем вошел в "Левый берег".

Тут все было по-прежнему. Груда ружей у стоек, в дым пьяный народ по углам, тихие разговоры, сидящих у окна. Щербинского поприветствовали, Сергея и журналиста лишь окинули взглядом. Особенно задержались на измазанных и испачканных зеленоватой сукровицей джинсах приезжего, на лицах было понимание.

Они прошли к столу у окна, там сейчас никого не было,

уселись, собаку Лапников посадил к ноге. Некоторое время молчали.

– Значит так, – сказал Сергей осматривая бар, (бутылок на полках явно поубавилось, зато в мойке громоздилась гора битого стекла) – этой ночью вокруг моего дома творилось чертовщина. Но этот шабаш лишь конечная стадия в цепи подобных происшествий.

– Мудрено говоришь. – Произнес Щербинский, а Лапников лишь кивал головой, соглашаясь с каждым словом Сергея.

– С самого начала моего приезда в вашу чокнутую деревню меня преследуют непонятные и жуткие вещи. Вчера ты предупреждал меня, и советовал купить ружье, теперь знаю почему, но теперь я хотел бы узнать и остальное. Почему ваше село никто не посещает? Почему в развалинах до сих пор лежат неубранные трупы? Почему с фонарных столбов свисают мертвые змеи? Почему живых змей так яростно линчуют, да еще и относятся так как к убиваемому человеку? Что за волки снуют по улицам? Почему в подвале церкви пахнет мускусом? Почему среди бела дня мы убиваем трехглазую псевдо собаку? И почему наконец ваш бывший земляк приходит ко мне под утро будучи уже задушенным?

Лапников уставился в пол.

– Знаешь почему я не сказал тебе все вчера? – спросил Щербинский.

– Почему?

– Я не был уверен что ты человек.

Журналист вскинул голову:

– Вот это бред!

– Это не бред, ты каким то образом проехал через кордон, Серый. Ты, а следом за тобой он, – селянин кивнул на Лапникова, – я расскажу тебе что по настоящему происходит в селе, тогда ты поймешь, почему я так думал.

– Ну расскажите – сказал Лапников – меня вы тоже не считали живым?

– Не забывай, что у нас тут ходят и мертвые.

– Что правда, то правда. – Произнес Сергей. – Рассказывай. Про змей, про все.

– В общем, – сказал Щербинский – началось все после бури...

6.

Да, началось все после бури, а точнее еще во время ее. Собственно, за основную часть своих жутких бедствий горемычные жители Черепихова могли благодарить теплоход «Циолковский», который имел несчастье затонуть как раз напротив деревни непосредственно во время сильного урагана. Если бы не теплоход, то, то злое начало, что давно было скрыто в селе нескоро вырвалось бы на волю.

"Циолковский" был стандартным кораблем. Длинной сто десять метров, высотой четырнадцать он был построен в пятьдесят восьмом году и выкрашен в бело синий цвет, такой же стандартный как и он сам.

Средний трехпалубный корабль следовал маршрутом достаточно обыденным и частым, а именно двенадцатидневным путешествием Москва – Питер, с заходом в Ладожское озеро и на остров Валаам. Был он недогружен и нес на себе около девяноста человек, отчего ватерлиния его высоко выглядывала из воды. Теплоход отправился в начале Июля и уже успел посетить Углич, Кострому и Ярославль, откуда двинулся вверх по Волге, чтобы войти в реку Шексну. А оттуда уже в Ладожское озеро.

Из Ярославля корабль вышел как раз в тот жаркий и ясный июльский день в канун бури, не получив, как и окрестные села штормового предупреждения. Из-за недогруженно-

сти теплоход имел маленькую осадку и был весьма неустойчив. Что правда было не очень важным на зеркальной глади реки. На подходе к озеру его собирались догрузить, но пока он должен был дойти так.

Вечером перед бурей корабль, когда небо приобрело зеленый оттенок, грозно отражавшийся в гладкой воде, вышел на многокилометровый разлив Волги и пассажиры могли наблюдать зеленоватое свечение неба и воды в полной красе. Группы любопытствующих туристов фотографировались на память, на фоне тяжелых фиолетовых туч, никто не думал. Что они могут собой предвещать.

Однако лоцман "Циолковского", хорошо знавший эти места, сумел распознать надвигающуюся беду и доложил капитану. Было решено прибавить ходу, чтобы в самое кратчайшее время придти к пристани Дубки, где в естественном заливе можно укрыться от непогоды. Однако они явно недооценивали масштабность готовящейся бури. А сила ее была такова, что даже если во время первого удара стихии корабль стоял в гавани, а не на середине километрового разлива, то его все равно невозможно было бы спасти. Корабль можно было сохранить, только направив его к берегу и прочно посадив на ближайшую мель. Но понятно, что делать такое, только увидев на горизонте тучи было безумием.

Недозагруженность решила судьбу "Циолковского". Когда первый мощный шквал налетел, корабль оказался к нему боком, поворачивая в излучине реки, как раз напротив це-

лого еще Черепихова.

Этим же первым ударом, смело большинство крыш в селе, обрушило ряд деревьев на дороге, и подняло в воздух хрупкую будочку старика Савитского. А затем единым рывком перевернуло неустойчивый корабль. Повезло тем, кто глядел на надвигающуюся бурю с палубы, их смело в реку и многие смогли доплыть до берега. Те же, кто закрылся в своих теплых каютах, не успели ничего предпринять, так как завалившийся набок теплоход резво перевернулся килем и стремительно пошел на дно. Как топор. Есть предположение, что некоторые из туристов верхних кают некоторое время тихо задыхались, глубоко под водой.

Из всего количества пассажиров на теплоходе спаслось около трети, две трети либо остались похороненными под водой, либо утонули пытаясь добраться до берега. Из числа спасенных многие оказались туристами самых нижних кают, которые при перевороте, дольше других оставались над водой.

Часть пассажиров успела нацепить спасательные жилеты и выпрыгнуть в бушующую мглу (А волны были на порядок больше тех, что наблюдал Серега прошлым вечером, полторы недели спустя). Четвертая часть людей, очутившихся в воде пошла ко дну, остатки распределились следующим образом: около половины достигли низкого берега деревни Карявкино и им несказанно повезло, а других прибило к селу Черепихово и именно с них началась череда безумных собы-

тий, приведших село в нынешний вид. Из этих несчастных страдающих туристов, заплативших немалые деньги за этот круиз, не выжил никто, все сгинули в окрестных лесах и растворились в круговерти следовавшего за бурей ужаса.

Бывший турист из каюты люкс Алексей Иванович Старостин по профессии частный предприниматель никак не мог знать что он выступит в арьергарде надвигающегося шабаша, однако именно из-за него вторжение тьмы началось так скоро. Конечно когда ни будь это бы произошло, но его вина в том, что это случилось уже на следующий день.

Обезумевший от холода и боли турист был сильно истрепан холодными волнами и прибит к Черепиховскому пляжу в том месте, где холм, на котором стоит село, спускался непосредственно к воде.

Спасся он благодаря белому пенопластовому жилету и сильному течению в этих местах, которое пронесло его мимо Воскорецкого омута. Его племянник, отправившийся вместе с ним в путешествии нашел свой покой на тинистом дне реки, вместе с лавиной долей пассажиров теплохода. Однако плавание в ледяной взболтанной воде, под черным с клочками фиолетовых туч небом, сильно повредили рассудок Старостина, и хотя он был вышвырнут на землю невредимым, мозги у него дали сбой.

Он внезапно перестало понимать, как он тут очутился, ощущал лишь холод и животный ужас. Так и не сняв с се-

бя белый жилет он поднялся шатаясь на ноги и сквозь ветер кинулся вверх по холму. Он бежал вверх. Его скидывало, он снова вставал и, бежал. Потом пытался вползти и в его закоротивших мозгах светилась единственная мысль: "Тепло". Ему нужно было тепло и желательно сушь.

– Я хочу в тепло, – бормотал он тяжело взбираясь вверх по пологому холму, – хочу тепло, – и снова скатывался вниз, в грязь и его обдавало ледяными брызгами из обрушивающейся на берег волны.

– Тепло. – Скулил он лежа под ледяным дождевым душем и снова поднимался, испачканный в прибрежной земле и в жидкой глинистой грязи.

Наконец нечеловеческими усилиями, бывший богатый жилец люксовой каюты, а ныне снедаемый холодом безумный комок протоплазмы, смог вскарабкаться на вершину холма, где его чуть не убило пролетающим мимо бревном, только что оторвавшимся от ближайшей избы.

Старостин с воплем метался по разрушающейся улице, пару раз наскакивал на таких же перепуганных мечущихся жильцов деревни, цеплялся за них и хрипел им "Тепло...", его отталкивали, мчались прочь а он полз за ними причитая. Одного только что выскочившего из дома селянина на глазах у Старостина раздавило упавшим с неба телеграфным столбом, который был выдернут на другом конце деревни.

Наконец кто то из мечущихся, за которого в очередной раз уцепился турист с размаху ударил его в голову, отчего

бывшего предпринимателя отбросило на метр, и он, сломав жиденький штакетничек, ввалился в чей то огород.

Тут рассудок у него окончательно помутился и он воя, как подбитая собака пополз в одну из боковых улочек. Безумными глазами проследил трактор, барражирующий над селом на крыльях вихря, и наткнулся глазами на широкий фронтон дома культуры.

– Тепло... – прохрипел он и одержимо пополз в сторону серого здания.

Один раз возле него обрушился грузовик, развозивший ранее хлеб, но он даже не заметил, лишь полз причитая вдоль улочки. Затем поднялся на четвереньки и резво побежал на четырех конечностях.

Прорвавшись сквозь бурю, добрался он до Черепиховского дома культуры. Дверь была открыта, а вернее сорвана с петель шквалом. Рядом, всфыркивая редкими голубоватыми вспышками лежал оборванный провод.

Старостин кошачьим прыжком отшатнулся от провода и так же на четвереньках вполз внутрь. Тут было тепло, но он стремился дальше, вглубь от стихии, и поэтому безошибочно поковылял в подвал. Подвал был открыт, иногда кажется, что сама судьба способствовала появлению скрытого в Черепихове зла, слишком уж стройна цепь событий начавшихся во время бури. Как например объяснить, что дверь в подвал была открыта во время бури, а в самом здании никого не было.

Как бы то ни было, а безумный пассажир потонувшего корабля с воем метнулся в спасительную неподвижную темноту. Это было спасением для него и одновременно проклятием для всего несчастного села.

Как только Старостин, подвывая, метнулся в подвал, древний чудовищным дуб обрушился со смерчем на ветхое каменное строение.

Дом рухнул, многотонные деревянные стропила, подгнившие задолго до катаклизма вперемешку с кладкой стены, бетонными перекрытиями этажей, обрушились вниз, частично пробив пол и провалившись в подвал.

Два тяжелых швеллера рухнули на бегущего Старостина и придавили его к полу, сломав позвоночник. Он издал задушенный писк и затих. Следом под натиском бетонной плиты обрушилась часть стенки подвала, не реставрировавшаяся с момента постройки.

Кирпичная кладка разлетелась в стороны, светя пористыми цельными кирпичами, какие делались в начале века, а следом из стены вылетел округлый камень, который на кирпичи был совсем не похож.

Камень упал на пол, два раза подпрыгнул словно был резиновым мячиком, а не пудовым камнем и остановился прямо напротив головы умирающего Старостина. Предприниматель медленно повернул голову и прочил руны, что были начертаны на камне, понял их, но совершенно не удивился и не испугался, так как уже не мог нормально сообщать.

Придавленный тяжелыми глыбами бетона, с раздавленными ребрами он мог лишь смотреть на эту надпись и тихо умирать.

Однако два часа спустя, когда самый яростным момент бури был уже позади Алексей Старостин был еще жив. Больше того с каждой минутой ему становилось все легче, словно не лежал он под острыми пористыми кусками бетона со впившейся в бока ржавой арматурой.

– Тепло... – мечтательно проговорил он в полный голос.

А затем, бросив еще один взгляд на камень из которого как бы это самое тепло исходило без особых усилий выкарабкался из-под завала. На секунду ему показалось что он стал меньше, чем раньше, и гораздо проворней. Экс – турист отполз в уголок подвала, за поваленный в штабель стеллажи с книгами, отсюда виднелся край неба, освещаемого вспышками молний, значит подвал не завалило полностью.

Встал на колени, а затем в полный рост, словно и не ломал себе ребра и позвоночник, постоял так, а затем снова встал на четвереньки, так привычнее.

Что-то изменилось вокруг, но он не понял что, просто подбежал к валяющемуся камню, обвился вокруг него и уснул. Чувствуя радостное тепло.

Сны ему снились дикие и страшные, он не понимал их, он теперь вообще не отличал их от реальности.

А утром Дня После Бури он очнулся в пятне серого утреннего света, лившегося чрез пролом в потолке подвала. Ка-

мень за ночь выпал у него из рук и откатился в сторону. Старостин попытался подняться, но внезапно ему показалось, что у него нет ног, да и рук тоже, он даже прополз пару метров по подвалу, извиваясь всем телом, но затем все-таки вспомнил, как подняться на четвереньки и потрусил к свету, теперь он хотел найти людей.

Дальше было просто. Выкарабкавшись по разваленным бетонированным плитам на волю он впервые увидел свои руки на свету.

Руки были как руки, но вот только покрыты они были сероватой шелушащейся чешуей. Крохотные чешуйки осыпались с них и исчезали в вязкой грязи. Кроме того на них совершенно не было ногтей. А следом в ближайшей луже отразилось и его лицо, которое еще носило легкое сходство со Старостиным, крупным предпринимателем, могущим заказать себе класс люкс на любом теплоходе, но тоже было покрыто грязно серой шероховатой чешуей а рот ввалился, лишившись неожиданно зубов. Кроме того веки у него на глазах проявляли явную тенденцию к опрозрачиванию.

Он был уже настолько тронут, что совершенно не удивился этому и пополз к ближайшему домику, милого синего цвета с резными темными совами на крыше. Постучал в дверь. Ее открыл мужик лет сорока из-за плеча которого выглядывало многочисленное его семейство. При виде Старостина дети кинулись с визгом прочь, но он не заметил этого и пошел на хозяина дома радостно говоря:

– Люди! Люди да?! Люди здесь, а я из вода! Люди...

И не замечал он, что вместо слов у него вырывается низкие сухой шип и сип, а человек пятится от него с широко раскрытыми глазами.

Он все еще радостно причитал, когда хозяин дома дошел до стены, а затем пошарился в антресоли над головой вынув оттуда ружье, тульскую двустволку.

– Друзья! Люди! Тепло!!! – не замечая ничего еще сипел Старостин, когда хозяин поднял ружье и выпалил из обоих стволов.

Дуплетный залп крупной дробью, оборвал жизнь Алексея Старостина, в прошлом подающего надежды бизнесмена, а ныне непонятого монстра, но дело было сделано. Вместе с шипящим приветствия кораблекрушенцем в Черепихово пришла змеиная.

Саврасов, хозяин приметного синенького дома в котором в дальнейшем поселился Серега, постоял немного над трупом змее человека, а затем крикнул жене собирать вещи. Днем они уехали. Что с ними стало мы уже знаем.

Но начало было положено.

Странности начались этим же вечером. Один из путешественников, проезжающий Черепихово, неожиданно потерял управление автомобилем и врезался в стену разрушенного дома прямо на глазах у изумленных селян. Когда подбежали, то внутри раздолбанного вдребезги автомобиля ока-

залось пусто. Озадаченные селяне разошлись, а час спустя местный пьяница Степан приплелся шатаясь в бар, прежде чем рухнуть на пол успел поведать, что рылся в обломках машины и неизвестно как напоролся на сидящую там змею, которая его соответственно укусила. Случай был странный но на него никто не обратил особого внимания, ведь народ до сих пор разгребался в осколках бури.

Около, девяти трое селян, что объединенными усилиями чинили один из домов наблюдали в вечернем небе полет гигантской летучей мыши, а следом за ней двух крупных серых волков, неспешно бредущих вдоль улицы. Пока они смотрели на эту невидаль один неожиданно куда то исчез, а обернувшиеся соседи увидели лишь крупную серую гадюку, что медленно сползала с крыши, а затем бухнулась на землю.

В девять тридцать старый Кузьмич спустил свою плоскодонную лодку в тихие и спокойные воды Волги, намереваясь порыбачить в прибрежных камышах, неподалеку от Воскресецкого омута.

Вечерело, небо было таким де чистым и прозрачным, как и за день до бури. Звезд еще не было, а солнце таяло в мутной дымке на Западе.

Кузьмич всегда выезжал на рыбалку на закате, он плавал вот так уже много лет и пожалуй не разу не пропустил своего любимого момента, когда день угасает, а небо над голо-

вой неожиданно становится на удивление огромным и всеохватным, а сам ты кажешься лишь крошечной букашкой на гладком зеркале воды.

Кроме того вечером хорошо клевало, конечно теперь рыбы уже не столько как раньше, но все-таки поблизости один из самых глубоких омутов на Волге и по слухам там еще водятся двухметровые зубастые щуки.

Двухметровых щук Кузьмич ловить не собирался, годы не те, да и на его хлипкую удочку – палочку особо много не на рыбачишь, но на средних карасиков вполне можно рассчитывать. Кузьмич любил рыбу и часто сам готовил из нее крепкую наваристую уху, на которую имел обыкновение приглашать половину села.

Рыбак направил свою утлую деревянную, обшитую в некоторых местах плоскодонку на противоположный берег, до камышей надо было идти по стремнине, а затем довольно резво выгребаться к берегу, а то унесет дальше. Здесь бы помог мотор, но старый давно вышел из строя, а на новый катастрофически не хватало денег.

Солнце стаяло, с реки потянуло холодком и Кузьмич плотнее запахнул брезентовый дождевик – лучшую защиту от ночного холода. На реке нельзя разжечь костер и погреться, тут приходится часами сидеть неподвижно и потихоньку впитывать ночную стынь. Лодочка тихо скользила по неподвижной воде, к вечеру стихает даже самая легкая зыбь, а по обоим сторонам от нее становилось все темнее. Не загорят-

ся в этой непроглядной тьме яркие электрические огоньки, электричество отрубилось на обеих сторонах разлива, порвало везде провода и говорят, даже поломало сильно местную Ярославскую электростанцию, так что не скоро засияет свет яркий в домах. Ну а керосинки светят так слабо, что их и не видно.

Слева в Черепихово взметнулся огненный язык и тут же утих.

– Жгут чего-то? – спросил сам себя Кузьмич и снова глянул ту сторону, там было видно легкое свечение, словно что-то тлело.

Раздавались вроде еще выкрики, но рыбак был туговат на ухо, особенно в последнее время и ничего расслышать не мог.

Солнце село за горизонт, но западная сторона неба была еще довольно светла, хотя на противоположной уже сгустилась тьма и горело с пяток звезд. Неясные крики смолкли, и снова настали тишина, даже собаки не лаяли.

– "Нехорошее время настало" – подумал Кузьмич оглядывая берег – "Все перечеркнула буря проклятая!"

У Кузьмича больше не было дома, да и он сам то уцелел по счастливой случайности, вид как тяжелая деревянная стропила с хрустом пробилла пол всего в двух шагах о его кровати. На которой он к тому времени уже спал. Половину прошлой ночи он провел под проливным дождем, бегая вот в этом самом дождевике в поисках укрытия. Ему также дове-

лось наблюдать падение дуба на дом культуры и бреющий полет трактора. Из ужасов той ночи он еще помнил мучительную смерть соседской коровы, заброшенной вихрем на провода и разом их замкнувшей, и двоих Щербинских судорожно пытающихся спасти роем вылетающее из их дома имущество.

Кузьмич тогда схоронился прыгнув в неглубокий подпол, разваленного до основания дома, и с тех пор жил в своем гараже на берегу, рядом с лодкой, единственному что у него осталось на данный момент, кроме улочки.

Сегодня утром он вроде бы слышал выстрел. Или показалось? Он прожил много лет в этом селе но никогда не видел его в такой разрухе.

На левом берегу смутно темнели в ночи камыши. Там был небольшой заболоченный участок, а следом ничего не отражающая гладь омута, похожего издали на маленький веселый заливчик, только вот купаться там никто не спешил. Подземные пустоты создавали там мощное утягивающее вниз течение с которым временами не мог справиться даже опытный пловец. Кроме того там была осень холодная вода. Старые бабки до сих пор считают, что за ноги тянет речной дух.

Дух или не дух, а в омуте Кузьмич не рыбачил, очень уж не нравился ему вид ночной воды, когда знаешь что там нет дна. Зловещее место, но ему туда плыть не надо. В камышах мелко, а клев идет хорошо, кроме того можно все-таки закинуть длинную леску на самый край омута.

Когда-то старый рыбак для проверки кинул в чистую воду омота ярко блестящую хорошо видную подкову и смотрел как она погружается, надеясь увидеть, как она ляжет на дно. Но подкова так и ушла в глубину постепенно растворившись в синей прозрачной воде, словно ее и не было. Как и дна в этом провале.

Пора было поворачивать, и Кузьмич ухватившись за весла начал энергично ими грести пытаясь вырвать лодку из стремнины. Сразу запыхался, бормотал что не в его уже годы так плавать, что-то о моторе, но в конце концов тупой нос лодки стал поворачиваться и оказался нацелен на Черепиховский холм. Теперь течение опять несло лодку, но из стремнины она ушла и по дуге приближалась к берегу.

Вот и камыши, кому-то ночью будет здесь жутковато, но только не Кузьмичу, он уже много лет коротает ночи в зарослях осоки и камышовых стеблей, здесь всегда спокойно и ничего не тревожит ровную гладь воды.

Однако теперь здесь что-то не так. Кто-то ворочается в камышах, ломает стебли и тяжело сопит. Кузьмич приостановил лодку и вгляделся в густые заросли, однако уже стемнело и разглядеть что-либо было невозможно. Тогда он пошарил в своем рыбацком мешке, и извлек мощный фонарь на подзаряжаемых аккумуляторах, подаренный ему родственниками из города. Аккумуляторы скоро сядут, а вот подзарядить их уже не удастся, электричества то больше нет, тогда придется снова доставать свой старый фонарь "Летучая мышь",

он конечно горит слабо и тускло, но не зависит от электропитания.

Долго искал в темноте кнопку включения фонаря, нащупал наконец и включил. На воду неподалеку упал яростный сноп света, фонарь был хороший. Кузьмич повел им из стороны в сторону, а затем направил прямо в камыши.

Там что-то заревело, заклокотало и потрясенный Кузьмич узрел темную фигуру, которая неловко выкарабкивалась из Воскорецкого омута. Но насколько сильнее ион испугался когда понял, что это никто иной как старик Савитский, местный сторож с которым ему не раз приходилось сживать на завалинке дома и трепаться о том о сем. Да говорили они славно, на все село славились своей говорливостью.

Кузьмич мотнул головой, отгоняя привычно наплывающие воспоминания, сейчас перед ним Савитский выползал из Воскорецкого омута, где сгибло неизвестно сколько народу.

Да и было со старым сторожем что-то не так. Все более изумляясь Кузьмич увидел, что лицо Савитского странного зеленовато – синего цвета, тело у него обтекаемое и покрыто зеленоватой слизистой чешуей, а на бледных руко – лапах растут перепонки между пальцами. Кроме того в воде колыhalось что-то похожее на хвост. Странное создание моргало выпуклыми черными глазами, не нравился свет.

– Савитский, Ты? – робко спросил рыбак.

Тварь поморгала и шумно задвигала лапами.

– Кузьмич!!! – Проревел Савитский приподнимаясь и мутя лапами прозрачную воду. Стало видно, что брюхо у него белое, как у лягушки.

Кузьмич попятился в своей лодке, от Савитского распространялся сырой запах, похожий на запах дохлой жабы и гнилой рыбы одновременно, тот мощно рассекая воду уже плыл к лодке. Плыв не брассом и не саженками а мощно, как земноводное отталкиваясь обоими задними лапами. Был он обвешан тиной и нельзя было понять, где кончается растительность, а начинается туловище.

– Кузьмич!!! – Еще раз проквакал Савитский, в свете фонаря было видно, как при словах у него изо рта брызнула густая речная тина, он резво перебирал лапами стремясь скорее добраться до лодки.

– Ты же утоп! – Прокричал Кузьмич навстречу приближающемуся монстру. – Тебя ж вместе со сторожкой в речку скинуло.

Савитский молча приближался, лишь шумно выдыхал иногда.

– Как же ты из омута вылез? – вновь спросил рыбак – никто не мог оттуда вернуться, и ты не должен был!!

Мокрая тварь приближалась, мощный хвост вспенивал спокойные воды реки, камыши ломались с отчетливым треском, как спички.

– Ты не Савитский вовсе, – закричал Кузьмич, которого быстро затапливал страх – Водяной ты!!! И меня... АААА!!!

Бывший сторож с шумом и ревом одним прыжком взгромоздился на борт лодки, распространяя запах гнилой рыбы, потянулся к рыбаку. Тот разглядел на лягушачьих лапах бледные когти с остатками рыбьей чешуи на них.

– АААА!!! – Завопил еще громче Кузьмич и совершенно не соображая что делает, запустил в монстра тяжелым аккумуляторным фонарем.

Тот с разгона влетел чудищу в голову, послышался звон раскальваемого стекла и фонарь погас, а Савитский тяжело опрокинулся с борта в темную воду, скрывшись сразу же в глубине.

Кузьмич не медлил. Он всего секунду стоял, безумно оглядывая круги расходящиеся на воде, а затем схватил весла и начал с поразительной скоростью выгребать из камышей, движимый мыслью как можно больше увеличить расстояние между ним и страшным земноводным монстром который раньше был его большим другом сторожем Савитским.

Лодка вырвалась с шумом из камышей и споро пошла к стремнине, оставляя позади страшные заросли. Когда он отплыл метров на тридцать из камышей донесся громкий квакающий вопль, полный токи и отчаяния, а затем все стихло. Однако Кузьмич представлял себе беззвучно плывущего под речной гладью водяного, греб все дальше от берега пока не оказался почти на середине реки.

Тут его подхватило течение, из которого он уже не смог

выбраться и несло его вниз по реке на расстояние пяти километров, где ему удалось причалить, но пришлось бросить лодку и идти до Черепихово пешком.

Да, не сможет он теперь жить в сарайчике на берегу реки. Будет теперь представлять как склизкая чешуйчатая лапа хватает его за горло поздно ночью, будет видеть снующие тени в глубине реки. Да и не он один.

Настала ночь и один из селян по фамилии Лемешев внимательно взгляделся в свои чешуйчатые руки без ногтей, принес из сарая канистру бензина, облился и поднес огонь.

С воплем он выбежал на двор и там упал дотлевать, но на фоне всеобщего разгрома этого никто не заметил, кроме плывущего по реке Кузьмича, а тому было не до того.

Объяснительную записку бедняги так никто и не нашел. У села были другие проблемы. Черепихово мучалось кошмарами. Этой достопамятной ночью, первой Ночью После Бури, почти всему здравомыслящему население села снились плохие сны. То тут то там раздавались испуганные выкрики, когда человек вскакивал с ужасом от очередного кошмара, будя родных, в некоторых домах вообще не спали.

Снились в основном змеи, клюки разноцветных разнокалиберных змей, яростно извивающихся, снилась осыпающаяся крупными пластинами сухая чешуя. Еще снилось некое сгоревшее и разоренное поселение с выжженной поляной в центре. Сны были чуждые страшные, непонятные. Они звали в лес, в темень сырость, в глубину вод, сильно давили,

так, что проснувшись, человек еще некоторое время косился на смутные ночные тени, не в силах понять что же его так напугало.

Еще снился темный пруд, с загаженной водой и темным лесом позади. Почти все знали это место, ведь это были Черепиховские пруды, в дальнейшем споро переименованные в Темные. Почему-то от прудов становилось страшно, хотя многие только недавно купались в них.

Самое пожалуй страшное было желание обратиться в какого ни будь зверя. Во сне всех тянуло стать змеей или жабой или слизистым тритонов, чтобы скользить, извиваться прятаться в тину от суеты.

Кошмары терзали деревню до трех утра, а потом резко прекратились.

Утро облегчения не принесло. Наоборот, масштабные события, зародившиеся сутки назад только разрослись. Те из селян, кто нашел в себе силы спать, сопротивляясь кошмарам просыпались по утру и с удивлением находили в своих домах змей на месте исчезнувших родственников. Многие змеи были убиты, а остальные спаслись бегством. Те же жильцы, которые всю ночь просидели не смыкая испуганных глаз могли наблюдать весьма неприятные вещи.

Жилец дома номер тридцать семь, Михаил Савичев угрюмо сидел за деревянным столом крытым грязной клеенкой.

Он устало смотрел в окно, а глаза были красные от недосыпания. Эту ночь он не спал совершенно, хотя и пытался много раз. Закрыв глаза он тут же засыпал и ему являлся темный липкий пруд, с зарослями кувшинок по берегам. Из пруда поднимались какие то испарения и лился в небо тихий зеленоватый свет. Сон этот был бы не слишком страшным, если бы не постоянное ощущение, что из пруда вот-вот полезет что-то ужасное.

И как только во сне он это думал, то тут же понимал. Что это нечто как-то услышало его и сейчас поднимется из глубины, поочередно пересекая разно тоновые слои воды. Будет подниматься из той темной бездны, где живет (Большая глупость, ведь известно, что в прудах нет мест глубже трех метров), а затем в рое мелких пузырей вырвется из воды и прыгнет к нему. Пока еще чудовище только двигалось вверх, но с каждым новым сном, приближалось к поверхности, метр за метром одолевая разделяющую их воду.

В два часа ночи Савичев прекратил попытки заснуть, испугавшись неожиданно, что в одном из следующих снов монстр вырвется, и тогда селянину уже не очнуться от сна. Поздней ночью эта мысль была совершенно серьезна и можно было даже поверить в нее, что он никогда бы не сделал днем. Так что после двух он не спал и заметил пару слабых огоньков в домах неподалеку. Значили ли эти огоньки, что другим тоже сняться кошмары? Или огни горят по другой причине?

В соседней комнате громко храпел его брат Савва, спокойно спящий всю ночь, уж его то явно не мучили кошмары, такой крепкий сон не разбудит никакой ужас.

Утро было сравнительно позднее, девять тридцать утра, пять минут назад прямо перед окном по бетонной дорожке проползла большая длинная змея и исчезла в кустах у забора. Разве в Черепихово есть змеи? Или это был уж? Да нет, уж не такого сизо – серого цвета, Это явно гадюка лесная, и как теперь только возиться в саду?

С перекрестка, что находился через дом, донеслись истерические и болезненные собачьи визги, перемежаемые с глухими низкими взрыкиваниями сразу в несколько голосов.

Там явно рвали какую то псину. И похоже серьезно, до смерти. В визг вкрались агонизирующие нотки, а затем он неожиданно оборвался.

– "Все что ли?" – подумал Савичев.

Но вой возник снова, и гораздо ближе, казалось раненная псина воет прямо под окном.

– Что за черт? – Спросил сам себя Савичев и вдруг понял, что воет не собака. Звук шел из комнаты Саввы.

Селянин подскочил и медленно прошел к закрытой двери соседней комнаты, тихо толкнул дверь и так, скрипнув легонько, отворилась.

Савва сидел на краю кровати медленно, словно в трансе, покачиваясь. Он обхватил голову руками и издавал монотонный заунывный вой, который был не слишком похож на че-

ловеческий.

– Савва? – Приглушенно спросил Савичев, чувствуя что происходит нечто неладное, да и что хорошего может случиться после таких снов? – Ты чего сидишь.

– Аааа... – Почти пропел Савва. – Болит все, чешется, аааа?

– Что с тобой? Ты чего за голову то держишься?

Сидящий поднял резко голову, слепо вытаращил глаза и спросил:

– Михаил! Это ты? Ты тут?

Ответные слова застряли у Савичева в горле. Лицо брата было словно после сильного солнечного ожога, и кожа облезала на глазах и свисала измочаленными лохмотьями. Лишь некоторое время спустя он понял, что это не так. Лицо сидящего покрывала вырастающая прямо из кожи сероватая чешуя. Волосы у него выпадали и клочьями лежали вокруг на полу, лишился он и бровей. А в глазах почти отсутствовали зрачки.

Первым позывом Савичева было выскочить с воплями прочь из комнатушки в котором сидел такой жуткий монстр, а затем сорвать со стены ружье и прикончить чудовище. Но он сдержался. Сидящий на кровати был все таки Саввой и ему было сильно плохо.

– Что с тобой? – Еще раз спросил селянин. – Что с тобой происходит?

– Не знаю, – ответил горестно Савва, его голос был сильно

сиплым, почти шип, – руки мои, руки, чешется все, и не вижу почти ничего. Может это болезнь какая?

– С тобой же вчера было все хорошо!

– Было хорошо... А сейчас видать помираю... – И он бес- сильно завалился на койку раскинув руки.

– "Доктора"! – Подумал Савичев. – "Нужно скорее докто- ра! Скорую не вызывать, телефон не работает! Как же тогда"?

Савва зашипел в подушку, явно находясь уже в беспмят- стве.

– "А Тимаго! Наш местный врач может у себя? К нему надо!

– Савва!! – Начал тормошить он брата. – Не вались, вста- вай! Мы идем к доктору, он поймет что с тобой, давай!!!

Савва что то просипел, тяжело приподнялся, клочья кожи к него с лица медленно сползали на подбородок, а оттуда на пол. С ужасом понял селянин, то у брата почти прозрачные веки.

Савичев резко дернул сидящего за руку, и довольно силь- но оцарапался об чешую на ладони, чувствовал. Как трясет- ся эта рука, как с нее осыпаются крохотные чешуйки. Савва со криком поднялся, но чуть не упал и оперся о стену, затем оторвался от нее и заковылял, поддерживаемый Савичевым в коридор.

– Ну давай, нам совсем недалеко.

Две пары ног потопали через комнату. Ноги Саввы были тонки и похожи на спички, видимо атрофируясь на ходу. Он

спотыкался и тяжело с присвистом дышал. Глаза у него были закрыты, но сквозь прозрачные веки виднелись двигающиеся глаза.

Кое-как выползли во двор. Выходя, Савичев прихватил с гвоздя ружье, мало ли что, в селе стало небезопасно после бури.

Во дворе встали, Савичев прислонил Савву к стене, а сам побежал выгонять машину, по пути заряжая ружье. Машину выгнал неудачно, чуть не въехал в край гаражных ворот, а когда вернулся, то увидел, что брат стоит в окружении из пяти здоровых серых псов, что не двигаются с места и глухо рычат. Савва их не видел, он был без сознания. Псы кстати были довольно таки странные, шерсть густая, хвосты поленом висят.

– Эй!!! – Закричал он, бросаясь к собакам. – Те мигом разомкнули круг и две из них прыгнули в сторону и исчезли за забором. – Пшли вон шавки!!! И замахнулся рукой.

Серые псы остались на месте, лишь злобно оскалили зубы, что были ненатурально большими, хвосты у них были поджаты, а сами похоже не собирались уходить. На таких с кулаками набросишься, руки по плечи отхватят.

– Ну ладно, – пробормотал он и сдернул со спины ружье. Коротко прицелился и выстрелил в крайнего пса. Заряд мелкой дроби угодил животному в морду, разворотил ее всю и теперь на яблонево́й ветке неподалеку повис желтый потухший глаз. Пес прыгнул вперед, но промахнулся и упал

в грязь, где остался лежать неподвижно, лишь задняя лапа слегка дернулась и застыла.

Савичев выстрелил второму псу в брюхо и тот куда то уполз, волоча за собой длинные ленки кишков. Третий решил не пытаться судьбу и бросив пост молча скрылся за углом дома. Савва лежал на земле еще не подвижной, чем только что убитый волк, и лишь только по движению ребер можно было сказать, что он еще жив.

– Давай Савва! – крикнул Савичев и с трудом приподнял брата с земли, стараясь не смотреть на его лицо.

Веки у того были по-прежнему закрыты и Савичев испуганно подумал, что они срастаются.

С трудом он дотащил тяжелое тело до машины и взвалил на переднее сидение. Сам сел за руль. Автомобиль, старенький жигуленок погнал вдоль по улице и у перекрестка раскатал обгрызенный труп собаки коричневой масти. В тень шархнулось несколько летучих мышей. Что сидели на штакетнике возле дороги. Странно, разве они не водятся только ночью.

Савва неподвижно, как бревно, глаза смотрел в одну точку, и он казалось не дышал. Но затем неожиданно высунул язык, сильно почерневший с раздвоением на конце. Савичева затошнило, но он быстро гнал автомобиль по улицам. Кстати людей на этих самых улицах почти не наблюдалось, видно отсиживаются после бессонной ночи дома. Или у них сходные проблемы. Что же происходит?

Больницы как таковой в селе не было, было что-то вроде лазарета, где дежурил доктор и пара санитаров. Не было надобности в большем, ведь всегда можно было вызвать скорую из города что был не так уж далеко.

Резко тормознув у этой местной поликлиники Савичев выскочил из машины, вприпрыжку понесся по ступеням и ворвался в приемную, с силой толкнув дверь. Внутри стоял специфический мускусный запах, гнилой какой то неприятный.

Доктор Тимаго был тут. Он сидел сгорбившись за столиком и лихорадочно делал какие то пометки в толстом журнале перед собой. Выглядел он устало и истощенно, у него была короткая седая борода и круглые очки в пластиковой оправе. Он поднял голову от журнала и уставился на селянина.

– А, Савичев? – сказал Тимаго. – Случилось что?

– Случилось! – торопливо сказал Савичев – брат мой Савва заболел, плохо ему, умрет похоже вот-вот...

– А что с ним? – странно насторожился доктор.

– В горячке. Все тело покрыто чешуей какой то, глаза странные, да и не говорит уже а сипит.

– Как ты сказал? В чешуе и шипит? А язык какой?

– Черный, и вроде как с раздвоением на конце.

Тимаго с грохотом поднялся, вылупил глаза, руки у него тряслись, не то от страха, не то от слабости.

– Иди отсюда!!! – Неожиданно заорал он. – Иди! Брата

твоего уже не спасти! И тебе возможно!

Савичев изумленно отступил:

– Как же так, ведь он помереть может от этого. Как не лечить? Да что происходит наконец.

Тимаго вышел из-за стола:

– Я верно сказал, – произнес он уже спокойнее, – он уже третий на сегодняшний день. А первые двое, не просто умерли, а с ними случилось нечто более жуткое.

– Что?!

– Они исчезли... И с Саввой будет то же, и со всеми скоро!!! Так что уходи отсюда, и вообще беги из этой деревни, это что-то заразное!

– Я не брошу его, с ним творится что-то страшное. НО доктор, есть же какой то шанс, что он выживет.

– Есть, но он изменится так, что уже нельзя будет считать его человеком. – Уже спокойнее произнес Тимаго. – но мы можем попробовать, тащи его сюда.

Савичев кинулся обратно и добежав до машины остановился. Савва смотрел на него, затем открыл рот без губ и зашипел. Его началом мелко трести, он хватался руками за лобовое стекло и оставлял на нем мутные пятна.

– Ну пошли же! – Сказал Савичев открывая дверцу.

На секунду ему показалось что Савва не понимает его, но затем тот тяжело кивнул и сам попытался вылезти из автомобиля.

С жуткими муками дотянули они до второго этажа, где

доктор поддержал Савву с другой стороны и вдвоем они повели больного к койке в углу кабинета. Тут Тимаго кинул Савичеву толстый армейский ремень, и резиновый жгут, командовал:

– Вяжи его!

– Вязать? Как вязать?

– Прямо вязать, накрепко прикрути его к койке, его сейчас начнет корчить. С теми тремя так было.

Уложив брата на койку селянин намертво привязал ремнем и жгутом к койке. Стиснул зубы и старался не слышать, как Савва сильно шипит, когда ремни стягивают тело. Теперь получеловек был крепко привязан к твердой койке, а его закрыто – открытые глаза пялились в потолок. Закончив Савичев отступил от кровати:

– Что дальше?

– Ничего, – ответил доктор, – будем ждать и смотреть.

– Как же так. Вы ничего не сделаете, ничего не уколите?

– А что я могу, посмотри на него, это не похоже ни на какую болезнь. Человек на наших глазах превращается в монстра. С чешуей. Нет будет ждать.

Впрочем ждать долго не пришлось. Уже минут чрез пять глаза у Саввы обрели выражение, правда какое то не слишком понятное. Он начал извиваться под своей привязью, шипел и дергал ногами, затем неожиданно высунул длинный и тонкий язык с вилкой на конце, сантиметров на тридцать, не меньше. Савичев и Тимаго затаив дыхание смотрели на то с

другого конца комнаты.

Тело привязанного менялось поразительно быстро, его корчили жуткие судороги а лицо кривилось в гримасах. Чешуя на лице стремительно уплотнилась, обрела цвет и заблестела, а само лицо потеряло форму и потекло, словно черепные кости превратились в топленый воск. Он извивался и было видно, что ног у него больше не две, а всего одна, удлинняющаяся с каждой секундой. Тело утончалось и вытягивалось, лицо тоже вытянулось, голова приняла сплюснутую форму. Глаза разошлись по бокам черепа. Из глотки шел жуткий змеиный шип.

Одновременно стало видно, что ремни, плотно обтянутые вокруг человеческого тела больше не могут удерживать изменившееся туловище Саввы. Он извивался, дергался, а затем стал быстро выкарабкиваться из перевязи, а глаза, темные и без зрачков пялились поочередно на стоящих людей.

– Стреляй!!! – Заорал вдруг Тимаго. – Стреляй или он доберется до нас!!!

– Как я могу стрелять, ведь это Савва!

– Это не Савва, это большая поганая гадина, гадюка!!!

Стреляй!

Савва выкарабкался наконец из-под ремней, все еще оставаясь ростом с человека, но формой уже больше напоминал змею. Он распахнул пасть в мощном шипе – реве и длинный ядовитый клык раскрылся в воздухе, как нож-бабочка. С клыка что-то капнуло. Он стремительно кинулся на нере-

шительно поднявшего ружье Савичева.

И тот убил своего брата Савву.

День разгорался, но не было солнца, и не было покоя в душах селян. С этого утра их ряды быстро редели. Те кто ушел в Черепиховский лес по какой ни будь надобности в основном своем не вернулись. Произошли еще две автокатастрофы, после чего на машине на улицу уже никто не выезжал. Сейчас все сторонились друг друга. Но скоро их останется так мало, что им придется объединится.

Печально, но этот день оказался последним для тех двадцати трех человек, что имели несчастье выплыть на правый Черепиховский берег. О них никто так и не узнал, и в течении этого третьего дня они один за другим сгнули в мрачной лесной чащобе. Последний каким то чудом выбрался в село и помчался дико вопя по главной улице, а у него из спины на глазах вырастал кто то ушастый и лохматый, но чертами схожий с бегущим. Не дав им разделиться, в конце улицы беглеца встретили трое селян с ружьями и расстреляли несчастного. Отвлеклись не надолго, а когда обернулись, то лохматый вырос таки из спины и с улюлюканьем удирал прочь. Поймать так и не смогли.

Селянин Пересельцев видел в парке на берегу странного зверя. Чудище было большой змеюкой и из длинного тела у нее росли три головы с капюшонами. Головы были челове-

чьи, вращали глазами и просили вытащить их из змеиного тела. Причем одна из этих голов сильно была похожа на него самого.

Это открытие напугало Пересельцева больше всего и он не помня себя от ужаса кинулся вон из парка и пересекая Моложскую улицу споткнулся о трехглазого волка. Который с визгом метнулся в кусты.

Днем, стадо трехглазых, отрастивших себе длинные чешуйчатые лапы и хвосты, свиней долго и безуспешно атаковало дом семьи Варежкиных. Но Варежкины заперлись внутри и успешно отстреливались через окна, так что щетинистым налетчикам пришлось отойти, оставив на поле боя девятерых собратьев. Еще пятерых он потеряли когда пересекали Сиверскую улицу, где они попали под бешено несущийся трактор тракториста Коли, что в невменяемом состоянии гнал домой. На Черепиховских прудах он случайно наткнулся на огромную летучую мышь на человеческих ногах, что хлопала крыльями пытаясь взлететь, а вместо этого падала в мутные воды пруда, грязно матерясь по-русски. Зрелище это так потрясло Колю, что он бежал без оглядки и очнулся только у своего дома с удивлением найдя на капоте поросячий хвостик.

Во второй половине дня огромная стая летучих мышей пронеслась над селом на мгновение затмив собой солнце

и исчезла неизвестно куда. Еще в это же примерно время на человека напал пень. Селянин, который каким то чудом остался в живых утверждал, что пень, пока не шевелился, выглядел достаточно обычно. Просто пень от старого дуба, замшелый весь такой, в трещинах. Но когда Черепиховец проходил мимо у пня вдруг открылся пронзительный оранжевый глаз а корни резво ухватили за ноги человека. Тот все же умудрился как-то отпинаться от взбесившегося обрубка попав ему в глаз, а затем оборвал корни и сбежал. Самое неприятное было то, что во время рассказа ботинок, на котором засохла вязкая смола из глаза неожиданно пророс в пол, пустив стремительно надежные корни. С ботинком пришлось расстаться, а тут выяснилось, что и нога проросла тоже. Пришло обрубить корни, что крепили беднягу к полу. Причем когда рубили селянин дико орал и дергался, а из корней полилась красноватая смола.

Больше рассказчика никто не видел, но заметили, что у собора неожиданно появилось новое небольшое дерево, что грустно шумело вслед уходящим.

Последний работающий телефон в местной жилищной конторе успел передать, что выехали спасатели и грузовики с материальной помощью, после чего замолк навсегда. Провод кстати обрывался сразу за домом и выглядел так, словно его долго и старательно грызли.

День прошел в мертвой тишине, на улицах было совершенно тихо, и редкие оставшиеся жители сидели по домам и не высовывались. Стаи серых тощих волков по пять-десять штук перебежали улицы, прятались в тени домов и в конце концов совершили налет на местную бойню, нажравшись там до отвала. По волкам иногда стреляли из окон, но в основном промахивались.

В шесть вечера двадцать пять человек собрались в баре, а затем нанесли визит в оружейный магазин, где каждый нагреб себе массу оружия, некоторые сразу по три ствола. Затем они пошли вдоль улиц, громко кликая закопавшихся в домах людей и раздавая ружья людям. На следующее утро было решено собраться в баре всем имеющимся в наличии людям и обсудить, что делать дальше.

На обратном пути девятеро склизких, покрытых чешуей тварей, похожих на ужасно исхудавших людей, встретили бойцов и яро накинулись. В схватке все монстры были перебиты, а отряд потерял четверых селян. Еще один превратился в змею чуть дальше и его застрелили. В составе двадцати человек вернулись они в бар, а оттуда тройками двинулись по домам. Было решено одним не жить, и дежурить по очереди.

Сильно ударенный бурей, разум Черепиховских селян легко принимал и следующие ужасы.

Последние искры заката погасли, а вслед за ночью начал-

ся первый шабаш. Был он похож и на последующие. То есть на тот что пережил через некоторое время Сергей. Людей пугали стуки в стены, скрежет по потолку, гнилостный запах, льющийся изо всех щелей. Странные твари орали под окнами, летучие мыши прорывались в стекла. Их встречали выстрелами, выкриками. Десятая часть оставшихся жильцов этой ночью съехала с катушек, еще часть превратилась в змей. Где-то в дома прорвались ночные чудища и порвали жильцов. Люди до самого утра пялили усталые глаза в окрестную тьму.

Тем же, умудрившимся все-таки заснуть, было не легче. Сны вернулись с удесятеренной силой, снова звали и манили в глубины пруда, жутко пугали. Но теперь в этих снах появилась центральная фигура. А именно человекоподобное чудище в цилиндрическом тевтонском шлеме. То у кого вместо рук торчали дергающиеся хвосты черных змей. За невидимое лицо его окрестили големом и теперь он появлялся во всех снах, ходил вокруг черного пруда и что-то втолковывал спавшим селянам. Не было понятно что, ведь язык был чужд. Это был гортанный выговор, который лингвист определил бы как язык одного из Финно – Угорских племен. Но люди лишь больше пугались, вылетали из сна, в жуткую реальность, а за окном нечеловечески орали, пытались прорваться. Двое других людей стояли на страже. Лежащий засыпал снова и видел опять голема и гнилой зеленый свет горел в узкой прорези для глаз.

Ночь пережили тяжело. Рано утром шабаш закончился и основная масса селян, что не свихнулась и не сгнула, собралась в "Левом берегу". Решали долго, пристрелили еще одного обращенца, но в конце пришли только к одному решению. Оставаться в обороне и ждать спасателей, благо они должны были приехать вот – вот.

Спасатели действительно были недалеко. Три грузовика, один со спасательной бригадой и оборудованием, другой с двадцатью солдатиками рабочими, собранными на работу из ближайшей части, и третий с грузом одеял, снедью, словом материальной помощью, уже вязли в густой липкой грязи, которой славилась глинистая Черепиховская дорога.

Зрелище было безрадостное. Небо застлали тучи и временами начинался слабенький морозящий дождик. Эта погода установилась крепко и не менялась вплоть до Серегиного приезда. Похолодало градусов на пять, а дорогу развезло и теперь если на нее наступали, то из-под ботинка вздувался с хлопаньем ком жидкой грязи. Грузовики шли тяжело, взреывая и не вытягивали больше пяти километров в час. В силу этого дорога тянулась бесконечно. Спасатели спали в кузове, вповалку на оборудовании а их руководитель дремал мрачно в кабине, рядом с шофером.

Эта мелкая водяная пыль, что висела с утра угнетала и наводила тоску. В такой день только спать, а не разгребать мертвецов по разрушенным домам.

Моторы грузовиков тяжело рычали взбираясь на холм, затем машины перевалили его и покатались полегче вниз, пробудив бригадира в переднем грузовике.

Не напрасно. В том месте, где дорога проходила по краю обрыва грузовик попал в поле влияния Черепихова и шофер рядом с бригадиром обратился в змею.

Руль был выпущен и машину, по-прежнему катящуюся с холма начало мотать из стороны в сторону и заносить на скользкой грязи. В кузове спасатели проснулись и забеспокоенно огляделись и начало резво трясти, когда грузовик выносило на обочину и он мчался быстро по кочкам.

В кабине бригадир попытался схватить руль и схватил, но тут его ужалила сидящая на сидении змея, что раньше была шофером, он с криком отдернул руку, на которой мигом проступили две кровавые точки, но затем с ужасом снова ухватился за руль. Змея ужалила снова и тут каблук спасателя расплющил ее по дверце. Грузовик яростно мотало, двигатель брехал на малых оборотах а бригадир спасателей чувствуя как в голове начинает шуметь пытался удержать грузовик.

Машину трясло мелкой дрожью. С одной стороны был обрыв с речкой Волгой внизу, с другой густой старый лес, а впереди чернело село Черепихово.

Из леса вразвалку вышел громаднейший щетинистый вепрь. Он был размером с быка, высь покрыт отваливающимися кусками жесткой шкуры, а сзади волочился хвост,

похожий скорее на крокодилиий, чем на свинячий. Раньше это чудовище было боровом Васей и воспитывалось на местной свиноферме, но теперь тьма, быстро закутывающая все вокруг коснулась и его. Третий глаз слепо пялился в серое дождливое небо, но два других горели вполне ясной решимостью. Из нижней челюсти выпирали два здоровенных желтых клыка, а из верхней проклюнулся ядовитый зуб.

Боров уставился на приближающийся грузовик и некоторое время рассматривал с тупым удивлением. Затем издал тихий шип резво переросший в трубный рев, совсем не свойственный свиней глотке и вепрь кинулся на грузовик. Он становился змеей, но туп он был по-прежнему и кинувшись по-бычьему на машину ударил ее лоб в лоб.

Примерно в это же время, бригадир спасателей измученный действием яда выпустил руль. Тяжелый стальной грузовик ударил борова и тяжеленную свинью откинуло в сторону, где она проредила своей тушей немалую просеку. Машина же от удара резко свернула и преодолела те несколько метров, что отделяли грунтовку от обрыва. Пятитонный грузовик, груженный дорогим оборудованием, передвижными лебедками и мобильным телефоном, а также пятнадцать спасателями полетел вниз в гостеприимные воды великой реки Волги, принявшей в этом месте уже не мало народу. Одни спасатель успел выскочить из падающей машины и повис на крае обрыва, который крошился под его пальцами, затем его лицо исказилось и он превратился в змею. Рук у змеи не бы-

ло и он полетел в воду, а сверху было видно, как шныряют в реке некие темные многолапые тени.

В полукилометре отсюда, сидя на крышах домов Черепиховцы наблюдали за творящимся.

Второй грузовик резко затормозил, его повело, но шофер сумел остановиться, едва не опрокинув машину. Как только грузовик встал, в кузов его кинулось нечто напоминающее полуразложившуюся рысь, подростшую раза в полтора. Чудь эта, распространяя вокруг запах гнили одним прыжком влетела в внутрь и оттуда донесли испуганные вопли бьющихся с ней солдат. Оружия ни у кого не было и они отбивались голыми руками. Испуганный шофер вскочил из машины и смотрел как из кузова фонтаном вылетают куски сидевших внутри. Следом за ними вылетела и рысь, грохнулась об землю, не удержалась и покатила к обрыву, а затем рухнула вниз. Далеко внизу раздался плеск.

В кузове было тихо, затем из него выползло четыре змеи, бросили на шофера тяжелый взгляд и скрылись в лесу. Рядом притормозил второй грузовик и его шофер вышел из машины.

Два оставшихся в живых человека ошеломленно встали возле своих машин. Было видно как селяне на крышах домов требовательно машут руками. Мол уезжайте отсюда, пока сами живы! Но водители стояли, потому что они видели что твориться вокруг.

Впереди, где уже виднелась черта Черепиховских домов,

дорога уходила чуть-чуть вниз. Там в низине было видно скрытое движение и шевеление. Его не было видно если глянуть в упор, но заметно краешком глаза. Некие мелкие твари ползли, тщательно маскируясь, сливаясь с землей. Они прятались в тенях домов и сновали в кронах близких деревьев. Они были маленькие и большие и их движение было упорядоченным. Вместе они незаметно перегораживали дорогу.

На въезде в Черепихово возник кордон.

Шоферы обернулись и увидел абсолютно такой же кордон позади грузовика, они были окружены и окружены надежно. И вообще если приглядеться, то окажется что половина деревьев в этом лесу двигаются! А вон те замшелые камни, словно от средневекового замка, вовсе не камни а огромные многолапые черепахи истекающие на ходу слизью. Двигающиеся медленно, но уверенно напролом.

Первый водитель оглянулся на второго. Тот стоял с тяжелым ломиком в руках и оглядывался.

– Что же делать?

– Давай напролом! Авось повезет...

Они кивнули друг другу и забрались во второй грузовик. В первый не пошли, ведь у него из кузова медленно лилась кровавая каша, что раньше была солдатами. Двигатель взревел. Селяне на крышах увидели, что они собираются делать и отчаянно замахали руками. Сделали даже несколько выстрелов в шевелящуюся массу монстров, но дробь не долетала до дороги. Грузовик тронулся и яростно набирая ско-

рость покотился вниз к Черепиховской черте. Маленький волк метнулся под колеса, был отшвырнут и теперь корчился в грязи в отдалении. Еще пара мелких тварей встала на пути грузовика, а одна даже прыгнула на стекло, но ее откинуло прочь. А на стекле расплылась сеточка мелких трещин. Следом дверь грузовика открылась и из нее выпала змея, которую тут же намотало на колесо. Это был один из водителей, второй все еще сидел за рулем. Скатываясь с холма, массивный грузовик набирал безостановочно скорость давая и отбрасывая попадающихся на пути тварей. А затем вломился в невидимый кордон.

Дальше ему не дали уйти. Полторы сотни разнообразных мелких чудовищ, большинство которых было мутировавшими лесными зверьками встретили тяжелый динозавроподобный грузовик. Сразу штук тридцать тварей, похожих на волков, мелкие белые мыши, две три раздувшиеся до полуметрового размера жабы кинулись на передние колеса, забили колесные ниши своими телами. Их рвало, плющило, раздирало на части, под мощными оборотами они лопались как воздушные шарики, забивая собой рессоры и амортизаторы, лишая колесо возможности крутиться. Еще пара десятков змей накрутилось на коленвал а кто-то атаковал задний мост. Выросшие из под земли белые корни, ухватились цепко за подвеску.

Грузовик начал останавливаться. Он как кит двигался в море мелких снующих туда сюда тварей, оставлял после се-

бя нечто напоминающее свежий мясной фарш из которого торчали обрывки чешуи, шерсти, бледных дрыгающихся лап и много чего еще.

Мучительно медленно пропер грузовик еще несколько метров, а затем поток мелочи захлестнул его и он начал падать. Медленно тяжело кренился, и селяне видели, как шофер пытается выбраться изнутри чрез окно. Наконец стреноженная машина рухнула и придавила собой еще сотню мелких чудовищ. Остальные отскочили в стороны и образовали собой ровный круг в центре которого, как мертвый доисторический зверь, лежал опрокинутый грузовик. На кабине машины стоял ее шофер, он махал ломиком, что-то кричал и пытался найти хоть одну щель в сплошном ряде зверей. Две или три неосторожные твари отлетели под ударами ломака в толпу своих братьев. Лом бил на совесть.

В битве с машиной уцелело не так уж и много зверьков, и теперь их оставалось около пятидесяти, причем крупных среди них было не больше десяти, в основном мыши, крысы, змеи, около десятка огромных пауков крестоносцев, что пускали яд из кончиков лап. Все это стадо сидело и молча смотрело на беснующегося наверху кабины человека.

Затем сразу три, худых до невозможности волка с темя глазами предприняли попытку нападения. Но шофер хотел жить. В своем ужасе он давно перешагнул черту оцепенения и теперь находился в состоянии близком к берсеркеру. Одного волка он в прыжке сбил ногой, второй получил ломиком

ком в морду, а третий попытался вцепиться в левую руку, но промахнулся и с грохотом рухнул на синий металл кабины. Секунду спустя шофер схватил его и приложил он о балку кузова, с такой силой, что крепкая звериная башка лопнула, а глаза вылетели из орбит. Водитель схватил мертвого волка за хвост и икнул в топу чудовищ. Те аккуратно раздвинули окружность, которая теперь охватывала и тела трех волков, лежащих на голой земле.

В отдалении Черепиховцы затаив дыхание следили за противостояние. Водитель не переставая двигал ломом и похоже не знал усталости, вот что делает страх с человеком.

Словно договорившись передние ряды сидевших вокруг тварей рванулись к кабине и попытались взять ее штурмом. Но водитель не дался, он давил мелочь под ногами, более крупных охаживал ломиком, отбрасывал вниз, его уже укусили не менее десятка раз, но он словно не замечал этого, орал и яростно дрался, отбиваясь всеми четырьмя. Возможно, что ему помогало то, что он стоял на кабине. А значит возвышался, над старающимися затопить его чудищами.

В какой то момент он его чуть не опрокинули, но он устоял, весь облепленный лесными порождениями, которые вцепились в кожу и пытались вгрызться дальше. Человек скидывал их с себя, сбивал ломиком. Ногами воевал, с наступающей снизу гадостью. Он не собирался сдаваться, и атака захлебнулась, превратилась в яростную бойню, и когда лесные твари это поняли, то откатились назад, снова образовав круг

окружающий грузовик. Шофер наверху орал, что-то грозил, он был весь истерзан и исцарапан. Кровь капала с него на кабину и расплывалась красными кружками на синей краске.

Окружающие его снова молча сидели и смотрели на беснующегося человека, в то время как управляющая ими сила решала как поступить. Замолчал через некоторое время водитель, молчали селяне, смотря на эту битву титанов. Молчали, но про себя убивались и кляли тяжелую судьбу, из-за которой они оказались в осаде.

Затем в лесу что-то захрустело, раздвинулись тонкие деревья, а края круга расступились, давая проход выходящим из леса.

Шофер во все глаза уставился на пришельцев. Это были два человека. Они, пошатываясь, заплетая ногу за ногу двигались к убитому грузовику. Один одет был в яркую оранжевую куртку с броской надписью, бейсболку и джинсы. Вся одежда была порядком истрепанна, изодранна, сильно запачкана грязью. На поясе был поясной кошелек, на ремне из которого в беспорядке торчали денежные купюры. Второй не менее броско, в заляпанных илом шортах. На шее болтался расколотый вдребезги фотоаппарат "Кодак". На обоих, поверх одежды были нацеплены белые, пенопластовые спасательные жилеты с черными завязочками на спине. Лица были бледные, зеленоватого оттенка. Взгляд отсутствующий настолько, что глаза кажутся двумя нарисованным кружками на зеленом плоском лице. Вид у них был настолько несурраз-

ный. В этих спасательных жилетах и фотоаппаратом на шее, что водителю стало смешно, и он начал смеяться со своей кабины, истерически, чуть ли не сгибаясь пополам.

Пришедших никто не знал, но часто плавающий в круизы человек сразу же опознал в них типичных туристов. Собственно это и были туристы с покойного теплохода "Циолковский", которые тремя днями ранее были выброшены на Черепиховский пляж. Они были абсолютно спокойны, как спокойно дерево у дороги, они даже не смотрели в сторону смеющегося на кабине человека. Они были спокойно, потому что погибли уже два дня назад, а сюда пришли уже только их телесные оболочки.

Мерно прошагали они мимо замерших в круге тварей и когда они приблизились шофер перестал смеяться.

С яростным воплем он прыгнул с машины и, подняв лом кинулся на нелепые фигуры туристов. Он двигался так быстро, что туристы не успели ничего предпринять и лом врезался в лоб одного из них. Раздался треск и изо лба бывшего пассажира полетела свежая деревянная щепка, теперь там была выбоина, которая медленно наполнялась вязкой пахучей смолой. Лицо пришедшего не изменилось и он протянул руки к шоферу. Тот вскричал дурным голосом и обрушил на деревянных град ударов ломом. Бил со всей силы. Не щадил рук, лом почти вырывался у него из хватки при ударах.

Туристы не реагировали на удары, от них густо летела щепка, глаза на проверку оказались тоже деревянными. Они

лишь тянули руки к шоферу, и из ладоней у них быстро росли длинные белесые корни, что извивались и дергались. Водитель не обращал внимание на корни, бил в лица. Что просто разваливались от ударов и задергался лишь тогда, когда корни густо обвилились вокруг шеи, рук и ног, намертво спеленав беднягу.

Шофер что-то задушено прохрипел, затих. Туристы бесстрастно (Что им удавалось легко, ведь у них уже не было лиц), повернулись и тяжело пошли, неся между собой неподвижного шофера. Головы у них были размочалены, торчали свежие лохмотья древесины, щепки. Древесина была яркая белая, как у только что срубленного молодого дерева. У одного из того где раньше было ухо, тянулся зеленый молодой побег, зеленели крохотные листочки. Когда они отошли от грузовика метров на десять, корни уже не просто держали шофера, а намертво вросли в кожу, которая на глазах становилась все больше похожей на тонкую кору. Эта странная сросшаяся троица проследовала под деревья и растворилась в серо-зеленой лесной мгле.

Монстры еще некоторое время сидели кругом, а затем ровно двинулись к машине. Из леса к ним приходили новые и новые подкрепления маленьких, пушистых и не очень тварей. Они заливали поверженную машину волной из сероватых и коричневых тел, кидались под перевернутое днище.

Селяне в отдалении сидели в полнейшей прострации. Переваривая мысль, что к ним похоже никто не придет, но те-

перь они снова всмотрелись в происходящее на кордоне.

Мелкие зверьки, крохотные монстрики уверенно перли под днище машины. Их там скопилось уже столько, что из-под колес высывалась сплошная масса шевелящихся и дергающихся хвостов лап, челюстей. Эта масса набухла расширялась все больше и больше, из под днищ слышался писк, хрип, летели слюни. Черепиховцы наблюдали за этим обрядом, не в силах понять, что делает эта мелкота.

Ручейки зверьков стекались к упавшему грузовику и исчезали под ним. Затем по окрестностям пронесся глубокий стон металла и грузовик, все еще лежа на боку...поднялся. Теперь он висел в сантиметрах двадцати на липкой дорожной грязи. Было видно как легион монстров копошится под ним, удерживая на тысячах спинах многотонную массу машины. Верхние ряды зверьков, не выдержав давления лопались, и растекались по нижним собратьям, но им на смену из леса вытекали еще десятки и сотни тварей. Грузовик повисел на единой лесной массе, но затем, не торопясь, поплыл к обрыву, медленно покачиваясь. Цепочка мертвых зверьков оставалась за ним. Смешиваясь с трупами мелочи с которой воевал водитель.

Грузовик дополз до близкого обрыва, а затем качнувшись еще раз, прыгнул вниз. Тяжело перевернулся в воздухе, блеснуло на миг ветровое стекло, а затем тяжелая масса рухнула в темную воду. Где-то там в глубине лежал и первый грузовик. Синяя кабина еще некоторое время выглядывала из во-

ды, словно некое речное животное, выставило ноздри подышать. Затем мутные воды Волги проглотили машину.

Оставшийся грузовик кто-то утащил в лес. С жутким скрежетом, и качаясь из стороны в сторону машина задом исчезла в ветвях. Видимо тащили ее сами деревья, или что-то похожее на них.

Штук пятьдесят зверьков выметнулись на поле битвы и торопливо стали собирать своих павших собратьев, и уносить их в пасти, то в лес, то в реку. Чудесным образом исчезла кровь, обильно оросившая Черепиховский въезд, исчезла даже грязь, с которой эта кровь смешалась, придав жидкой земле розоватый оттенок.

Пятнадцать минут спустя ничто уже не указывало что здесь когда то находились аж три грузовика с людьми. Пошел легкий холодный дождик и место выглядело пустынным. Но кордон был, его было видно в телах снующих под дождем, по-прежнему прячущихся в темных закоулках.

Черепихово было в окружении.

Тридцать минут спустя, после уничтожения грузовиков спасателей отчаявшиеся жители Черепихово предприняли яростный штурм кордона со своей стороны. Теперь у всех были ружья и бой случился не шуточный. Въезд заполнился грохотом выстрелов, тяжелым пороховым дымом. Обезумевшие селяне палили направо и налево, топтали тварей ногами, били прикладами. Монстры десятками падали под вы-

стрелами, часть была раздавлена, и разорвана руками. Над обрывом раздавались проклятья и звериные визги.

Поначалу отряд селян неукротимо прорывался вперед, а затем начал подобно грузовику замедляться, захлестнутый волной все прибывающих отовсюду монстров. Люди вламывались в волны чудовищ, воевали со всей яростью, ничем пожалуй не уступая покойному шоферу грузовика, но их все-таки захлестнуло, и повалило морем зверей.

Черепиховцам пришлось отойти, а затем и вовсе бежать, на ходу отстреливаясь из ружей. Во время бега почти у всех закончились патроны и они отбивались чем могли.

Потеряв не менее трети бойцов селяне вернулись на исходные позиции. Еще раз забравшись на крышу они увидели, что место, где только что все было усеяно трупами павших зверьком, снова чудесным образом опустело и видно лишь грязную грунтовку, да лес неподалеку. С этого момента Черепиховцы опустили руки и отправились в местный бар, где погрузились в пьяный ступор, в котором и находились к моменту приезда Сереги.

Ночью снова начался шабаш. Люди не спали, отстреливались в окна, орали в ответ на вой окружавших тварей. Тем кто, спал, снился голем. А где-то в три утра он собственной нематериальной персоной прошелся наискось, через все жилые дома, вызвав немалый переполох и массу потраченных патронов, которые испуганные жители выпалили в пришель-

ца. Причем один из селян попал в собственного соседа, что находился за големом.

Селянину Никонову этой ночью тоже сильно не повезло. Около двух, он, с еще тремя соседями держал оборону дома от тварей, как неожиданно шум возле дома стих. Недоумевающие жители осторожно выглянули в окно и узрели на фоне освещенного луной неба исполинскую лохматую фигуру в голове которой жутко светились два зеленых глаза. Это был огромный медведь шатун, и луна серебрилась на его гладкой шерсти. Чудовищный зверь поднялся на задние лапы, громогласно заревел, на все село и ломанулся в стену дома.

К несчастью стены дома Никонова оказались не слишком прочны, и с третьей попытки медведь разломал бревенчатый заслон и вломился в комнату, к остолбеневшим селянам. Он двигался стремительно и успел подмять под двоих соседей Никонова, когда тот выпалил из тяжелого дробовика пулями. Обе пули попали медведю в голову, но он рванулся и задрал последнего селянина, прежде, чем сдох в страшных мучениях сам.

Луна зашла за тучу.

На утро, почти перед рассветом, к селянину Колосьеву, вломилось в дверь непонятое чудище. В предрассветном сумраке жилец разглядел человека огромного роста, агрессивно взмахивающего, похожими на лопаты руками. Колосьев испуганно выстрелил, заряд отразился от пришельца и попал в лоб Колосьеву, убив того на месте. Пришедшие днем селя-

не с удивлением увидели в доме Колосьева гранитную статую основателя Черепихово, сотника Сивера, стоящую неподвижно над трупом селянина. Некоторые усмотрели на неподвижном лице статуи легкую усмешку, но никто не мог сказать была ли она наверняка.

Днем в баре произошло событие. Селянин Гриднев, до этого спокойно сидевший за столиком с друзьями, вдруг прямо у них на глазах, обратился в деревянную колоду, с приставшими к ней остатками гнилой коры, на которой было грубо вырезано лицо и написано его имя. А сам Гриднев стоял в это время в дверях бара и изумленно лупал глазами, на деревянный обрубок. В дальнейшем такие перевертыши приходили еще к нескольким селянам, но зла вроде не причиняли, и на них перестали обращать внимание.

И понеслись дни за днями. Ночью были шабаши, и неизменный голем по утрам, днем посиделки в барах, кто-то опять становился змеей. Ставни домов были закрыты, народ ходил с ружьями и шарахался от любого слабенького звука.

И к моменту появления, неизвестно как проехавшего через кордон Сергея деревня Черепихово переживало тяжелейшую стадию своей блокады.

7.

– Вот так, – произнес Щербинский спокойно, – теперь ты понимаешь, куда вляпался.

Лапников грустно кивнул, он уже это слышал. Солнышко падало в ока, крошечные песчинки вились в воздухе, играли, переливались, а в окна рвалась мощная здоровая зелень середины лета. Как-то не вязался этот денек с рассказом селянина. Но Сергей знал, что за днем придет ночь.

– Хочешь сказать, – произнес Серега, – что ты принял меня, за эту деревянную чурку с именем.

– Именно за нее и принял. Ты вообще был похож на перевертыша. Только вот у них обязательно бывает оригинал, а еще одного тебя мы не видели.

– Делaaa. – Протянул Сергей глядя на елозящую под столом собаку. – Так влипнуть надо еще суметь. Великая участь однако.

– Так влипли, – с кривой усмешкой пояснил Лапников, – во всем мире только сорок восемь человек, и все они находятся в этой психованной деревне.

Серега, медленно переваривая рассказанное (что после ночных событий было не так уж трудно) устремил взгляд на стойку, под которой грудой лежали ружья, некоторые до сих пор с ценниками. Словно схватили в магазине и стрелять. Трое понурых типов, сидевших в уголке, неожиданно завол-

новались, заворочались. Один их них, сидевший близко к стене вскочил, изумленно оглядывая свои руки, и попятился от остальных. Он безумно вращал глазами, а затем распахнул челюсти и заорал. Лицо и руки были в чешуйках, которые тихо осыпались на пол при резких движениях.

Двое других тоже поднялись, лица их были каменными и мрачными и боком стали заходить на змеистого. Тот пятился от них, заорал оглядываясь, но остальные отвлеченно смотрели на него, ожидая развязки.

Прижавшись к стене селянин обрел неожиданно дар речи и сдавленно запричитал.

– Нет, вы что, не надо, это пройдет, это не то... не то...

Резво кинувшись вперед его бывшие соседи профессионально скрутили за спиной у бедняги руки, ругаясь, когда царапались о чешуйки. Тот попытался вырваться, его приложили лицом об стол и он сразу затих. Только причитал, когда его вели через бар, прихватив заодно ружья.

Троица вышла за дверь, и на выходе скрученный издал болезненный вопль, затем его пихнули и он замолк. Все собравшиеся молча слушали. В мертвой тишине бара слышалось только приглушенное сопение Венди.

Через некоторое время до них донесся одинокий звук выстрела. Двое вернулись одни. С мрачным выражением лица они двинулись прямо к стойке.

– Теперь сорок семь. – Вздохнул Лапников – Змеиная болезнь в действии.

– Полицейские какие то порядки. – Проворчал Сергей, мрачно глядя на спутников. – Говоришь это назвали змеиная болезнь?

– Да змеиная болезнь, от нее нет спаса никому. Сейчас ты человек, а через пару секунд уже змея. Тебя ловят, сворачивают шею и вешают на столбе. Спасения нет.

– Это хорошо еще если сразу в змею, – заметил Щербинский, – а бывают как этот. Не змея не человек, тварюга чешуйчатая. Вот ты говоришь, почему стреляем сразу, так ведь если сразу не пристрелить, станет таким чудо-юдом, что потом только бегом спасайся.

– Но ведь он вроде как человек, понимал все, просил отпустить. Подумаешь в чешуе.

– Это он сейчас понимает, просится. А потом как говорить забудет, шипеть начнет, озмеится весь. И получится из него не маленькая змейка, а здоровый змей. Не поверишь, у нас на кордоне встретили такого. Змея, в человеческий рост, голова как у лося, да к тому же не одна а две. И по три глаза у каждой.

Серега ухмыльнулся, этой ночью он видел монстров и страшнее.

– Трое наших в это время как раз до дома шли, – продолжал Щербинский, – напал на них, они стрелять начали. Двадцать четыре патрона извели. Двенадцатый калибр. Да от такой дозы и слон копыта отбросит. Или что у него там...

– У такой змеюки, и чешуя должна быть пропорционально

толстая, то есть почти броня. – Вставил журналист, он повозил ногой шлем, что стоял под столом.

Солнечный луч медленно двигался вдоль высохших половиц, за окном пели птицы. В баре было на удивление тихо и спокойно, словно не пристрелили только что неподалеку человека, пусть даже наполовину обращенного в змею.

– Темная какая история, – сказал Сергей, – непонятная. Я как журналист изучал историю Черепихово. Такое ощущение, что зародилась она довольно таки давно, древняя она. Был ранее такой случай.

– Ага. – Тут же перебил Лапников. – эта та которая с волком звонником?

– Именно так, тоже интересовались?

– Было дело...Совпадения тут конечно интересны. Тоже буря, тоже разгром, а потом началось.

– Хочешь сказать, что и раньше такое случилось? – Спросил с некоторым удивлением Щербинский.

– Случалось и раньше, по моему это преследует село с момента основания, когда только племя выгнали, – сказал Сергей, – кстати, я не знаю названия племени, хотя у меня и есть некоторые сведения...

– Племя звали Лемех. – Произнес журналист. – Это было языческое, не слишком крупное племя, жило охотой, в общем то никому особо не мешало. У них был какой то культ природы, сейчас уже все позабыли имена их богов.

– И церковь построили прямо на капище.

– Их шамана отловили помниться, не дали убегнуть, – Лапников снова пнул шлем, – и разодрали как водится на двух березах.

– Однако. – Заметил Щербинский.

– Шамана то разодрали, – сказал Серега со вздохом, – но это было более пятисот лет назад, и меня в общем то не колышет какой то шаман, когда вокруг меня снуют чудовища и с каждым мигом близится ночь. Не могу удержаться, но я теперь все время думая о будущей ночи.

– О ночи не беспокойся. – Сказал зоотехник. – Переживем как ни будь, если хворь змеиную пронесет.

– И все же я хотел бы решить, что мы будем делать дальше.

– Ну, как вот эти позади, сидеть и ждать мы не будем. – Сказал бодро Лапников. – Это они здесь жили и может быть родились, а для нас это место чужое, и к тому даже на удивление гадкое.

– Да уж.

– Может быть была бы ситуация менее опасной. – Продолжил он. – Я бы попробовал раскопать и понять, что здесь происходит. Но сейчас я такой потребности не испытываю. Я вообще жить хочу, а не на монстров пялиться. И неизвестно еще, когда я теперь смогу спать нормально. Предлагаю выбираться.

– Всегда за. – Поддержал Сергей – Я уже давно об этом думаю. Честно говоря с момента въезда в село. Попытаться заменить аккумулятор в машине и уехать отсюда. Чтобы не

гуляли вдоль стены всякие эти, ...големы.

– Любопытная кстати фигура, – вновь заговорил Лапников пристально глядя на шлем, – я бы сказал, что он является не простым порождением этого места, колоритная личность, пожалуй когда-то он был человеком и жил здесь.

– Эх, куда нас занесло, – сказал Сергей, – кем же мог быть такой монстр, с хвостами вместо рук.

– Если верить, всем этим побасенкам о призраках, змеиные руки он обрел в новом воплощении. Вы заметили как он был странно одет.

– Нет, я тогда мало что замечал, довели.

– Так вот, он был одет в тяжелые медвежьи шкуры, грубые такие штаны и рубашка, да еще и беличья грязная накидка сверху. На груди висел амулет, толи корешок какой, толи животное мелкое высушенное, а на ногах, мягкие торбаса из змеиной кожи!

– Из змеиной? – Спросил Сергей заинтересованно.

– Да, на чулки похожие, чешуйчатые. И теперь посмотрите еще. Ко всей это меховой примитивной одежде, на голове красуется тевтонский металлический шлем, похожий на ведро. К слову сказать Лемехи железа не знали, топоры да секиры были каменные. Так как же стальной шлем попал на башку к голему?

– А вообще он почти материален. – Тихо произнес Сергей. – Ведь я как то умудрился сбить шлем у него с головы.

– А где вы рубили? – Спросил журналист.

– Вообще по шее, – признался приезжий, – и в какой то момент мне показалось, что вместе со шлемом отлетела и голова.

– Любопытно, били то голема топором, а топор из железа, неужели и правда железо для них страшно?

– Так пули тоже вроде не деревянные, – вставил Щербинский, – а садили их в него много.

– Пули свинцовые, – терпеливо пояснил Лапников, поднимая с пола шлем и ставя его на стол, взгляды сидевших вокруг, сразу скрестились на нем, многие выглядели испуганными, – по старым поверьям именно железо может причинить вред нечисти, правда не всей.

– Надо полагать лучше железа только серебро, оно залечивает раны. Осветляет все вокруг, и только им можно убить волка оборотня, и отпугнуть вампира. Серебро и огонь. – Заметил Серега щупая шлем, тот был шероховатый, и чем-то неуловимо неприятный. – Мне вот только одно интересно, каким же образом наш голем, без сомнения нечисть ночная, носит вот этот явно железный шлем?

– Ну голем, вероятно как раз из тех тварей, что железо терпит, ведь он был ранее человеком, по крайней мере частично терпит. Может и шлем покорно носит, но вряд ли просто так мучается, скорее всего этот шлем хоть и железный, да оскверненный, так что его сила теперь направлена в другую сторону. Не хочу предполагать, но скорее всего его бывший владелец был замешан в чем-то нехорошем, а затем

прямо в этом шлеме и убит.

Сергея поежился, яркий день вокруг словно посерел, съежился, подуло из окна ледяным ветерком, даже солнце теперь казалось глупым нарисованными на небе блином, не светило и не грело. Ночь приближалась.

– Странный у нас разговор, – сказал приезжий нахмурившись, – сидим тут и совершенно спокойно, говорим о големах, волках, нежити какой то, о проклятиях говорим, о железе священном.

– Это реальность. – Веско сказал Лапников, спуская шлем под стол, чтобы не мозолил глаза. – Это реальность и иногда я удивляюсь. Как до сих пор нахожусь в трезвом рассудке.

– Я представляю себе, что я в сказке, так как то легче, можно рассуждать, о убойной силе серебра.

– А я например очень люблю читать фэнтези. – сказал Лапников.

– И я тоже. Мечи против колдовства! – улыбнулся горожанин.

– Топоры... – хмуро произнес слушавший ранее Щербинский и Серега сразу понуро замолк.

– Только наше с вами фэнтези пожестче, помрачнее, здесь мы имеем в противниках некую древнюю силу, которая берет у людей не сколько тело, сколько душу.

– Душу, если она есть пожалуй подставлять не стоит. – Сказал Серега в раздумье. – Тем более я хочу как модно скорее выбраться отсюда и все забыть.

– Забыть не удастся, по психиаторам еще забегаешься.

– Что психиаторы по сравнению с этим – ухмыльнулся невесело Серега – я и не знал раньше, что это за ощущение, когда тебя вот-вот пришибут, постоянный страх за жизнь, и неуверенность в завтрашнем дне, да что день, ночи я уже боюсь! Ночи!

– Страшно. – Нервно повозил шлемом по полу журналист. – Все страшно. Мы должны сейчас идти к синему дому, и попытаться починит Сергеев автомобиль, кажется его не слишком изуродовали. А после этого выехать из деревни. Щербинский, вы с нами?

– Не хочется вам это говорить. – Сказал Щербинский глядя в сторону, но нам вряд ли удастся покинуть деревню, не выехать, и даже не выйти.

– Это почему же?

– Да все по тому же. Кордон. Через него даже на грузовике не прорвались. Тридцать человек с ружьями взять не смогли. А вы вдвоем, ну втроем даже, если я соглашусь, попытаетесь пройти?

– Ну ведь в деревне все так быстро меняется. Это было неделю назад, возможно, теперь кордон ослаб, или его нет.

– Да как же его может не быть?

– Ну вот мы с Лапниковым как-то же прошли? – Сказал Сергей, глядя на Щербинского. – А еще по дороге я встретил какого то старика, который тоже шел из деревни. Ведь он как-то вышел.

– Старика говоришь? – Насторожился Щербинский. – Какого еще старика?

– Старик и старик, древний просто, с бородой такой белой, он еще змею убил на дороге, Василием обозвал и убил.

– Вот как? Странненько...

– Все здесь странненько и непонятненько, – сказал Серега – мы все таки попробуем пройти.

Он и Лапников поднялись из-за стола. Щербинский остался сидеть.

– Вы с нами или нет? – Спросил Лапников наклоняясь к столу.

Щербинский еще подумал, потом проворчал:

– Не выйдет у вас ничего, порешат еще...

– Авось не порешат, пошли.

Селянин тоже поднялся:

– Пошли так пошли.

Вместе вышли в солнечный день. Сергей сразу подозрительно покосился в сторону, но, к собственному облегчению, трупа расстрелянного змеечеловека не увидел. На часах было около двух. С ружьями в руках троика двинулась к сине-му дому. Серега был уверен, что эту ночь он тут ночевать не будет.

Уехать на машине они не смогли. В то время, пока они совещались в баре, кто-то основательно погрыз, целые еще утром шины. Их резиновые лохмотья обильно усеивали пространство вокруг машины. На солнечном свете весело бле-

стели оголившиеся литые диски.

Увидев это, Сергей разразился яростной бранью, пару раз влепил со всей дури по бывшему колесу, и гневно швырнул ружье на землю, не подумав совсем. Что оно может от такого обращения запросто выпалить.

– Дааа, – созерцая разгром промолвил Лапников, – не углядели за техникой, никуда мы теперь не уедем. А других машин в деревне нет?

– Вот уже с неделю как нет, – сказал Щербинский, – большинство кстати в Волге

– Все здесь в Волге, все что было в реке утопло!!! – выкрикнул Сергей гневно, он еще помнил, как всего пол месяца назад менял старые шины на новые, широкопрофильные, хотел бы я знать, как эта нечисть умудряется шастать днем, когда боится света?!

– Шастает не нечисть, а их ближайшие слуги, пораженные змеиной болезнью, типа тех волков с тремя глазами, они подчиняются приказам из темноты, но могут действовать и на свету.

– Неизвестно тогда кто опасней.

– Опасней всех голем, не зря он тут шастает.

– Короче. – Сказал Щербинский. – Уж если мы не можем уехать, так попытаемся пройти так, пойдете.

Серега с тоской взглянул на свой искалеченный зеленый Форд, похожий теперь на раздавленного жука бронзовку, лежащий брюхом на влажной земле. Вздохнул, часы у него на

руке, неотвратимо отмеряли секунды, с каждым щелчком приближаясь к ночи. Синее радостное небо, неожиданно стало давить. словно находились они под навесом из яркой ткани, скрывающий собой темный хаос. Сдерни ткань и увидишь мрак во все своей красе.

Осмотревшись, они двинулись в обратный путь, выйдя в скорости на ту самую дорогу, по которой Сергей недавно въехал в Черепихово, эту много квартальную змеиную яму.

Когда проходили мимо площади из тени выскочила кучка волков и Сергей с радостью приложил приклад "Дракона" к плечу и начал стрелять. Тяжелый дробовик больно был в плечо, чуть не выворачивал руку, выстрелы оглушали, а он так не разу и не попал. Когда последний волк нырнул в полуразрушенный сарай одного из домов, Щербинский выстрелил один раз и уложил зверя на месте. Тот погиб сразу, не успев не издать не звука.

Никто не прокомментировал меткость селянина, они просто двинулись дальше.

Пошли мимо площади, миновали разрушенный Дом Культуры. Вид, словно на герб пиши. Разваленный дворец, а над ним перевернутый дуб. В руинах зияет черная дыра, ведущая в подвал, а дальше видны развалины бревенчатого большого дома, в котором до сих пор похоронена целая семья. Страшно и глупо, столько народу, так и не успело выбраться.

По улице прошелестел легкий ветерок, и принес с собой

сладковатый сильно неприятный запах. Запах был обилён, так, что пришлось даже зажимать носы, а Лапников расчихался.

– Кошка сдохла. – Произнес он прочихавшись.

Щербинский с усмешкой покачал головой:

– Не кошка...

И верно, не кошка. Корова, корова и пара десятков змей развешенных на фонарных столбах, висели они давно и уже успели порядочно разложиться на свежем воздухе. Выглядело безумно, уходящая вдаль улица, обрамленная длинными змеиными телами, а в самом ее конце, похоже на чрезмерно раздутый дирижабль тело коровы. Видимо оно достигло уже такой консистенции, что волки ее брезговали.

– А гиен у нас к счастью не водиться. – Сказал себе под нос Сергей.

– Что? – Услышал Щербинский.

– Гиен у нас, говорю, не водится!

– У нас есть змеи. – Поучительно сказал зоотехник.

– И что же, – промолвил Лапников с изумлением – получается, что все эти висящие когда то были людьми?

– Получается. – Сказал зоотехник, некоторых даже до сих пор можно узнать. Этим еще повезло, а вот те, кто в лесу, должно быть мучаются.

– Разве в лесу так ужасно?

– Просто страшно, вечная сырость, темень, а у тебя не рук и ног, ты можешь лишь скользить...

– Думаешь, что в лесу хуже, чем на том свете? – Спросил Сергей мерно шагая рядом, только что он с немалым трудом перезарядил дробовик, не сразу разобравшись в механизме. – Человек ведь привыкает ко всему.

– Так то человек, – произнес Щербинский, – а это змея. Их когда бьешь, так с такой мукой смотрят, что сердце разрывается. Иногда кажется, специально из леса и приполз, что без людей не может. А ты его вилами, или дробью.

Сереге захотелось спросить, сколько же змей (в смысле людей) перебил за последнее время Щербинский, но промолчал. Жить захочешь, змей не пожалеешь. Какая насмешка судьбы! Ему приходится сталкиваться, причем тесно, именно с тем существом, которое из всех зверей он ненавидит больше всего! Змеи, скользкие, чешуйчатые, они не умеют моргать, они ползают, потому, что у них нет рук и ног, они слишком малы, чтобы победить силой, и поэтому применяют подлый яд. И превращаются в это адское создание, нормальные живые люди. Интересно, какого это, чувствовать себя холоднокровным?

Говорят, что змея, это символ мудрости. Чего-чего, а количество феноменально мудрых змей множится день ото дня. А ночь приближается.

Заметив его кислый вид, Щербинский приблизился и теперь они шагая рядом. Лапников с собакой топала впереди, и выглядел сильно нелепо с длинным ружьем в костлявых руках.

– Ночь переждем у меня. – Сказал зоотехник.

– Почему? – Спросил Сергей. – Я может и сам...

– Мы всегда сторожим тройками, ты это знаешь. Мы с моим братом сторожили вдвоем, но с ним случилась неприятность, и теперь нужны часовые.

– Я же видел его позавчера, – изумился Сергей, а Лапников сбавил скорость, чтобы послушать, что они там говорят, – неужто и он в змею?

– Нет, не в змею – горько усмехнулся Щербинский, осматривая неподвижные ряды змей – в каком то смысле он еще там, дома. Сами увидите.

– Вы говорите так, словно, мы точно не выберемся сегодня. – Встрял журналист, они как раз проходили мимо коровы, и зоотехник не мог ответить, потому, что все старались дышать, через куртки.

В солнечном свете можно было наблюдать, как серая слизь вытекает из подвешенного тела и собирается в лужицы на асфальте.

– Вообще да, – сказал Щербинский, когда они отошли на приличное расстояние, – не слишком верится. Что вы прорветесь.

– Мы прорвемся. Вы же тоже идете?

– Иду вот, попробуем...

И они пошли, не торопясь, осматривая все темные подозрительные углы, ружья наготове. Лапников тащил за собой упирающуюся собаку, нервно сжимал двустволку.

Вот и выезд из Черепихово, совершенно невинно выглядящий выезд, те же гнилые дома по бокам, те же кривые улочки, ведущие к реке. Не так давно он сам въезжал сюда ничего не подозревая, было лишь смутное опасение, которое зародил случай со стариком.

Странная личность этот старик, думал Сергей, неторопливо шагая вслед за Щербинским, очень странная, может быть такая же странная, как и сам голем, вокруг которого крутится вся эта заварушка. Старик совершенно спокойно пешком, выходил из деревни, в месте, где по словам зоотехника, не смог прорваться даже тяжеленный мощный грузовик, а затем и орава людей с ружьями. Как так получилось? Да и старик какой то странный был, в этот дождь грязь, не обратил Сергей на него внимания, а напрасно, напрасно. Может так показаться, что это из-за него приезжий беспрепятственно смог пройти через кордон, он каким то образом распугал бузвивших вокруг чудовищ, и оставил проход, чтобы Сергей мог проехать.

Может быть старикан это сделал специально? Бред какой, Серега его до этого не разу не видел, да и что может знать этот старик. Странно все-таки, все странно. Но дед явно в этом замешан, и замешан по крупному. Что до него им, горожанам и бунтующим селянином.

Серега прибавил шагу и, оставив позади Щербинского, нагнал торопящегося впереди Лапникова. Некоторое время шагал рядом, обшаривал подозрительные дома.

– Лапников, а Лапников, – сказал он наконец, – а видел ты старика?

Тот понял, явно, о ком речь и произнес негромко:

– Видел, он из деревни шел, со мной поговорил, все советовал не идти, опасностью пугал какой то, да только я от этого захотел в деревню попасть еще больше.

– Тот самый старик? – Спросил Сергей. – Тот?

– Тот, тот, с длинной белой бородой, в ватнике. С вилами за плечом, при мне пришибил этими вилами на дороге змею. Выходит и вы видели подобное.

– Точь в точь, не отличишь, словно старикан роль играл, специально для нас, ведь мы после него даже и кордон не встретили, и до сегодняшнего дня нас никто не трогал.

Лапников некоторое время молчал, затем озабоченно сказал:

– Кто же он все таки такой?

– Не знаю... Да и кто может знать. В этой безумной деревушке все перемешалось, переплелось, этот старик, может статья вовсе и не человек.

Лапников поежился, сзади их быстро нагонял Щербинский.

– Не человек, тоже, как и эти все? Нежить какая?

– Эту всю нежить ты почерпнул из фэнтезийных романов, то с чем мы имеем дело не называется нежитью, или еще как, это само олицетворение, леса, древних ночных страхов. Откуда в древности всегда ждали напасти?

– Откуда же?

– Из леса конечно, из темного непролазного бора, в котором водились всякие дикие звери, а кроме того и всякая лесная нечисть. Мы столкнулись с чем-то по настоящему жутким, мы столкнулись с собственными древними страхами.

– Что-то в этом есть, – сказал Лапников, задумчиво, – ведь мы до сих пор, после заката не любим заходить в леса. Пусть это даже маленькая рощица, пусть даже неосвященный парк, мы боимся. Мы боимся темноты, и этого скопления деревьев, это древний страх, он был наверное с человеком всегда. Страх тьмы, страх неизвестности. Вам приходило в голову, что человек больше всего боится неизвестности?

– Незнакомый черт, страшнее знакомого?

– Вроде того, мы боимся не самой темноты, мы боимся того что скрыто в ней, того что не можем увидеть.

– Вроде так, нет ничего хуже. Проснувшись среди ночи, увидеть в углу черный силуэт. Темный человек, этот образ очень популярен у человечества. Это человек, которого нельзя хорошо рассмотреть, увидеть его лицо. У нас уже стоит внутренняя установка – если неизвестное, значит враждебное. Именно поэтому. Мы вздрагиваем, сверху в потолок, кто-то начинает стучать, мы не знаем что это, и лишь болезненно вздыхаем, когда понимаем, что его издавало.

– Психологизмы. – Сказал Сергей. – А ты Лапников, похоже весьма сведущ в психологии.

– Я журналист, – ухмыльнулся Лапников, – это почти пси-

ХОЛОГ.

– О незнакомых страхах ты весьма прав, я пожалуй даже могу припомнить пример на эту тему. Вот я например, больше всего на свете я боюсь акул и змей.

– Кархадобия, серпентофобия, они вообще очень распространены, половина населения земли боится их.

– Верно, почему, например, я, и эта половина населения так боится и не любит акул. Да все по тому же. Ночью мы купаемся в океане. Под нами большая глубина, черной непроглядной воды. В ночной тьме, мы не можем рассмотреть что делается даже в глубине десяти сантиметров под поверхностью, мы беспомощны и слепы, даже больше, мы работаем как маяк, призывая своими барахтаниями в воде чувствительных акул. А те, как раз в своей стихии. Они видят нас, они чувствуют колебания воды, мы для них как на ладони. Они могут кружить в полуметре от нас, и мы их не заметим, а заметим лишь тогда, когда они кинутся в атаку. Это и страшно, ты совсем не знаешь, что ожидать в любую минуту, эта неизвестность и пугает до ужаса. Я уверен, что бегай, акулы по земле, они не снискали бы такую ненависть.

– Ожидание пытки, зачастую хуже самой пытки. – Вставил мудрость Лапников, косясь на подошедшего Щербинского. Тот шел рядом, слушал и помалкивал.

– Да, нет ничего хуже стука, под окном и мертвой тишины затем.

– Сегодня дежурить будем вдвоем – сказал Щербинский

– обещаю, тишины не будет.

Сергея улыбнулся, тишины не будет уже сейчас. Они стояли на выезде из села, а впереди простиралась дорога, высохшая, желтая грунтовая дорога. Что струилась вниз по холму, а там шла по равнине, зеленой, залитой солнечным светом. Виднелись крошечные деревеньки, а у горизонта блесла тонкая нитка железной дороги.

Накатила жуткая тоска. Тоска человека запертого в клетке, тоска приговоренного к смерти. Вот они стоят, смотрят на эту сияющую даль впереди, и надо сделать несколько шагов и либо выйдешь на волю, либо, останешься здесь, в заточении.

Щербинский равнодушно окинул взглядом распростершуюся впереди красоту и пошагал вперед. Настороженно держа ружью в полу поднятом положении. Сергей и журналист двинулись следом.

А на встречу им вышли три волка. Вышли не торопясь, и не дергаясь, легко переступая мощными лапами, явно ощущая себя хозяевами положения. Это были огромные сильные звери, не чета, тем, перестрелянным на площади. Их лапы были слегка напряженны, а желтые, умные глаза равнодушно, почти лениво смотрели на стоящих людей.

– Трое на трое? – громко спросил Щербинский, как показалось Сергею, у волков.

– Каждый по выстрелу. – Проговорил Лапников и оказалось, что селянин, говорит все-таки им.

Звери впереди остановились и тихо, предупредительно зарычали, оскалили длинный серые морды, показав внушительные, покрытые желтоватым налетом клыки, взгляд у них подичал.

Щербинский не сказал не слова. Он резко вскинул двустволку на плечо и выпалил в крайнего левого волка, не успел отзвучать первый выстрел, как ствол ружья, неуловимо сместился и второй заряд отправился в серединного. Следом глухо хлопнул выстрел Лапникова. Серега так и не успел нажать на курок.

Два крайних волка лежали не шевелясь, Щербинский был хорошим стрелком, наострился видать, за дни осады. А третий елозил в грунте дороги. Заряд мелкой дроби из ружья Лапникова угодил зверю в живот и разодрал его в клочья. Но волк был все еще жив, он старался отползти, и длинные сизые кишки, бессильно волочились за ним, цепляясь за неровности почвы. Дорогу стремительно заливало море крови.

– Подранил серого, – сказал Щербинский с усмешкой, – не будет теперь дорогу загораживать. А теперь мы сделаем вот так...

И к изумлению горожан зоотехник сделал быстрый шаг вперед, а затем занес ногу и обрушил мощный пинок на подышающего волка. Серое туловище оторвалось от земли и, кувыркаясь улетело в придорожные кусты. Оттуда донесся тихий хрип и все смолкло.

– Так его. – Сказал Щербинский довольно.

– Кто то вешает змей, кто пинает дырявых волков – негромко произнес журналист – садизм однако!

– Да, пожалуй они такого не заслужили, в конце концов, они не могли в нас стрелять, – поддержал Сергей, – несмотря на всю их дикость волки все-таки красивые звери.

– Скажу по секрету, – заметил Лапников, – что волк, мое любимое животное. Это наверно странно, но тем не менее это так.

– Удивительно, но что же такого волках, они действуют подло, загоняют всей стаей, прыгают со спины.

– Они стайные животные, и при этом чрезвычайно умны. Они свободны, в них нет рабской преданности собак, и поэтому они лучше. Волки красивы, стремительны, и иногда мне кажется, что они немного разумны. Я и собаку то держу. Потому, что она мне волка напоминает.

Сергея с улыбкой взглянул на достойную замену волкам, что сидела на коротком, привязанном к журналисту поводке. Та испуганно жалась к хозяину, не сводя дико вращающихся глаз с неподвижных волчьих трупов на дороге.

– Я хотел бы стать волком. – Выдал наконец Лапников, глядя мертвые серые тела, им недолго здесь лежать. Разберут, разорвут остальные.

– Как бы тебе не пришлось стать змеей, – сказал Сергей серьезно, – и вместо вольного бега по бескрайнему полю, ты получишь медленное скольжение по лесной прели.

– Упаси бог, – произнес Лапников, – неужто кроме вол-

ков, здесь никого нет?

Снова внимательно огляделись. Несколько минут действительно ничего не происходило, а затем они узрели Черепиховскую стражу во всей своей красе.

Первыми выступали огромные, шароподобные жабы, красноватого оттенка, с усеивающими морды, сизыми бородавками. Глаза их были выпуклы и смотрели в стороны, но жабы весьма резво продвигались к стоящим. Сергей и его спутники открыли огонь. Жабы лопались с глухим, неприятным звуком. Становились похожи на маленькие воздушные шарики, которые прокололи иголки. Бурая слизь, измазала стены окрестных домов, обильно осела в глине дороги. Сергею на новую куртку грохнулся выпученный глаз и прилип. Пока приезжий с проклятиями счищал его с одежды, Щербинский прикончил последнюю жабу и внимательно следил за приближающейся второй волной защитников кордона.

И они налетели, в основном своем это были те самые твари, что на памяти Щербинского раздолбали грузовик. И они стремились сплошным потоком, выделялись только серые спины волков, чьи то третьи глаза на лбу, где-то в глубине маячили крепкие ветвистые рога. Не давая им подойти, два горожанина и Щербинский палили не переставая, и Сергей уже морщился от боли в избитом прикладом плече. Пули и картечь его теперь всегда доставали цель. Так плотно шли ряды лесных чудовищ. Выстрелы гроыхали, отскакивали от гнилых стен домов, и уносились в праздничное синее небо,

на котором стали появляться крохотные белоснежные тучки. Стаи потревоженных птиц снялись с ближней березы и унеслись за реку. Если бы Сергей сейчас не был так занят стрельбой, то он бы заметил, что у некоторых пичужек сзади свешивается тонкий змеиный хвост.

Но они не отвлекались. Щербинский яростно материл подходящих монстров, а Серега и Лапников молча отстреливались. Еще воздух раздирал истеричный визг Венди, собаки журналиста, которая, почуяв кровь пришла в ужас.

– Не пройдешь!!! – Орал Щербинский весело. – Получи тварюга!! На! НА! НА! – И он на полторы секунды прекращал стрелять, чтобы перезарядить ружье.

Глину под его ногами уже усеивали зеленые картонные гильзы. Сильно воняло порохом, но его заглушала вонь дохнувших монстров.

– Продержимся ли? – Проорал Лапников в самое ухо Сергею, вслед за этим его ружье глухо рявкнуло и дробь угодила куда то в толпу монстров.

– Продержимся, – прокричал в ответ Сергей, – днем сила за нами!!

И они снова стреляли, и гром двустволки Щербинского заглушал выстрелы их дробовиков. Патроны, что были заранее набраны в магазине, тащили из карманов, спешно перезаряжали.

На дороги впереди стела постепенно громоздиться вал из подстреленных монстров, и этот вал неукротимо рос в вы-

соту, громоздился порванными телами, дергающимися лапами и оскаленными пенными челюстями. Какой то мелкий волко-змей был сбит в полете прикладом Щербинского на землю и растоптан, слышался визг, шип, рев, человеческая брань, и вопли.

Щербинский был весел, ему даже похоже нравилось лупить из дробовика в чудовищ, и он явно радовался, когда очередным метким выстрелом снимал какую ни будь особо мерзкую костлявую тварь.

Через толпу лесной жути с ревом прорывалось что-то огромное, похоже на неумеренно толстого человека, покрытого жестким коричневым ворсом. На башке у него торчали острые коричневые уши, и чудище раскидало окружающих непрерывно ревя. Неожиданно оно остановилось и заорало:

– Покорми!!! Покорми!!! – И снова ломанулся вперед, не глядя давя более мелких.

– Покорми?!! – Заорал в ответ Сергей почти так же громко, в ушах у него уже звенело. – А тот орал Открывай!!! Так жри же!!!

"Дракон" у него в руках загрохотал, выплевывая крупную картечь и волосатый орун лишился части лица и, видимо нижней челюсти. Он помахал в воздухе поразительно знакомыми волосатыми лапами с черными когте-ногтями и завалился на землю, попутно придавив мелкую суркоподобную, тварь.

Они стреляли, они лупили, они были прикладами, если

кому удавалось прорваться. Щербинский орал ничуть не хуже прущих на них чудищ, Лапниковская псина дико испуганно выла. У Сергея уже вовсю гудела голова, от беспрестанного ружейного грохота. Болью отзывалось плечо, на каждый толчок приклада, а глаза стали слезиться от дыма.

– "Это же война"! – Подумал он. – "Я попал на настоящую войну, бойню"!

Твари стекались из леса, падали под выстрелами, оставшиеся с трудом, оскальзываясь взбирались на трупный холм, снова падали, ловя картечь.

Вообще теперь поток ослаб, стал пореже и на них уже не перли многоводной рекой порождения леса, несколькими ручейками хвост в нос вытекали они из-за вала, часто падали, кого то затапывали собственные собратья.

Неожиданно Щербинский утратил веселость и вытянул ружью в сторону вала, одновременно выпалив.

– Идут! – оглушительно заорал он – Эти самые идут!

– Кто идет!!!

– Деревя идут!! – бум! – туристы!!

– "Какие туристы"? – Подумал Сергей в отупении, потом вспомнилось.

– Это те что ли, что шофера проростили?! – закричал он пробираясь к зоотехнику. Какая то тварь умудрилась проскочить через огневую завесу и цапнуть Сергея за ногу. К счастью вроде не ядовитая. Серега замедлился, и прикладом сломал маленькому монстру хребет.

– Ага те!!! – БАМ! БАМ! И селянин перезарядил ружье.

– Ого!! – заорал вдруг Лапников, видно тоже увидел.

Увидел и Серега. Странная троица как раз взбиралась на вал и видно было ее во всей красе. Две аляповатые фигуры в ярких футболках и дорогих куртках по бокам, у одного на голове рваная бейсболка, фотоаппараты на поясе, а между ними кто то страшно изогнувшийся и покрытый молодой свежей корой. Словно вырезанное из дерева лицо, распавшийся в крике рот, похож на дупло. Все трое едины, и из ног у них растут оборванные корни, двое туристов с зеленоватыми лицами и закрытыми глазами, у шофера в середине из плеч растут зеленые, похоже кленовые побеги.

Щербинский переключился на новую цель, и почти без перерыва выпалил из обоих стволов. Оба заряда пришлись в крайнего правого туриста и от того веером разлетелись сверкающие щепки яркого молодого дерева. Блеснули весело на солнце. Турист покачнулся, завалился бы, но двое других не дали, и троица лишь шатнулась назад, не прекращая своего умеренного движения вперед.

– Как стрелять в деревянных!?! – закричал озабоченно Щербинский, на миг поворачиваясь к горожанам, но не забыл при этом откинуть пинком что то многолапое, пищание почти на ультразвуковом диапазоне.

Лапников что-то пропищал ему в ответ, но это никто не расслышал за грохотом Серегиного дробовика. Деревянная троица качалась, от нее летели щепки, и второй уже турист

тоже утратил лицо. Впрочем его это похоже не колыхало, как не колышет дерево уродливый кап и цепочка поганок на стволе.

Трое людей палили теперь только в деревянных прищельцев. Мелкие твари уже прорвались сквозь вал и плясали под ногами, пытаясь ухватить за штанину. Их давили по мере сил, но удавалось не здорово. Один раз бывшие туристы бесстрастно завалились на спину, но так же неукротимо поднялись.

– Да что ж такое?! – орал Лапников испуганно, – Да что ж...!

Лупили теперь в туловища, но толку было, мало, все равно что в колоду стрелять. Незамеченный крысобогомол прорвался через огонь и в мощной прыжке вцепился Сереге в горло, и намертво повис так. Сергей заорал дурным голосом, и попытался оторвать чудище от себя, дробовик рухнул на землю, а Лапников кинулся отдирать приставшую к шее хитиновую гадость. Первым делом он стремительным совершенно движением с корнем выдрал ядовитое жало, что воинственно размахивало с намерением вонзиться в человека. Сергей лупанул по скорпиону, ему отдалось в шею, и он закашлялся, сев ошеломленно на землю, и вяло давя трехглазых мышей. В это время журналист отодрал богомолистую крысу от горла приезжего и гневно смял в руке. Пробормотал что то:

– Слизи много, рука скользить будет, – и снова принялся

за стрельбу. Так как Сергей временно выбыл из строя, огонь уменьшился и трое зеленых зашагали резвей. Щербинский был уже не то в ярости, не то в истерике, он палил с феноменальной скоростью, не давая передышки и казалось у него в руках пулемет, а не банальная Тульская двустволка. Вал трупов обильно усеивали яркие сочащиеся смолой щепки. В солнечных лучах плясали опилки, а три колоды, которые раньше имели сходство с людьми невозмутимо шли в их сторону.

Дошли они наконец до Щербинского, тот шарахнул дуплетом в упор и вместе с дробью горящая масса пороха вонзилась в деревянную плоть бывших людей. Дерево оказалось довольно таки сухим, а смола мигом воспламенилась. Занялся сначала шофер, а затем огонь быстро перекинулся и на туристов. Все это неожиданно рванулось вперед, но Щербинский отскочил и живой горящий факел, издавая низкие воющие звуки, от которых ныли зубы промчался мимо врезавшись с размаху в бревенчатую стену ближнего дома. Трое рухнули. От них начал медленно запалеть дом, и гнилые бревна загорались одно за другим.

– АААА!!! – орал Щербинский в ярости-радости – Спалил их спалил!!! – и снова начал стрелять.

Монстров не уменьшалось кроме того часть провалялась во время пальбы в зеленых и теперь плясала перед ними, тарасили разнокалиберные глаза и выла от ярости. Их затоптали, молодецки налетев на отдельные особи, пинками и

проклятиями отшвырнули за вал, что высотой был уже приблизительно метр.

Одно было не здорово, несмотря на массу взятых патронов, они все-таки заканчивались. Слишком много монстров перло на них из-за вала, и теперь Сергей начал понимать, почему не смогла прорваться группа из двадцати пяти вооруженных людей.

Это бойня, это даже не сражение, но вот только патроны у них кончаются, а монстры, похоже бесконечны, они все такими же стройными рядами выползали из темноты леса и радостно устремлялись на смерть.

– "Кордон на месте" – подумал Сергей, – "Он никуда не девался и не менялся. Но как все-таки я смог пройти? И Лапников тоже? Старик, все старик!"

Размышлять о таком в царящем кругом буйстве было смешно и Сергей хихикнул загоняя в ружье патроны. Щербинский тут же покосился на него явно проверяя, не близок ли горожанин к умопомешательству. Но Серега сдвинул брови и оскалившись в гримасе начал снова целенаправленно стрелять в толпу. Плечо представляло собой уже целый кровоподтек, а рубашка там подозрительно намокла, видно даже содрал кожу. Лучше даже потом не смотреть, что там твориться. Двенадцатый калибр как ни как. Без всякой связи к нему пришла мысль о том, как измеряют калибр гладкоствольного оружия. Его меряют не диаметром ствола, а сколько круглых пуль можно отлить из бруска свинца опре-

деленного веса. Странно на удивление. И глупо как то.

– Мы проигрываем!!! – заорал у него над ухом Щербинский.

– Чего?! – закричал из-за Сергея Лапников.

– Говорю, бьют нас!!!

– Бьют?!!!

– Их все больше!!!

Сергей пригляделся и увидел как ручейки ползущие из леса утолщаются, становятся мелкими речушками, видно пришло подкрепление. Такое ощущение, что тут собрались все мелкие зверьки Ярославской области.

Патронов было все меньше, уже выгребали, заряжали остатки, хоть вой от безысходности, трупы тварей валялись во множестве, но могучий девятый вал уже переваливал через горный хребет, что высился посреди улицы.

– Баррикады... – подумал Сергей, – баррикады...

Что-то дернуло его за больное плечо, Сергей сморщился, повернулся, Щербинский с красным, жутко гримасничающим лицом перестал стрелять и тащил его за руку в глубь улицы.

– Что?! – заорал Серега.

– Пошли!!! Пошли а то прибьют!!!

– Лапников! Кончай стрелять!!! Они нас завалят!

Лапников с удивлением обернулся, он похоже уже ничего не соображал и не узнавал зоотехника. Сергей, качнувшись дернул его за руку и потянул за собой.

Подраненной трусой кинулись они вниз по улице, а впереди неслась Венди, до предела натянув короткий поводок, что немного помогало передвижение впавшего в огнестрельный ступор Лапникова.

Монстры ломонулись толпой следом, но люди уже разогнались и бежали уже галопом, Лапников оборачивался и что-то кричал назад, брызгая слюной, но слегка пришедший в себя Сергей, мощно тянул его за собой. Психоделичный был этот бег, под ослепительным небом и жарким Июльским солнцем, в день, когда не может произойти ничего плохого.

Где-то на середине пути до площади лесные отродья неожиданно отстали. Повыли разочаровано вслед и повернули к кордону. Серега со спутниками же мчался безостановочно.

Наконец доковыляли до площади и без сил рухнули в тени дома сумасшедшего библиотекаря. Ружья вповалку упали на сухую глину, а они сами переползли в палисадник дома, на зеленую травку.

Сергей тупо смотрел на сидящих рядом. Щербинский уже обрел свое обычное спокойствие, только вот лицо у него было все еще под цвет его же бороды, а на щеках обильно запеклась пороховая гарь. Лапников же все ерзал на месте, крутил вокруг головой и корчил дикие гримасы, а временами принимался дергать себя за жиденькую бородку. Одно из стекол его очков в тонкой оправе пресекала змеистая трещина она все змеилась, змеилась...

– "Змеи" – подумал Сергей качая монотонно головой – "Кругом змеи".

Голова болела, сильно. В волосах застряли частички выгоревшего пороха, а на новой с утра куртке обильно растеклась инородная кровь. Он невольно протянул щупать горло. Глотать было больно, эта многоногая гадина впиалась на совесть, и теперь у него наверное вид как у натурального висельника. Такого рода отметины называются странгуляционной бороздой.

Щербинский увидел, как он трогает шею, сглатывает, морщась, и сказал:

– Придет домой, надо будет тебя осмотреть, вдруг эта гадина успела таки тяпнуть.

– Да вроде не успела... ну и хватка, Лапников, ты успокойсь наконец?!

Лапников слегка замедлил возню:

– Нас придавили, – произнес он ясным голосом, – надавали и выгнали в зашей. И мы бежали, с позором.

– Не бежали, а грамотно отступили, – веско произнес Щербинский, – а гадов мы положили огого!

– Разумеется мы проиграли – Сказал Серега. – Вы же помните, что двадцать пять человек не смогли здесь прорваться.

– Не смогли, но вряд ли навалили трупов больше чем мы.

– Навалили больше, – сказал зоотехник, подбирая ружье и заглядывая в казенник, – только они все расчистили, скоро

на этом месте будет пусто и голо, как и раньше.

Дуло его ружья было рябым от пороховых газов, от туда воняло чем то едким.

– А все-таки старик здесь как-то прошел. – Задумчиво сказал журналист. – прошел и умудрился протащить за собой нас. Кто же он такой?

– Какая разница в конце концов? – возмущенно сказал Серега, -мы не прорвались, а значит со дня на день будем мертвы. Или безногими скользить между древесных корней, шипеть и язык раздвоенный высовывать, тяжело, ой тяжело!

– Я ж тебе говорю, жизнь тяжела, – откликнулся Щербинский – да ты только не хорони себя раньше времени, я вот как то протянул две недели в этом аду.

По земле резво ползла змея, Серега проводил ее взглядом. Пока она не скрылась на той стороне дороги. Псина журналиста издала тихий горестный всхлип, и замолкла. Некоторое время молчали, старались не говорить, отдыхали. Затем Лапников медленно предложил:

– Раз не смогли сбежать, будем воевать, не отступать.

– Ты уже стихами заговорил сдуру, – устало сказал Щербинский, а у меня в башке до сих пор пальба идет.

– Какие стихи! – воскликнул Лапников, – мы как тот прошли чрез кордон! Что то тут есть.

– Ну если по рассуждать хорошо, – сказал Серега – то у нас имеются, образно говоря две силы. Хорошая и плохая. Добро и зло. Свет и тьма. Поле и лес. Плохая сторона у нас

налицо. Это творящийся вокруг мрак, эти твари из леса, эти шабаши по ночам, и, конечно наш общий друг и товарищ голем змеерукий. Любящий модничать и носить оцинкованные ведра.

– Не язви, – бросил Лапников.

– Так вот, – не обращая внимания продолжил Серега, – вот наша темная сторона, весь ужас, творящийся в этой безумной деревне.

И было бы это совсем беспросветно, если б не было одного маленького исключения. У нас имеется некий старик. Старки. Который с виду вроде человек, но скорее всего нет, который свободно проходит, через монстровые кордоны, а затем еще и протаскивает за собой нас, Два раза он выходить из одной деревни не мог. Значит он выходил специально для нас с Лапниковым. Из этого я могу заключить, что он преследует некие свои цели, нам, простым смертным не понятные...

– Мистика какая то, – сказал ежась городской Лапников – уже простыми смертными нас обозвал. А он тогда кто? Один из древних Лемеховых богов?

– Да нет, он русский, разве не видно? Да и не бог, это точно, это уж чересчур, никуда просто.

– Хватит трепаться, – сказал вдруг резко Щербинский – вы вроде собирались решать, что будем делать.

По улице прокатилось раскатистый шипение, словно выпускали газ из баллона и в поле зрение показалось чудо-юдо

трехголовое. Точнее это было не чудо-юдо, а человеческих размеров змея, из которой торчало три омерзительных головы. Две змеиные по краям, и одна человеческая в центре. Человеческая голова выглядела тупой и одурманенной, а здоровые змеиные ничего абсолютно не выражали. Щербинский подхватил ружье, охнув, поднялся и стремительно выпалил.

Две змеиные головы оторвало и на их месте теперь торчали кровавые лохмотья. Человеческая изумленно повела глазом, по сторонам, не находя остальных, а потом вся эта живая конструкция завалилась на дорогу, и стала биться в конвульсиях.

– Одним меньше, – оптимистично сообщил Щербинский возвращаясь – А те трое какого выглядели?!

– Деревяшки? – спросил Лапинков.

– Туристы, – сказал Сергей, – они были одеты в обыкновенную одежду. Излишне яркую и кричащую, такую только туристы во всех странах носят. И у одного на поясе висел фотоаппарат, ну а потом дробь все стерла, как будто их заново обтесали.

– Бррух, – содрогнулся Лапников, – так что решаем?

– Предлагаю сейчас отправиться к Щербинскому и там передохнуть, – сказал Сергей поглядывая на дорогу, не идет ли кто, да и поесть бы, у меня со вчерашнего вечера в животе бурчит от голода. Припасы мои тоже все разорили, толи сам я их порвал, когда по дому с топором бегал, – при этом вос-

поминании, Сергей снова потер шею.

– Ну значит пошли ко мне – сказал Щербинский ровно – поднимайтесь, вы! Нечего траву обтирать, по улицам и сейчас нечисть гуляет, – он указал в сторону трехголового чуда, но того на дороге не было, видно уполз куда то.

Поднялись с трудом, Сергея вообще шатало из стороны в сторону, и Щербинский то и дела кидался его ловить. Но приезжий сцепил зубы и не падал. Лишь оперся об стену, помотал головой. То ли шок до сих пор, то ли действительно отравил гад многолапчатый.

– Счас пойдем – сказал он селянину. – Минутку постоим.

Постояли в минуту, затем Сергей оторвался наконец от стены и они двинулись медленно в сторону площади.

– Мой дом вон там, на той стороне подле собора, площадь прейти, делов то, – но сам с сомнением поглядывал на Сергея, дойдет ли.

Но Серега дошел. Более того, в пути через площадь ему малость полегчало и он зашагал увереннее, даже волочившийся позади дробовик подвесил за спину.

8.

Добрались до дома Щербинского быстро и дом у него оказался славным. Был он не деревянный а из красного старого кирпича и поэтому устоял во время бури. Только ставни были прикрыты, а стела чем-то забаррикадированы, что придавало дому несколько угрюмый вид.

– Ну что стоите, – сказал Щербинский -входите, ничего не пугайтесь. Без ложной скромности могу сказать, что моя хата, самое защищенное место после бара в Черепихове.

Они зашли, тем более что дверь была не заперта, однако как только они зашли, селянин задвинул на обратной стороне три огромных засова. Явно в этом доме готовились к затяжной осаде. Какая именно и есть сейчас.

Внутри дом как дом, пахнет жильем, только вот пол дико загрязнен, на нем масса отпечатков грубых рубчатых сапог, а на стенах, покрытых светлыми обоями, безобразные потеки чего-то водянисто – зеленоватого, как сукровица. А еще на стене растянуто громадное кожистое перепончатое крыло явно от исполинской летучей мыши, да в уголке стоит странная гранитная вроде статуя в человеческий рост. Непонятно.

В доме было тихо, кроме них никого. Шаги отдаются слабым эхом.

– Вы же сказали, – заметил вползающий за ними Лапников – что ваш брат дома?

– А он и дома, – произнес селянин снова странно ухмыльнувшись и он указал на статую, – знакомьтесь – мой брат Щербинский младший.

Дробовик выпал из Серегиной руки и брякнулся об пол. Приезжий застыл с разинутым ртом.

– Ты хочешь сказать, – произнес он, – что эта каменная статуя и есть твой брат, которого я еще позавчера видел живым и здоровым?!

– Неужели его обратили в камень?! – изумленно просипел Лапников и сняв, очки остолбенело прищурился в статую – но разве ТАКОЕ возможно???

– В этом селе ВСЕ возможно, – мрачно ответил Щербинский и добавил вяло, – идите что ли к столу, есть наверное хотите?

Как он заметил, не Серега не Лапников не стали спрашивать как можно обратить младшего обратно в человека, они понимали. Что и сами могут вот так вот обратиться в один прекрасный момент в гранитную глыбу.

– Безумие, – плаксиво промолвил журналист и потащил свою собаку к огромному дубовому столу, с пулевой дырой посередине, его явно использовали как баррикаду не так давно – людей в камень.

– Это хорошо еще не в змею, а то пришлось бы пристрелить, – закричал им селянин с кухни, где он с чем-то возился, – это произошло во время этого ночного шабаша. За окном орал он выглянул и тут в него из тьмы кинули неким

порошком. Сразу же закаменел, едва его от окна оттащил.

Лапников вздохнул. На кухне зашипел жир попав на раскаленную сковородку, и в комнату поплыл тяжелый мясной дух. Зоотехник что-то там жарил, и даже начал вроде напевать под нос, впрочем его совсем не было слышно, за шкворчанием съестного на сковороде.

Пахло вроде рыбой, и хотя Сергей не очень любил рыбу, у него все равно потекли слюни, и еще сильнее заболело горло, в пережатом ранее месте.

– Пауков всех давить буду. Всех восьминогих давить!!!

– Чего? – поднял на него мутные глаза Лапников, он думал о своем.

– Я говорю, у меня в рюкзаке есть данные по селу, собранные из областных архивов, нам надо внимательно ознакомиться.

– Ознакомимся, – без интереса произнес его собеседник, он думал в данный момент только о еде, да и о чем можно думать, когда вокруг витает аромат прожаренного мяса.

Минут пятнадцать спустя, когда Сергей уже начал нетерпеливо постукивать пальцами по столу, начисто позабыв о статуе младшего, смиренно стоящей в углу, в комнату вошел Щербинский таща сразу три, лежащие друг на друге, тарелки. На тарелках восхитительно дымилось белое жаренное мясо.

Он поставил гостям и себе и вместе они уселись на грубую лавку у окна, что неподалеку от стола.

– Наваливайтесь, – предложил зоотехник.

И они навалились. После стольких тяжелых часов воздержания Сергея с радостью накинулся и на пищу, особенно если учесть, что мясо оказалось совсем не плохим, аппетитным мягким, хорошо посоленным. Вместе они смели лежащие у них на тарелках порции, и селянин побежал за добавками, положил еще и себе. Теперь ели уже медленнее и запивали мясное блюдо теплым квасом, что остался у Щербинского еще с тех времен, когда работал холодильник.

Не думали не о чем, налегали так, что хрустело за ушами, только успевая прожевать. Умяли и этот кусок, и тогда Лапников отодвинулся от стола, а Серега с Щербинским взяли себе еще.

– Уф, – сказал Сергей, – полегчало. Вроде даже и жить стало легче. Лапников, ты псине своей тоже брось.

Журналист кинул мясца Венди:

– А скажите, что это вообще за рыба, по вкусу прямо натуральный осетр.

– Это не рыба, – сказал Щербинский.

– А что же это?

– Это змея.

Серега поперхнулся. Лапников застыл, вытаращив глаза. У него был вид обиженного ребенка, которого только что жестоко и зло обманули в самых лучших его намерениях. Он сглотнул. Сергей напротив него тоже мужественно боролся с подступающей тошнотой. Руки его вцепились в стол а в го-

лове колыхался туман.

Щербинский удивленно переводил взгляд с одного на другого. Он открыл было рот но тут Сергей выдавил:

– А... Это ведь бывший человек?

Лапников вскочил и, зажимая рот обоими руками, кинулся прочь в поисках ванны, не нашел, и поэтому выскочил на крыльцо. Было слышно как он давится там. Венди с веселым лаем носилась где-то там же.

Сергею тоже стало совсем дурно, он медленно бледнел и зоотехник видел, как ему хочется присоединиться к журналисту.

– Нет! – Поспешно сказал Щербинский, – это не было человеком. Если хочешь знать, то была раньше моя любимая свиноматка. Только теперь у меня все домашние животные – змеи.

– Уже лучше – произнес Серега, стараясь не смотреть на чисто вылизанные тарелки, – но когда я сейчас представляю как у меня в желудке это скользкое, чешуйчатое...

– Понимаешь. – Сказал селянин оглядываясь в поисках Лапникова, тот что-то задержался на крыльце – дело в том, что продукты в селе давно закончились, а все домашние животные обратились в змей. Чем ты думаешь мы питаемся?

– Я не знал, консервами какими то. Но не змеями, я их ненавижу.

– Но ведь вкусно было, правда?

– Не знаю, теперь я вообще потерял аппетит на ближай-

шие три дня. По мне уж лучше есть собак.

Вернулся Лапников. Все еще бледный и содрогающийся, утер бороду рукавом.

– Это было гадство! – без обиняков заявил он.

– Почему же гадство, есть то что-то надо, последнюю скотину сожрали дня три назад. Не хочешь есть это, не ешь вообще.

Тарелки теперь выглядели отвратительно. Сереге как раз на ум пришла сказка о змее, заползшей спящему человеку внутрь, через рот, и стало совсем дурно. Он поспешно отвлекся от этих мыслей и вытащил из своего замызганного рюкзака историю села Черепихово. Пихнул ее через стол к Лапникову:

– На, ознакомься. Тут в общем то всего мало, но что то может быть выловишь.

Журналист ознакомился. Он принял папку и стал напряженно листать тонкие, мятые страницы, временами задерживался, и прочитывал внимательно. В одном месте показал Сергею рассказ о буре. Сергей кивнул. Щербинский отвлеченно смотрел в окно. Стояла тишина и даже не пели птицы, что несколько не вязалось с радостным летним днем, только что перевалившим за половину.

Второй раз Лапников показал летопись об оборотне, и Серега снова кивнул. Правильно, находит то что надо, да вот только на что это наводит?

Минуло еще тридцать минут. Где-то у кордона раздался

печальный одинокий вой. Горожане вздрогнули, а Щербинский по переднему спокойно обозревал окрестности.

Лапников отложил папку:

– Прочел. Что-то в этом есть, да крайне мало.

– Да, крайне мало, но можно уяснить – сказал Сергей – тут получается некая цепочка.

– Буря – страсти?

– Буря – церковь -страсти. Обрати внимание, каждый раз тут замешана церковь. В четырнадцатом веке она была разрушена бурей, и нечто в ней скрытое вырвалось на свободу.

– Звучит, как в дешевом ужастике.

– МЫ попали в дешевый ужастик. Короче, церковь разрушена, из за бури нечто выползает из развалин. И принимается терроризировать окружающих. Затем церковь восстанавливается и жуть вся исчезает.

– Как же так, если оно выползло уже, зло это, как же с восстановкой церкви оно исчезает.

– Да тут все очень просто. В церкви скрыто нечто вроде тотема, содержащее в себе частицы былого страха. Какой ни будь культовый предмет, божок может быть. Церковь разрушена, и на свежий воздух выползает, словно испарения, то, что в этом тотеме скрыто. А закрыли его снова в подвале, испаряться превращает вот и сгинула напасть.

– Как то у все так гладко, откуда такая уверенность?

Сергей вздохнул:

– Я был там.

– Был?!

– Да, я был в подвале Черепиховского собора, там внизу есть потайной ход, который ведет в подземелье. Под землей есть такая маленькая комнатка, а в стене ниша. А в нише раньше что то содержалось, и пахнет это гнусно.

Сергей увидел, что Щербинский, вылупив глаза, смотрит на него, впрочем Лапников тоже.

– А что ты делал в подвале собора? – странным тоном осведомился зоотехник.

– Я начал кое-что подозревать и должен был убедиться. – Не моргнув глазом соврал Сергей, – в любом случае это неважно. Важно то, что в соборе что-то было, но теперь его оттуда унесли. А я то подумал, что там тайное убежище для монахов.

– Интересненько – промолвил Лапников, он тут же забыл о Серегинной вылазке в подвалы – Есть у меня предложение. В этой папке собраны материалы из многих архивов Ярославской области. Нет только одного. Личного Черепиховского архива. Предлагая именно туда и пойти.

– В архив! – воскликнул Сергей – Лихо! А Разве в Черепихове есть архив?

– Есть – сказал Щербинский, – и он даже уцелел. У нас архив в одном здании с краеведческим музеем, и у него снесло только второй этаж. Могу провести.

– Проведи, – произнес Сергей, – я не подумал, что тут может быть свой архив. Именно в него мы и должны пойти.

– Прямо сейчас? – спросил селянин.

– Прямо сейчас. – Ответствовал Сергей и поманил Лапникова рукой, он уже позабыл, что только что подкрепился печеной змеей.

Лапников согласно кивнул и поднялся, снова обмотав вокруг руки поводок с собакой. Папку Сергею он не отдал, а пихнул под мышку, сказал, что ознакомится и сравнит. Заодно будет знать, где искать.

По дороге к двери оба дружно шарахнулись от каменной статуи второго Щербинского и обошли его по крутой дуге молча. На улице солнце слегка загородили редкие сероватые точки и Сереге подумалось, что к вечеру пожалуй погода снова испортится.

– Дождливый этот Июль, – сказал горожанин – и в Москве все время дождь, – и тут же вспомнил, что уже полторы недели прошли с выезда из Москвы.

– Мне кажется иногда! – произнес Щербинский, задирая голову к небесам – что этот дождь идет только у нас, Черепихово, все одна напасть.

– Лесные любят темень и сырость. А уж деревья эти, тем вообще хорошо, одним только людям плохо, тем. Кто остался.

И правда, откуда-то из-за Волги, натягивало вереницу рваных серых туч, и в ближайшее время они грозились соединиться в один, непроглядный полог.

Троица двинулась вдоль улицы, затем повернули в проул-

ки. В руках продолжали сжимать ружья и обыскивать затемненные места в поисках нечисти. Пару раз им попадались слегка починенные дома, с закрытыми ставнями окнами. За окнами кто-то прятался, блестели внимательные человечьи глаза. Некоторые не совсем разумные. Однажды Сергей увидел, как из-за створок ставень высунулся на полметра вороненные ствол ружья и некоторое время поворачивался за ними.

Это было неприятно, и страшно, и Сергей спрашивал себя, не нажмет ли случайно эта неведомая, держащая оружие рука? А если примет жилец нас за очередных монстров?

Тучи все-таки затянули небосвод, закрыли солнце и с каждым мгновением их становилось все больше и больше. За светом солнца следовали серые сумерки, а за сумерками следует ночью. Но эту ночь они проведут у Щербинского, втроем отстреливаясь от мороков ночи.

– "И может я еще раз рубану Голема" – подумал с ухмылкой Сергей.

Щербинский вел их кривыми дорожками, и скоро, они выяснили, что находятся как раз неподалеку от местного дома культуры. В сером дневном свете, без солнца, здание выглядело на порядок мрачнее.

– Эко все-таки за мерзкий дом, – выдал Лапников, – я уверен, что это самое безобразное строение во всем Черепихове.

– Да, – сказал Сергей, – мне он тоже почему-то не нра-

виться. И вонь от него идет, что только держись.

– Здесь и так много вони, – произнес Щербинский направляясь по улице вдоль Дома, – тут воняет все подряд, и в основном тухлятиной. Но от этого дома воняет змеями! Змеями и все тут. И не змеями, а большими змеями. Во бред то, а?

– Пахнет малость – Согласился журналист вода носом, со стороны это казалось комичным, именно такие же движения проделывала у его собака. Выглядело так, словно они еще не решили, кому из них становится псом, – и именно змеями. Пахнет мускусом, он выделяется у всех рептилий, чувствуете? Именно мускусом.

– Так пахнет мускус? – спросил Сергей, – раньше как-то нюхать не приходилось.

– Что-то неясно, может это от них пахнет, – ладонь селянина простерлась в сторону очередной "змеиной" улицы – улицы где на каждом столбе висит по длинному телу.

– Может и от них! Мы в конечном итоге шли в архив.

– В архив, так в архив, – и они двинулись вдоль улицы, составив, пахнувший змеями дом далеко позади. Дождя все еще не было.

Около пяти вечера подошли к архиву. Старое, двухэтажное кирпичное здание, но второй этаж вместе с крышей рассеялся дальше по восточному направлению. Зато первый по-прежнему стоял, и светил не так давно крашенными зелеными боками, с проглядывающей в некоторых местах древней дранкой.

– Вот это и есть наш бывший краеведческий музей, – познакомил Щербинский, – там наверху было чучело самого большого медведя пойманного в Ярославской области. У нас между прочим! Да заходите, если кто там есть, – постреляем.

– Постреляем, – вздохнул Сергей и первым двинулся к ржавой стальной двери с выломанным замком. То ли буря постаралась, толи, кто-то из селян.

Дверь, уж на что была ржавая, отворилась с режущим уши скрипом и визгом, от которого верилось, даже змеи вниз по улице, снимутся со столбов и рванут подальше. Внутри обнаружилась маленькая прихожая, теперь запакостенная и замусоренная, и залитая водой. Старые доски пола сопрели и выглядели столетними. А над головой вместо потолка красовалось серое небо. Вид был безумным еще от того, что, на стене, подпирая небо рогами висела прогнившая голова крупного лося. Одни стеклянный глаз чучела выпал и лежал внизу. На сгнившем в лохмотья ковре, второй тускло блеснул в глазнице.

Сергей на лося не стал смотреть, одна дверь откуда шла непосредственно в общий зал, а вторая в подвал. На этой второй висела неброская табличка от руки: "Архив".

Лапников пялился на лося, а Сергей двинулся к двери и потянул на себя. Дверь отворилась тоже со скрипом но тише чем внешняя.

Внизу была темнота. Оттуда пахло затхлостью и прелью. Понесло легким запахом мускуса. Вниз уходили истер-

тые каменные ступени.

– Знакомо, – произнес Серега в темноту, весь этот вид был чрезвычайно близок к подвалу Черепиховской церкви.

– Что знакомо? – спросил Лапников.

– Вечно мы по дырам всяким лазаем. По запаху можно подумать, что там внизу выгребная яма со змеями.

– Ничего себе сравнение – свистнул Лапников – кто первый туда полезет? – и почему-то обернулся на Щербинского.

Серега обернулся тоже:

– И почему мы не диггеры. Тех в такие норы только и тянет.

Щербинский ухмыляясь, вытащил из своего мешка два древних фонаря модели "летучая мышь", точные копии того, что висел у Сергея в маленьком домике с совами на крыше. Один из фонарей был древен и ржав. Второй новый, сияющий синей краской и с китайскими иероглифами на крыше.

– Ого, – сказал журналист – вот мы и возвращаемся в древность. Лиши человека электричества, и вот он уже не уровне прошлого века, только почему иероглифы?

– Это новый фонарь, – пояснил Щербинский – Видать китайцы до сих пор такими пользуются и изготавливают. Света тоже на всех не хватает.

– А качество у него тоже китайское? – Спросил Сергей с ухмылкой.

– А это мы сейчас проверим.

И проверили. Старый фонарь зажегся сразу, тусклым коп-

тящим, светом, почти не видимым в сером свете этого дня. Китайский же долго не горел, но наконец фитилек вспыхнул, опалив брови сунувшегося слишком близко Щербинского. Тот отшатнулся и чуть не запустил фонарем в ближайшую стену, но Сергей не дал. Взял фонарь себе и стал спускаться вниз по ступеням.

Позади, квадратная фигура Щербинского сразу же закрыла всякий солнечный свет и пришлось теперь довольствоваться только коптящим светом бракованного фонаря.

Слышно было как позади, Лапников уговаривает собаку спуститься во тьму, а та видимо упирается всеми четырьмя.

– Где-то я слышал, что собаки боятся темноты, – сказал Сергей вглядываясь вперед.

– Правда? – откликнулся селянин – собаки же близки к людям, вот и переняли от них все подряд.

Свет фонарей колебался, а лестница была так узка, что идти приходилось по одному, в ряд. Было неприятно, но все-таки не так страшно, как во время спуска в темень Черепиховского собора.

– "В самом гнезде побывал!" – думал про себя Серега, – побывал в само центре, и ведь сунулся туда по доброй воле. Мне же теперь в страшных снах будет этот подвал сниться. Если выживу конечно.

– "Никогда!" – думал он, – "Никогда не спустился бы в такой подвал ночью. Никогда бы не полез ночью в темные воды пруда. В темные воды... никогда..."

Он встрепенулся. Что еще за воды ему пришли на ум. Темные воды пруда. Он не разу не видел этот пруд, но почему-то воспоминание о нем наполняло страхом. Как отголосок давешнего кошмара.

– "Темная вода" – бубнил про себя приезжий, а сам в это время ровно шагал вниз, в глубокий подвал – "Темная вода неизмеримой глубины. А в воде змеи и жабы, и тритоны и тина, что на дне затягивает. И в воду идти. В глубину, ночью... идти"

Фонарь был слаб и освещал самое большее полтора метра впереди, и тут неожиданно высветил такое, от чего Сергей резко встал, а затем с криком шатнулся назад, выронив фонарь.

Фонарь упал на ступеньку, а затем с грохотом прокатился вниз, разбился там обо что-то и вспыхнул. А следом загорелась и часть стены, об которую он ударился.

Оглушительно громыхнуло над ухом ружье, и Серега повторно качнулся в сторону. Затем мимо протиснулся Щербинский, не говоря не слова, а сверху кричал что-то Лапников.

Приезжий потряс головой. У Щербинского тоже нервы напряженны. Как что стреляет во все подряд. А сейчас селянин стоит внизу, и освещает фонарем, то, что напугало так Сергея.

Маленькая площадка. Старая, деревянная дверь с номером. Табличка "Архив". А под дверью лежит труп. Бывший

человек, это явно, но уже начал превращаться в змею. Вон и кожа вся чешуйчатая, а на пальцах нет ногтей. На шее обрывок веревки, что сильно неприятным образом напоминает покойного шизика Саню.

Сергей помотал головой. Близкий выстрел обжег щеку, и начал спускаться вниз, к селянину.

– Знакомый случай.

– Да знакомый, многие слышанные о змеиной стараются помереть, но змеей не стать.

В груди у трупа зияла свежая дыра, но кровь оттуда не сочилась, да и мясо было беловатого рыбьего цвета. Если Щербинский стрелял, то почти всегда попадал.

– А он ходить не станет? – спросил Сергей – пялясь на убитый труп.

– Если до сих не встал, то уже никогда. Это ведь сам держатель архива Мельников. Я слышал его семья свалила отсюда в лучшие места. А он видать не успел.

На лбу у Мельникова светился третий глаз, он был открыт и отражал блик фонаря. Сзади подошел Лапников и тоже вскрикнул, но фонарь удержал, а вот его псина с воем рванулась вверх, к свету, но и ее удержали.

– Труп, – тупо промолвил Лапников, наклоняясь – опять в змею хотел, сколько же здесь таких?

– Одно надеюсь, что в архиве самом их не будет.

– Там будет кое-что похуже, – мрачно пообещал Щербинский.

Сергей подошел к двери, попытался открыть, но к ней всем весом привалился мертвый змей. Приезжий попробовал еще раз. Тело зашаталось и оторвалось от двери с легким, чмокающим звуком. Сергей поспешно отступил на шаг и просительно посмотрел на Щербинского.

Тот ухмыльнулся, криво и стал отыскивать труп за ноги. Сергей и журналист, брезгливо посторонились.

– Кстати, как вы думаете, для чего им третий глаз? – спросил Лапников, довольно бесстрастно, наблюдая, как растекается под потревоженным трупом лужица желтоватой вязкой желчи.

– У змей, – сказал Серега на месте третьего глаза находится орган, воспринимающий тепловые колебания, а также легкие вибрации воздуха. Это одновременно и ультразвуковое ухо, и термометр. Но у змей этот глаз скрыт под кожей, и совсем не выделяется. А у наших переростков он сильно развит, и действительно похож на глаз. А ты хочешь сказать, что нашел этому объяснение.

– Что-то вроде нашел. Раз уж мы взяли гипотезу, о внешней силе, которая управляет змеиным войском, то скорее всего это то самый знаменитый третий глаз, заведующий шестым чувством у человека.

– То есть предвидение, ясновидение, телекинез... Что-то я не пойму, зачем им столько всего.

Труп, чавкая пополз по ступенькам. Было слышно, как материться, тащащий его Щербинский.

– Ну в данном случае, – сказал Лапников, – я думаю, что глаз заведут телепатией и позволяет связываться ново-созданному змею с хозяином.

– С хозяином значит. А те, которые сразу обратились в змею как же. Без связи.

– А это я уж не знаю. Сейчас пойдем, или будем Щербинского ждать.

– Подождем, и пустим вперед.

Сверху громыхнуло, и раздался глухой стук, видно Щербинский, утомившись тащить, выкинул мертвеца единым мощным пинком. Несчастный змеечеловек был выкинут, и селянин, громко топая по ступеням возвращался к ним.

– Что это вы тут стоите? – осведомился он, тяжело дыша, затем понял, усмехнулся и толкнул от себя дверь.

Дверь подалась с ржавым скрипом, и даже с петель посыпалась бурая пыль. Их давно не смазывали и не чистили, ну а теперь и вообще никогда уже не смогут.

Зоотехник широко шагнул в открывшийся проем и приподнял фонарь над головой, чтобы получше осветить дальние углы. Тут же с проклятиями подался назад, чуть не опрокинув, выглядывающего из-за плеча Лапникова. Сергей тоже выглянул в проем.

Кучка из полутора десятков змей полукругом расплзлось из под ног Щербинского, спасаясь явно от давно не виденного яркого света. Одну из змей селянин попытался достать сапогом, но не смог, а змеи резво скрылись в темноте.

Сергея отодвинул мешающего спутника в сторону и сам шагнул вперед.

– Однако. – Сказал он.

– А ты что думал? – Вопросил Щербинский подходя. – Наш архив, почитай, занимает все подвалы музея, есть только маленькая еще кладовая, да и то сейчас закрыта.

Архив был огромен. В данный момент, Скрываясь во тьме, он казался размером не меньше спортзала размером. А старый фонарь освещал лишь маленькую часть, из уходящих вдаль стеллажей.

Воздух был здесь нехороший, затхлый и качественно отдавал мускусом. В свете их старой коптилки вырисовывались лишь четыре стеллажа, что видимо были началом такого же числа длиннющих рядов. Видно было, что стеллажи начинаются от грязного, холодного сырого, бетонного пола, с ржавыми подтеками, и кончаются как раз у абсолютно идентичного сырого потолка. Стеллажи были непрезентабельные, ржаво – железные, и было трудно понять, как можно в такой сырости хранить старые рукописи.

Вид этих четырех, остовов стеллажин, ясно напомнил Сергею остатки некоего стального корабля, многие годы пролежавшего под водой и обросшего моллюсками, водорослями, и прочей морской живностью.

Особенно было неприятно то, как уходили эти стеллажи в темноту. У самой двери приютился маленький металлический столик, на котором грудой были навалены бухгалтер-

ские папки. Папки сопрели в здешней сырости, и лежали мокрой кучей, а из углов у них выглядывала белая плесень.

– Однако, – повторил Сергей, – и здесь мы должны что либо найти?

– Вспомни про страхи. Страх пред темнотой, одни из самых главных страхов. – Встрял не к месту Лапников.

– Ты хочешь сказать? – Сказал Сергей. – Что не собираешься идти вглубь.

– Да нет, в глубь, не в глубь, а неподалеку пороемся.

– Щербинский, – произнес Сергей приподнимая фонарь и пригнувшись к мертвому воздуху – а не помнишь ли ты, сколько квадратных метров занимает ваш архив?

– Какие метры! – Веско произнес Щербинский, правда, понизив все-таки голос, больно уж гнела черная тишина. – Искать надо.

Он потянулся и прикрепил свой фонарь, на крюк, расположенный аккуратно над столиком с бумажным мусором. Стало видно получше, но не намного. Обнажилось еще пол метра стеллажей, да часть бумаг. Даже отсюда было видно, что бумага находится в состоянии не намного лучше, чем та что лежала сырым комом на столике.

– И здесь искать, – сказал про себя Сергей и неожиданно явственно представил как он будет искать здесь рукописи. Как сунет руку в эту теплую плесневую сыр. Как будет крошиться бумага, а гнилая бумажная взвесь потечет по руке. Как из вороха будут выползать здоровые белые жуки, что

никогда не видели света, как они будут шебуршиться на ладони, а затем упадут вниз, на сырой бетонный пол.

Картина эта встала в сознании так ясно, что Сергея снова чуть не вывернуло, полупереваренной змеей, и он отступил к двери, чтобы спастись от запаха гнилой бумаги.

– Ну... – Начал было Лапников, но его притихший голос, был заглушен мощным визгом идущий из тьмы:

– Чииииивиииириил!!! – шибануло от стеллажей. Визгливый вопль даже эхом легким отдался от стен.

Визг повторился снова и снова, и скоро из тьмы на них обрушивался водопад мерзопакостных звуков, ревов и прочих воплей. Стало видно, как на кромке света и тьмы, снуют маленькие юркие тела, мечущиеся в полном беспорядке. Иногда только фонарный колеблющийся свет ухватывал, чью то чешуйчатую конечность.

Ну и появились глаза. Они появились внезапно, вслед за криком, и повисли почти недвижимо в темноте, где-то на уровне людских глаз. Глаза были разные. Маленькие и большие, широкие и раскосые, а иногда глаз были всего одни, а иногда явно три. И цвет у них был самый разнообразный. Преимущественно они были красные, неприятно багровые, но встречались и гнилушно зеленые, и огненно оранжевые. Глаза непрерывно дрожали на своих местах, а вопли могли оглушить.

– "Что за склеп"! – Подумал Серега. – "Здесь и днем шабаш".

Ночные чудища орали на все лады, а вместе с воплями от туда шел мощный поток непереносимой вони, что казалось накатывала многоводной волной, с барашком. Люди встали в некотором оцепенении, созерцая россыпь глаз, что как уголья помигивали впереди. Чем то это было даже красиво, если бы не оглушающий визг, и сознание, что вонь идет явно от обладателей эти глаз.

– Что за... – Выдавил наконец из себя Лапников, но тут же резко шатнулся в сторону, а над его левым плечом просвистел в воздухе плевков зловонной серой слизи.

Слизь гулко шмякнулась в стену, расплескалась и остатки начали неотвратно сползать вниз, стремясь поскорей встретится с бетоном. Еще пара таких плевков пронеслась над головами и расплылось по потоку. Вонь усилилась, хотя воняло уже почище, чем в сортире.

Щербинский спокойно созерцал все это безобразие, сделав естественный вывод, что раз до сих пор не напали, то эти порождения затхлого подвала и не нападут вовсе. Бояться значит. К такому выводу пришел и Серега, лишь только журналист испуганно пятился к двери, да его собака горестно выла, совершенно неслышимо, в общем гвалте.

Очередной плевков осел на сапоге селянина. Тот глянул на него, кивнул понимающе, а затем не торопясь снял с плеча ружье. Сергей попятился от него в сторону, зная, что сейчас грохнет.

Щербинский снова кивнул, и нажал на спуск.

Тяжелый дробовик грохнул оглушительно, тем более, что палил зоотехник дуплетом. Огненная вспышка порвала в клочки мрак, высветила удивленные рожи морды зубоскаль-ников, запах горелого пороха перебил все остальные, и на-стала тишина.

То есть полная тишина. Вопли обрезало как ножом, рос-сыпь глаз испарилась, словно ее и не было, и даже вонь по-тихоньку стала втягиваться в дверь, на свежий воздух.

Тишина была приятна, а уши еще даже слегка закладыва-ло от неожиданности. Пороховая гарь пахла тоже лучше.

– Вот так, – сказал Щербинский, – света боитесь, и огня боитесь, а все что можете, так только орать и вонять.

Он сделал пару шагов вперед и поднял у среднего стел-лажа, что-то сморщенное, безжизненно свисающее, ухмыль-нулся довольно, а затем зашвырнул бесенка во тьму:

– Отвоевался.

– Однако, – в третий раз сказал Серега шаря взглядом по тьме, но та была безмолвна, – однако если мы не собираемся сидеть здесь до ночи, пожалуй давайте все-таки пороемся в документах.

– Искать будем рукописи? – спросил вернувшийся от две-ри Лапников.

– Искать будем рукописи и их перевод, а в частности мо-нографии по истории Финно – угорских племен.

– Значит время основания Черепихово, приблизительно тринадцатый – четырнадцатый век.

– Не сколько о селе, сколько о племени, если эти орущие полезут, будем ружьями отгонят. И надо побыстрей, а то ночью здесь будет действительно жарко.

– Тут и так жарко, и воняет. – Произнес Щербинский задумчиво. – Ищите, а я постараюсь вывести эту нечисть. Это кстати что-то вроде обезьян каких то чешуйчатых.

Двинулись искать. Начали с первого стеллажа попробовали найти наводку на четырнадцатый век, но метки оказались безжалостно уничтожены, и теперь уже нельзя было найти где что, приходилось искать наобум.

С первых же папок, Серегины худшие опасения подтвердились. Папки были испорченны, текст на них расплылся, а некоторые листы разваливались в руках на мелкое крошево. Не было жуков, их видно поели всех невидимые орущие твари, но то было не большое облегчение.

Папки попадались им неинтересные в основном. С первых же полок они наткнулись на совершенно испорченные вырезки из газеты "Черепиховская правда" за 1969 – 1971 годы. Было там что-то о пашнях, о красотах реки Волги, о новом теплоходе "Волгодонец" сошедшего со стапелей 20 Июня 70 года. Было еще много всякой мути, все это перемежалось некими отчетами, просьбами, письмами, и во всей этом бумажном вале, трое людей просто мигом погрязли. Разбирались молча, временами Лапников радостно вскрикивал, обнаружив что-то стоящее, но то было все даже близко не относящееся к интересующей их проблеме. Не слова, не упо-

минания о странном племени Лемех.

Маленькая красноглаза тварь уселась на вершину ближнего стеллажа и оттуда нагло пялилась на людей. Щербинский на миг оторвался от работы, подхватил кипу вырезок той же Правды, но за 82 – 85 годы и зашвырнул в красноглазого. Того скинуло вниз, и похоже придавило тяжелой папкой. В темноте кто-то поворочался и затих.

А Сергей медленно шел по рядам, просматривая документацию, прерывая сырые архивные бумаги и постепенно удалялся от входа. Он покинул шебуршащихся спутников и шел, руководствуясь своим внутренним чутьем. Идти в темноту было не безопасно, но у него был фонарь, и ружье Сергей тоже держал наготове. И чувствовал он, что искомое должно быть где то рядом.

Шаги гулко отдавались по бетону, тихо шлепало, когда он наступал в натекшую с потолка лужу. Было слышно, как через три стеллажа Щербинский и Лапников, копаются в бумагах, временами яростно препираясь друг с другом, по разным поводам. Их голоса доносились сюда с трудом, глухо.

Не одна тварь не напала на приезжего, а стеллажи все не кончались и по-прежнему уходили в темноту и было совсем тихо.

Неожиданно в непрерывно потоке полок обнаружился разрыв. Один стеллаж здесь все-таки кончился и начинался другой. А между ними был проход, и там были видны скелеты боковых железных полок.

А еще оттуда лился свет. Легкий свет. Тихого голубоватого оттенка. Лился ровно, не мигал и не моргал, освещая приличную площадь, не бросал уродливых теней на стены, он просто лился вокруг, и приносил умиротворение.

Сергей постоял, секунду, глядя на свечение, а затем шагнул в проход, и сразу свет его фонаря стал тусклым, блеклым, заглушенным этим голубоватым сиянием. Полки и стеллажи вокруг обрели совершенно фантастический вид, но выглядели уже не столь зловеще, да и запах, казалось, улучшился, очистился.

Приезжий сделал еще пару шагов, не подняв даже ружья, и увидел источник сияния.

И поперхнулся, узнав. В десяти шагах от него, у крайнего стеллажа стоял тот давешний старик, что встретил его на въезде в проклятую деревню. Сергей помнил его бороду, его странную, чудную внешность. И теперь видел его снова. Только сейчас на старике не было грубого ватника, а была длинная долгополая рубаха, а поверх нее еще что-то вроде кольчужного плаща. Был на нем и ремень из грубой кожи, с медной застежкой. Сталь, странное дело, выглядела почти белой и можно сказать сливалась с рубахой.

И все это светилось. И казалось, что ноги странного старика висят в двух сантиметрах от пола.

В руках он держал толстую ветхую книгу, и неторопливо ее листал, и свет от книги шел тоже, как и от него. Когда Сергей приблизился, он поднял белую голову от книги и глянул

приедем в глаза:

– Живой. – Сказал он – То что ищешь здесь. – И он показал высохшим пальцем на ближний стеллаж. – Здесь ищи.

"Кто ты"? – Хотел сказать Сергей, и открыл даже рот, но вместо этого неожиданно заорал:

– ОН тут! ОН здесь! Старик здесь!!! Сюда идите! Я нашел его!!!

За стеллажами загромыхало, Лапников что-то заорал, слышался топот. Старикан начал медленно растворяться в воздухе, уже совсем не скрывая своего призрачного вида.

– Здесь, – прошептал он еще раз, – не забудь...

Свет начал потихоньку покидать помещение. Исчезал, гас, вслед за странным стариком. Лишь еще несколько секунд светило место, на которое указал палец светящегося.

Вот и совсем стало темно, зато из тьмы слышался издевательский на удивление хохот и совсем рядом зажглись два зеленых, маленьких глаза. Где-то позади, пробирались через стеллажи Щербинский с Лапниковым.

– Ты еще здесь? – спросил Сергей, приподнимая копящийся фонарь повыше.

Тишина, лишь глаза стали приближаться неторопливо, да раздался вблизи неприятный звук.

– Фыыырф...

Секунду Серега раздумывал, над тем, что это может быть, а затем споро понял. Тяжкий выдох чего-то очень большого. Очень. Вот и глаза приближались все ближе, а от них несся

тяжелый топот и некое клацанье. Что-то исполинских совершенно размеров, тяжело ступало в его направлении, дышало с одышкой, и кажется взрыкивало.

Приезжий стоял на месте. Он все никак не мог перейти от видения светящегося старика, к абсолютной тьме, и неведомому монстру впереди.

– Кто... – повторил он еще раз и качнул фонарем.

Свет отразился в зеленых глазках, и наконец осветил их обладателя.

Страхи у людей разные, но в основном их разделяют на семь различных видов, и какой либо из этих семи, почти всегда есть у любого человека. Относятся сюда и боязнь змей, и боязнь акул, и боязнь темноты. Но есть и есть и еще один страх. Это боязнь хищников.

Страх этот идет у нас от древности, и погребен так глубоко, что мы почти не замечаем его. Спокойно гладим собаку, что когда-то была волком, без страха смотрим на тигра в зоопарке. Мы живем в городе, и уж не осталось в округе не одного хищного зверя.

Но вот если случается встретить настоящего дикого зверя, этот страх может прорваться наружу, стоит лишь понять, что встреченный волк не похож на собаку, он не будет лаять, и хватать за ноги. Он вцепится сразу в горло. И ведь знаешь, что убежать не удастся, что волк все равно догонит и повалялит. Вот он страх перед хищниками. И желание почти всегда одно. Бежать прочь.

Именно этот страх с особенной силой поднялся в Сереге, когда он разглядел хозяина архива. И ноги сами собой приросли к полу, и задушенный писк замер в горле.

Не более, чем в трех шагах от него, подпирая огромной головой бетонный свод архива, высился пред приезжим крупнейший, буро – коричневый медведь. Он был покрыт густой, жесткой, как стальная леска шерстью, в которой проглядывали явные проплешины, голова наверное вмещала в себя кубометр мозгов, а когти в длину достигали не меньше двадцати сантиметров.

Монстр этот стоял на тумбоподобных задних лапах, и сильно горбился, потому что потолок для него был слишком низок. Глаза горели ярким зеленоватым огоньком, и при этом сильно косили. В уголке правого глаза колыхался прозрачный гной.

И исходил от него странный запах. Чем-то он напоминал об аптеке, или больнице, то есть пахло какими то едкими химикатами, и от этого запаха, сильно тянуло в сон.

Медведь стоял неподвижно и даже, казалось, его шерстистые бока не двигались совершенно. Стоял неподвижный силуэт в свете фонаря, огромный как гора и лишь на темном пятне головы светили зеленоватые болезненные глаза.

– А... – вымолвил Сергей и тут медведь сильно выдохнул.

Поток ледяного воздуха обдал приезжего, принес с собой усиленный запах химикатов и почему-то, опилок, старой древесины.

Медведь открыл пасть и заорал. Заорал оглушительно, как когда-то давно орали паровозы, влетая в темный подгорный туннель. Он весь навис над Сергеем и распахнув полуметровую пасть ревел. Казалось даже ветер поднялся в сумрачном подвале, зашевелил созревшими бумагами.

Это вывело приезжего из ступора. Он судорожно содрал "Дракона" с плеча и навскидку начал лупить в упор, каждый раз содрогаясь от удара в плечо, и на третий выстрел к нему присоединились залпы из ружей подбежавших Лапникова и Щербинского.

Медведь подался назад, покачнулся, но падать даже не намеревался. И сколько Сергей не смотрел, он не мог увидеть и следа крови на проволочной шерсти. От бурого летела некая пыль, и клочки толстой шкуры, когда крупная дробь с лету впивалась в него. Медведя слегка отбрасывало назад, при особо удачном залпе, он отмахивался лапой, и ее простреливали, и снова летела пыль.

– Нежить. – Сказал Сергей сам себе. – Неживой.

Очередной заряд влетел медведю непосредственно в лоб и оставил между косыми глазками рваную дыру, по прежнему без какой то либо жидкости, и медведюга перешел к действиям. Он отмахнулся от его одного выстрела (при этом с кончиков лапы посыпались черные обломки костей) и издав оглушительный рев рванулся как танк вперед, с мощно отталкиваясь задними корявыми лапами.

Сергей успел пальнуть еще раз, а затем, как и при случае

с мертвецом у двери швырнул в бурю тушу фонарем. Сам кинулся в сторону, но тут медведь достиг его и задел правым боком, крепко приложив о ближний стеллаж.

Да, древний фонарь типа "Летучая мышь" может смело считаться первой бутылкой с зажигательной смесью, поставленной на доброе дело. Монстр медведь взмахнул лапой с ходу расколот фонарь и моментом вспыхнувший керосин густо осел на него.

Вспыхнул и медведь. Моментом, словно был сделан из масляной бумаги, пламя распространилось на брюхо, охватило горбатую спину и на Лапникова с селянином несся уже огромный пылающий факел. И факел этот орал. Не от ярости, от боли. Журналист с селянином проворно побросали ружья и кинулись в разные стороны. Лапников при этом что-то панически кричал, но медведь надежно глушил его.

Чудовищная, горевшая фигура пронеслась мимо уже не видя их. Если бы сейчас кто ни будь заглянул чудо медведю в глаза, то увидел бы что они скозились совсем, так, словно старались заглянуть внутрь медвежьего черепа.

Смрад распространился невыносимый. Что по сравнению в нем запах лекарств, бывший доселе. Жженые тряпки, жженая шерсть, подгорелое дерево и живая плоть, все смешалось в такой густой и вонючий туман, что дышать стало совсем невозможно.

Так бывает на маленькой кухоньке, если там пять часов кряду жарить и тушить рыбу.

Медведь наконец добежал, с шумом влетел в стеллаж и тяжело опрокинулся на пол, так, что казалось бетон вздрогнул. Вонь поднялась до невыносимых пределов, и стояла в колеблющемся свете как смог.

Трое людей лежали по краям стеллажа в разных позах как могли, закрывали рты тканью своих курток. Ружья в беспорядке лежали посреди прохода. Медведь заклокотал, и слабо цапапнул задними лапами пол, замолчал.

Глаза у приезжего начали слезиться, он утирал их рукавом куртки. Лежали и ждали лишь одного. Когда поднявшийся смог вынесет наружу через открытую дверь. Слава богу получилась естественная вытяжка.

– Ух. – Пробормотал Сергей еле слышно, и подполз на четвереньках к ружью.

В голове отчаянно гудело. Он сильно въехал затылком он железный край стеллажа, позади замигал слабый свет и Щербинский приподнял единственный оставшийся фонарь. Бледный свет пал на всех троих, и вид у них был полужадушенный. Селянин потирал плечо, там в куртке наличествовала большая обгорелая дыра, через которую светила обожженная кожа. Видно задел его горящий медведь, когда мчался на встречу со стеллажом.

Зоотехник открыл рот, вдохнул обильно смрада и глухо закашлялся. Лапников и Сергей молча ждали, когда он прокашляется, но селянин все не мог остановиться, сжимался пополам, и чуть не выронил фонарь, что Сергей резво под-

хватил.

– Ты ж сказал старик. – Вымолвил наконец Щербинский хрипло, лицо у него было спелого помидорного цвета.

– Старик был, – спокойно сказал горожанин, – то есть старик был сначала, а потом появился медведь. Короче сейчас расскажу, давайте ка лучше глянем на бурого.

Лапников кивнул и побрел, не торопясь к лежавшей где-то позади туше. Фонарь он прихватил с собой.

– Что с рукой? – спросил Серега у селянина.

– Чушь одна, зверюга лапой провела.

– Пошли посмотрим, что за зверь. Чую, нежить это.

– Морок? – спросил Щербинский.

– Нет, скорее родственник тем пенькам.

– "Что за разговор мы ведем?" – Думал Сергей, бок о бок двигаясь с Щербинским по направлению к свету фонарика. – "Морок не морок, пенек живой, голем... Как я вообще еще нахожусь в здравом рассудке. Если конечно здравом, а не то, вдруг это все горячечный бред. У каждого человека есть свой барьер за который отделяет разумные помыслы от темных порождений подсознания. Этот барьер крепок и эластичен, но если уж он порвется тогда держись. Хлынет, перемешается, сольется и образуется серая масса, что уже неспособна будет мыслить".

Смрад от медведя был все сильнее, чем ближе к нему приближались. Фонарик освещал легкие струйки дыма поднимающиеся от тлеющей шерсти, и стал пробиваться химиче-

ский запах.

Лапников тыкал шкуру зверя концом своего ружья. В шкуре отзывалось шипение, словно там все еще что-то жарилось. Журналист брезгливо морщил нос. Осмотрел монстра и Сергей ближе к морде поднося свет, вглядывался внимательно в оскаленную замершую пасть.

Затем поддел дробовиком складку на горелой шкуре, зацепил и резко дернул. Шкура порвалась с резким тканевым треском и взгляду людей открылась полуметровая брешь. А оттуда хлынул желтый яркий поток мелких опилок, среди которых правда иногда встречались и небольшие обрезки дровяшек.

– И что же это? – тупо спросил селянин.

– Ясно все – сказал Лапников – снаружи шкура и когти, а внутри опилки и запах... химиката какого то, где то я его уже слышал.

– Формалин, – произнес, вспомнил Сергей, – это формалин, а помнишь ты его еще по школе. Это консервант и его применяют для предохранения от порчи у чучел.

– Чучело... – Отсутствующе произнес журналист. – Убили, опилкового.

– А я его вспомнил тут, – заявил Щербинский уверенно, – это то чучело самого большого медведя Ярославской области. Оно стояло на втором этаже у входа. На нем и бирка должна быть: 1974. А я то думаю, что он такой громадный!

– Дааа, уже и чучела ходить начали, докатились. – Сказал

из тьмы голос журналиста. – Докатились.

– Пни же ходят. – Сказал приезжий. – Бросьте вы на него пялиться, я тут кое что получше нашел.

– Что же?

– Старика нашего. Того самого, что нас с тобой Лапников на въезде встречал. И ясно теперь я вижу, что это вовсе и не старик, да и не человек. Вон там у крайнего стеллажа он стоял и листал некую книгу, а потом показал мне где искать нужное. А потом пропал.

– Совсем пропал?

– А может это был медведь? – спросил Щербинский хмуро.

– Ничего не медведь. Этого старика раз увидишь, на всю жизнь запомнишь. Вот теперь я убедился, что он действительно необычный. И кроме того взял на себя роль нашего помощника. Зачем ему это. И кто он все-таки такой?

– Мудреные вопросы. – Заметил селянин.

– Мудреные не мудреный, а этот старики раньше был человеком, но очень давно. Я разглядело на нем что-то вроде кольчуги. Видимо он был приметная личность, и что-то сделал для Черепихово. А теперь вот вместе с пробуждением тьмы появился и он. Мы крепко влипли в это дело.

– И не говори. – Вздохнул Лапников.

– Вот стеллаж, искать надо здесь.

И они начали усиленно рыться в стопках прелой бумаги. Вынимали ее с осторожностью, пролистывали на свету, на-

скоро просматривая документы.

– Нашел. – Буднично объявил Лапников.

– Что?

– Племя нашел, вот тут о нем статья.

Поднесли объемистую папку поближе к свету.

– Так... Племя Лемех, это известно. Обреталось на территории Ярославской области вплоть до четырнадцатого века. Потом пришел воевода Сивер с дружиной, и вышиб язычников из их деревни. Так... так. Верховный шаман Урунгул. Порвали беднягу двумя березами. Это ясно, не хотел кидать капище.

– Найди ка про богов ихних. – Сказал Сергей.

– Пантеон у Лемеха. Поклонялись трем старшим и пятнадцати младшим богам, кроме того был еще верховный. Боги олицетворяли силы природы, а также диких зверей. Был у них и медведь, и сокол, и рысь, но эти все второстепенные.

– Ищи про главного.

– Ладно. Главный у них стоял Скользящий бог. По ихнему Снорунг. Скользящий... это что, змеиный что ли?!

– Мы близки к разгадке, – произнес Сергей, – спасибо старику, помог. Бог и вправду змеиный, и был он верховный, и приносили ему кровавые жертвы. Прямо Кецалькоатль какой то.

– Змеиный бог, олицетворение мудрости и огня. Точно Кецалькоатль. – Продолжил Лапников, временами оглядываясь на окружающую тьму. – Капище Снорунга. Величай-

шее капище у Лемеха, то есть самое большое. Огого! Разрушено русскими еще в самом начале. Дальше еще период грабежей и разбоя. Пограбили село от души, а год спустя, основали свое село. Было Черепа, стало Черепихово. Вот так. Еще через пол года стали строить первую Черепиховскую церковь. Понятно что на месте бывшего Сноруногова капища. Ты прав, я кажется понял. В фундамент строящейся церкви вкладываю камень из капища. Да не просто камень, а можно сказать тотем этого самого змея. И делает это никто иной, как сам Сивер. Тут даже цитата из него: "И буде язычный камень в святу церковь силу вливати."

– Что он имел ввиду? – спросил Щербинский.

– Он имел ввиду, что свято место пусто не бывает. И камень, имевши ранее какую то силу, ее не потеряет, но направит на добрые дела.

– Не понял – произнес селянин.

– Ну, Сивер, ну, воеводушка, удружил ты нам – сказал Серега с мрачной ухмылкой, – Пятьсот лет как помер, а мы за него отдуваемся. Понял я. Камень замуровали в церкви. Думали, что церковь это укрепит. А камень, как и написано был не простой. И не камень это, а похоже вместилище самого Скользящего.

– Так что же мы, с богом схлестнулись? – заявил журналист – не верю.

– Ну не с богом, а некий след в камне остался. Если говорить псевдонаучным языком, то получается, что астральная

матрица некоей силы вселил в камень свою пространственную проекцию, что пробуждалась к жизни на сведем воздухе.

– Во бред. – Сказал Щербинский.

– Бред. – Подумав, согласился Серега. – Короче я не знаю. Что вселилось в камень. Тень ли самого Снорунга. Или коллективное сознание массы людей, молившихся ему. Или души принесенных ему же в жертву. Но в камне что-то есть. И теперь оно на свободе. И первый раз вырвалось еще при той буре, когда развалило церковь. Вот так, а теперь вырвалось во второй, и откуда я не знаю.

– Как не знаешь? – удивился Лапников – видно в соборе до сих пор и находится.

– Я же говорил, что лазил туда. Нет там ничего, когда-то камень был там, в подземелье. Но его давно куда то перенесли. – И Сергей вспомнил, как находился в этом каменном закутке, в крошечной комнате и созерцал нишу в стене. Мороз прошел у него по коже и он даже пару раз оглянулся вокруг.

– "В самое гнездо, не зная забрался. В самую середину, и как только жив? Старик наверное помог" ...

– Ниша в стене! Хочешь сказать что в ней и был камень?

– Да, пахло там мускусом, тот запах ни с чем не спутаешь. И он там обретался незнамо сколько лет, а затем его зачем-то вытащили.

– И кто это мог быть?

– А я не знаю. Кто угодно и когда угодно могли вытащить камень, но он еще цел, это видно по окружению.

– Значит он на нас змеиную и напустил? – Предположил Щербинский. – из-за него в гадов проклятых превращаемся.

– Из-за него, вот только вопрос у меня. Что мы теперь будем делать? – спросил приезжий и обвел спутников взглядом.

Щербинский тупо смотрел на папку. Наверное он перебирал способы расправы со змеиным. Лапников пролистывал папку в поисках ответа, затем невпопад спросил:

– А кто такой тогда голем?

– С этим все ясно, – сказал Серега, – это и есть Урунгул.

– Шаман?! А почему руки змеиные?!

– Так настоящие-то оторвало. С березами не шутят. Так что наш голем никто иной как верховный шаман Лемехов. Помер он мучительно, и вот теперь вернулся, чтобы пако-стить и убивать всюю.

– Давить! – веско произнес зоотехник.

На полминуты настала тишина. Сергей шарил глазами по сторонам, и неожиданно увидел знакомое белое свечение из за плеча Лапникова.

– Постой. – Сказал приезжий.

– Чего?

– Обернись, ты ничего не видишь?

Журналист обернулся, он крутил головой по сторонам, затем снял очки, протер и снова водрузил на нос. Ничего он похоже не увидел.

– Не вижу. – Сказал Лапников.

Сергей кивнул, и пролез мимо него к соседнему стеллажу. Присмотрелся. Светилась папка. Маленькая и неприметная, она сияла беловатым, приятным для глаз светом. А на корешке ее даже имелся отпечаток стариковской руки.

– "Видно и тут он успел руку приложить" – подумал Серега и усмехнулся.

– Наш дед просто орел, – произнес он, – видимо он решил нас вести, – и вынул папку.

Позади объявился селянин, приподнял над головой фонарь. От фонаря свечение приутихло, но не исчезло совсем. Серега открыл документы.

Эта была опять подборка пресноватой "Черепиховской правды", только за 1951-53 годы. На самом же первом пожелтевшем листе броский заголовок: "Советскими учеными найден осколок древнего метеорита!". Сама статья написанная пафосным горделивым слогом излагала: "Какие только сюрпризы не преподносит нам иногда небо! Многие тысячи маленьких небесных камней входят в земную атмосферу каждый год. Лишь маленькая их часть достигает Земли, потому что в основном такие камни сгорают в падении. Но те, что долетают до земли, именуются метеорами и метеоритами. Каждый такой камень представляет большой интерес для науки. Он может состоять из базальта, гранита, а есть и чрезвычайно редкие металлические метеориты. По эти небесным камням мы можем многое узнать, например почвенный состав иных планет, из чего состоят Кольца Сатурна, или из

какого минерала сделан астероид Икар. Метеориты мы находим крайне редко, и зачастую в совершенно неожиданных местах.

Вот и в Ярославской области сделанная удивительная находка. При прокладке телефонного провода в деревообрабатывающую мастерскую (бывший Черепиховский собор), в ее подвале был найден подземный ход, ведущий на пять метров в глубину земли. Ход заканчивался маленькой комнатушкой, в стене которой и была замурована уникальная находка. По мнению Ярославских археологов, осмотревших диковину, это базальтовый метеорит, со следами обработки. Камень, размеров около тридцать на тридцать сантиметров, из очень плотного минерала, сразу же прозванного "Небесный базальт", носит следы неизвестной человеческой руки. На нем высечено три не поддающихся расшифровке знака, и картинка, вероятно символизирующая змею.

Что это? Ответа на этот вопрос до сих пор нет. Но есть предположение что этот камень как-то связан, с жившими здесь когда-то племенами язычников. Предполагается также, что этот камень носит в себе ритуальную основу. Но нашим современникам он интересен больше как небесный пришелец.

После всестороннего обследования камень был выставлен в холле Черепиховского дома культуры, где вы и можете на него посмотреть".

Вот такое сообщала статья, если из нее убрать многочис-

ленные псевдофилософские рассуждения, а также не менее многочисленные хвалебные оды отрывшим этот камень экскаваторщикам.

– Дайте же посмотреть! – настаивал Лапников и Сергей сунул ему газету.

Та все еще светилась, но как только журналист схватил ее, неожиданно ярко мигнула и погасла. Стало темно, и Лапникову пришлось кое-как разбирать строчки в свете их фонаря. Поэтому читал он долго и со скрипом, а когда прочитал, заметил:

– Ну вот, теперь мы знаем куда перенесли наш камень. Приняли за метеорит, смело догадались о капище, и даже немного о Снорунге.

– Угу. – Сказал Серега. – Только вот я не пойму, каким образом, камешек стоял так долго на виду и ничего не происходило.

– Может он накрыт был стеклом и это как-то нейтрализовало?

– Не было у нас никакого камня, в доме, на моей памяти, – произнес Щербинский, тоже прочитывая статью, – а я живу здесь всю жизнь.

– Ну видимо он все-таки как-то влиял, и его просто убрали в запасник, а вообще дело темное. Может быть это наш старик змеюку не пускал.

– Однако. А была буря, и дом культуры разнесло. Вот все и поперло наружу. Вот тебе и змеиная. Одно не пойму, за-

чем Снорунгу, вкупе с Урунгулом обращать людей в змей? – Спросил Лапников, – что они могут от этого иметь?

– Кто может знать? – Сказал Серега. – Встречу снова Урунгула, просто потерей шлема не отделается.

Он еще раз прочитал содержимое папки, а затем аккуратно пихнул ее на место:

– Пойдемте, нам еще необходимо зайти в Дом.

И они пошли к выходу, тьма вокруг словно сгущалась, тени прыгали по стеллажам, жутко корежились на их ребристых металлических краях. Фонарь покачивался в руке Щербинского с ржавым скрипом, на него налипло что-то черное.

– А когда мы найдем камень, – произнес Лапников тихо, – что мы с ним сделаем?

– Разобьем, знамо дело, – ответил селянин, – он ведь из базальта, а базальт сильно хрупок.

– Тайный знак нарушиться и то, что вселилось в камень, должно тут же испариться, – добавил Сергей, – вернуться туда, откуда пришло.

Лапников кивнул. Не разу не заплутавшись они подошли к выходу, и маячил впереди уже маленький столик с прелой бумагой, было совсем тихо, лишь где-то в отдалении одиноко капала вода. Видно из трубы просачивалась. Кап... тишина, Кап... тишина.

Подошли к выходу, и тут позади них раздался горестный многоголосый вой и стенанье. Снова загорелось множество глаз, но вопли теперь были не угрожающие, а совсем наобо-

рот, несчастные, словно не хотели эти живущие во мраке существа расставаться с троими зашедшими сюда людьми.

Вой был такой жалобный, что Лапников даже пробормотал:

– Они несчастные такие, не хотят, чтобы мы их покидали.

Щербинский ухмыльнулся, и было видно, как поворачивается лицом к красноглазым плакальщикам. Он приподнял фонарь.

– Обидно да?! – Заорал селянин во тьму, хор стенающих воплей бы ответом ему.

– Заскучали в этом склепе?!

Опять вой в ответ. Даже еще жалобнее.

– Ну так это вам на память!!! – проорал Щербинский, и предварительно раскрутив, швырнул свой фонарь в невидимых обитателей.

В темноте грохнуло, разом потушив все глаза, затем разлившийся керосин вспыхнул и осветил разбегающиеся в стороны тени. Воплей больше не было.

– Вот так то-с удовлетворением произнес зоотехник.

– Зачем ты их так? – Спросил Лапников. – они ведь не причиняли зла.

– А на сапог кто плюнул?! – Ответствовал селянин гневно. – Так мы выходим отсюда или нет?

– Выходим. – Сказал Сергей, он уже открывал дверь, и скоро троица направилась вверх.

Странное дело, серого квадрата неба наверху не было вид-

но.

– "Не закрыл ли кто?" – подумалось горожанину.

Но выход никто не закрывал. Оказалось, что они протолклись в темноте подвала весь оставшийся день. Когда они вылезали в предбаннике музея на проклятое село Черепихово пали поздние летние сумерки. Солнце давно скрыло за краем горизонта. И лишь чуть светлое небо отмечало запад.

Да и то не везде, потому что, ровно по Серегиным прогнозам из за реки натянуло тяжелые тучи и теперь сверху, на головы трех Черепиховских воителей сыпалась мелкая водяная крупа. В сумеречном свете тучи были видны плохо, лишь только некие темные массы проносились по небу, да покрывала все водяная пыль.

Пыль эта имела гадкую особенность. Она липла на все, на что садилась, и была на удивление омерзительна и холодно. Сразу припоминался Сергею его первый день в Черепихово. Было так сыро холодно и промозгло, что теперь даже мрачный архивный подвал, становился уютным на удивление.

– Опять дождь, – хмуро сказал Щербинский, – к полуночи еще и туман нагонит.

– Сколько же мы просидели в подвале? – Лапников как раз выползал последним из темного зева подвала и пялился на небесный свод, заменяющий в бывшем музее потолок.

– Часа четыре не меньше, тучи все скрыли, и сейчас темнее, чем должно быть.

– А как же Дом Культуры?

– А никак! – Ответил Сергей. – В такую сырость лазить по возможному гнезду зла самоубийство со стопроцентной гарантией. Кроме того уже темнее и скоро начнется шабаш.

– Начнется – подтвердил селянин – чую прижмут они сегодня нас.

По темным небесам пронеслась одинокая совершенно черная шквальная туча, и на ходу оросила окрестности ледяным ливнем, задев краем и находящиеся в музее людей.

Лапников, чтобы укрыться от шквала приоткрыл дверь в музей и встал в целом дверном проеме, где сохранились остатки потолка. Сергея и зоотехника прохлестало по полной программе, моментально вымыв из них остатки тепла.

– Что за Июль!!! – заорал Сергей пытаюсь закрыться от колющего ливня.

– Сегодня особенный Июль, – сказал Щербинский, сам он стоял недвижим, – не удивлюсь я если и день скоро не наступит, а будет вечная тьма и вечный шабаш.

– Наверное это буде весьма похоже на ад. Вот тебе и конец света.

Туча пронеслась, и убийственный ливень сменился вялым морозящим дождичком. Серега словно попал по ледяной душ. С курки его текло, с рубашки тоже текло, а дорогих ранее ботинках хлопало, и подошва мерзко липла к ноге.

– "Так холодно", – подумалось приежемму, – "что я не удивлюсь если вдруг покроюсь корочкой льда".

– Так ведь не должно быть. – Начал он высказывать непо-

движному селянину. – Эта погода не летнего ха...

– Эй, смотрите! Это тот старик! Он опять здесь!!! – заорал неожиданно Лапников, стоявший под своим козырьком.

– Где?! – вскинулся Сергей, а журналист уже рванулся в сумрачный зал музея, где у стены что похоже белело.

– Что вы здесь... – начал громко журналист и понуро осекся:

– Ошибочка вышла.

Он присел на корточки у дальней стены. Подошедшие селянин с Серегой увидели, что он указывает на белую гипсовую статую, смиренно стоявшую в углу. В сгущающихся сумерках статуя была действительно похожа на старика. Даже борода такая же.

Сергей подошел поближе, присмотрелся, и заявил:

– Вот и разгадали старичка нашего, дело то все яснее становится.

– Кто же это?

– А ты приглядиись.

– Я плохо вижу в сумерках. – Сказал Лапников, и сняв очки, прищурился.

– А написано тут: "Воевода Сивер. Основатель села Черепихово".

– Сивер! – изумился Щербинский – Так значит сам Сивер тут замешан! Так ведь он помер черт знает сколько веков назад.

– Ну вон Урунгул тоже помер – заметил Серега в упор

разглядывая статую их хранителя. – даже руки оторвало. Но ничего живой, и клешни новые сделали, гибкие.

Статуя Сивера тихо светилась в промозглой мгле, что подтверждало Сергеевы слова. Да тот невзрачный старичок, каким то образом прошедший приезжего через монстровый кордон, оказался грозным воеводой Сивером, сокрушивший пятьсот лет назад орды язычников, и порушившим Снорунгово капище.

– Но почему к нам он является в образе старика? – Спросил Лапников. – Ведь если судить по летописям, на момент завоевания Черепов, ему было сорок два года.

– Ну, видать, село завоевав, он жил там до самой старости, лет до семидесяти, и таким он был к моменту смерти. – Произнес Серега задумчиво. – Я даже видел а нем кольчугу.

– Повезло нам, – произнес Щербинский громко, – сам воевода Сивер нам помогает!

Лапников зажал голову руками и стал яростно тереть виски:

– Бред! Какой бред! Урунгулы какие то, Сиверы статуи. Он что статуей к нам и приходил?

– Нет статуя сама по себе. А к нам приходил его мятежный дух.

– Бред! – повторил Лапников – Сивер то небось сам себя к этому и привязал, когда камешек наш в фундамент церкви закладывал. А теперь вот видимо покоя не найдет, пока камень цел. Влипли кааак...

Последнее он уже истерически проблеял, скорчился у подножия гипсовой простой статуи, и даже псина его шаралась прочь, и туго затягивала поводок.

А Серега смотрел не нас стенающего журналиста, он смотрел в упор на статую основателя. Беленькое сияние неожиданно ярче затеплилось у лица, а затем Сивер ободряюще ему подмигнул. Или эта была игра сумеречных теней? Сияние тихо угасло. Лапников причитал.

– Втянул ты нас дедушка, – сказал Серега статуе, – ой втянул.

Позади Щербинский потянул его за плечо:

– Пошли отсюда, темнеет, а то страшно тут.

Сергей пялился на статую и зоотехник потянул сильнее:

– Пошли же, а то журналистишка наш совсем в истерику впадет.

Приезжий кивнул. Вдвоем они приподняли Лапникова и поставили его на ноги. Он тихо причитал, кусал губы. И яростно дергал Венди за поводок:

– Не хочу! – Шептал. – Не хочу больше здесь. В темноте, в холоде. Смерть кругом...

Щербинский вопросительно глянул на Сергея. Он словно спрашивал "Как на твой взгляд, не слетел ли Лапников с катушек?". Но Серега покачал головой, и они споро повели журналиста прочь из музея, в морозящую мглу.

– "Мглистый вечер", – подумал Сергей, – "Мглистый ледяной вечер, есть от чего впасть в уныние".

Совсем неподалеку страшно смердело Скользящим богом здание дома Культуры, где и должен находиться заветный камень. Запах мускуса теперь не скрывался и был явен, зачем ему быть скрытным. Пройдет месяц и в Черепихово не останется людей, и вот тогда зло будет действовать. И не какой беленький воевода Сивер уже не спасет.

– Жизнь тяжела... – вздохнул Сергей обречено.

Щербинский кивнул, но Сергей знал, что как бы не была тяжела жизнь, им придется бороться, потому что выхода отсюда нет. Можно стать змеей, и тебя пристрелят из ружья, и это самый лучший конец. Или не пристрелят и ты уйдешь в подданные к Снорунгу, что гораздо хуже. Или можно пока еще они люди, прикончит Змея, и это единственный, хотя и безумный путь.

Совсем стемнело и трое антизмеинцев спешила поскорее попасть домов, ведь с минуты на минуту мог начаться шабаш. Шагали быстро, Лапников временами спотыкался, пугливо оглядывался и насильно тащил собаку за собой. Снова заморосил дождь, покрыл все липко паутиной мороси, а над крышами домов временами маячил светлый ореол – вероятно луна.

– Не везет нам, – подытожил Серега стараясь как можно резвей переставлять ноги, – еще пол сотни человек в этой деревне. А все сидят, по домам и не высовываются, лишь мы одни за всех отдуваются. Почему так?

– Это потому, что нас выбрал сам Сивер, мы теперь не

одни, – произнес Щербинский важно, – с ним и легче.

– Мы поди не его дружина. В бой за ним как-то странно. – Сказал приезжий. – Стреляй!!!

Гроыхнуло ружье селянина. В темноте раздался отчаянный визг. Нечто подобное Сергей слышал от собаки, только что перееханной легковой автомашиной. В полутьме удирали прочь смутные тени, только одна кое-как ползла и дергала толи задней лапой, толи вовсе хвостом.

– Йееееехааа. – выдал зоотехник и своим коронным приемом зашвырнул создание подальше. Ногой поддал знатно.

– Глупо, – осудил Лапников, – всех не перебеешь.

– Не перебеешь, но убавишь. – Ответствовал селянин. – Поднажали, счас будем дома!

– Дом мой за восемьсот километров отсюда. – Сказал Сергей. – И я хочу туда.

– Вижу вы в упадке. – Негромко сказал Лапников. – выкарабкаемся.

– Как бы знать, надо же так, что за жизнь у меня. Связала с самым моим гадким страхом.

– Жизнь она всегда такая, что ни будь гадкое подбросит, наверное, чтобы могли перебарывать себя.

– Звучит как в дешевом американском кино, для семейного просмотра.

– Да уж, американцы у нас большие борцы с комплексами. Да только будь Черепихово Американской деревней, тут бы все давно с ума посходили, или единогласно на сторону Змея

перешли. А мы ничего, держимся.

Далеко тяжело завыли, стало еще противнее, на дальнем краю деревни шабаш видимо уже начался.

Сергей молча раздумывал, глядел себе под ноги, видел что идет по лужам, но было все равно. Что лужи по сравнению с царящим вокруг. Лужи были темны. Темная вода, темные пруды, почему ему все пруды эти в голову приходят? Он посмотрел на вороненый ствол дробовика и увидел, что он покрыт капельками воды и стал серебристый. Затем приезжий произнес:

– Еще месяц, от силы полтора и в деревне не останется ни одной живой души. Это при условии, если не передерутся когда спиртное закончится. А когда никого не станет, ЭТО вырвется на свободу окончательно.

– Мы успеем, – сказал журналист, – хотя и живем мы под сенью опасности, но мы успеем.

– Что мы успеем, никто из нас не может поручиться, что останется человеком в следующую минуту. Миг, и ты змея, и вся наша затея летит прахом. Может этой ночью я обращаюсь в пресмыкающееся, или во что похуже? В эту образину с тремя головами, что мы убили сегодня утром. Я всегда ненавидел змей, но что будет, если я сам обращаюсь в змею?

Лапников промолчал, было слышно, как он громко шлепает по лужам. В небе плыла невидимая луна, временами все-таки прорывающаяся сквозь облачный покров. Стало заметно холодно.

– Я вот что думаю. – Выдал наконец плетущийся позади журналист – Сейчас Июль, верно?

– Верно.

– Но на дворе, помимо дождя, температура градусов пять.

– Есть такое, ну и что, может это последствия бури?

– Последствия, но не самой бури, а последствия освобождения тьмы. Не ввали сказки, скоро тут будет холод и мрак.

– Ты не пугай, и так страшно – сказал Щербинский – вон и дом, дошли слава богу.

Дом впереди был темен и тих, сразу вспоминалась статуя Щербинского младшего, недвижно стоявшая внутри. Над крышей что-то хлопало, гоготало, словно гусь. Только вот не было это гусем, как и голубем или другой какой птицей. Стало совсем темно и попасть в хлопуну не было никакой возможности.

Селянин толкнул дверь, бдительно повел стволом ружья. Но в доме было пусто. Ни скрипа не шороха, видно никакая темная тварь не пробралась в жилище в отсутствие хозяина.

Запалили сразу несколько керосинок чтобы создать как можно больше света и получилось почти как электрический, яркий. Дверь тут же закрыли на засов и подперли тяжелым древним комодом. Лапников хотел подпереть еще и каменным Щербинским младшим, но брат не дал. Упадет еще, чего доброго, разобьется. Окно прикрыли ставнями, и оставили небольшую щелку, чтобы отстреливаться. Селянин сказал что здесь будет проходить основная линия обороны.

Верхней одежды по-прежнему не снимали и в теплой комнате от курток поднимался густой влажный пар. Он клубился белой ватой, и оседал обильно на потолке.

После чего придвинули стол, за которым обедали днем к окну и наставили на него коробки с патронами. Получился некий форпост и эти приготовления Сергею были по душе. Было приятно знать, какой отпор сегодня получит нечисть, особенно после той сумасшедшей ночи в синем домике с совами на крыше.

Есть ничего не стали. Лапников было начал распрашивать но Щербинский сказал:

– В наших краях в окно может сунуться такая рожа, что твой желудок не выдержит, а мне потом придется отскрести пол.

– Как на войну готовимся, – простонал журналист, – а не спать.

– Если крепок нервами, то пожалуй сегодня и поспишь.

– После прошлой ночи мои нервы нельзя отнести к крепким, – сказал Сергей, загоня в патронник дробовика патроны двенадцатого калибра, – теперь я стреляю во все что движется. Рефлекс.

– Ты стреляй во все что скользит! – Поучительно заметили бывший зоотехник. – И воеет. Горячая ночь предстоит.

– Ой и не говори.

Куртки так и высохли на них. Хозяин дома заявил, что их плотная ткань защитит от всяких укусов и укулов, и поэтому

пригодится.

– Ночевать будем так. – Распределял селянин. – Один спит, двое отстреливаются.

– Но разве можно спастись при грохоте двух ружей?

– Можно, он ведь спал. – И Щербинский кивнул в сторону серой статуи.

– А теперь ему и вовсе все равно, – сказал Лапников и испуганно замолчал.

Но селянин не обращал никакого внимания на жмущегося по углам журналиста, он лихорадочно готовился к битве.

– А имя врага нашего – легион. – Пробормотал Сергей себе под нос. – И никуда не деться, не скрыться от него.

– На мороков внимание не обращайтесь, – снова обратился селянин к спутникам, – те кто внутрь попал не через окно, тот не во плоти.

Сергей вздохнул:

– А топорик какой у тебя есть? Как придет Урунгул, он у меня просто потерей шлема не отделается!

– Вон, в уголке, бери и пользуйся. – Кивнул зоотехник.

Топор был не маленький, с лоснящейся, отполированной многими руками рукоятью. Дерево было потемневшим и гладким, словно покрытым лаком, обух потемневший, как закопченный, а само лезвие сверкало и было остро наточено.

Сергей прищурился и оглядел оружие. Топор выглядел как боевой, таким не зазорно дать Урунгулу по черепу, и шлема

теперь нет, так что не спасет ничего.

Еще раз довольно оглядев топор приезжий сказал:

– Если Урунгул со временем все уплотняется и становится материальным, то скоро он не сможет ходить просто так по домам. Ведь когда ни будь он нарвется на топор или на что ни будь подобное и будет убит.

– Я думаю, – Лапников тоже осмотрел топориче, – что когда он станет материальным, он сможет этот топор перехватить, вывернуть, и зарубить нападающего. А то что воплотится он в нечто много сильнее человека, я уверен.

Наконец собрались, разложили амуницию, и настелили койку в углу. Замерли в ожидании, прислушиваясь к дальним крикам Снорунговых порождений.

Луна поднялась над домами и надолго прорвала тучи, заливая округу синеватым неприятным светом. Тени пали на землю, а другие тени двигались в темноте, орали, визжали.

Где-то к полуночи шабаш добрался до них. Монстры оглушили людей воплями и ревами, стуком в стены и двери, но прорваться внутрь не могли. Самые мощные пытались проломиться в окно, но их встретили дружной пальбой ружей, разных калибров.

Легший первым Лапников, нервно ворочался на лежанки и жаловался на грохот. К тому же в него пару раз попало стрелянной гильзой. Собака металась по комнате, истерично взлаивая.

Щербинский спокойствия не терял, ухмылялся по-свое-

му, подбадривал приезжего. Сергей же не отходил от топора, временами хватался за его лакированную рукоятку.

Когда лег Сергей уже появились ночные мороки. Бегали сквозь стены кричали, вопили, плевались зловонной слизью, но на большее их не хватало, естественно, не о какой сне думать было нельзя. Под сдвоенный грохот тяжелых ружей и истерический визг за окном безмятежно мог спать только покойник. А Сергей все таки не собирался переходить в это состояние.

– На! На! Получите, сволочи!!! – орал зоотехник, хрясая тяжелым прикладом ружья во чью то жуткую харю, что пробила в щель в ставнях.

Серега же орал яростно на мороков, и даже пытался от них отбиваться. В конце концов он не выдержал, и вскочил с лежанки, предпочтя яростную битву, спокойному сну.

Вдалеке взвыли трубы, и люди удивленно прислушались. Трубы снова взревели и Лапников произнес:

– Трубят победу.

За это Щербинский чуть не огрел его прикладом ружьишка и заорал яростно:

– Какую победу?! – это ревет кто-то!!!

Все снова прислушались. Знакомый глухой голос из тьмы за окном воззвал:

– Откройте черви! Или ваша халупа разлетится по бревнышку.

Сергей нахмурился и пробормотал тихонько:

– Что-то монстры умные какие то пошли, – а затем закричал в полный голос:

– Чего ты там вопишь?! Подойди поближе, не слышно.

Топ, топ, топ. Неведомый говорун подходил к окну. Когда судя по звуку, до окна оставалось метра три, Сергей высунул в ствол дробовика и пальнул.

Во тьме плаксиво взвыло, но вопль споро сменился булькающим хрипом и кто-то упал. А затем заревели сотни глоток и шабаш продолжился.

Стреляли не часто, старались бить, иногда помогал топор, и пол у окна был залит мерзкой зеленой кровью – жижей. Ноги в ней скользили, а кое-где и липли, в общем было довольно гадко.

Где-то около двух ночи знакомый трубный рев раздался снова. А затем под гвалт мелких голосов, что-то тяжеленное ринулось к дому. Сергей с Щербинским поспешно высадили в ставенную щель массу зарядов, а затем некая массивная туша с хрустом ударила в бревенчатую стену. Бревна треснули, а с крыши посыпалась труха.

– Это же носорог!!! – закричал мигом вскочивший с лужанки Лапников.

– От окна! – скомандовал селянин и все подались назад.

Невидимый во тьме зверь, начал второй заход, на этот раз целя в окно. Ставни мигом оторвало, и в открывшийся проем всунулась огромная жуткая до невозможности морда, чем-то действительно напоминающая носорога, правда

по ошибке скрещенного с жабой. А рогов на этой морде было столько, что этот самый носорог удавился бы от сраму. Глазки у морды были, но такие маленькие, и так глубоко, что вряд ли чудище что ни будь видело.

С секунду голова тупо смотрела в противоположную стену, а затем с ее нижней губы, оторвался и упал на пол, здоровенный ком желтой пены. Когда ком с влажным чмоканьем соприкоснулся с полом, Сергей с воплем хватанул топор и всадил его монстру между глаз.

– Ого... – сказал Щербинский.

Топор ушел по обух. Чудище сообразило, что дело неладно, и попыталось выдернуть голову из проема. Ан нет! Уродливая шипастая голова прошибив ставни, застряла в оконном проеме. Монстр подался назад, но роговые шипы – крючки только впились в старые бревна, и теперь уже насадили монстра намертво.

Слышно было, как тварь царапает задними лапами мокрую землю, в тщетной попытке вырвать голову из ловушки. Но не смогла, затихла. Туловище снаружи было вполовину дома размером.

– Так... – Сказал Сергей. – Попалась гадина. Динозавр недорезанный, вот на тебе и отыграемся.

Он подошел к голове и дернул за топор. Голова растопырила пасть и оглушительно заревела, но приезжий только поморщился. А затем двумя меткими ударами срубил ближайшие рога, костяные выступы и чешуйки. Крови не было,

лишь потек тягучий мускусный запах. А на срезе открылось бледное белое мясо. Похожее на рыбье или рачье. Выглядело это так мерзко, что Сергея передернуло от отвращения, и он яростно работая топором почти разрубил голову наглого монстра пополам.

Голова напоследок издала медный рев, и затихла, обмякла. А за окном туша тяжело осела на землю.

Теперь стало гораздо легче. Так как бездыханное тело монстра загоразживало окно и все ближние проходы к нему, то ночные твари пробраться внутрь уже не могли. Ломились в дверь, но комод держал крепко. Стрельба прекратилась и теперь им досаждали только нематериальные мороки.

Но и на них нашлась управа. Они шарахались от света, и от стального Сергеева топора, перепачканного клейкой начинкой шипастого чудовища.

Но вой спать не давал, а поднимался он иногда до многогерцевых величин, переходя почти в ультразвук, и тогда особенно резал слух.

Ну и стены дома начали свою безумную пляску, становясь поочередно, то каменными, то тростниковыми, то вдруг обращаясь в великолепный мрамор. По стенам стекали ручейки вонючей слизи, а в щелях камня наблюдались чьи то глаза. Глазки были вцементированы в щели между камнями и хитро подмигивали.

Одни раз по помещению пронесся мощный черноватый вихрь, налетел на Щербинского и лопнул, обдав всех напо-

следок дурным запахом.

Как обычно апогей шабаша пришелся на три утра. Визги на некоторое время стихли, а в стене дома проступил знакомый Снорунговый значок. Извивающаяся змея, в пылающем круге.

Сергей тут же откинул ружье и схватился за топор, и не ошибся, потому что из противоположной значку стены вышел голем. Темная его рожа делала страшные гримасы, а змеиные лапы бескостно извивались, делали хватательные движения.

Голем дотопал до середины помещения, но тут приезжий сорвался с места, и делая вращательные движения топориком вскрикнул:

– Ну получи теперь ж! Урунгулице проклятое.

Голем шархнулся в сторону, но был недостаточно быстр, и Сергей налетел на него, и трижды прорубил топором насквозь. Голем издал мышиный писк и чуть не пал на доски пола, но удержался и ринулся прочь в горящий знак. Там и исчез, и Сергею показалось, что пред уходом он погрозил своей змеистой клешней.

Знак погас, и стены вернулись к своему реальному состоянию. Настала тишина, лишь за окном кто то тяжело, с надрывом вздохнул.

– Ого. – Произнес в наступившей тишине Лапников. – Да ты же его поранил.

Сергей кивнул, Он и сам видел, что достал таки топором

голема. Ведь на гладких, некрашенных досках, Щербинского дома была обильна разлита вытекшая из голема кровь. Кровь осталась и на лезвии железного топора, и на стене, куда Урунгул так поспешно сбежал. Кровь была не слишком похожа на человеческую, жидковатая и водянистая, с некими темными сгустками. Субстанция была мерзкая, а запах от нее шел и вовсе отвратительный.

Люди некоторое время тупо наблюдали за кровью. А затем неожиданно она стала как ртуть собираться в одну большую кровавую лужу. Лужа эта постояла-постояла, покрываясь время от времени рябью, а затем просочилась сквозь доски пола, словно ее и не было.

За окном снова завывли, заголосили на все лады, но находящиеся внутри их почти уже и не слышали. Приближалось утро, и шабаш скоро пойдет на убыль.

Лапников выглянул в щелку, между холкой чудовища и верхней частью оконной рамы и объявил:

– Небо сереет, скоро рассвет.

– Хорошо, – произнес Щербинский, – скоро отдохнем.

Ровно в четыре часа тридцать минут в отдалении пропел единственный в Черепихове петух. Теперь Серега знал, что этот петух живет в доме семьи Сокольниковых, и оберегается он как зеница ока, как единственное средство укрощения сил леса. Остальных петухов и кур в селе съели уже довольно давно.

После петушиного крика, вопли за окном моментально

стихли, словно ножом отрезало, а сквозь узкую щель, ставшей их окном полился слабый лучик встающего солнца. От туши лежащего за окном монстра стал струями подниматься белый влажный пар. Солнечный свет проскользнул в щель уже смелее, осветил на мгновение лица троих друзей, а затем совсем пропал в обильном пару. Но дело свое сделал. День наступил.

– Уууффф – прохрипел Щербинский и кинул свое ружье в угол – эту ночь мы пережили. Тяжело было?

– Тяжело... – согласился Сергей устало.

И правда, бессонная ночь, со стрельбой, криками, дракой, вымотала людей, выжала последние силы. Но все же все они остались в нормальном рассудке.

И никто не превратился в змею.

– Я их буду вешать, – произнес тихо Лапников, глаза у него были красные и опухшие от бессонницы, а борода даже слегка обгорела. Под близкий выстрел что ли сунулся?

– Кого вешать? – спросил Сергей.

– Змей всех, пусть на столбах висят, длинные.

– Что ты, еще одного свихнувшего библиотекаря нам не надо, и так на каждом углу висят.

– С нами Сивер. – Произнес селянин. – Не бойтесь ничего.

– Кстати, – сказал приезжий, – а почему этот ваш библиотекарь до сих пор живой. Он ходит свободно по селу, ловит змей, убивает их и вешает, а самому хоть бы хны. Не в змею, не в монстра.

Лапников скосил взгляд на морду "носорога" в окне:

– Он сумасшедший. Его не трогают, потому что им нужны здравомыслящие люди.

– В смысле здравомыслящие змеи, чую они затевают что-то крупное, что теперь делать то будем.

– Теперь будем спать. – Сказал Щербинский. – А вообще надо поймать как ни будь Сивера и расспросить его прямо.

– Здравая мысль, – заметил горожанин, – и та и другая.

Ружья аккуратно сложили на столе, а сами, измученные до невозможности улеглись прямо на пол, не замечая идущего от него гнусного запаха. Сон смежил веки всем троим, а у площади снова заорал петух. Гордо, и победоносно. До следующей ночи.

Проспали долго. Когда первым проснулся Лапников, в окно уже падал прямо сноп света от полуденного солнца. Журналист довольно посмотрел на виднеющиеся в окне листья молодой березы, стоявшей неподалеку от дома, увидел черную ворону, неподалеку, а затем до него дошло, что окно больше ничего не загоразивает.

– Эй! – Сказал журналист и ткнул легонько в бок Сергею. – Оно ушло.

Сергея приоткрыл глаза только на половину, но смотрел ясно:

– Носорог?

– Угу, видать ты его не добил. Уполз тяжелый.

Приезжий оглянулся на храпящего Щербинского но бу-

дить его не стал. Осторожно потянулся к ружью, неподалеку. Затем тихо прошипел Лапникову:

– Счас подползаем к окну, потом выглядываем. Вдруг оно из тех, что света не боится.

Лапников кивнул, и тоже приподнял ружье. Вместе на карачках подковыляли к окну, пошатываясь со сна. Небо в проемы было синее, темного такого синего оттенка, какое бывает только в самую жаркую пору лета, когда вся зелень в силе, и жизнь бьет ключом. И небо это, казалось даже было ближе к земле, роднее. Ни облачка, ни тучки, лишь только эта летняя радостная синь.

Сереге однако на небо не глядел. Он осторожно приподнимался, чтобы глянуть на двор, а из окна на него лилось летнее, полуденное тепло.

Приезжий резко поднялся, вскидывая дробовик. Во дворе, подле снесенного за ночь забора, шарахнулись в разные стороны пятеро ворон. Одна из них налетела на гнилые заборные доски и поднялась в воздух, с хриплым гневным карканьем. Забили крылья, разбудив дремавшую до поры Венди. Проснулся резко и селянин:

– Что там?!

– Да ничего. Монстр наш утром свалил куда то. Может умирать пополз?

Двор и правду стал пуст. Вороны улетели, оставив три или четыре черных пера, на траве. Лежал вповалку некрепкий забор, а за ним виднелась разрушенная улица, на которой за-

сыхали грязные густые лужи. Тушу ночного пришельца было бы видно издалека. Разве что он прятался позади дома?

Лапников поднялся тоже, повел стволом, вдоль улицы:

– Так что же, он исчез?

– А может он испарился как морок? – Выдал селянин, тоже оглядываясь. – Главное исчез. А остальное нас не колышет.

Сергей еще поискал глазами, затем глянул в траву и сказал:

– Да нет, никуда он не девался. Как здесь упал, так и остался. Вот он наш носорог.

Журналист и зоотехник вытянули шеи, и глянул под самое окно. В траве, рядом со сгнившим резным ставнем лежал маленький серый мышонок. Зверек бессильно задрал задние лапки, хвост был скручен, а голова оказалась разбитой, словно по мышке проехали автомобилем. Серый цвет существа был явно похож, на цвет незваного ночного тарана. Но это было все их сходство.

– Так что же? – спросил селянин – этот динозавр обратился при свете в мышь. С мышью мы, получается, дрались?

– Топором рубили. – Откликнулся Сергей. – Вообще у меня есть версия на этот счет.

– И какая же? – Спросил Лапников присаживаясь на подоконник и поддевая ружье дохлую мышь. – Чем можно объяснить такое преобразование мыши?

– Ну, – начал Сергей, тоже присаживаясь на подоконник,

и давая, пока есть возможность, солнечным лучам погреть занемевшую на полу спину, – В этом поганом селе мы имеем два типа чудовищ. В смысле не два типа, сами то они все разные, но я подразделю их все-таки по часам существования. Мы имеем монстров, которые нападают и шабашат только ночью и не выносят света дня. И других, для которых солнечный свет глубоко безразличен и они спокойно могут мародерствовать и днем.

– И что? – Спросил Лапников. – Нам то от этого не легче.

– Но я нашел различия в ночных и дневных монстрах. Дневные чудовища более слабые, но самое главное в них можно заметить кем они ранее были. Дневные твари это в основном простые лесные звери, которые стали обращаться в змей, но застыли на полпути. Днем на нас нападают волки, змеи, мелкие лесные зверьки. Все трехглазые кстати. Еще днем гуляют одеревенелые особи, но это в основном люди. Можно вывести, что дневные монстры не слишком опасны.

А теперь о ночных. Вот это уже настоящие чудовища. Не поддаются классификации, не кем они когда-то были. Здесь все разновидности ночных кошмаров, встречаются огромные монстры типа этого – при этом он указал на мыши и Лапников еле удержал в бороде ухмылку – Но днем всего этого нет. Теперь главное. Мне приходит на ум, что все ночные монстры, это лесные звери и люди, прошедшие крайнюю стадию змеиной болезни.

– Крайняя стадия болезни, это превращение в змею. –

Вставил журналист.

– А вот и нет. Я понаблюдал, да и вы сами говорите, что и тут имеется два типа. Первый обращается в простую змею и уходит в леса, а второй, в змееподобного монстра. Типа трехглазых собак. Так вот, ночные твари, это ничто иное как до конца мутировавшие звери-люди.

– Я вроде понял. Пока превращение не происходит полностью, животное может свободно бегать днем. Но переродившись уже не выносит света, и под его действиемдохнет и обращается в начальное состояние.

– Так что тот носорог в реальности был просто полевой мышью. Куда я попал!! Как я вообще могу тут рассуждать, когда под окном лежит мышь, бывшая ранее шипастым гадом?

– С нами Сивер. – Напомнил Щербинский.

– С нами Сивер! С нами бог! – Да где только помощь его силовая. Почему все намеками действует? Он же разогнал кордон!

– Сивер нам помогает. Возможно только поэтому мы еще живы и не обращены в змей.

Сергея снова взгляделся в мышь, присмотрелся внимательно, и на секунду ему показалось, что из разодранной головы зверька торчит маленький сизоватый шип. Приезжий поморгал, и через секунду это был снова расплющенный череп мышонка. Сергей раскачал зверька за хвост и зашвырнул далеко в зелень травы, сказал:

– Ночь мы пережили, куда теперь?

– Теперь есть – отозвался из дальнего угла комнаты селянин.

– Опять змею? Нет спасибо. Лучше уж голодным помереть, чем есть без конца классового врага.

– Нет, – сказал зоотехник, – сегодня ежик. Заполз, понимаешь в подпол, а там застрял.

Сергей глянул на Лапникова, тот сосредоточенно изучал синий небесный свод. Приезжий посмотрел туда же и увидел белоснежное облачко проползающее над Черепиховым. На подходе к солнцу, облачко неожиданно обратилось в старину Сивера, и ободряюще взмахнуло рукой.

– Тебе легко там наверху, – пробормотал Серега тихо, – а нас в самую грязь запихнул.

Есть хотелось всем. И потому зажаренный еж был съеден без пререканий. Мясо оказалось кислым и жестким, но все же несравненно лучше белого мяса змеи, преподнесенного на прошлый завтрак.

Селянин ел споро, поглядывал временами на спутников, затем заявил:

– Сейчас идем в Дом культуры, и ищем там камень.

– Ищем где? – спросил Сергей.

– В подвале, знамо дело! Опять лезть во тьму, но сивер нам поможет, спасет. Разобьем камень, и покончим с напастью.

– Это программа максимум?

– Нет минимум, о максимуме лучше и не говорить. – Ухмыльнулся Щербинский.

И замолчал. Замолчали и остальные. Они сидели молча за столом, пытались просто переварить их задачу, а солнечный свет ласково падал через расколотое окно. Но солнце скоро скроется и опять повиснет дождливая муть, а задача их такова, что уложить ее в разуме и логически понять, нет никаких сил.

– Не знаю, как я смогу жить с этим, – тихо проговорил Сергей наконец, – зная, что ночные страхи существуют. Что есть на свете монстры и чудища, и они не сказка и не фантастика. Они могут прийти к тебе и вцепиться в горло. И ты уже не сойдешь с ума, ты будешь мертв.

– Что за мысли? – спросил Щербинский фальшиво жизнерадостно – может только одна такая гадость и есть на свете?

– Да нет – произнес приезжий – такое просто так не бывает, это что то большое. Такое огромное и непостижимое. А мы натолкнулись лишь на самый его краешек. А где-то рядом, неподалеку, скрывается целый огромный мир чуждый нам. Он велик и везде. А мы слепы и не можем увидеть его.

– Но... – сказал Лапников.

– Подожди. – Оборвал Сергей. – Я тут вдруг осознал кто мы. Кто есть люди вообще. Мы узкие ограниченные создания. Мы сделали свой мир. Мир техники, где все подчиняется физическим законам. Мир который нам понятен. Мы

кроили мир под свою метку, а то, что к нам не подходило отбрасывали и старались забыть. Знаешь Лапников?

– Что?

– Люди жившие в Средневековье были гораздо ближе к пониманию того мира, чем мы живущие сейчас. Ведь мы современные, живем ничего не видя. Уткнувши нос в землю, и погрязшие в своих мелких никчемных проблемках. Мы живем и просто не верим, что в нашем технократическом мире может что-то случиться. Как может что-то произойти, если мы поднимаемся каждое утро, привычно идем на работу, едем в метро, возвращаемся домой и ложимся спать, и так каждый день. Как может произойти что-то необычное, когда у нас еще столько не сделанных мелких делишек. Этот обыденный серый мир затягивает нас. Затягивает до такой степени, что мы уже просто не видим ничего странного вокруг себя, не замечаем.

А если случается что-то крупное, что делаем мы, простые серые горожане? Мы сходим с ума, вот что? У нас срывает крышу, потому что мы не можем понять происшедшего. Мы не знаем его, мы заблокировались от всех посторонних событий, не стыкующихся с нашим мировоззрением. Серость не терпит яркого.

– Я понял – с жаром сказал вдруг Лапников – ведь и правда. По всей планете гремят войны, где-то кто-то в кого-то стреляет, кого-то рвут на куски дикие звери. Где-то целый город объят пожаром. А я выглядываю из своей серой тру-

щобы, на серую же узкую улицу и задаю себе вопрос: Ну что может произойти здесь. Здесь ничего не меняется, и я не могу поверить, что и на это улице может такое произойти. Не верю, пока это не случается. Так и все из нас, не реагирующих на окружающий ужас, и в тайне надеющихся, что это произойдет не с ним.

Сергеа кинул взгляд на Щербинского.

– Сильно. – Сказал тот. – Вы тут оба прямо философы.

– Куда ж без этого, – произнес Серега спокойно, – давайте двигаться, а то время уже.

Быстро собрались, внимательно осмотрели и перезарядили ружья, а затем вышли в день, который на глазах, становился не таким уж и сияющим. Как всегда тучи уже затягивали небосклон, холодало, к вечеру обещался все тот же дождик. Все это уже явно было неестественного происхождения, и теперь уже можно было поверить, что когда ни будь, утро не наступит.

Издали заметили трое волков. Но те не стали связываться с людьми, резво шарахнулись в сторону, скрылись в проулке. Трое людей шли молча, направляясь прямо к Дому Культуры, над которым по прежнему возвышались засыхающие корни старого дуба. Как получилось так, что дуб, несомый смерчем упал прямо на здание? Да так упал, что разрушил даже подвалы? Или это все совпадения?

Нет ответа на вопросы, и даже Сивер молчит. Как вот теперь с ним связываться? Почему не придет на помощь. Ведь

заманил же двоих беззащитных незнающих людей в этой змеиное гнездо? Заманил и почти что бросил, оставил на произвол судьбы.

– Подумать только! – Сказал Серега тяжело. – А ведь я два дня спокойно ходил в этом гадюшнике!

– Раз остался жив, значит Сивер помог, отвел беду. – Сказал селянин убежденно.

– Твоя вера в Сивера безгранична. Если он сам до сих пор не разметал ворогов, значит и у него есть ограничения. Не всемогущ он.

Щербинский кивнул, но промолчал, впереди уже маячила ломанная анфилада дворца, и казалось тучи задевают ее вершину, такие они низкие. Дождь пойдет и это случится скоро.

Впрочем, в этом селе есть вещи похуже холодного дождя.

Минут через пятнадцать хода натолкнулись на змея. Вроде бы еще очертания человеческие, но сам плотно покрыт чешуей, ноги короткие и разлаписты, а руки превратились в кожистые отростки.

Змеюка увидел их уже издали, зашипел, но селянин резво вскинул ружье и выпалил в чешуйчатого. Расстояние было велико, и он почти промахнулся. Картечь лишь чуть задела нижнюю лапу, это было видно по тому, как бывший человек дернул ее, словно обжегшись.

Щербинский выстрелил еще раз, промахнулся, и с проклятьем перезарядил ружье. Пока он возился с оружием, псевдо-змея что-то углядел, понял что его ждет, и потрусил

прочь от них, в сторону все того же Дома. Не добегая до здания двух десятков метров, он неожиданно распахнул кожистые руки, которые оказались, перепончатыми, ярко окрашенными крыльями, и взмыл в небеса с хриплым криком. Селянин только плюнул вслед.

– Это то что же? – Сказал Лапников. – Змеи летающие? Горынычи?

– Плюнь на них, – посоветовал зоотехник гневно, – мы уже почти пришли.

Пошли прямо по улице, с которой только то взмыл змее-человек. Подумав, Серега произнес:

– Вот так. Счас он еще полетает – полетает, а затем обратиться полностью и станет лютовать только ночью. Но уже сейчас видно, что он специализирован. Мы имеем в противниках, бегающую прыгающую и летающую нежить. Это наводит на мысль, что они создаются специально, с некоей целью.

– Цель не цель, а наша цель, вот она. – Отмахнулся селянин и показал на близкое здание. – Чувствуете как воняет?

– Да воняет, – согласился журналист, – как камень искать будем?

С хмурого неба упало три дождинки, стало темнее, прохладнее. Разрушенная колоннада Черепиховского дома культуры, возвышалась над ним как мрачная версия Акрополя. Да еще мерзости добавлял подсохший дуб, чьи корни казались щупальцами мертвого осьминога.

Или множеством застывших в агонии змей.

– Искать будем по запаху. – Сказал Сергей.

– По запаху? – Спросил Лапников удивленно. – Венди что ли мою посылать?

– Нет. Псина твоя наоборот оттуда смывается, только пусти.

Искать будем сами. Да разве не чувствуете запах мускуса? Гнилостный такой, змеиный?

– Что-то есть. – Решил, понюхав сыроватый воздух Щербинский – да только мы и в прошлый раз это подметили. Так и будем как ищейки искать?

Серега тоже принялся внимательно:

– Несет то как. Мы еще и логики добавим немного. Если ты Щербинский все последние годы не видел его в основном холле Дворца, да и в музее его нет. Где он тогда может находиться, надежно упрятанный от людских глаза.

– Мне то откуда знать? – Пробормотал селянин.

– А оттуда. Когда камень стал зло по округе распускать, его взяли, да и убрали в запасник, чтобы глаза не мозолил. Так что искать будем в подвалах. Чую я оттуда это все идет.

– Ну пойдем тогда, – сказал Лапников, проверив еще раз ружье, – жалко фонарики не взяли, как тогда в музее.

Дождь сверху заморосил, потянулся липкой пеленой. Но Сергей с компанией на него уже не обращали внимания, притерпелись. К тому же ход обнаружился довольно быстро.

Это был даже и не ход, а так, пролом в монолитной плите перекрытия, что рухнула сверху во время бури, И пролом

не был завален каменной крошкой, наоборот зиял тяжелым черным оком. И несло оттуда свежим запахом мускуса, гораздо более свежим, чем то, что в подвале церкви.

– Думаю здесь. – Сказал Серега спокойно, а затем оглянувшись на спутников спросил. – Спускаемся?

– Не в первой. – Изрек Щербинский и первым сунулся в темную дыру.

Сергей двинулся Следом, а Лапников, некоторое время постоял в раздумье. Он не мог этого знать, но именно через этот черный пролом и выполз на свет божий тот злополучный турист, первым поддавшийся змеиному проклятью.

Воняло внизу смрадно. Тем более что приходилось ступать по разрушенной кирпичной кладке, которая тряслась и рассыпалась под ногами, грозя обвалиться вся, и вызвать этим маленькую лавину. От дождя кирпичи стали скользкими, к тому же под ними что-то явственно прело.

Сергей даже поначалу отшатнулся назад к свету, но сцепил покрепче зубы, прошептал по Щербински:

– Не впервой. – И полез вниз.

Селянин там уже стукнулся обо что-то, выругался, задел стволом ружья ржавую арматуру. Раздался отвратительный скрежет, о которого мурашки обильно пошли по коже. Щербинский отдернул ружья и гневно заорал:

– Ну вы там! Слезайте быстро, а то весь свет закрываете!!

– Как можем так и ползем. – Огрызнулся сверху Лапников, ботинки у него были летние, с плоской подошвой, что

активно скользила по ребристым кирпичным граням, и сейчас журналист отчаянно пытался не соскользнуть и не рухнуть всем весом на приездего.

Венди все было не почем, прыгала как горная коза по разрухе, и тянула позади хозяина.

Сергей наконец слез, на последнем шаге споткнулся и тяжело бухнулся на колени, вскрикнул. Почти сразу же рядом спустился и Лапников. Дыра была свободна и мало-мальски пропускала серый свет.

В этом свете неясно возникло помещение подвала, не такое уж большое, потому что где-то половина была засыпана обрушившимся дворцом. Обвал покрыл земляной пол каменным крошевом, скрыл его изначальный облик. Штукатурка на стенах, в основном, пообвалилась, открыла древние непрочного обжига кирпичи. В подвале было пусто.

– А где камень? – растерянно, как показалось, спросил Щербинский.

Сергея поднялся, и отряхнул испачканные джинсы, затем внимательно огляделся:

– Не вижу... Но судя по запаху он должен быть именно здесь, разве вы не чувствуете как воняет змеями?

– Чувствовать то чувствуем, да вот только где камень? И как он кстати должен выглядеть? – Лапников шагнул на середину обрушенного помещения, снова внимательно огляделся.

Вышел и Сергей, затем селянин. Все трое остановились в

центре подвала с недоумением. Было тихо, только шелестел снаружи дождь, да текли меж камней невидимые ручейки. Деревня замерла, не пели птицы, ничто не двигалось на улице, и даже листья деревьев не трепыхались, а висели мокрыми тряпками.

– Что ж – рассудительно произнес Щербинский в полной тишине – у нас еще есть один способ.

Сергей и журналист обернулись к нему. Ранее селянин не подавал никаких идей.

– Сивер! – громко позвал бывший зоотехник – сивер, если ты действительно нас хранишь, отзовись! Дай нам знак.

– Дай нам знак... как банально. – Произнес в бороду Лапников, но так что никто не услышал.

Шелест дождика был ответом Щербинскому, но в дальней стене неожиданно вспыхнул яркий белый свет и тут же погас. Видели его все.

– Ого – сказал Сергей – дедушка то нас услышал. Спасибо Сивер, не забудем.

Впереди журналист с селянином уже подошли к стене, что-то ковыряли в ней совещались. Сергей двинулся тоже, глядя, что они там делают.

Была стена. Штукатурка на ней, как и на остальных отвалилась, а в открывшихся старых кирпичях была знакомая размерами ниша, чуть неровная, с краями покрытыми оторванным цементом. Что-то было здесь замуровано, и не так давно.

Да и не что-то а тот самый камень, потому, что на кирпичах запеклась зеленая слизь, а мускусный запах бил настоящим фонтаном.

Но камня там не было. Кто то, совсем недавно, вынул его из ниши, где он хранился более сорока лет и перепрятал в более надежно место. Видно знал, что придут его искать, все предусмотрели!

– Камня нет! – воскликнул Щербинский.

– Вижу что нет! – Резко ответил Серега. – Его выломали и унесли перед самым нашим носом! Перепрытали!

– Значит кто-то подслушал? – изумился Лапников. – может за нами слежка уже давно?

– А вот это вряд ли, скорее это сразу предугадали. Только нам от этого не легче.

– Сивер!!! – Заорал Щербинский. – Как же так?! Где же камень?

Но Сивер на этот раз не никак не проявил себя, похоже считал что найдут сами. Селянин еще несколько раз позвал, но уже без особой надежды, старик явно не хотел отвечать. Некоторое время люди бесцельно побродили по подвалу, щупали стены, затем по одному стали выкарабкиваться на воздух.

– Итак. Камня здесь нет. Его унесли. Куда его могли унести? Есть предложения? – Сергей сидел на полуразрушенной лестнице Дворца культуры, двое его товарищей по несчастью, расположились напротив. Все уже были мокры на-

сквозь от непрекращающегося дождя, но упорно не обращали на него внимания.

– Нет предложений. – Угрюмо пробурчал Щербинский. – Он может быть где угодно. Его могли спрятать в лесу, а туда лезть, значит помереть со двадцатипроцентной гарантией. В селе мы еще можем шебуршиться, но в лесу не дадут, там их территория.

Лапников мотнул головой:

– Я тоже не знаю. Пора откидывать лапки и тонуть.

Щербинский еще несколько раз воззвал к Северу, но волевода не отозвался, отчего день стал казаться еще мрачнее.

– Мерзкий старикашка, – заметил Серега после очередной попытки, – кинул он нас. А если не кинул, то самого ухайдакали.

– Не надо про него так, в чем то он все таки помогает – сказал селянин с горечью.

Темнело, хотя вообще то сейчас было всего лишь два часа пополудни. Но все рано, медленно смеркалось, и неясно уже было, от густых ли дождливых туч это или от чего-то еще, непогода крепко поселилась в Черепихово. И трое людей, потерявших надежду не знали, появится ли когда ни будь возможность снова увидеть нормальный солнечный свет. Шабаш в селе Черепихово вступил во вторую основную стадию.

Дождик из елкой водяной пыли перерос во вполне полновесный ливень, захлестал водяными струями по обвалившемуся зданию, вызвал мелкие лавины, когда под натиском

воды сползала размокшая облицовка. Зашумел вдалеке бор. Зашумел гневно, мрачно, он весь горел ненавистью к человеку, ненавистью такой глубокой и древней, как и человеческий страх пред лесной пущей. А теперь бор получил возможность расправы. И скоро эта огромная темно зеленая враждебная масса обрушится на село, погребет под собой, истребит оставшихся, а те кто выживут будут поглощенным им и сольются с лесом в виде скользящих змей.

А ведь Лемехи был гораздо ближе к лесу, чем Славяне. Они были язычники, все божества их были из леса, а значит и имел тот странный народ некую силу над порожденьями бора. Зря не давили их! Зря замуровали нечестивый камень в церковь. Расколоть его надо было, а обломки бросить в огонь. А затем разбросать в текущую воду. А ведь виноват то во всем Сивер. Воевода Русичей, сам ведь небось идею подал так поступить. Ух столкнусь я когда ни будь с тобой лицом к лицу! Расспрошу тебя обо всем!

Так думал Сергей, сидючи в унынии на разваленных ступеньках Дома культуры под ледяным дождем. Дома культуры, долгое время служившего логовом зловонного скользящего бога. Дождь хлестал уже немилосердно, и бойцам пришлось скраться в под аркой, где они прижались к стенам, погруженные каждый в свои думы.

– Значит так, – начал Лапников, содрогаясь, – получается цепочка. Камень замуровывают в церковь. Затем церковь рушат, а камень доставляют в дом культуры. Там он спокой-

но лежит некоторое время, а затем неизвестно куда исчезает. Вопрос, где может быть камень? Понятное дело, что примерно в таких же местах. Где он одновременно возле множества людей и не на виду. То есть в подвале какого часто используемого здания. Вроде церкви и дома культуры! Есть ли еще такие места в Черепихово?

Щербинский, к которому был обращен вопрос, косо взглянул на Лапникова и ответил кратко:

– Нет.

– Как это нет. Ведь должен... Может быть... А вот! Вдруг он находится в баре?!

– Мы же там были недавно. – Сказал Серега. – Да я бы за версту почуял этот запах. Это все бесполезно, его унесли не в какое ни будь здание, это уже не нужно. Потому, их уже не посещают. Его унесли в лес или еще куда поглубже. В твердь земную. Нам может помочь только чудо... Банально звучит? Тогда Сивер, ведь он сам заварил эту кашу, дубовая голова. Эй Сивер, молчащий ты наш, неужто кинешь своих подопечных?

И чудо явилось. Из-за угла полураздавленного дома появилась сутулая фигура человека. Тип этот выглядел понуро, шаркал ногами и совершенно не обращал внимание на льющийся сверху ледяной дождь. На сидящих под аркой людей он не смотрел, а смотрел непосредственно в землю.

– Кто это? – спросил Серега – никто его не знает?

Лапников мотнул головой, он все еще переживал о ненай-

денном камне. Однако Щербинский пригляделся и вдруг заявил:

– Да это же Кузьмич! Помнишь он со мной тогда в баре сидел?

– Да припоминаю такого, – произнес Серега, – а что он тут делает, когда остальные дома сидят? Чую тут нечисто. Пойдем проверим?

– Пойдем. – Согласился зоотехник. – Лапников, ты идешь?

– Нет, – ответил тот, – дождь и так ледяной.

Сергей кивнул и они вместе с селянином вышли под непогоду.

Продрогли тут же до костей. Это была уже не давешняя липкая морось, это был полноценный ледяной ливень. При чем на грани превращения в снег. Они прошлепали по лужам расстояние отделяющее их от старого Кузьмича, ежась, и стараясь укрыться от воды. Кузьмич же на них так и не взглянул. Когда до старика оставалось метра три Сергей неожиданно остановился и приподнял руку.

– Стой. – Сказал он селянину.

– А что... – Начал он и встал.

Встал и Кузьмич, по-прежнему глядя в кислую землю. С расстояния разделяющего его и Сергея вполне можно было рассмотреть, что с Кузьмичом что-то не то. Вернее не что-то, а вполне понятное. Он на глазах обрастал чешуей, а глаза становились непроницаемо черными.

– Что... – Еще раз произнес Щербинский и сделал шаг вперед, но приезжий придержал его.

– Кузьмич тоже змеиную подхватил – сказал он – я тут придумал кое что.

– Что ты придумал? – Тихо спросил зоотехник, разглядывая Кузьмича, а затем позвал:

– Кузьмич! Ты меня вообще слышишь?

– Да брось ты, – заметил Серега, – он похоже уже не понимает людских слов. Я вот что придумал. Давай сейчас его схватим. Пока совсем не обратился, спеленаем как ни будь, и расспросим.

Щербинский оттолкнул его плечом, прошел ближе к старику, осторожно сказал:

– Кузьмич. Если слышишь меня, ответь.

Повисло молчание, а затем Кузьмич ответил. Он стремительно развернулся, раззявил до невозможности пасть, и из глубин этой огромной глотки взметнулся на волю длинный двойной клык. С клыка сорвалась капелька гноя и упала Сергею на одежду. Кузьмич подогнул под себя мощные задние лапы, и прыгнул на Щербинского, издав в полете мерзкий верещащий звук, от которого на мгновение заложило уши.

К счастью он не прыгнул на Сергея, который в этот момент был занят единственно тем, что пытался стереть гной с куртки. Упавшая на ткань капля стала споро въедаться в куртку, действуя наподобие концентрированной кислоты. Од одежды стал подниматься едкий обильный пар, от кото-

рого слезились глаза и перехватывало горло.

Если медленно шагая по улице, бывший Кузьмич еще сохранял человеческие очертания, то в прыжке он совершенно изменился, явив сходство с огромной рептилией, таким прямоходящим динозавром и скользким тритоном одновременно. Прыгнув, он растопырил чешуйчатые лапы, встрепенул красный большой гребень на затылке, и раскрыл пасть еще больше.

Но массы у него не хватило, чтобы сбить большого Щербинского с ног, и по приземлении он напоролся на выставленный селянином старый приклад ружья. Хрустнуло и Кузьмича отбросило на холодную землю. Он тут же попытался подпрыгнуть, но тот же мощным толчком в грудь уложил на место. Кузьмич зашипел, но дернуться больше не смел.

– Готово. – Произнес Щербинский. – Полуоглядываясь на Сергея. – Я его заловил.

– Счас! – крикнул Серега позади, он скинул куртку в воду и сосредоточенно ее топтал, стремясь погасить активную реакцию с кислотой. Пар поднимался из лужи все медленнее, видно что вода все-таки гасила и разбавляла вещество.

Кузьмич зашипел вновь, а затем добавил невнятно некие выражения.

– Ну видишь Кузьмич, – произнес Щербинский, – оказывается можешь ты все таки говорить.

Кузьмич заорал, и извернулся, пытаясь вскочить, но селянин пинком сапога отбросил его в грязь. Подошел Сере-

га, неся перед собой вытащенную из грязной воды куртку. С правой стороны в ней красовалась почти двадцатисантиметровая дыра, края которой все еще временами дымились.

– Последнюю куртку испортили, сволочи! – с выражением сказал Сергей – давай его сюда, сейчас этой самой курткой и спеленаем.

Кузьмич поднялся из грязи и покорно дал себя связать, причем держали его спиной к людям, чтобы не смог снова плюнуть из клыка. Бывшей курткой смогли плотно стянуть его руки -лапы, но нога пришлось оставить несвязанными.

– Уух! – Сказал Серега – холодно как, а ведь это ты мою куртку последнюю пожег Змей проклятый!

Щербинский отшвырнул Кузьмича на землю, где тот поспешно оскалился.

– Эх Кузьмич, Кузьмич, что же с тобой змеи проклятые сделали – сказал грустно селянин.

Кузьмич замолчал, даже больше не шипел.

– Отвечай! – Сказал Сергей. – Мы же знаем что ты умеешь говорить.

Кузьмич молча, но скривил такую мерзкую рожу, что Серега на секунду отвел глаза. Затошнило.

– Так, да? – Спросил приезжий мрачно. – Молчать будешь? Думаешь, если был человеком, так и не пристрелим? Так?! Да я тебя!!!

Кузьмич молча, и Серега в ярости сдернул с плеча ружье.

– Эй! Эй! – крикнул Щербинский.

Грохнули оглушительно выстрелы. Один и второй, почти сливаясь. Первый заряд вошел в полуметре от головы Кузьмича справа. Второй, так же слева. Грязь взметнулась фонтаном, часть пороха осела на лице бывшего Черепиховца.

– АААА!!! – закричал Кузьмич и выбросил клык, но в ядовитый зуб тут же ткнулся жесткий и горячий от недавнего выстрела, ствол ружья, и Кузьмич осекся.

– Если будешь молчать, пальну сюда, – уже спокойно сказал Сергей, – так как?

– Скажууу!!! – Заорал оглушительно бывший Кузьмич. – Не стреляй! Скажу! Что хотите знать?!!

– Может стоило применить пытки? – спросил едко, подошедший посмотреть Лапников – что за методы мы применяем? Это же допрос с пристрастием, как в камере. Неужели нельзя было по-другому.

– Ну видишь ли, – сказал приезжий наступая аккуратно на бьющий по земле хвост Кузьмича, – он уже почти змея, однако все мерзкие человеческие привычки сохранил. Может он за нами шпионил специально?

– Это паранойя, кому мы нужны?

– А вот это мы сейчас и узнаем – сказал приезжий, наклоняясь над будущим змеем:

– Ну что, змеюка будущая, вот тебе первый вопрос. Где камень?

– Какой камень? – Прошипел Кузьмич. – Нет! НЕ стреляй! На пруду он! На прудах в смысле, на Черепиховских

прудах. Его туда с Дворца Культуры перенесли.

– Откуда он это знает? – спросил Лапников у Сергея.

– Не мешай, – откликнулся тот, – потом расскажу. Так Кузьмич, кто такой Урунгул?

– Знамо дело, наш шаман, лесной знаток.

– А кто такой Снорунг?

– Это наш бог, хозяин и повелитель, он везде он всегда, он над всеми.

– Бредяга... – Простонал Лапников. – Ну не может это все быть правдой.

– Снорунг заключен в камне? – новый вопрос Сергея.

– В камне. – Ответил Кузьмич. – В том самом, на прудах.

– Так, отлично. Кто такой Сивер?

– А кто это? – вылупился Кузьмич.

– Не запирайся! – Рыкнул Сергей и взвел ружье. – Кто такой Сивер?

– Ну не знаю я!!! – Завопил Кузьмич и задергался, но Щербинский придавил его сапогом и кивнул приезжему. – Мол, продолжай.

– Ты должен знать Сивера, – произнес Серега наклоняясь над пленником, – ты же все знаешь!

– Не знаю йяяя!!! – проревел Кузьмич и замолчал.

Лапников глянул на лежащего:

– Подожди, может он и вправду не знает. Сивер ведь не относиться ко тьме. Кстати, откуда ему столько известно?

– Ладно, – сказал Серега, – нужное он сказал. Щербин-

ский, не наступай на него! Мы сейчас пойдем на пруды, а его возьмем с собой, чтобы не обманул. Если камня там не окажется – пристрелим. Ты понял?! – обратился он уже к Кузьмичу.

Кузьмич согласно закивал. При этом из пасти у него брызнула зеленоватая пузырящаяся слюна и потекла, неторопливо по подбородку. Невыносимо завоняло мускусом.

Селянин помог пленнику подняться на ноги, и теперь держал его под прицелом своего ружья.

– Помните я говорил, – сказал Серега, – что третий глаз у этих новоявленных змей действует не так как обыкновенный.

– Помню. – Кивнул Лапников.

– Ну что у этих, третий глаз позволяет им связываться с хозяином, то есть с сами главным змеем. Снорунгом. Ну вот мы и поймали такого зверя, – Серега кивнул на Кузьмича, – еще не потерял умение говорить, но связь уже имеет, Может быть он действительно шпионил за нами.

– Так значит он все это спросил сейчас у хозяина?

– Скорее узнал сразу как начались изменения. Я подозреваю, что связь у них односторонняя. Скажи Кузьмич, что ты чувствуешь превращаясь в змею?

– Какую змею? – Спросил Кузьмич. – Я что то не пойму.

– Ты что не понимаешь что с тобой происходит?

– А что тут понимать. Нормально все. Подчиняйся хозяину и будешь долго жить.

– Ты не будешь долго жить. – Успокоил его Щербинский, и покачал ружье, так что Кузьмич вздрогнул.

По улице подле Дворца пронесся порыв ледяного ветра, принес с собой холодные льдинки дождя, больно хлестнул людей, и стоящего рядом нелюдя. Кузьмич сжался, тоненько заскулил, но Щербинский не дал ему дергаться, толкнул, чтобы шел вперед.

– Куда теперь? – спросил Лапников.

– Сначала к Щербинскому. – Сказал Сергей. – Там снарядимся, а потом на пруды. Пошли же я мерзну.

Оставшись без теплой прочной куртки, Сергей напрямую теперь подвергался действию ледяного вихря, и он не был уверен, что дойдет до камня, если простоит здесь хоть еще минуту.

Двинулись. Толкали впереди пленника и устало молчали. Кузьмич монотонно ругался под нос и шипел, но никто не обращал на него внимание. Пока они двигались к дому селянина уже совсем стемнело.

Лапников закинул голову, и щурясь поглядел в небо. Оно стало непроницаемо темным, ледяным, словно загустевший деготь. Мрачное, как свод пещеры, оно извергало на путников бесконечные струи злого дождя. Журналист протер очки, капитально запотевшие и произнес:

– Уже смеркается, не лучше ли отложить поход до утра?

Сергей пожал плечами:

– Можно то можно, да вот только мне кажется что утро

не наступит.

– Как не наступит?

– А так – заметил Щербинский – я сразу сказал, что когда ни будь наступит тьма. Вот и получайте, так что теперь темно будет всегда.

– Всегда темно и всегда дождь, – промолвил Лапников тихо, – как же это?

– Вот я и говорю: Жизнь тяжела. – Сказал Щербинский со вздохом.

– И в наших силах сделать ее еще тяжелее. А чтобы легче, надо торопиться на пруды, – добавил Серега, – за Кузьмичом смотрите, а то вдруг в змеюку прямо сейчас обратится!

Кузьмич обернулся и зашипел. Щербинский тут же дал ему пинка тяжелым сапогом:

– Пошипипи мне еще змей проклятый.

– А ведь он уже не смотрится старичком. – Сказал оглянувшись на спутников Сергей. – Видать превращение в змею омолаживает.

Лапников кинул, селянин же шел опустив голову и потоки холодной воды ручейками текли ему за шиворот. Впрочем бывший зоотехник не обращал на них внимание.

В темноте грянул вопль. Лапников заметил, что раз стемнело, то и ночные существа должны выйти на охоту.

– А ведь только половина четвертого дня, – сказал Сергей, – что же теперь шабаш будет круглые сутки?

– Надо просто поторопиться, вон и дом наш.

– Мой дом в Москве, а это как никак девятьсот километров отсюда. Там сейчас лето, тепло, сухо, дождей уж нет несколько дней, солнце светит яркое.

Солнца мы больше не увидим, – произнес Лапников, – интересно, как смотрится теперь деревня со стороны. Если у нас тьма, а снаружи сейчас разгар летнего дня. Июльского, жаркого.

– Быть может, как облако черного тумана на земле? Хотя нет, если противостоящие нам силы смогли сменить день на ночь, то они могли позаботиться и о том, чтобы снаружи деревня выглядела нормально.

– Я ничего не вижу, – пропищал впереди Кузьмич, – отпустите, а? Я ведь устал.

– Вам, лесных тварей просто так не утомишь, а вообще мы уже пришли. Ну что встал? Пшеелл!!

И снова подтолкнул змеюка сапогом. Селянин знал эти улицы с детства и ориентировался почти в полной темноте. Так или иначе он нащупал забор, а затем и входную дверь.

– Стойте тут. – Сказал он и аккуратно вошел в темный провал двери.

Горожане остановились. Кузьмича для верности повернули лицом к стене. Чтобы не плюнул ядом.

Слышно было как селянин топает к выключателю. Затем шаги прекратились, и из темных недр дома взметнулся тонкий поросячий визг. Но его тут же заглушили проклятья Щербинского и канонада выстрелов. Ружье гроыхнуло пять

или шесть раз, затем селянин позвал:

– Ну что вы там? Заходите!!!

Свет в доме вспыхнул, на оконной раме висело некое скрюченное тело. Горожане переглянулись и вошли внутрь. Щербинский невозмутимо клал в уголок свое поработавшее только что ружье, и его совсем не трогало, что на полу возле него в мукахдохнут потрясающие по омерзительности твари. Чудища были чуть поменьше человека, и имели белесую прозрачную кожу, сквозь которую обильно просвечивали странной формы внутренности. Имели эти гадости разумеемся по три глаза, и видно было, как ворочаются в глазницах огромные глазные яблоки чудища были основательно продырявлены, у некоторых не хватало конечностей, и они корчились и жутко воняли.

– Шабаш уже начался – заметил Щербинский, а затем дождался когда судороги последнего монстра замрут и выкинул одного за другим в окно.

Не Сергей не Лапников на такой подвиг бы не отважились. Они сразу начали набивать карманы патронами, а Сергей поплелся в кладовку искать себе что ни будь взамен утраченной куртки.

Во время этой суеты Кузьмич попытался сбежать, но его засекли, догнали и повалили на пол, и теперь он сидел привязанный к массивной чугунной буржуйке, которой, по Черепиховскому обычаю согревались селяне. Теперь змей сидел в полной неподвижности, погруженный в свои мысли, а

скорее всего связываясь в очередной раз с хозяином.

– Надо поторопиться – произнес журналист, кидая взгляд на часы – похоже пока они не совсем разошлись. А то ведь пойдём в самое пекло, во время самого разгула шабаша.

Серёга как раз отыскал себе приличный ватник, довольно ещё крепкий, и почти без заплат. В нём можно было согреться, защититься от окружающего холода, а самое главное, он был толстый и не всякая тварь его прокусит.

– Вот бы ещё пластинки стальные на него нашить. – Сказал Сергей, показывая ватник Щербинскому.

– А что же. Если так, то одевай сразу кольчугу. – Ухмыльнулся тот. – На ружья надо надеяться.

– Ну ты надейся на ружья, а от змеиного укуса он все-таки защитит.

– А от укуса той носорожьей твари, тоже? – Спросил иронически Лапников. – а ведь застрелись её было можно.

– А давайте ещё Кузьмича застрелим. – Без всякой связи сказал вдруг Щербинский.

– Садист. Мы может его отпустим, вот только разберемся со всем этим.

Послышалось бормотание и в окно влетел огромный чёрный нетопырь. Он пометался немного по комнате, затем его поймали за крылья и вышвырнули в окно. За окном раздался залиvistый хохот, который впрочем скоро затих вдалеке.

– Я готов. – Сказал Лапников.

– Я тоже. – Произнес Серёга и глянул на селянина. – Ну

что, идем?

– Идем. – Ответил Щербинский и глянул осторожно в окно.

За окном было тихо, лишь только отчетливо шелестел дождь. Из лишенной стекла рамы потянуло ночным холодом. Ночным холодом в середине дня.

Черепиховцы снова глянули друг на друга.

– Как считаешь, – спросил Щербинский, – если уничтожим камень, он расколдуется? – и кивнул на гранитную стацию Щербинского младшего.

– Кто знает... Пошли что ли. Быстрее найдем, быстрее все тут вернется на круги своя. Поднимайся чешуйчатый!

Это он уже адресовал сидящему лицом к стене Кузьмичу. Кузьмич зашипел, но нехотя все-таки поднялся.

– Двигай. – Сказал ему зоотехник и они вышли во влажную холодную тьму.

– На них тут же кто кинулся сбоку, но Сергей отреагировал вовремя и выпалил дважды в темноту. Оттуда выплеснулись дикие вопли и кто-то стеной уполз. Сверху лился потоками дождь, который временами превращался в мелкую ледяную крупу и больно стегал по непокрытым головам. Хорошо хоть куртки и ватник достаточно надежно защищали от непогоды. Кузьмича же ничего не защищало, но его это похоже не волновало. Впрочем скорее всего он уже просто стал холоднокровным и поэтому не ощущал холода.

– "А если от такой холодрыги", – подумал Серега, – "Он

впадет в спячку? Я слышал змеи так поступают при холодах.

И они двинулись вниз по улице. По дороге, которая проходила мимо рощи на высоком берегу, мимо площади с Черепиховским собором, мимо бара "Левый берег", мимо оружейного магазина, и которая вела вниз по холму в густой лес, в котором скрывались Черепиховские и ныне названные "Черными" пруды.

Стало совершенно темно, лишь в низких черных облаках редко вспыхивали некие зарницы, на секунду освещая дорогу и движение темных тучевых масс в небесах. По этим зарницам они и ориентировались, упрямо не сворачивая с дороги. Ориентировались по зарницам, да еще их легко вел за собой будущий змей Кузьмич, похоже обладавший способностью видеть кое-как в темноте.

Шли молча, затем, когда справа замаячили неясные очертания чего-то огромного, судя по короне из корней, дворца культуры, Лапников произнес:

– Темно. Вот мы и наткнулись на наш глубинный страх. Наконец то мы оказались в такой темноте, что сами в ней идти почти не можем. А те, кто скрывается в темноте, видят нас прекрасно. Мы для них как на ладони, для этих порождений ночи. Они нас видят, они могут подкрасться, схватить, а мы их не увидим, пока они нас не коснутся.

– Ох Лапников – сказал Серега – кончай ты страсти нести, без тебя муторно. Мне теперь это все напоминает знаменитую аналогию. Купание в океане полном акул ночью. Только

вот эта среда для нас родная, а ты если хочешь обезопаситься, возьми ка Кузьмича на мушку. Пусть увидят, что если попробуют дернуться, то змею ихнему каюк.

Лапников ткнул дробовиком в спину полузмею и Кузьмич боязливо дернулся, хотя и продолжал шагать ровно. Журналист снял ружье с предохранителя и произнес:

– А если у них другие моральные ценности? Может им на Кузьмича нашего вообще наплевать. Убьем беднягу и ладно. Они только посмеются мерзко и нас заграбастают.

Словно в подтверждении его слов издалека донесся резкий лающий хохот. Как от стаи диких бабуинов, да вот только какие бабуины, если они имеют дело с тварями много хуже.

– Тсс! Стойте! – неожиданно произнес селянин.

Все встали как вкопанные, а Серега схватил за шиворот плененного Кузьмича.

– Там впереди, – сказал селянин, – только что кто-то шевелился.

– Бред!! – Простонал Лапников. – ну как так можно жить, когда не секунды ты не можешь оставаться в безопасности, ну как я могу еще идти с вами. Зная, что меня могут уничтожить в ближайшие пару секунд. Это тяжело. Я не могу...

– Тиха ты! – Шикнул Сергей. – На войне как на войне. Там действительно что-то шевелиться.

Кузьмич порывался что-то сказать, но ему приказали стоять молча. В наступившей тишине слышались гулкие шаги по асфальту. Блеснула яркая зарница и все увидели как

к ним приближается человек. Шел он ровно, словно ничего не боясь, словно не было вокруг липкой тьмы и не сновали в ней темные подземные твари.

Направлялся этот тип к Черепиховцам, и при очередной вспышке стало видно, что одет он в деловой костюм тройку, сейчас несколько помятый и начищенные башмаки. Вид его в этом костюме, посреди Черепиховского мрака был настолько безумен, что люди Сергей со спутниками даже попятись прочь от него, заподозря сразу неладное. Самое неприятное было то, что пришелец счастливо улыбался и протягивал к людям руки.

Когда до него оставалось метра три Сергей спросил в лоб: – Ты кто? – и попятился назад, потому, что тот уверенно шел на него.

– Друзья! – Безмерно счастливым голосом воскликнул этот тип. – Друзья я...

– Стой! – сказал Серега поднимая "Дракон". – Стой тебе говорят!

Человек встал. Вспыхнула молния и приезжий понял что самое странное было в человеке. Его глаза были спокойно, даже блаженно закрыты. Казалось он спит, и эти закрытые глаза абсолютно не вязались с счастливо улыбающимся ртом. Впрочем эта улыбка тоже малость походила на безумный оскал. И этот ухмыл раскрывался все больше и больше, пока перед людьми не осталось лица, а всю голову закрыл красноватый зияющий зев.

Пришелец застыл так, с открытым ртом, а затем в между зубами что то шевельнулось и на свет, прямо изо рта стал выползать, а вернее вываливаться толстый жирный червяк – змея. Эта гадость, сначала высунула треугольную серую голову, затем обвела губы, как жуткая пародия на язык, а потом стала потихоньку высовываться на поверхность.

Это было так омерзительно, что люди застыли, с отвращением глядя на творящееся. Затем кто-то из Черепиховцев (непонятно кто, потому что все смотрели на монстра), выстрелил в этого червяка из двух стволов.

Бывший человек, а ныне весьма мерзкий монстр квакнул, изо рта брызнул поток коричневой дурнопахнущей жижи и чудище недвижимо пало на землю, где и застыло.

– Однако, – и сказал только Щербинский, – каких только тварей не рождает лес.

– Лес, лес, – проговорил Серега, – нам надо идти, а то таких вокруг будет – завались.

И они двинулись в молчании дальше. Лапников плелся в самом хвосте колонны на подгибающихся ногах, и изумленно оглядывался.

А вокруг была тьма, а на часах было всего лишь половина четвертого. Их дорога вилась меж домов, иногда пересекала маленькие площаденки, дорожные перекрестки. Лапников неожиданно ускорил шаг и оказался рядом с Сергеем.

– А интересно, – сказал журналист, – почему лесные силы так любят тьму? Ведь во тьме все-таки сложнее ориентиро-

ваться.

– Тьму? Как вокруг? Тут в общем то тоже все ясно. Так как поклонники Змея несут в себе изначально языческое зло, то и обстановку вокруг себя они должны составлять соответствующую. А так как человеку из двух состояний суток, больше противна тьма, значит они тьму и составляют. Вот мы в ней и ходим, вот она на нас и давит.

– Хотите сказать что они могут выбирать среду по собственному усмотрению?

– Могут наверное, известно ведь, что языческих богов отождествляли с природой, а что может быть сильнее природы?

– Люди. – Сказал Лапников тихо. – Они могут что угодно с лесом сделать. Вырубить, сжечь, превратить в болото, уничтожить короче.

– Это то они могут, только победой над природой это не станет. Печально но без леса мы жить не можем. Уничтожив лес, уничтожим себя. Кроме того ведь недавняя буря тоже природное явление в конечном итоге. А что человек перед бурей...Ай!!

Бам! Бам! – громыхнул Серегин дробовик и шестиногий змее – жук полетел кувыркаясь во тьму. Оттуда плаксиво взвыли, видимо там сидело еще с десятков таких.

Щербинский плюнул – развели тут всяких.

– А тут горячеет – произнес приезжий.

– Скорее холодает. – Невозмутимо отвечивал зоотех-

ник.

В подавленном молчании двинулись дальше. Дорога их вилась между деревенских домов, а затем выходила на высокий правый берег реки Волги. На этом месте Сергей сам не так давно сидел и смотрел на синюю воду. Тогда он думал что попал в западню. Но кто мог знать, что в такую.

Они остановились и сейчас, чтобы посмотреть на привычный пейзаж. То есть на пейзаж бывший когда-то привычным. Теперь же его уже вряд ли можно было назвать привлекательным или просто красивым.

Над Волгой сгустилась тьма. Вязкие ее хлопья медленно плыли над черными неподвижными водами, сталкивались в воздухе, озарялись багровыми зарницами.

Вода же в реке была абсолютно черная, гладкая и текла неторопливо, словно смоляной вар. Странно, но падающих ледяной дождь не мог вызвать на поверхности вроде бы воды не малейшей щербинки, или ряби. Шла эта вода тяжело и мрачно под ледяным небом и уходила в неизвестность, где ее скрывали клубы черного тумана.

Деревушки на том берегу видно не было, впрочем обзор ограничивался полусотней метров. Глянцевая поверхность воды ничего не отражала, и лишь во время вспышек зарниц можно было различить легкие тени, неслышно скользящие над мертвой водой.

Пейзаж был мрачен. Больше того он давил и вызывал неизбежную тоску, от его одного вида хотелось бросить все,

плюнуть и просто сидеть здесь дожидаясь своей нелегкой участи.

– Ох! – вымолвил Лапников. – Вот и добрались до великой Русской реки. Вот такое и ждет нас на прудах. Вот такая черная мертвая вода. Она сомкнется над головой, и уже не сможешь пробиться к поверхности. Тебя будет тянуть за ноги вниз в глубину. На илистое дно...

– Мне это снилось. – Сказал вдруг Щербинский поворачиваясь к журналисту.

– Что?

– Снилось говорю. И не только мне, а и многим другим. Ты прямо слово в слово пересказал мой сон.

– Что мы тонем в воде? – переспросил Лапников. – И мы сами туда идем?! Господи...

Сергей повернулся к нему:

– Спокойней, еще никто не тонет, нет нужды считать эти сны пророческими.

– Темная вода. – Прошептал Лапников. – Она не отразит света... Сомкнется без плеска...

– Никакой темной воды! – Сказал Сергей. – Ведь в конечном итоге... Смотри!!!

– Ух! – воскликнул селянин -Ведь это...

Далеко впереди, над водой, почти на самом краю видимости вдруг блеснул ослепительный свет. Он вспыхнул так ярко, что глазам стало больно, но люди не отвели взгляда. Световой луч ширился и рос и скоро стало понятно, что это

солнце прорвалось ненадолго, сквозь толстый слой туч, покрывающих проклятую деревню.

Желтоватый жизненесущий световой поток прорвал и разметал рваные тучевые покрывала. Он пал на темную воду и она ожила. Ожила, вспыхнула лазурным глубинным светом, а затем поверхность покрылась расплавленным солнечным золотом. Выиграла рябью, дробя тысячи солнечных зайчиков и бросая блики на отодвигающуюся прочь тьму.

А затем лазурную водную поверхность и ослепительный прорыв в облаках соединил толстый сияющий световой столб. И столб ширился и свет жизненосными потоками разливался по мертвым окрестностям. Он озарял округу и казалось налитое лучами пространство беззвучно поет в ликованиях. Вот она извечна борьба света и тьмы. Потому что свет издревле нес жизнь. А тьма холод и смерть. Энтропия – вот истинное лицо тьмы. И поэтому бы так боимся всего темного, потому что жизнь это тепло энергия, а без энергии не будет и жизни.

Трое людей на крутом песчаном обрыве реки Волги стояли изумлено глядя на это зрелище. Светоносный поток, прорвавший так неожиданно ледяную тьму выглядел великолепным. А ведь это был всего лишь простой луч солнца.

– "А ведь я раньше и не знал, как нужен человеку простой солнечный свет. Не серый, прикрытый тучами, а вот такой, прямой яркий, дающий тепло!" – Подумал Сергей в изумлении. – "Ведь и растения любят свет. Все живое любит свет.

Чудо какое!!!"

А световой поток, посияв минуту во всей своей красе начал медленно угасать и утончаться и световые зайчики на волнах бледнели и исчезали. А затем свет исчез, пролом в тучах медленно закрылся и лишь вода продолжала сохранять синеватый чистый оттенок, словно смогла принять и сохранить тот кусочек яркого Июльского дня, что царил снаружи.

Свет погас, но в трех испуганных тьмой людях он остался и продолжал сиять, укрепляя их разум и сердце. На берегу царило молчание. Затихли мерзкие гнусные вопли вдалеке, не шелестели черные тени над волнами и тьма вокруг уже не казалась такой враждебной.

– Это знак. – Произнес Сергей отрешенно. – Я бы сказал даже знамение.

– Это значит что мы все-таки не одни? – Лапников все еще изумленно оглядывался на речную поверхность и теперь все чувствовали пришедшее оттуда тепло.

– Я не знаю что за силы замешаны теперь на нашей стороне, но точно знаю, что мы все-таки не одиноки... Эй а куда делся Кузьмич?

– Тут он, где ж ему быть? – Моментом отозвался Щербинский. – Видать не выносит он больше солнечного света. Скоро так и говорить разучится.

– Вставай Кузьмич. – Приказал приезжий разлегшемуся чуть неподалеку змею. Тот в попытке спастись от слепящего луча чуть ли не зарылся змеиной челюстью в землю.

Кузьмич постанывал. Вдвоем с селянином Сергей кое-как оторвал его от почвы, при этом пару раз ободрал руки о покрывавшую полузмея жесткую чешую.

– Что ж ты за змея такая, – бормотал под нос горожанин, – это больше динозаврам подходит, такая чешуя.

Светлое пятно затянуло так же как и минутой раньше на небе. Ландшафт снова принял унылый депрессивный вид, но троих людей он больше не гнел. Они знали, что за этим покровом из тьмы есть яркий свет и голубое летнее небо.

– А хороший денек был перед бурей, – сказал вдруг Щербинский, грубо толкая мутировавшего соотечественника в спину, – купаться все ходили. На пруды на наши, а кто и в Волгу. Ох жарко было, а вода такая синяя.

– Это ты брось. – Произнес Сергей недовольно поглядывая на хмурое черное небо. – Без тебя гадливо. Подумай лучше, что у нас в Москве было не продохнуть от смога, а по ночам было так душно что приходилось спать с полотенцем. Еще в газетах писалось "Когда же это кончится?". Вот и кончилось, мерзнем теперь. Вот извечный вопрос: Что лучше переносит человек. Жару или холод.

– Лично я, – заметил Лапников криво усмехнувшись, – днем легче переносу жару, а ночью холод.

– Что за маразм! – оборвал его вдруг Сергей, как впрочем и себя. Мы сейчас пойдем, раздолбим этот гнусный камень, расколем его! А тогда все наладиться.

– Наладиться ли? – Вопросил журналист тихо. – Сможем

ли с этим жить?

– Выжить еще надо суметь. Веди нас Кузьмич. Долго еще?

– Да тут, рядом, – прошипел под нос себе полузмей, – сейчас дойдем.

– Ты только не увиливай, подвиг Сусанина здесь не пройдет.

Кузьмич зашипел и резво зашлепал плоскими ступнями впереди. Ноги у него уже сделались похожи на некие ласты, да и сам он терял человеческий облик с каждой минутой.

Так и шли трое борцов за свободу среди подступающей вокруг тьмы. Если видели шевеление, стреляли. Перезаряжали ружья и снова стреляли. От них шарахались мелкие твари, а крупные, вроде давешнего носорога не попадались. Видно и правда кто-то оберегали их, может и сам Сивер постарался.

Дождь не престаивал не на минуту, Он хлестал тугими ледяными струями. От него не было спасения, он был везде и он постепенно высасывал остатки тепла из тела.

Помогал и ветер, что носился вокруг мощными порывами. Они вихрились, бросались на людей бил в грудь, и им приходилось отчаянно закрываться, потому что дуновения этого ветра были ледяными.

Сергей чувствовал, как медленно промокает его телогрейка. Вата давно пропиталась водой и картуз свинцовой глыбой тянул вниз, так, то ноги подкашивались. Сжав рукав ватника, приезжий с омерзением заметил как изо всех пор вы-

ступает вода, словно одежда весь прошедший день вымачивалась в мыльном тазу.

Шли тяжело. Пошатываясь под ударами ветра, стараясь втянуть голову в плечи, укрыть ее от ударов стихии, но тщетно. И в какой то момент Сергей с изумлением заметил, что дыхание его вырывается поток пара, а на ресницах застыл иней, который никак не смывался потоками холодной воды.

Сквозь завесу ливня Щербинский что то прокричал.

– Что?! – не понял Сергей.

– Я говорю, приближается Новый год! Счас снежок пойдет! – Проорал селянин приблизившись.

– Шутник... – пробормотал онемевшими губами Серега себе под нос, а сам сделал вид, что не услышал.

Над ними проходила сейчас мощная черная туча из которой ливень обрушивался прямо таки водопадом. Впору было не удержаться на ногах и упасть. Этому способствовала и земля, давно уже раскисшая под ливнем и немилосердно скользящая.

Лишь Кузьмич уверенно топал на своих ластах вперед, ему было все не почем.

– "Как я еще иду"? – В который раз спрашивал себя Сергей. – "Почему я продолжаю двигаться под этим ледяным дождем, хотя по идее должен давно упасть и отключиться от переохлаждения. Воля? Нет тут что-то не то".

И он знал что. Он знал, что они продолжают идти, хотя температура не больше трех градусов выше нуля, потому что

та часть тепла и солнечного света, которая осталась после увиденного, не давала прорваться холоду, как могла грела, защищала. Видно и правда им придется сослужить великую службу, искоренив зло, возникшее более пятисот лет назад.

От мыслей о службе стало еще муторнее. Надо бы благодарить Сивера (А кого же еще?) за помощь, но только хотелось больше ругаться. Ведь что ни говори, а это он заварил всю эту кашу. Им по дурасти, или еще почему, замуровал камень в основании церкви.

– "Хотел видите ли Святость усилить!" – гневно подумал Сергей, содрогаясь – "Да только святость сама по себе сильна, без всех этих языческих побрякушек. Разбил бы камень и дело с концом. Так нет, вмуровал в церковь. А я пятьсот лет спустя родившийся, должен за него расплачиваться!"

Приезжий передернул плечами. Он чувствовал, как омерзительно тоненький ручеек ледяной воды стекает за шиворот:

– "С другой стороны если так подумать, то все эти многочисленные сказания, сказки, легенды не врут. Значит есть что-то потустороннее вокруг, только мы это не видим. Значит имело силу Языческое колдовство. Значит и церковь силу имела, раз смогла на пятьсот лет это колдовство пригасить.

Какой же огромный мир скрыт от наших глаз! Мы слепы как черви, мы не видим дальше своего носа, а все необычное рядом, даже не скрывается. Что еще кроме этого существует

не только в воображении людей?"

Сергей снова содрогнулся и теперь уже не от воды. Прав Лапников. Как вот теперь после такого жить. Как вернуться в Москву, погрузиться в серую обыденность? Даже если он и жив останется после такого. Чем будут казаться рядовые опасности того мира, по сравнению с тем, что он пережил в Черепихово?

Нет ответа. Придется осмыслять самому.

– Мы пришли! – Прошипел Кузьмич и встал как вкопанный.

Сергей поднял голову. Черная туча над головой прошла и теперь дождик снизился до терпимого уровня.

Как только они вступили на территорию прилегающую к Черным прудам с неба упало три мелких снежинки.

Место было мрачным, как впрочем и все остальное теперь в Черепихово. Пруды были едва видны. Так, кромка темной маслянистой воды у берега, остальное скрывал дождь, медленно преходящий в снег. Липкая завеса стояла над всей поверхностью пруда, покрывала его собой и все же тут было не темно. Потому что из глубин пруда лился на поверхность зеленоватый гнилой свет. Свет этот постепенно поднимался из пруда и словно поток ядовитого пара струями распространялся в воздухе. Пахло сыростью и слабый запах разложения витал над этими водами.

А свет все лился и лился, он поднимался гнетущей воронкой над покатым берегом и уходил в небесные дали. Нежи-

вой был свет. Не могло живое существо создать такой свет. Это не яркий пляшущий свет огня. Так светятся гнилушки в трухлявом дереве посреди ночи или человеческие кости на старом кладбище.

– Это здесь. – Произнес тихо Лапников. – Мы в центре.

– В самой середине. – Откликнулся Сергей и уставился в темноту.

Впрочем зеленоватое мертвое сияние вспыхнуло чуть ярче и у кромки воды обрисовался валун. Старый замшелый валун, поверхность которого теперь блестела как глянцевая, а на спекшейся стеклянистой поверхности стоял невзрачный ноздреватый камень, словно слепленный из песчаника. Стоял одинок, чуть скособоچась на одну сторону, но на его с виду темной поверхности полыхал багрово знакомый знак. Да, этот знак проступал в проклятой деревне каждую ночь. Именно

Этот багровый символ рубанул приезжий тогда, в синем домике с совами на крыше. И вот теперь видел он значок на камне. Камне, на котором еще были видны кусочки серого цементного раствора, видно что недавно был замурован.

И стоял этот камень одиноко и люди не видели вокруг не души, Впрочем душ то не должно быть не у одной твари. Стояла мертвая тишина и даже вездесущий дождь притих.

– Камень... – Произнес неуверенно Щербинский. – иди ломай что ли.

Сергей оглянулся на селянина:

– А почему я?

– А почему я? Тебя же Сивер пропустил через кордон.

– Он и Лапникова пропустил.

– Может кинем монету? – Предложил названный журналист. – тогда и решим кто идет.

– Но почему кто-то один? Давайте все сразу подскочим и расколотим об этот самый булыжник.

– Подскочить то подскочим, – сказал зоотехник резко, – да только хвататься будет один. Камень маленький, как следует не ухватишься.

Зеленоватое сияние вспыхнуло ярче и заиграло, переливаясь ленивыми струями, камень теперь был ясно виден. Далеко позади, в деревни раздался слабый вой.

– Так монету? – встрял снова Лапников, по его виду нельзя было сказать, что он очень испуган. Но его собака была похоже на грани истерики.

– У монеты две грани, – заметил Сергей, – а нас трое. По моему вы просто боитесь дотронуться до него.

– Не боимся, – заверил селянин, – охранять тебя кто то должен.

Лапников важно кивнул.

– Черт с вами! Я иду! – Сорвался Сергей. – Трусите больше всех, как только досюда добрались. Счас пойдем втроем, с ружьями. Вы прикрываете с боков, а я хватаю камень и бью его об валун. И делу конец. Пошли?

Лапников снова кивнул, а Щербинский поискал глазами

и вдруг вскрикнул:

– А где Кузьмич?!

Кузьмич исчез. Только что он покорно стоял неподалеку, тоскливо глядя на мутную воду, а теперь его уже не было, словно провалился под землю.

– Он свалил – сказал Лапников – не удержали. Как волка не корми, он все равно в лес смотрит.

– Да нет. – Произнес Щербинский глухо. – Вот он.

– Где?

– А вот, в сапог вцепился.

Селянин стоял внимательно осматривая обувь, а на квадратном носке сапога висела крохотная зеленая змейка, намертво вцепившаяся в ногу. Челюсти она похоже уже разжать не смогла. Да, ее длинное склизкое тельце явно имело что-то общее с Кузьмичом. Змея напрягалась, но силы прокусить толстую кирзу не было.

– Кузьмич, Кузьмич. – Покачал головой селянин. – Обратился таки, и думал убегнуть. Так нет, змеей став так и хочется кого ни будь куснуть.

– Боюсь он не понимает уже, – заметил приезжий, – полностью обратился, выкинь его.

Селянин кивнул. Затем далеко занес ногу и взмахнул. Кузьмич судорожно вцепился в сапог, но его оторвало и зеленая змейка полетела по крутой дуге в сторону пруда. В полете пресмыкающееся извивалось дергалось и наконец бухнулось в темные ничего не отражающие воды пруда.

– Говорят змеи умеют плавать. – Сказал Щербинский.

– Не все. – Произнес горожанин – Пойдем?

Селянин кивнули и они двинулись к кромке пруда, держа ружья на изготовку. Глаза осторожно шарили по темной, без малейшей ряби глади водоема. Они сделали шаг, еще один, и когда до склизкого валуна с камнем оставалось шагов пять из грязной темной воды хлынули змеи.

Десятки змей! Они выползали во множестве из воды и черные их шкуры блестели и капли воды скатывались по чешуйкам. Они извивались, сплетались в жгуты их которых торчали лишь дергающиеся бешено черные кончики хвостов и плоские головы с немигающими сверлящими глазами. А смотрели они только на людей. Пасти их открывались растягивались, тут и там на фоне черной шкуры блестели ослепительно белые острые жала с капельками мутного желтоватого яда на конце. Змеи ползли сплошным потоком, выходя из пруда широким фронтом, и казалось вся вода в нем состоит из змей. Такая же черная. Такая же ядовитая.

Вид множество черных тел, так неудержимо скользящих к цели пугал. Больше того вызывал дикий животный ужас, словно перед надвигающимся прибоем, стихией.

– Змеи!!! – заорал вдруг Лапников, отступая назад, но Щербинский схватил его за руку и притащил назад.

– Стреляй! – Зарычал зоотехник. – Отобьемся!!!

И сам поднял свою двустволку и выпалил дуплетом. Сергей, как сомнамбула стащил с плеча свой дробовик. Глаза

его беспокойно бегали по наползающей массе змей. Сейчас, в этом черном змеином приливе ему виделся тот детский страх пред всем скользким. Страх начавшийся еще в детстве, когда он чуть не наступил на ужа, а затем усилившийся от видения мертвой змеи в аквариуме.

Его дробовик грохнул. И еще раз и еще, а позади захлопало ружье журналиста. Стреляли дробью и мелкие свинцовые шарики за каждый выстрел охватывали метровую в диаметре территорию. А змеи ползли непрерывным потоком и гибли во множестве. За каждый выстрел раздирало, размазывало по влажной земле по три по пять змей, можно было стрелять не целясь, все равно попадешь. А змеи никак не реагировали на выстрелы, они не торопливо, со скоростью идущего человека надвигались черной волной и вне новые и новые полчища выходили из блеклой воды, на которой не оставалось и следа от движения скользких тел.

– На!!! – заорал Лапников и вовремя саданул прикладом по земле, где подползла, прорвавшаяся через ружейный огонь змея.

Лупили в основном во фронтальную зону змеиного наплыва, старались сдержать, не дать прорваться, захлестнуть черной лавиной. Змеи лопались и взрывались и в воздухе стало нечем дышать от порохового дыма и кровавых змеиных ошметков. От этого сочащегося нехотя кровью белесого мяса

Сырую глину у ног стреляющих во множестве усеива-

ли картонные цилиндрики стреляных патронов. Стреляли в разбивку, пока один перезаряжал, двое палили в змей. Не многие пресмыкающиеся смогли прорваться через огневую завесу, но и тех доставали прикладами и давили тяжелыми сапогами. Грохот стоял невероятный. От него закладывало уши, да еще змеи свистели на все лады, да раздавался тяжелый мощный гул где то в черных глубинах пруда.

– Удержимся ли?! – Заорал Серега, давя проскользнувшую змею, наступая ей на черный хребет.

– Удержимся!!! – Закричал в ответ Щербинский. – Они не могут близко подойти.

Это была бойня. И бойня не чета той, что случилась на кордоне. Змеи шли сплошным мощным потоком и принимали смерть и шли новые, и цель у них похоже была одна. Захлестнуть, задавить троих дерзких людей, что осмелились проникнуть в самое сердце творящихся ужасов.

– "Не личная ли гвардия Скользящего"? – Подумалось Сергею мельком. – "Не уж то на главную силу нарвались"?

А черному приливу и правда не видно было конца. Змеи все шил и шли и новые их скопища выползали из воды, вливались в ряды старых, изувеченных и задетых дробью, скользили в крови разодранных собратьев.

– Змеииии!!! – завизжал Лапников окончательно теряя самообладание. Очки сползли у него с носа и ткнулись стеклами в грязь. Ружье у него в руках еще раз выпало и замолчало.

У Сергея уже самого мутилось в голове от грохота и смрада разодранных змей, он пошатывался и дробовик в руках его разогрелся, вот – вот заклинит, как вдруг змеиный поток иссяк.

Остатки змей идеальной линией выползли из воды и были истреблены яростным огнем. Больше из темных глубин никто не полз. В воздухе плавал пороховой дым и слегка размывал струи зеленоватого света. Выглядело все нереально и безумно, особенно это громадное кровавое пятно перед ними, покрытое временами еще шевелящимися обрубками длинных черных тел.

– Это сон... – Пробормотал Сергей тихо. – Это кошмар...

– Кошмар. – Согласился Щербинский. – Хватай камень!!

Нет никого.

Сергей кинул тяжелое ружье в грязь, и оскальзываясь на ошметках змей побежал к камню. Краем глаза заметил, что ни журналист не селянин не стронулись с места, во все глаза наверное смотрят на него.

Подскользнувшись и чуть не упав горожанин подскочил к валуну, застыл в неуверенности. Вот он камень, из-за которого все беды. Лежит, только протяни руку, а на поверхности блистает змеиный знак, проклятие Черепихова. Камень из песчаника, некрепкий, схватить, да сильно садануть об булыжник под ногами. И разлетится знак, оборвется змеиное проклятье...

Сергей развернулся, посмотрел на спутников. Лапников

стоял на месте, махал руками, а Щербинский уверенно направлялся к нему, все же решил помочь.

– Кидай! – Закричал зоотехник приближаясь. – Я прикрою если что.

Сергея кивнул, вновь посмотрел на камень. Что-то напоминают его очертания. Он такой ноздреватый с выступами. Похож больше на клубок, на черный клубок.

Или на скорчившуюся в судорогах змею.

Пальцы не повиновались, рука была красная и распушшая, а на ладони виднелся ожог о горячий металл дробовика.

Сергея кинул взгляд на Щербинского, тот был уже близко, и скрюченными руками вцепился в камень, схватил его, взмахом поднял над головой...

Земля под ним разверзлась.

Опора под ногами исчезла, камень вылетел из парализованных пальцев а он полетел вниз.

– Я ПАДАЙУУУУ!!! – заорал он дико, но горло перехватило и крик захлебнулся.

Он падал. Он несся вниз, в зияющую черноту и одновременно оставался на месте. Он видел как уносятся ввысь деревья, как расширяется пруд. Он летел в пустоте и это было больно.

Он видел Щербинского, он был все еще тут, но Сергей почему-то видел его только по частям, и он словно летел вдоль селянина, мог созерцать проносящиеся мимо необъятно длинные кирзовой ткани сапоги. А лицо осталось там

наверху, изумленно пялилось на Сергея. Рот открылся словно пещера, а воздух по-прежнему несся мимо, и он висел в пустоте. А вокруг все менялось расширялось и сжималось вновь и воздух становился прозрачным.

Это было дико ощущения. Они были страшными, Он не знал что происходит, не знал что делать, он видел лишь землю, что далеко внизу неслась ему на встречу.

Вся невероятная гамма ощущений испытанная при этом выкристаллизовалась в единственную мысль, что возникла уже на подлет к земле.

– Мир становится больше. – Подумал Сергей, а затем был удар и смоляная непроглядная тьма.

Где я? – Возникла мысль.

Логично. – Отозвалось подсознание. – Обычно за таким следует вопрос. – Кто я?

А кто я?

А вот это тебе придется понимать самому.

Я упал?

В некотором роде да, ты упал на дно колодца эволюции.

Что значит этот бред? Мне кажется я где-то лежу.

Лежишь и скоро почувствуешь что на сырой холодной земле.

Пелена вокруг, как хочется пить... почему так темно?

Твои глаза...

Что с моими глазами?!

Твои глаза остались, ты можешь ими подвигать.

Да, чувствую, но почему я не ощущаю рук и ног? У меня странные ощущения.

Тут все понятно. Ты не чувствуешь рук и ног, потому что у тебя их нет.

Как нет?!

Тебе они больше не нужны, ты можешь передвигаться и без них. Ты чувствуешь как?

Да, я понимаю как я могу передвигаться. Я могу ползать.

А еще ты можешь много чего еще. Твои глаза плохо видят, но ты ощущаешь тепло, и чувствуешь как колеблется воздух?

Да, это приятно, наверное я всегда был таким.

Так жить будет легче... Много легче.

Да легче... Но постой. Ведь я же ничего не слышу!!! Я абсолютно глух!!! Как же так!!! Ведь я же был... Человеком!!!

Посмотри на себя. Скоро ты очнешься и поймешь все полностью. А пока посмотри на себя.

Но разве это я? Ведь это тело длинное и покрыто чешуей. Я помню что-то!!!

Тебе придется жить с этим. Постарайся ничего не испортить.

Нет ответа.

Тьма.

9.

И потянулись тоскливые дни в образе змеи. Холодными дождливыми днями Сергей отсиживался под корягами, а ночью выползал на охоту.

Да, теперь он понимал отчаяние в глазах тех змей, что приползали от безысходности к людям, где их и убивали. Он понимал, потому что сам находился в глубочайшем упадке.

Какого чувствовать себя змеей. Какого знать, что ты больше не человек, что ты мал и слаб, тебя могут раздавить и разорвать всякий проходящий, что и делают при любом подходящем случае. Люди ненавидят змей, они стараются уничтожить всякую им попавшуюся. Но как тяжело сознавать, что ты находишься в шкуре существа которого больше всего ненавидишь!

Сергей не любил и боялся змей. Тем он был змеей сам. Это было садисткой шуткой провидения, превратить его тело в змеиное, но оставить человеческий рассудок. Чтобы он мог рассуждать.

Да это было самое страшное. Думы. Он неумело извиваясь ползал среди древесных корней и чувствовал как острые сучки больно впиваются в мягкое, незащищенное брюхо. У него не было ног, чтобы оттолкнуться и побежать, он вынужден ползти в сем телом ощущать неровности почвы.

Говорят рожденный ползать, летать не может. Но простой

шаг по сравнению с ползком выглядит как полет. Как быстрый полет. Ты можешь бежать, можешь прыгать, чуть ли не можешь взлететь. А в змеином теле можно только ползать. Тихо скользить между дремучими травами.

Да, мысли было самое страшное в его времяпровождении. Сергей забивался под трухлявую корягу в глубине леса, скручивался в кольцо и мучительно думал, глядя открытыми глазами в темноту снаружи.

Все их усилия оказались напрасными, особенно тяжело было понимать это. Он даже не знал, что сейчас случилось с его спутниками, но хуже всего было то, что камень остался на месте, а значит шабаш продолжается, он набирает силу, и уже неизвестно есть ли сейчас кто живой в деревне.

Он проиграл. Хуже того, он не оправдал надежды ратника Сивера, сломался под воздействием темных сил. Но кто же мог подумать, что змеиное проклятие коснется и его. Он предполагал такую возможность, но как-то не обращал внимание, не раздумывал.

Да, он сидел теперь под корягой и думал как в деревне погибают люди. А ведь и сам Урунгул остался цел, он ото дня на день обретает плоть и скоро уже невозможно будет спасти деревню совсем.

Больше всего бесила своя никчемность. Он не мог закрыть глаза. Не мог говорить, ничего не слышал, а его человеческая сущность билась и металась внутри клетки змеиного тела. Тяжело быть змеей.

Особенно тоска накатывала по утрам. С трудом он различал пробивающуюся сквозь тучи зарю и когда неясный полумрак дня падал на проклятое село мучительно подсчитывал, сколько еще могло остаться людей, там в селе. А ведь не так давно он сам сказал что они протянут но дольше месяца. Сколько прошло времени? Он не знал, он давно потерял счет дням.

И вот когда слабый сумрак пробивался сквозь густую опадающую крону бора, он выползал на холм и смотрел на лежащую внизу гибнущую деревню. И он плакал если бы мог – некрупная серая змейка тоскливо смотрящая вдаль.

Но плакать он не мог, а потому лишь бился об землю, скручивался и издавал горестный тягучий свист, напоминающий тонкую флейту.

Да, тяжело быть змеей, помимо дум его терзали и потеря человеческого тела. Он не мог закрыть глаза и в результате в первые ночи почти не спал, а лишь пялился темноту и слал неслышные проклятия верховному змею. Он не мог протянуть руку и взять какой либо предмет. Как себя может чувствовать человек, лишенный одновременно и рук и ног. А еще ведь он был почти слеп и абсолютно глух.

Мир лишенный звуков казался абсолютно нереальным, да и вообще все это казалось дурным страшным сном.

В плане физических страданий самыми страшными оказались первые дни. А начались они, когда он впервые очнулся между корней старого дуба, очень далеко в глубине Че-

репиховского леса. Сергей не знал, как он туда попал, и как проделал многокилометровый путь он прудов и от злополучного камня. Даже ползать Серега научился не сразу, поначалу лишь елозил на месте, загребал яростно рыхлую лесную почву, дергал хвостом. Затем дело пошло на лад, он научился приподнимать голову и выдвигать ядовитый зуб, что делал правда крайне редко, боясь прокусить себе челюсть.

Язык теперь был бесполезен, он был длинен, развоем и как следует, небо им ощупать не удавалось, но зато им можно было прекрасно измерять температуру.

С температурой тоже были проблемы. Так как новое змеиное тело было холоднокровным, то оно совершенно не ощущало холода. С одной стороны это было хорошо, но с другой при достаточно сильном холоде он начинал впадать в забытие и боялся каждый раз, что от него уже не очнется. Стоит только как следует похолодать и он уснет, а затем превратится в смерзшийся кусочек льда.

Вид собственного тела, пусть и змеиного в скукоженном смерзшемся виде казался Сергею еще гаже, чем тот змеиный труп в аквариуме. И еще раздражала необходимость раздвигать ломкую траву головой. Иногда стебли срывались и больно стегали прямо по глазам, и каждый раз Сергей пытался сощуриться, но не мог и получал полновесный удар по сросшемуся веку.

Спать он в конце концов научился. Он просто находил себе трухлявую корягу, заползал под нее и зарывал треуголь-

ную голову в кучу прелых листьев, пока они не покрывали глаза так плотно, что создавался эффект закрытых век. Только тогда сонный рефлекс включался и он забывался. Забывался тревожным сном до нового мучительного пробуждения.

Отдельный разговор о снах. Сны у Сергея подразделялись в основном на кошмары и сны сладкие воспоминания о бытии человеком. Первые раз за разом повторяли мучительную болезненную метаморфозу в змею, а во-вторых он снова был человеком, он бежал раскинул существующие руки, а сверху на него глядело ослепительное синее Июльское небо, а жаркое летнее солнце грело сверху и оставляло сиреневые пятна в глазах, если посмотреть на него в упор.

Были сны и принадлежащие змеиной его половине. Те были лишены звука, и там он скользил, скользил напал на мутные снующие тени, кусал. А еще ему виделись города. Огромные жаркие мегаполисы с тысячами людей, спешащими по своим делам, автомобили, снующие по эстакадам. Даже запах выхлопных газов больше не казался ему отвратительным. В таких снах он был счастлив.

Но настало утро и снова начиналось это бесконечное скольжение, снова он мучительно стонал о потерянных конечностях, о невозможности схватить, сжать в пальцах, о этом беззвучном тихом холодном мире. Правда теперь он чувствовал колебания воздуха и это было странное ощущение. Воздух казался ему туго натянутым покрывалось из

плотной материи, который стоит лишь задеть и по нему побегут волны, будут стучать о улавливающий орган – третий глаз. Но это все-таки слабо заменяло потерю слуха.

Особый разговор был о еде. Впервые, что-то похожее на голод он почувствовал на второй день после обращения. Он не находил себе места, ползал яростно по маленькой лесной прогалине. Пробовал глотать травы, но не смог даже как следует ухватить стебель. На третий день есть захотелось так сильно, что он скрипя сердцем вышел на охоту.

Он почти не помнил, что едят змеи. Может быть маленьких лесных зверьков? Или вообще червей. Кажется змеи даже едят собственных детенышей вылупившихся из яиц.

Яйца! Промелькнула в затуманенной плоской Серегиной голове. Он должен найти птичьи яйца и выпить их, пробив скорлупу. Да, пробиваешь скорлупу, а оттуда медленно вытекает питательный прозрачный белок и солоноватый кругляш желтка.

Мысль о желтке тут же вызвала картину яичницы глазуньи не спеша поджаривающейся на сковороде. Вот добавляют белого масла только что из холодильника и оно восхитительно шипит, распространяя вокруг восхитительный запах, говорящий о близкой трапезе. А потом обильно солишь и кусочком черного хлеба собираешь собравшийся в комочек желток!

От этих дум у Сергея обильно хлынула слюна, но губ у него нее было и она беспрепятственно лилась изо рта, соби-

раясь на земле омерзительной лужицей. Сергей хотел плюнуть, но смог только выкинуть наружу язык, а затем он пустился на поиски яиц.

Причем вдохновлялся именно видение поджариваемой яичнице, не желая признать, что его ждет холодный склизистый белок в грязной скорлупе.

Увы, на дворе по-прежнему стоял июль, хотя и обратился в пределах деревни в октябрь и птичьих яиц на земле не оказалось. Возможно они и были на деревьях, но он не мог туда вползти, хотя пытался, но упал и больно расшибся.

Возможно он так бы и умер с голода, но во время бесплодных поисков пищи в траве пред ним неожиданно выметнулся маленький полевой мышонок. Вернее это для нас он показался бы маленьким, а для Сергея он был с добрую свинью. Огромная серая туша с глазками в которых ни капли разума.

Будь бывший горожанин менее голодным, то упустил бы и этот подарок судьбы, но в тот момент его змеиные рефлексы возобладали над человеческими и он в мощном прыжке вцепился в покрытый серым шерстью – ворсом бок.

Тут же отплюнул и если бы змею могло рвать то его бы стошнило, а так он только брезгливо и корчась в душе мог наблюдать за укушенной мышью.

Та прыгнула прочь, споткнулась, прыгнула снова, но лапы заплелись и она навернулась серой удлинённой мордочкой в сыроватую землю.

– "Убил"!!! – Подумал Сергей дико. – "Отравил".

От этого заключения стало страшно, даже страшнее чем от невозможности закрыть глаза. У него был яд и он мог им отравить, трудно такое представить человеку у которого всегда было аж тридцать два неядовитых зуба.

Подполз и замер в нерешительности над трупом полевки. Вблизи мертвое тело казалось сильно отвратительным, особенно мерзким выглядел голый хвост, покрытый крохотными чешуйками, гадостно напоминающий его собственный.

Сергей вспомнил, как пугался первые дни видя свой хвост, и ему казалось что к нему заползла змея, большая змея с немигающим взглядом и человеческий инстинкт требовал убраться от этого хвоста как можно быстрее, но хвост тащился за ним и в конце концов Сергей вспоминал кто он есть на самом деле.

Мышь лежала пред ним бездыханная, с кровавой тонкой раной в боку, края которой уже почернели от лошадиной дозы Сергеева яда. И эта мышь выглядела омерзительно, и ее надо было как то есть. Потом он вспомнил как. И содрогнулся. Ну не мог он заставить себя распахнуть пасть пошире облапить мышиную голову.

– "Господи"! – Плакал он про себя. – "Да что ж это такое. Но как я могу проглотить ее целиком. Я жевал всегда, я не могу..."

А мышь лежала, а голод терзал внутренности все сильнее. Серега испустил отчаянный свиристящий писк, хотел бы зажмурить глаз но не мог и уставился в небо, а затем на

ощупь заставил себя скрыть рот и вцепился в длинную покрытую колючим серым ворсом морду. Тут же выплюнул. Мышинные усы отвратительно прошлись по небу и под распахнувшейся пастью ощутились мелкие твердые зубы грызуна.

Сереге беззвучно заплакал от бессилия. Вот она лежи пред ним, его добыча. Съешь ее и снова будешь сыт, полон сил, а он не может даже заставить себя ее проглотить. Сереге качал головой из стороны в сторону, а с земли на него пялился открывшийся мертвый глаз грызуна.

В конце концов но заставил себя ее проглотить. Но только около получаса позже. Вцепился в морду и начал заглатывать, с отвращением чувствуя, как раздувается горло и мерзкие грубые усы мыши елозят по нежному пищеводу. Давился но глотал, а глаза его смотрели в серое унылое небо. Наконец мышь ушла почти вся лишь только хвост болтался снаружи и вид его был так омерзителен, что Сереге выдвинул ядовитый зуб и перекусил хвост одним движением челюстей.

Как же ему недоставало обычных зубов!

После этого его еще некоторое время преследовало ощущение собственной безумной раздутости, а шкура на брюхе натянулась так сильно, что вот – вот прорвется и его разорвет пополам, а полупереваренная мышь вырвется таки на свободу.

Он еще некоторое время поразмышлял над этим, а затем неожиданно заснул прямо в траве, при свете дня, так и не

закрывая глаз. Впрочем он знал, что змее для насыщения требуется полнейший покой.

Это был единственный день, когда он не бережил душу размышлениями о кинутой деревне, не видел кошмаров. Мысли текли лениво и он вроде пал, а вроде и не спал и все было ему безучастно и ничего не колыхало его измученный разум.

– "Полный ступор" – сказал Сергей про себя – "Полнейший..."

Вот так он насытился в первый раз и целых полтора дня после этого пребывал в сонном блаженстве. А на третий день все началось сначала.

Были в лесу и всякие опасности. Один раз Сергей очнулся от мощного сотрясения воздуха, которое он ощутил как крепкий удар в переносицу, так велико было колебание. В изумлении вскинул голову и узрел исполинское темное, по-карябанное копыто, мощно опустившееся всего в десяти сантиметрах от него. Копыто переходило в исполинский, покрытый толстенным ворсом столб, являвшийся видимо ногой, а тот в свою очередь вращался в теряющееся в высоте брюхо.

Копыто с бесшумным грохотом опустилось и поднялось снова, увлекая за собой пласты черной лесной земли. Стукнуло и исчезло и коричневая туша больше не загоразивала небо.

Сергей шатнулся и его сметенный разум пытался найти название прошедшей мимо махине. Затем он понял.

– "Лось" ... – Подумал он. – "Обычный лось"!

Внутри он весь исходил истерически смехом, но снаружи было видно лишь маленькую змейку бесстрастно смотрящая в пространство.

Ступи копыто чуть ближе и только бы хрустнул длинный хребет, разлетелись непрочный тонике ребра, а он даже и не заметил бы.

Страшно жить в лесу. Страшно быть таким маленьким, страшно подумать, что тебя, человека могут раздавить посреди темного леса, откуда до ближайшего населенного пункта пять километров, да и то этот пункт с каждым днем теряет свое население.

– "Сколько вас тут мои собратья"? – Думал Сергей сидя, на старом пне и глядя вглубь осыпающегося леса. – "Сколько вас таких, обратившихся в змей. Мучающихся от безысходности, стенающих о потере друзей, дома, семьи. О потере человечности в конце концов! Ибо трудно оставаться человеком в личине змеи".

А еще он думал о том, когда же он услышит наконец зов Снорунга, змеиного бога, ведь все пораженные змеиным проклятием должны слышать у себя его голос. Но голос молчал, и не было слышно вообще ничего, мир был беззвучен. И Серега с ужасом чувствовал, что начинает забывать простую человеческую речь

– "Я Сергей! Я Человек"! – Говорил он себе разлегшись в темноте старого поваленного дерева. – "Я мог ходить. У ме-

ня был автомобиль. Большой, хороший, только вот не помню марки, я даже умел на нем ездить. Я левой рукой держал руль, а правой включал передачу. Вот так, брал рычаг и сжимал пальцы. Как хорошо иметь пальцы".

Он вспомнил свои руки. Самое худшее было то. Что вместе с речью он все чаще забывал, как выглядел до превращения, видно, что маленький мозг змеи не мог удержать столько воспоминаний сразу и пасовал, потихоньку теряя их одно за другим. Сергей боялся, что ему грозит полнейшая амнезия после которой он самой обыкновенной змеей, каких теперь пруд пруди в этих местах. Это страшно и будущее рисовалось ему в черных красках. В красках нависшего угрюмого неба, которое не менялось ни днем ни ночью.

Да, это было жалкое существование, и большую часть темного дня он проводил в неизменном депрессивном ступоре, лежа в тяжелых думах на траве. Всякий кто увидел бы его сейчас, неизменно бы сказал: Всякая так лежащая змея живой быть не может.

Одни раз во время такой лежки он чуть не погиб. Как всегда безвольно вытянувшись лежал среди могучих стволов, какой теперь казалась ему трава, как неожиданно его чешуйчатый хвост отозвался резкой острой болью, словно туга загнули раскаленный металлический шип.

Сергей яростно дернулся, отпрыгнул в бок, а просыпающиеся мозги яростно пытались понять, что происходит. Впрочем он тут же понял, потому что исполинские рыжие

челюсти дробно кляцнули пред самым его треугольным носом. Секунду Сергей смотрел на стоявшее пред ним чудовище, чудовищных размеров зверь (Впрочем для него теперь все были огромными), вытянутая морда покрытая ослепительно красным мехом, торчащие уши с черными кончиками и два круглых желтых глаза, горящих жаждой убийства.

Лиса – вот кто это был, но даже маленькая лесная лисичка была для Сереги смертельным врагом, а он помнил, что лисы в поисках пищи иногда ловят и успешно убивают змей. И эта явно решила не отставать. С потрясающей для такой махины скоростью лиса кинулась на бывшего человека, распахнула пасть, а оранжевые глаза светились подобно двух яростным солнцам.

Сергей кинулся под челюсти и как можно быстрее скользнул между лапами, мельком подумав о судьбе своего хвоста. Не откусила ли? Впрочем какая разница! Тут бы живым уйти.

Лису подобный маневр шокировал, она заметалась закрутила рыжей башкой в поисках добычи, а Сергей уже изо всех сил уматывал прочь. Ин извивался изо всех сил, но ползал он еще плохо и двигался как быстро идущий человек, несмотря на то, что ребра уже болели, а каждый острый сучок и камешек норовил распороть брюхо.

Лиса прыгнула. Быстро, изящно, она совсем не напрягалась загоняя эту добычу, и сразу оказалось перед улепетывающей Серегой. Сделала выпал челюстями и перевертень

диком изогнулся уходя от клыков чуть ли не завязываясь в узел. Снова ожгло болью бок, это зверюга задела когтистой лапой. Отбросила в сторону. А при падении приезжий едва не поломал себе хребет.

– "АААААААААА" – орал он улепетывая – но пасть лишь широко раскрывалась и выдавала полузадушенные хрипы.

Лисица снова прыгнула и опять обошла его спереди, пасть широко раскрыта а с розового языка летят водянистые капли слюны. Бросилась на него и тут Сергей с потрясающей скоростью отпрыгнул в едином порыве стал подниматься на ствол ближнего дерева. И как сумел зацепиться незнакомым змеиным телом? Видимо было явление того же порядка что проявляется в людях лишь в экстренных случаях. Из тех, когда люди прыгаю на двухметровую высоту спасаясь от медведя или тащат тяжеленный сундук, который не под силу поднять четверым.

Так или иначе с помутненным от страха разумом он сумел взползти на высоту около метра по совершенно гладкому стволу а потом сорвался и обрушился на гладкую рыжую спину сплывающей вниз лисицы. Упал и тут же рефлекторно вцепился челюстями, на всю длину вогнав ядовитый зуб.

Лиса взвизгнула, издала омерзительной вою и Сергей полетел с ее спины мощным толчком прямо в густые заросли дикого боярышника. Упас и сильно рассек чешуйчатую спину. В глазах двоилось и зрение периодически отключалось,

словно испорченный экран телевизора.

Но он видел, что вогнал в противника огромную дозу яда. Лиса поначалу металась, искала его, а затем вдруг остановилась, мотнула головой и дезориентировано закружилась между деревьями. Затем ее ударило об ствол, повело в сторону, но тут рыжие лапы подкосились и зверь рухнул массивной грудой яркого меха. Глаза вылезали из орбит, пасть бессильно распахнулась, лапа пару раз скребанула землю и затихла.

Сергей бессильно лежал в кустарнике. Его разрывали множественные ощущения. Ему было страшно, больно, он плохо видел, он радовался что победил врага, он пытался убедить себя, что больше ничего не угрожает. И одновременно ему была жалко лису, этого красивого лесного зверя, с таким пышным хвостом с белой кисточкой и яркими круглыми глазами. Он убил такую красоту, хотя и знал, что это хищник, и их убивают люди, при возможности. Но ему все равно было жаль, что оборвал жизнь такой красивой пушистой лисы.

– "Прости" – подумал он – "Ты как и я не можешь придти к людям. Мы оба наподобие отверженных. Но у тебя есть четыре лапы и челюсти полные великолепных зубов. Тебе легче, ведь у меня нет даже и этого."

Посидев немного рядом с телом лисы Сергей заструился в кустарник, ему еще надо было разобраться с ранами.

Однако с этого случая он стал осторожнее.

Некоторое время спустя жажда человеческого общения допекла его так сильно, что он рискнул отправиться в деревню. Полз, не думая не о чем, в том числе и о том, что в деревне его пришибут, как только увидят. У Сергея была слабая надежда найти дом Щербинского. Быть может он узнает Сергея и постарается как то помочь. Да, Серега не мог говорить, но если надо, то все таки смог бы объясниться.

Только вот он не знал, что произошло с его спутниками после того как он схватил камень. Быть может сам Сергей их и укусил после этого. В памяти был полнейший провал, а навестить пруды он не решался.

Впервые за долгие дни он спустился с холма, невредимым прополз через кордон и осторожно заструился на обочине грунтовой деревенской дороги. Отсюда было видно, что на фонарных столбах висят остовы змей, когда-то бывших людьми. Остовы эти уже порядком сгнили и тут и там в сморщенных шкурах белели кончики ребер. Новых нее прибавилось, значит либо змеи уже не посещают деревню, либо людей тут не осталось.

Мимо пронеслась стайка чешуйчатых трехглазых волков. Серега поспешно шарахнулся ближе к домам, но волки не обращая внимания пронеслись мимо. Их лапы тихо шлепали по лужам в непрерывном ритме.

По сторонам просторной дороги чернели дома без единого пятнышка света, значит нежилые, хотя некоторые как он помнил раньше светились светом керосиновых ламп. Куда

делись их жильцы? В лес, понятно, как и Серега они теперь в змеином теле скользят где-то в чаще, пытаются выжить. А кто-то может уже и впал в холодную спячку.

Скользилось тяжело, апатично, донимал холод, лишавший подвижности, и Сергей полз почти не глядя перед собой. Продолжался ли вокруг шабаш он не мог сказать, так как монстров не было видно, а воплей он слышать не мог. Что ж, в образе змеи тут было гораздо безопасней.

Непонятно как он снова очутился на площади, у маленького синего домика с совами на крыше. Некоторое время тупо смотрел, припоминая, где его видел. Затем понял и заметил стоящую рядом машину. Его машину, которая стояла здесь с момента их перехода в дом Щербинского. У автомобиля не было колес. Резина была снята или попросту обгрызена и машина уныло опиралась на четыре ржавых испачканных глиной диска. Зрелище было жалкое, как впрочем и зрелище самого Сергея.

Приезжий некоторое время смотрел на свой автомобиль вспоминая поездку в это проклятое место. Затем вздохнул в меру сил и по бывшему колесу вскарабкался на капот. Устроился поудобней на гладкой синей краске и свернувшись в клубок тоскливо положил голову по направлению к площади.

Машина, предмет человеческой цивилизации, путь в которую для него закрыт. Как же не хватает простого чистого неба над головой! Колпак, это что. Вся эта деревня под чер-

ным непрозрачным колпаком.

На его глазах морозящих дождь перешел в мелкий снежок, что искрился и подпрыгивал в ледяном воздухе. Вспыхивал временами в свете зарниц и снова становился однородной серой массой сыплющейся с небес.

Сергей лежал, холод и апатия захватили его и он уже больше ничего не желал а хотел только вот так лежать на капоте своей машине и вспоминать теплые дни. Дни когда еще не начался этот ад. Хотелось бы еще закрыть глаза, но он не мог и потому уныло смотрел, как снег заметает площадь. Вечерело и скоро темный день прейдет в совсем темную ночь. Забыться бы.

Неожиданно он заметил, что от площади к нему идут двое. Во тьме с трудом угадывались силуэты, да и змеиное зрение было слишком слабо, но четко были видны ружья. Нечисть с ружьями не ходит. Люди шли целенаправленно, направляясь к автомобилю с какой то неясной целью, но когда подошли ближе разом стали как вкопанные, заметив Сергея.

Приезжий не пошевелился, он просто смотрел на них и ему было все равно, что будет дальше. Этих селян он не знал, видно раньше не сталкивались. Не пошевелился он и тогда, когда первый, широко распахнув рот от удивления резво сорвал ружье и прицелился, но второй не дал, он резко стукнул по ружью сверху и тот не успел нажать на курок.

Второй ружье не поднимал, вместо этого он подошел бли-

же к капоту и бесстрашно наклонился. Затем что-то сказал. Что было не ясно, потому что Сергей не слышал. Но губы повторяли одно и то же слово и в конце концов приезжий понял:

– Ты человек? – был вопрос.

Сергей нехотя оторвал голову от железа. Осторожно кивнул. Как бы не расценили как попытку нападения с его стороны. Второй поманил первого и теперь они оба наклонились над ним.

– Понимаешь меня? – спросил все тот же.

Серега снова кивнул, и подполз чуть ближе теперь внимательно глядя в лицо пришельца.

– Понимаешь меня, да? – повторил снова селянин. – Затем не отворачиваясь сказал явно первому:

– Смотри, озмеился а разум не потерял. Возьмем его?

Второй сурово глянул на Сергея, пощупал ружье:

– Может нечисть такая понятливая. Кивает. А как возьмешь его в дом, все перекусает.

– Да нет же! Человек он, страдает тяжело вот и пришел.

Серега отчаянно закивал, жизнь потихоньку возвращались в его змеиное тело. Он прополз кругом по капоту и снова смотрел на людей. Не боятся ведь ходят среди шабаша, да еще и в Сергее человека признали. Значит все таки еще остались люди в Черепихово.

– Да возьмем! – настаивал второй. – Слышь, ты змея, обещаешь что не на кого не покусишься.

Сергея снова закивал. Он подумал, что со стороны это выглядит довольно потешно, кивающая змея.

– Видишь? Он не будет мешать, в душе он наверное еще человек.

– Нуу... – сказал первый, вдруг резко развернулся и выпалили из ружья вот тьму.

Выстрела слышно не было, но воздушная волна больно сотрясла чувствительные ячейки третьего глаза. Селянин наверное попал, потому что заухмылялся, и обернувшись сказал:

– Ладно бери, только быстро, а то уходить пора.

– Ну залезай. – Произнес второй тоже улыбаясь и протягивая Сергею потертую меховую кепку, чтобы было легче нести. Серега рванулся к кепке но в этот момент добрый селянин с резким хлопком в воздухе обратился в змею.

Приезжий испуганно отпрянул, а первый человек широко открыл глаза, похоже что-то заорал, потом вскинул ружье и выпалили в нечто на земле. Выше капота взлетели кровавые ошметки, кусок чешуйчатой шкуры грохнулся на капот, пронесся перед самым Серегиным носом.

Сергей прыгнул с капота на землю. Позади него селянин уже яростно перезаряжал ружье для нового выстрела, теперь уже явно в него. Лицо его было яростно перекошено, а руки достающие патрон, дрожали.

Бывший горожанин ринулся прочь в траву, теперь он хотел как можно скорее добраться до леса. На душе было горь-

ко, но он знал, что на людей рассчитывать не приходится. Как знать, не может ли такое случиться, что эти двое последние жители проклятого села.

Перед глазами стоял ободранный кровавый кусок шкуры. Почему-то гибель под выстрелом змеи ужасала Серегу больше, чем осознание, что эта змея только что была человеком.

– "Ты становишься змеей, вот почему" – сказал он себе и тоска навалилась с новой силой.

Впереди уже качались деревья бора. Больше он вылазок в Черепихово не предпринимал. Лишь как всегда выбирался к вечеру на пригорок и смотрел на раскинувшуюся внизу деревню под черным куполом. А сверху падал колючий снег.

Минуло довольно много времени голодного животного существования и Серега уже по утрам не мог вспомнить собственное имя. Лишь к полудню на поверхность пробивались из подсознания туманные воспоминания о людской жизни. Поначалу это пугало, но затем мышление у него ослабло настолько, что амнезия совершенно перестала волновать. Его змеиная сущность стала все чаще брать верх.

Теперь к вечеру он не мог вспомнить что делал днем и приползал на пригорок только по привычке и не мог понять зачем это делает. Периодически он обнаруживал себя в совершенно незнакомых местах, а как туда попал понять не мог. Одно хорошо. С потерей памяти престали мучить тягостные воспоминания о поражении.

И в один ненастный и непогожий как всегда день он

неожиданно обнаружил себя сидящим на берегу Черного пруда и пристально вглядывающимся в проклятый камень как не бывало опирающийся на булыжник.

Что привело его змеиную натуру в это совсем неподходящее для пресмыкающегося место? Или это прорвался таки зов Снорунга, мерзопакостного языческого бога племен Финно – Угорской группы?

Хотя нет, не слышно ничего, а ведь зов должен быть слышен, как был он слышен плененному Кузьмичу.

Минуту посидел глядя на камень, на тяжелые воды пруда, а затем подполз к камню, приподнялся и ударился со всей силы об землю. Аж дух захватило. Вспыхнуло, мир перевернулся два раза в глазах, а затем он вскочил на четыре конечности подпрыгнул метра на полтора от щенячьей радости.

Он стал волком. Некрупным, но мощным и быстрым, с густым теплым, серым мехом. Он слышал, чувствовал запахи, и ощущал голод. Скосил оранжевый глаз на камень, хрипло взвыл и кинулся в лес.

С этого момента начался второй этап Серегиного вынужденного отшельничества в лесу. Легконогим волком мчался он по лесу, охотился, выслеживал быструю добычу, всяческих зайцев, мышей, а если повезет и косулю. Заваливал ее съедал. Насытившись мчался к камню, там бился об землю и вскакивал черным вороном. Взмывал тяжело в черное небо, кружился там, почти неотличимый от облаков, возвращался, и огромным лосем рвался сквозь лес, трубил.

Он поменял личины десятков животных, был и белкой с пушистой оранжевой шкуркой, был и здоровым зайцем русаком и лупил передними лапами об старый пенёк, был лисой, барсуком мышкой полевкой и огромной белой совой. Жизнь была вольная. Он мог бегать, летать, ползать, он слышал, чувствовал запах, а огромными совиными глазами различал зайца за полкилометра. Яркая была жизнь, да вот только та искра разума, что оставалась в нём, все быстрее и быстрее гасла.

Стремительно неся ловкое серое тело на четырех мощных лапах он уже не помнил, кто он есть, не знал своего имени, не помнил совсем людей. И уже не терзала его совесть, за брошенное село, не хотел он вернуться, а как истинный зверь жил настоящим моментом, не имея не прошлого не будущего.

В какой то из таких звериных дней он наконец услышал зов. Услышать то услышал, но что это такое осознать и обдумать уже не мог, поэтому он поступил на уровне заложенных в него рефлексов, а именно помчался на призыв.

В волчьем облике он мчался сквозь лес. Продирался через жесткий кустарник, и ледяная крупа оседала на его теплую шерсть. А зов звучал все громче все мощнее, он уже захватывал лесного зверя, когда носившее человеческое имя Сергей все больше, целиком и без остатка.

"Сюда!" – звал зов. – "Все кто плавает, летает бегаёт и ползает! Все сюда, на берег пруда, там где вода делит вечно гра-

ницу с землею!" Такой был зов, только грубее и безусловный на уровне прямой мысленной передачи. Волк Сергей мчался вперед, а в его маленьком зверином мозгу, под толстой черепной костью горело желание добраться до пруда скорей и подчиниться высшей призывающей воле.

По пути он замечал, хотя и не обращал внимания, что лес со всех сторон от него заполнен зверьем. То были совершенно разные звери, но все они мчались бок о бок, продираясь через жесткий кустарник, но при этом совершенно не чувствуя боли. Вражда была забыта. Волк мчался рядом с зайцем, лисой, даже мелких мышей Серега замечал краем глаза. И те ползли по мере сил, направляясь к Черным прудам.

Лес содрогался от грохота копыт, клацанья когтей, сиплого звериного дыхания. А звери неслись огромной массой, и все больше и больше их стекалось в один сокрушающий вал. Казалось сюда собрались все звери бескрайнего Черепиховского леса. Знающий человек бы сказал, что такое звериное столпотворение произошло из-за того, что где-то в лесу возник пожар. Но он бы ошибся. Все звери бежали по своей воле. Или почти по своей.

Впрочем было еще обстоятельство, о котором сторонний наблюдатель не за что не догадался.

Все бегущие валом звери когда-то были людьми. Собственно, в этой дикой скачке по лесу собралось снова все бывшее население деревни Черепихово. И бежали рядом отцы и дети, сестры и братья не узнавая и не помня друг друга.

Не знал про это и Сергей, он вообще не обращал на них внимание и сосредоточился на то, как можно быстрее достичь пруда.

Пока он мчался с неба снова повалил снег. Снег был большой и пушистый, не чета прежнему. Он валился с небес огромными мягкими хлопьями, оседал на ветвях деревьев и на спинах бегущих зверей. Дальние зарницы отражались на падающем в неба пухе, и снег красиво поблескивал. Он устилал сырую черную землю и намертво прилипал к ней и не думая таять. Вокруг становилось все больше и больше белого, черные проплешины земли заметало, и они исчезали.

Когда снегопад скрыл от взгляда все дальние деревья, то бегущие звери оказались под огромным посверкивающим пологом, что колыхался и шелестел и мягко кружился в холодном воздухе. Это было красиво, но нынешний Серегин мозг красоту ценить не умел. Но зато он оценил еще одно преимущество Августовского снегопада.

От снега стало светлее. Слабенький свет, что еле рассеивал ранее полумрак, теперь многократно отражался и преломлялся в пушистых снежинках и вот уже ночной – дневной лес был залит беловатым холодным сиянием в котором кружились в постоянном танце маленькие и большие кристаллики снега. Одна снежинка опустилась прямо на нос Сергею и он слизнул ее, мимолетно порадовавшись вкусу воды на языке. На него снег тут же оседал, но таял от тепла тела и шерсть у него было мокрая, и висела клочьями.

А снег валился все гуще и гуще, это был настоящий летний ливень в снежном исполнении. Казалось весь мир вокруг сдвинулся и полетел в едином безмолвном кружении. На глазах ветви деревьев повисали под тяжестью снеговых масс а на земле моментом наметались полуметровые сугробы, в которых некоторые звери начали вязнуть.

Был бы Сергей человеком, он бы наверняка залюбовался этой бешеной скачке сквозь снег, когда оскаленные звери единым потоком прорываются через белый буран, а снег оседает на них. Блестит кое-где водяными каплями. Но Серега рвался к пруду, и не обращал внимания на то, как больно колют льдинки нежные подушечки волчих лап.

Неопределенное время он мчался в потоке таких же зверей, а потом неожиданно вылетел на поляну, которая расстилась по берегу о Черепиховского пруда.

Здесь было еще более странно, чем раньше. Зеленоватый свет по-прежнему лился незамерзающей воды, но теперь он преломлялся со снежным белым сиянием, бросал страшные блики на белую землю и сверкал временами совершенно разными цветами спектра. Эти разноцветные праздничные блики, совершенно не вязались с полоской угрюмого черного леса неподалеку и с мрачным бесснежным же валуном на котором неподвижно и смирно стоял проклятый камень.

Глядя на него Сергей ощутил как шерсть поднимется на загривке дыбом, а из пасти лезет хриплое, звериное рычание. Что-то ему не нравилось в камне, а что он уже не помнил и

не знал. Однако по сторонам у зверья периодически наблюдалась такая же реакция.

Звери мчались к воде. Некоторые резко останавливались на кромке, другие не успевали, их несло и они бухались в ледяную черную воду, тут же уходя с головой. Зеленые блики прыгали по оскаленным в воплях мордах, диких глазах.

Сергея самого чуть не затоптал исполинских размеров лось, что окончательно одурел от призыва и мчался вперед как танк, давя и отбрасывая случайно попавших под копыта зверей.

Сергея подскочил к кромке воды и остановился в недоумении. Зов тянул в воду. Ему надо туда в ледяную темень, но его волчья натура противилась и не могла понять. И считала это лишь не слишком легким способом самоубийства.

Приезжий крутился волчком на кромке воды, бросал по сторонам диковатые взгляды, рычал и пена брызгала на злополучные валун.

Рефлексы и зов некоторое время боролись, затем нашли компромисс и Серега ударившись с размаху о землю обратился в большую серебристую рыбу. Секунда и он уже нырнул в показавшуюся совсем не холодной воду.

Он плыл вниз, он чувствовал как вода обтекает его, ощущал биение воды боковой линией и совсем не обдумывал органы чувств рыб, он плыл вниз и ему уже казалось, что так будет всегда. А влек его теперь свет, Он шел из самой глубины пруда, с его древнего дна, на котором лежит толстый слой

окаменевшего ила и кости множества мертвых рыб. Там, на дне находится то, что так влечет его последние часы.

Там находится хозяин.

Черепиховский пруд был глубок, по крайней мере Сергей минут пятнадцать скользил серой тенью в глубину, миновал стайки таких же рыб, обломок чего-то железного, грязные и растрепанные пучки водорослей.

А свет становился все ярче, он становился просто ослепительным, но мутная черная вода пока не давала возможность увидеть его источник. Сергей быстро плыл вниз, а гнилой мертвый свет играл на радужке его рыбьего зрачка и иногда вспыхивал на чешуях.

Вот так живущий работающий в Москве человек Сергей, оказался вдруг в самой глубине грязного пруда в образе озерного карася. Это было безумно и будь у него сознание человека, то он бы неминуемо свихнулся пытаясь осмыслить это, но видно так было и задумано в плане Змеиной напасти, что люди постепенно теряли свои человеческие качества.

Он миновал еще несколько метров вглубь и вдруг остановился. Завис, вяло перебирая плавниками на брюхе, ошеломленный открывшимся зрелищем. То есть рыбе то было все равно, но та часть человека, что еще оставалось в этой рыбьей голове, удивилась и испугалась открывшемуся зрелищу.

Свет здесь был силен, он пронизывал темные пласты воды, переливался на чешуйках приплывающих рыб, освещал

на многие метры черное дно. Он лениво тек, и шел прямыми как копья лучами он струился и пронизывал и кажется ничто в пруде не могло ускользнуть он его ядовито – зеленого отсвета.

А теперь вот стало видно и то, что его издавало. Со дна пруда вздымались острые словно сделанные из льда или хрусталя исполинские многометровые шпильи. Между ними скользили переходы и пандусы, арки и анфилады огромные прозрачные массивы и маленькие башенки. Все это сплеталось в невероятно огромную и прекрасную конструкцию, от вида которой захватывало дух. Из самого нутра громадины лился тот самый зеленый свет и он преломлялся и играл в стеклянных стенах строения, он струился по шпильям и ослепительно уходил ввысь. Воды вокруг были словно пропитаны напряжением, сходным с электрическим, напряжением давящим, вызывающим слабость и страх, и уничтожавшим всякую волю.

И понял Сергей что представляют собой эти шпильи из прозрачного хрусталя, в которых так и бьется ослепительная мощь. Понял где находится настоящий оплот змеиного царства.

На дне черного пруда, где до поверхности не меньше полусотни метров, в трех километрах от ближайшего селения, в черных водах на окаменевшем иле стоял ослепительный хрустальный дворец!

Да, это строение не могло быть больше ни чем. Толь-

ко дворцом, подводным хрустальным чертогом источающим жгучий зеленый свет, только им. И отсюда шел зов и шли все приказы полузверям, а теперь сюда попал и Серега.

Но зов тянул, подавлял и Сергей ринулся низ, там, где в идеальной гладкой светящейся стене проступали ворота. Он проскользнул в них и ощутил, что вода поддерживающая его рыбе тело исчезла.

Он упал на прозрачный пол, правым глазом видел спрессованный ил в метре под ним, видимый так, словно не было не малейшей помехи между дном и трепыхающемся на полу Сергеем. Приезжий подпрыгнул раз два, затем ударился о землю и вскочил уже некрупным волком, смог вздохнуть глубоко и нормально оглядеться.

Стены были вроде бы прозрачными как и пол, но залиты жидким, желто-зеленым светом, через который можно было с великим трудом различить воду. Тот чертог, в который попал Сергей, похоже занимал всю громаду дворца. Дальние стены угадывались с трудом, свод уходил в пустоту. И все это было гладким хрустальным и непереносимо огромным. Человеческое существо неминуемо почувствовало здесь страх. Его бы свалила с ног, такое величие, такие размеры. Но волк не подвержен агорафобии, и поэтому Сергей улегся мягко на пол и обратил свой взор на предмет неподвижно стоявший на хрустальном возвышении в центре.

Это был трон. Огромный, из тяжелого резного дерева, покрытый аляповатым золочением. Это был древний, потряс-

кавшийся символ власти, казавшийся неуместным и грубым в пределах этого хрустального свечения. Сиденье было из протертого красного плюша, а на сидении кто-то восседал.

Сергей человек тут же узнал бы его, но Сергей волк лишь преданно мог глядеть на сидящего.

На нелепом, словно украденном из Красной палаты троне гордо и неподвижно сидел Урунгул, верховный шаман всея Лемеха, главный держатель капища, а по совместительству голем поганый и главный враг.

Сидел тихо и чего-то ждал. Без шлема (Тут бы Сергей обязательно ухмыльнулся, если бы был сам собой), в потертых меховых одеждах, со смуглым нерусским лицом и странным разрезом глаз. На шее светилась не слишком большая царапина, видимо давний след от Сергеева топора.

Жуткие змеиные хвосты, что заменяли верховному шаману руки дико извивались, временами намертво оплетая подлокотники кресел. В темных глазах полыхали зеленые огоньки. Как у дикого зверя при луне. Был он темен и мрачен.

Сергея смотрел только на него и не видел, как помещение вокруг заполняется разнообразным зверьем, из тех, кто мчался с ним под снегопадом. Звери проламывались в исполинские врата поток серебристых рыб, бились оземь и поднимались волками, лисами, мышами и зайцами, барсуками и белками и разумеется змеями. Кстати не было здесь таких чудовищ, что шабашили теперь целые сутки в деревне. Лишь самые обыкновенные звери. Без трех глаз и чешуи.

В помещении поднялся невыносимый звериный дух и Серегин нос морщился, улавливая сотни разнообразных запахов, но инстинкты здесь были притуплены, а все внимание направленно на сидящего. Обратившиеся из рыб звери не спеша рассаживались на прозрачном полу, временами привалившись друг к другу, опершись на чужие мохнатые и не очень спины. Здесь волк и заяц сидели вместе, лиса и мышь попирали друг друга, а сотни звериных глаз, разноцветных, оранжевых и черных, желтых и зеленых не отрываясь смотрели на Урунгула, являя собой живой пример власти шамана над лесными зверями.

Это было безумно и дико, сотни волосатых коричневых и рыжих тел, на ослепительном хрустале пола, это оскорбляло и коробило, а хуже всего была именно та преданность взгляде бывших свободных и разумных жителей села Черепихово. Что же если не их души были навсегда забраны сюда в хрустальный подводный дворец. Вот так, современный образованный человек, превращается в лишенного слова раба пришедшего из глубин веков зла. Да мы действительно не видим ничего перед собой, и нас надо превратить в зверей и лишитъ рассудка, чтобы мы могли поверить в происходящее.

А эти звери верили Урунгулу и его скользящему богу беззаветно.

Грохнуло и по залу раскатился гулкий удар. Словно в гонг, зверье внизу заворочалось, словно единый разноцветный меховой океан. Животных уже набралось пара тысяч и все но-

вые и новые приходили, проламывались сквозь портал, скапываясь на хрустальный неудобный пол, скользили по нему лапами и присоединялись к остальным.

Ударило снова. Вероятно и правда, где-то неподалеку был гонг, большой медный, с раскатистым звуком. И звери, они же бывшие люди замолкли, и теперь все их морды, широкие и длинные, рыжие и коричневые, с мехом и без, были устремлены в сторону шамана.

Когда ударило в третий раз, ослепительный свет в зале пригас а Урунгул встал. В зале повисла тишина, не колыхаемая никем, даже дыханием множества звериных тел внизу. Тих был и Серега во все свои волчьи глаза глядя на верховного шамана Лемеха. Был бы человеком, обязательно подумал: как себя чувствуешь когда раздирают на деревьях. А так просто сидел и изумленно пялился на трон.

Урунгул постоял спокойно, обозревая множественные ряды сидящих в изумлении зверей. Затем вздохнул и воздел к сводам дворца свои страшные извивающиеся конечности.

– Твари лесные!!! – пронесся его мощный, чем-то знакомый голос. Не орал, но слышно было в каждом уголке исполинского зала, словно шаман говорил через мегафон. – Твари лесные, а раньше свободны человеки!!!

Говорил кстати он на русском языке. Почему? Ведь Лемех было племя совсем не Славянских корней, и язык у них был грубый, гортанный, похож чем-то на финский. Впрочем все сидевшие сейчас на полу кроме русского ничего не знали и

возможно говорилось это все для них. К тому же выговор язычного шамана был очень старомоден, с примесью старорусских выражений, видно нормально не учил. Нахвтался.

Звери внимали. С того момент как они очутились в хрустальном подводном дворце способность понимать человеческую речь понемногу возвращалась к ним, хотя и в ограниченном объеме. В конечном итоге они все были когда-то людьми, да и сейчас ими оставались. Несмотря на легкий налет звериной личности. Есть в человек что-то такое, что никогда не забьешь звериным сознанием. Поскреби такого зверя поглубже, и найдешь все равно человека, потому как человек не зверь, а зверь не человек. Видимо отличает человека от зверя именно наличие самосознания, понятие, пусть и интуитивного собственного я. Человек себя чувствует, понимает. А иногда задаешься вопросом: Понимает ли зверь что они существует. И знает ли что существует вообще? Или звери в некотором роде те же машины, запрограммированные на простейшие выполняемые рефлексы. Тогда в чем смысл их существования?

Подобная психоделика часто приходила Сереге в голову еще в то время когда он скитался по лесу в змеином обличье, мучительно приноравливаясь к новому состоянию. Кто же тогда были эти звери, что сидели в зале?

– Твари лесные, бывшие люди! – почти пропел мощно Урунгул делая шаг вперед. – Верные рабы нашего скользкого высшего. Вы хорошо послужили делая набег на своих

же собратьев. Вы помогли нам, слава вам рабы леса!!!

В зале поднялся вой и рев, кто-то вскочил на лапы и принялся яростно кусать соседей, кто-то ликовал, кто-то скулил, а Сергей молча сидел в толпе своих соплеменников и пытался мучительно осмыслить ситуацию, пробуждающимся сознанием. Звери бесновались внизу, а к трону долетали только куски вырванного с корнем кровавого меха.

– Слава вам, звериные рабы Скользящего!!! ВЫ готовы отдать свою жалкую звериную жизнь за него?!

– Ваааааа!!! – протянул хор лесных зверей и тысячи глаз снова уставились на шамана с обожанием.

Ибо так и было, и звери эти уже не мыслили себя иначе как рабами скользящего бога. В чем-то теперь они были близки к давно исчезнувшему народу племени Лемех. Те тоже, кроме шамана были полнейшими рабами и приносили Скользящем кровавые жертвы. Из глубины веков дошло придание о самом Урунгуле и если бы историк Леонид, оставшийся там, в другой жизни, доехал таки до Ярославского архива, то бы узнал, что шаман, вроде бы умел перевоплощаться в любую тварь лесную. И говорилось это на полном серьезе, русским летописцем, принимавшем участие в штурме Черепов.

– Но вы можете сделать больше. – Произнес Урунгул негромко. – Мы взяли это село, а его жителей принесли на алтарь Снорунга, но есть еще земли, и слабыми силами простых лесных зверей мы его уже не возьмем.

– ААААааа!!!! – провыл зал.

– Да!!! – сказал шаман. – Нам нужно больше чем простые лесные души. Нам нужно то, с чем никакой народ уже не сможет просто так справиться. Нам нужно РАЗРУШЕНИЕ!!! Нам нужны чудовища, которых никогда не было, и которых не могла бы создать Мать природа, нам нужно то, что вы прячете глубоко в себе, нам нужны ваши страхи!

– "Как пафосно." – неожиданно подумал очищающемся сознанием Сергей и тут же устыдился своей мысли, когда столько поселян без зазрения совести смотрят в рот мертвому шаману.

Вообще получалось странно. Тогда как звери вокруг бесились от преданности великому Змею, и готовы были отдать ему последнее, сам Сергей такого явно не ощущал. Наоборот, голова его все больше прояснялась и все нелепее казалось ему действие в которое он попал. В звериной шкуре, в подводном дворце. Что за бред?

Почему вроде бы убитый пятьсот лет назад шаман, говорит как заправский шоумен, зажигая толпу? Что он вообще хочет от трех тысяч бывших селян? Картинка пред глазами плыла и покачивалась. А на троне бесновался Урунгул, что-то вопил и лицо его было темно и страшно искаженно. А в глазах не было ни капли разума. В общем то они были совершенно черные, без белков. Он вопил, подскакивал на троне, а его змеиные лапы извивались и сплетались друг с другом, а смысл его слов становился все темнее и темнее.

Наконец Лемех вскочил, распростер длинные лапы а за-

орал уже совершенно не человеческим голосом:

– Создайте их!!! Выпустите Ужас наружу и создайте их!!!

– ААААА!!! – заорал звери, взвыли и завизжали в предвкушении, а затем неожиданно за спиной шамана взвилась черная дымчатая тень.

Тень была огромна и уходила к сводам дворца, она колыбалась, была черна. И в ее очертаниях можно было разобрать исполинскую, извивающуюся змею. И тяжесть ее, словно придавливала бывших людей к холодному хрусталу. Даже Урунгул замолчал и лишь молча простирая вытянувшиеся в прямые колья, щупальца. Простирал в сторону, где незаметно приподнялось новое возвышение. Звери застыли, свет пригасили и лишь над самыми сводами мерцал ядовито зеленый огонь. А на фоне этого огня, бесшумно колыбалась голова великого змея и свод просвечивал через дымчатую черную фигуру. Это даже было не сколько что-то конкретное, эта фигура, это был сконцентрированный ужас тысяч людей перед змеиной природой. Фигура всколыхнулась и из глаз преданно смотрящих разноплеменных зверей потянулись струйки полупрозрачного черного же дыма, что выглядело парализующе страшно, потому что сами глаза, при этом гасли, тускнели и Сергей с ужасом осознал, что из их звериных тел, уходит то, что их делало когда-то человеком. Глаза тускнели, белели и вот это уже глаза простого лесного зверя, биологической машины.

Не происходило это лишь с Сергеем, но у него это было

по особой причине.

Струйки дыма взвивались во множестве к потолку, кудрявясь легкими завитками, но сохраняя вытянутую форму, слились со змеиным ужасом, висящим под сводом, прошли сквозь него, и как туманное, переливающееся облако понеслись ко второму возвышения.

Урунгул сидел на троне в ступоре, а тень позади, колыхалась и изливало нечеловеческое презрение на ряды нижесидящих.

– "Кецалькоатль" – подумал Серега с тупым ужасом. – "Ибо не может быть в природе два таких змея".

Облако наконец достигло возвышения, прочно на нем обосновалось и закрепилось. По залу стал нарастать странный высокий звук. Это ровно и слаженно выли множество звериных глоток, а кто не выл, то в такт взвизгивал и вскрикивал.

Под это жутковатый аккомпанемент, темное облако расшевелилось, закачалось из стороны в сторону, словно внутри него бурлил адский котел с сотнями жизненных форм, перемешивающихся из одной в другую. На секунду из этого месива высунулась чешуйчатая когтистая лапа, проскребла по хрусталу оставив глубокие борозда и снова исчезла.

Вой нарастал, переходил в иступленный визг и крики, облако яростно бурлило, воплощая где-то в себе все известные темному человеческому подсознанию страхи, а затем вдруг распалось, явив взору окружающих рожденное в себе.

На подиуме стоял... Нет, описать это было нельзя. Там, на возвышении стоял ужас, тщательно выкристаллизованный страх человека.

– "Черный" – подумал Сергей и с тупым изумлением обнаружил, что больше никак описать созданного не может.

Черный. Потому, что человек прежде всего боится тьмы. А тьма спутник энтропии. Чем-то, совсем неумолимо похож на человека, потому что после тьмы человек боится других людей. Хищный, ибо страх хищников силен в нас с еще древних времен. И бездонный, давящий и подчиняющий личность, потому как на четвертом месте у человека стоит страх потерять себя. Огромный, вызывающий Агорафобию. И гнетущий, поднимающий страх закрытого пространства.

Вид его был настолько ужасен, что у некоторых зверей подкосились лапы и они пугливо попятились. Сергей же просто не смог смотреть на него, потому что единый взгляд на рожденного монстра вызывал ощущение животного всепоглощающего ужаса и бесконечного падения в бездну, потому как в людях силен страх высоты.

Вот вам пример. В сущности этот монстр выглядел пришельцем из кошмара. Из того типа кошмаров в которых за вами мчится НЕЧТО, которое вы не видите, но слышите, чувствуете и замечаете отдельными частями. Оно за вами, и вы знаете что ему надо только добраться до вас. Добраться и... что оно будет делать дальше неизвестно но чудовищно страшно. От него надо бежать, укрываться, но всегда в этот

момент ноги ваши становятся непомерно тяжелыми, движения замедленными, а монстр сзади все ближе и чувствуется уже его дыхание на спине, а бежать нету сил, он догоняет и... Все Потому что в этот момент сон всегда прерывается, так же как и сон о падении с высоты.

В случае с Сергеем ему всегда виделся мощный забор из за которого что то тяжело дышало, а затем принималось ломиться в дверь. Оно делало удар, затем еще один, Сергей поворачивался и пробовал бежать и лишь еле полз, а за спиной ворота срывало и что то тяжелое устремлялось к нему. Самым жутким было осознание, что ворота сломаны и монстр теперь на свободе. Этот треск заборных досок и нарастающий топот, не раз заставляли приезжего вскакивать среди ночи с бешено колотящимся сердцем. Словно бежал дистанцию. Долго потом не спалось, а сон повторялся изо дня на день.

Пару раз он пытался повернуть сон в другую сторону и вместо того, чтобы бежать прочь, поворачивался и шел обратно, чтобы увидеть чудовище – странный способ управления сном. Но когда забор разлетался, он слышал лишь рев, а затем он просыпался, словно подсознание намеренно выключалось, спасая мозги от перегрузки в результате увиденного. Со временем сны прекратились, но вот теперь Сергей увидел чудовище из своего сна. И это была реальность, и теперь спасенье можно будет искать только в снах.

Говорят: взгляни своему страху в лицо. А если это не толь-

ко твой страх, а еще разнообразные страхи тысячи других людей, собранных скрупулезно воедино.

И чем больше Сергей смотрел на созданное средоточие ужаса, тем большие кошмары оживали в глубоких тайниках сознания, прорываясь к свету, накладываясь одни на другие, тем слабее становилась связь Сергеевой личности с реальностью, медленно погружаясь в бурлящую пучину темного ужаса.

Последней доподлинно услышанной фразой был рыкающий вопль Урунгула:

– Этот первый!!! Но их будет много!!!

Затем, залитые кошмарами мозги не выдержали и отключились, погрузив сознание в непроницаемую темноту, в глубину, куда не проникали никакие видения.

И вот, месяц спустя после того злополучного вечера, когда он по дурости ухватил камень голыми руками, Сергей очнулся на своем любимом пригорке, откуда открывался потрясающий вид на деревню, в обличье изумительно измятого волка. В голове плавал серый туман, какие то образы без названия, а когда приоткрыл левый глаз, то голова отозвалась болезненной резью, среагировав даже на тот слабенький свет, какой лился с серых небес. Судя по ощущениям было позднее утро. По крайней мере, так все болит только утром, после того как спал всю ночь, а день до этого носился как угорелый.

Сергей осторожно приподнял серую голову, и мир болезненно качнулся, повернулся вокруг своей оси и застыл. Глаза слезились и побаливали, а голова не держалась и все норовила не удержаться свесится и уткнуться в землю.

Но Серега ее удержал, больше того, он даже приподнялся на дрожащих лапах и кое-как, по-собачьи, сел. В мозгах была тьма. От увиденного кошмара воспоминаний не осталось, они ушли в подсознание и будут теперь вылезать по ночам, пугать, но днем их уже не вспомнить. Вероятно это была защитная реакция мозга, подведенного к критической черте. Он удалил в дальний уголок нежелательную разрушительную память, оставив только само знание о происшедшем. Так теперь Сергей помнил, что побывал под водой во дворце, помнил речи Урунгула, помнил что создали страшного монстра, но как монстр выглядел, не помнил вообще. Только ощущение чего-то темного, на самом краешке разума.

Что с ним стало после того, как он отключился посреди хрустального зала, он тоже не помнил, вероятно звериные рефлексы сами вытащили его на поверхность и привели сюда, единственное постоянно знакомое звериной личности место. Но как же болит голова!!! Как же болит все подряд.

– "Тяжело" – подумал Сергей и даже это произнес но волчья глотка выдала только хриплый, грубый сип.

Затем Сергей вздрогнул и резко вскочил, чуть правда, не упав. Перед ним на старом пне, где он любил посиживать змейкой, кто-то сидел.

– Очнулся? – деловито спросил кто-то, в проясняющихся глазах оказавшийся беловатым старцем в странной почти до пяток рубахе.

– Ты кто? – спросил Серега и хотя пасть издала невразумительные звуки, старикан, похоже понял.

– Забыл? – сказал он, и поводил руками перед Сергеевым ноющим носом. – А сейчас?

– Ты Сивер! – сказал Серега снова вскакивая. – Ты Сивер, как ты узнал?!!

Старикан ухмыльнулся, хотя довольно криво, но теперь тайники Серegiной памяти открылись полностью, и он видел, что это действительно Сивер, их тайный хранитель, и на нем все та же беловатая кольчуга, а седая совсем борода стелется на колени. Лицо у старого воеводы было серьезным, несмотря на улыбку, а волосы поддерживал потертый бронзовый обруч. И легкий свет, что он распространял был почти не заметен.

– Нашел вот, – сказал Сивер наконец, – это было тяжело, но нашел.

– Нашел так нашел. – Оборвал его Серега, который с каждой секундой вспоминал все больше подробностей его нелегкого существования до превращения. – Скажи лучше, что с остальными, как там в деревне, как вообще?

– Лапников жив и относительно здоров, если не считать невроза средней тяжести...но ведь это у всех вас теперь так.

– Угу, а дальше.

– Про Щербинского ничего не знаю, а в деревне дела плохи, тоже правда уже давно, но точно не припомню как там.

– Как это не припомнишь? Как это не знаешь, ты ж все можешь, почему же...

– А потому. – насупился Сивер. – Ты за кого меня считаешь, если честно, уж не за бога ли?

– Ну... Ну... – замылся Сергей, – вообще говоря...

– Слушай меня человек непонятливое. Я Сивер – ты это уже знаешь, еще ты знаешь, что я был воеводой русского войска, штурмовавшего село Черепа – это село. Это я заложил проклятый камень в основании Черепиховской церкви, за что ты меня не раз и не два ругал.

И Сивер снова ухмыльнулся. Правда, не зло.

– Мда. – Сказал Серега уже тише. – Раз уж мы встретились так странно, так расскажи как все было на самом деле, и объясни наконец что здесь происходит по настоящему.

– Я расскажу, хотя основные моменты ты уже домыслил сам. Черепа брались трудно, и великой кровью, хотя все остальные язычные племена всегда сдавались почти без боя. Они бежали, а мы нагоняли их на конях рубил, секли, и только малая их часть уходила в дремучие леса. Знаешь наверное, хотя и молодой еще, но узнал, что человек всегда страшился леса дремучего, и лишь только богомерзкие Лемехи его не боялись. Говаривали что владеют они силами лесными, страшными. Так кстати и было, почти.

Как я сказал Черепа брались большой кровью и треть рус-

ского войска полегло под стрелами и бронзовыми мечами язычников. Не поверишь, но я до сих пор помню эту битву, и до сих пор вспоминаю лица дружинников, помню всех до одного. Хотя все до одного уж пятьсот лет как лежат под землей. Наверное это часть наказания, которое я несу.

– Что еще за наказание?! Наказание несем мы с остальными Черепиховцами.

– Потом, потом, ты наконец должен узнать все об этом запутанном деле, в конце концов я все-таки втащил тебя в это.

Сергей нервно зашагал вдоль, и неосознанно скаля клыки, поглядывая в сторону Черепихова:

– Так это все-таки ты разогнал кордон?

– Да я, своей властью я могу разогнать те низшие формы жизни, что служат змеиному. Я сделал так, чтобы ты мог пройти, и дал пройти Лапникову. Постой, дай я дорасскажу. Так вот, Черепа мы все-таки взяли. Последние Лемехи, как я уже говорил, скрылись в лесах и лишь их верховный шаман, твой знакомец, не пожелал уйти и остался со своим капищем поганым.

Я видел его при жизни. Мерзкий был человек, он ненавидел абсолютно всех, собственных соплеменников приносил в жертву Снорунгу, но зато обожал змей, и повелевал ими. Думая он уже тогда мог оборачиваться собственными рабами, лесными созданиями. Да я встречал его и сам приказал его разорвать надвое молодыми березами, он встре-

тил смерть хладнокровно, но перед тем как стволы отпустили успел произнести проклятье адресованное персонально мне. Да, Урунгул был мастер произносить проклятья, из-за него, проклятого язычного шамана из лесной глуши, теперь я сижу пред тобой, а не нашел свой покой, как моя дружина. Ты не представляешь даже как теперь тяжело мне.

Проклятье было на меня и я его хорошо услышал, а потом шамана разодрало надвое и поверишь ли, крови из него было совсем не много. Много было в странностей в шамане мертвом. Например у него не как не закрывались глаза и хотя много раз пробовали закрыть их, они открывались опять, тарасились в пустоту, тупо и бессмысленно, пугали проходящих. В конце концов мы нахлобучили ему на голову ржавый старый шлем, достался нам помниться от псов рыцарей, лет за пятьдесят до взятия Черепихова. Он валялся, мешал, и никто не знал что с ним делать, вот и нашли местечко. Так с эти шлемом и похоронили. А под шлемом он видно так и тарасился.

– А разве нельзя было завязать голову простым мешком, шлем все-таки на такого...

– Можно и мешок, да только Урунгул все таки шаманом был, к тому же верховным, а про таких известно, что они и после смерти лютуют. А шлем железный, должен был предохранить.

– Не очень то он спас.

– за Урунгулом стояло нечто большее, чем простой язы-

ческий идол. Проклятие было хитрое, до сих пор, вспоминая его я содрогаюсь от омерзения. Это из-за него я поместил камень в основание церкви. Проклятие сработало и я, несмотря на уговоры друзей и простого люда поместил камень в церковь, да еще и громко возвестил об этом. Остались даже летописи, смотрел. А зря, не помещают языческие камни в освященные храмы, я совершил ошибку, захоронив зло на долгие века, где оно набрало потихоньку силу, потягивая соки из прихожан. После революции церковь больше не посещали и камень, подчинив ближайших к нему людей доставил себя в другое людное место – дом культуры. Думаю он набирал бы силы и дальше. Но тут случилась буря и он оказался на поверхности. И не удержался от соблазна, посчитал что сил достаточно, вырвался и пошел в налет.

Вам крупно не повезло, что этот налет пришелся именно на ваше время, без бури Змей еще тихо таился лет сто, не меньше.

Получилось так, что я оказался проклят двумя разными сторонами. После захоронения камня я жил спокойно и не о чем не задумываясь еще сорок лет и умер от старости...это была хороша жизнь. У меня было трое сыновей и две дочери, потом пошли внуки, сейчас все конечно уже умерли, но остались потомки. Между прочим братья Щербинские мои прапраправнуки, прямые, хотя даже и не знают нашего родства.

– Ну и ну, – сказал Серега, – это поэтому ты выбрал стар-

шего помогать нам?

Сивер взглянул довольно:

– Догадался уже? Да, я подбирал долго команду которая справится с поставленной мне задачей. Я выбрал вас...

– Не стой! – прервал Серега резко. – Давай ка пообстоятельнее, меня последнее время интересовали вот каик вещи. Первый вопрос: Кто есть ты?

– Кто есть я? – повторил Сивер. – Ну хорошо, расскажу как знаю. Так как я умер пятьсот лет назад я не могу быть человеком. Хотя мыслю по прежнему по человечески. В чем-то я даже сейчас человек. Но я и не призрак в общепринятом слове, мне дана свободы перемещения и манипулирования с легкими предметами и сохранено мое человеческое тело, хотя и в несколько разреженном виде. Мне дали понять, что таким я останусь пока не исправлю то что натворил в жизни, а именно, искореню посаженное мной же зло.

– Кто тебе дал понять?

– Я не знаю, высшие силы, что стоят надо мной. Я их никогда не видел и не представлял и не знаю кто они как выглядят. Вижу ты ждешь ответ на вопрос, что по ту сторону, но я не знаю, и не могу тебе это сказать. Все таки ты говоришь не с ангелом и даже не с тенью предка, ты говоришь с человеком, хотя и много знающем.

– Как это ты не умер, ты же сам сказал что счастливо жил до старости, а потом отошел?

– Я умер иносказательно, точнее для всего своего окру-

жения, для людей, но сам я не оказался на том свете, или что там. Я по-прежнему не знаю что нас ждет после смерти, потому как дух мой, после гибели тела был помещен вот в это – он развел руками – с ним я получил некую власть, но в остальном по прежнему человек. Хотя теперь мне уже самому хочется узнать как там за чертой, и увидеть наконец того, кто говорил со мной, хотя похоже я бессмертен, по крайней мере пока не избавлю человечество от проклятого камня. А это тяжело так, долго жить, гораздо тяжелее чем обретаться в змеиной шкуре.

– Это что, намек? – хмуро спросил Сергей, кося оранжевым глазом на Сивера.

– Никаких намеков, просто тяжело. Получается так, что я заморожен на своей последней минуте и так вот уже много веков.

– Бред какой! – простонал Серега, хотя из глотки выполз визгливый скулеж.

– А ты не бред? – спросил воевода и ткнул пальцем в Сергея. – Ты сам в волчьей шкуре не бред?

Сергей замолчал, в конечном итоге вся жизнь вокруг нас сплошной нескончаемый кошмар, который некоторым кажется вечным праздником, это уж как посмотреть.

– Если хочешь, – произнес воевода, – я тебе скажу кто я современным языком. Я биологически нестабильная углеводная структура в которую пересажен энерго – информационный комплекс моего бывшего носителя вкупе с развитым

электрическим контуром, который принято называть сознанием.

– Лучше оставь все как было, в терминологии я не силен, но у меня вопрос номер два. Что теперь Урунгул?

Сивер вздохнул, поерзал неловко на своем пне, с которого при этом не посыпалось не щепочки, хотя пень был весь трухлявый:

– Он во многом подобен мне, хотя вызван силами прямо противоположными мне. Да, он тоже искусственно созданное тело в которое помещен информационный комплекс, в просторечьи душа, если конечно она у него была и разум с памятью. Этот разум двигает телом и заставляет его существовать, несмотря на заведомо неправильную его конструкцию, которая не смогла бы жить сама по себе. Ты думаешь почему у него такие руки страшные, потому что оторвали? Да нет, это отражение его мыслей, а мысли кстати подвергают такие тела метаморфозам. Такие вот с ним дела, кстати таких вот вселенных называют в народе големами.

– Так значит он все таки голем, я был прав. – Воскликнул Серега. – Но если он голем, то и ты тоже?

– Где-то как-то, впрочем я поразреженнее и мое существование поддерживает, только существование камня, а Урунгул во всем обязан своему Змею, без него он тут же покинет ту несуразность в которой помещается.

– Так какая между вами разница?

– Разница есть. Тот Урунгул, которого ты видишь не на-

стоящий Урунгул. Настоящий был разорван деревьями и умер, а ты встречался с его копией, големом в которого было засунута копированная матрица настоящего Урунгула, клон, выражаясь современным жаргоном. А я по-прежнему свой, не скопированный и таким сохраняясь многие годы, тогда как шаман был создан полтора месяца назад, для непонятых целей.

– Ладно, понятно, у меня последний вопрос. Кто такой Снорунг?

– Снорунг? – переспросил Сивер. – Если честно то я не знаю, он нечто необычное, да и много у него имен.

– Как необычное? Так змеиный бог он или нет?

– Бог, то бог, но скорее всего все-таки нет, это некая субстанция, тень от тьмы, питается явно энергетикой людей. Короче это нечто аморфное и вряд ли наделенное сознанием. Это скорей сила природы. Известно мне только, что оно как-то связано с камнем, и если камень уничтожить то сгинет и напасть.

– А как камень уничтожать? Его нельзя трогать руками. Это я понял, что же тогда с ним делать?

– Это ты узнаешь, – ласково улыбнулся Сивер, – тебе это станет скоро понятно, я знаю.

Сверху посыпался мягкий серебристый снежок и вокруг все засияло от белесого света Сивера. Снежинки искрились и танцевали в воздухе, а душу наполняло неземное спокойствие. Хорошо быть падающим снегом. Снегом который мо-

жет лишь кружить и подпрыгивать в прозрачном воздухе, которому нет дела до наших забот. Настанет время и он растает, но не сгинет. А превратиться в каплю воды, что сольется со множеством себе подобных.

В этом серебристом свете Сивер сам выглядел сотканным из снега, как большой снеговик он поджал ноги от вырастающего сугроба. А снег падал и падал, тихо и умиротворенно, и это было лучше дождя. Под снегом скрывалась черная земля, грязь разложения. Сергей любил зиму, ведь снег скрывает всю мерзость, что накопилась за долгое жаркое лето. Первый снег дает иллюзию чистоты, пусть даже и не надолго.

Картина вокруг постепенно становилась идилистической, вырастали уютные пушистые сугробы, искрились мелкие снежинки, а позади насупленный лес одевал ветки в белые снежные одеяла. Стояла тишина, не слышно было диких воплей, гнусного ора, лишь шелестел вдали голыми ветками лес и шуршал снег, покой обворачивал все вокруг. Быть может в этом был виноват Сивер, что столько лет пытался исправить собственную ошибку, что теперь даже его присутствие отгоняет тьму.

Вообще, в зимнем лесу не может таиться кошмара, ведь снег собирает весь слабый разреженный свет в округе, и что мы видим? Вместе угрюмого мрачного бора, появляется снежная сказка, и все блестит тем холодным но ярким светом и нет места для теней. Все же нет человека у которого вид снежного леса вызвал страх, ведь лес зимой замирает и да-

ет полюбоваться своими красотами в оправе из снежного серебра. Странно, но у Сереги такой лес всегда ассоциировался с праздником, с радостью, почему так, ведь зимой природа мертва? Кто знает. Но теперь, сидя в чуждом волчьем обличье подле блестящего Сивера Серега впервые за прошлый месяц отдыхал. Отдыхал и не думал ни о чем, лишь созерцал праздничный полет снежинок в ясном воздухе и освобождался быстро от тягостных дум.

– В конце концов, – неожиданно произнес он, – надо стараться находить радость в самых простых вещах.

– Именно так – с улыбкой сказал Сивер – иначе жизнь будет казаться невыносимой. Если ты победишь, то сможешь жить дальше без кошмаров, хотя никогда снова не увидишь снегопада в конце августа.

– Снегопад в конце августа. – Произнес Сергей любясь падающими хлопьями снега и последние остатки зверя стремительно покидали его. Кто в конце концов кроме человека догадался любоваться природой?

– Скажи мне Сивер, – произнес приезжий поднимаясь, – ты нашел меня чтобы вернуть мне человеческий облик?

– Да, для этого я тебя и нашел, силы мои велики, но сам воевать против змея я не могу, для этого мнет нужны люди. Сам же знаешь что человек это ничто иное как поле битва добра и зла, действуют всегда люди, даже если думают за них другие. Я помогал вам на всем протяжении вашей миссии в Черепихово, именно благодаря мне, вы остались живы во

время первого шабаша, я позволил тебе осмотреть старый Черепиховский подвал. И я подослал вам Кузьмича. Я старался помогать как мог, но не предугадал что от прикосновения к камню ты обратишься в змею. Сотни людей касались его без всякого эффекта. На тебя же он подействовал слишком сильно. Было время когда мне казалось, что попытка моя опять провалилась, но тут ты неожиданно нашелся и я смог с тобой связаться. Еще кстати, помнишь что с тобой происходило в Хрустальном дворце?

– Помню.

– Так вот, ты остался в неприкосновенности тоже благодаря мне, хотя это было тяжело. А еще тяжелее было заставить Урунгула не узнать тебя в змеином обличье. Но теперь все позади, ты выжил и должен вернуться в деревню. Извини, что не нашел тебя раньше, а то бы давно вернул бы человеческий облик.

– А во дворце? – спросил Серега. – Что за ужас там творился?

– Там создавали монстров. Не даром же говорят: Сон разума порождает чудовищ. Один уже создан, так что время у нас поджигает. Ты вернешься в деревню, разыщешь там спутников и постарайтесь уничтожить камень, как вы должны узнать, сам не знаю, но чувствую должны, и постарайтесь поспешить, если не хочешь чтобы это распространилось на близлежащие территории, а оттуда и дальше. Не забывай. Что за этим, – он указал на черный небесный свод, – сейчас

жаркий августовский денек.

– Паденье тьмы. – Сказал Серега вспомнившуюся строку.

– Паденье тьмы. – Кивнул Сивер – Встань на все четыре, я верну тебе человеческий облик.

Сергей вскочил и нападавшие за время неподвижности снежинки разлетелись белым сверкающим ворохом.

– Один момент Сивер. – Сказал Серега. – На улице холодно, а одежда моя у пруда осталась, ты постарайся одеть меня кое-как.

– Сделаю, – сказал Сивер, – приготовься.

Сергей снова глянул на кружащиеся снежинки. Кивнул головой:

– Давай.

Сивер поднял руки не вставая, поток серебряного сияния заставил вспыхнуть снег на пути и осветил замершего Сергея. Затем вспыхнул весь мир, прошло знакомое ощущение переворота, а затем приезжий еле удержался на собственных внезапно ослабевших руках. Вскрикнул от изумления, так странен был переход, а затем нежная кожа на руках (не то что волчьи подушечки) стала стремительно замерзать и он вынужден был подняться на ноги. Было холодно. Только сейчас Серега лишенный теплого меха, ощутил, что действительно холодно, и от этого мороза неприятно немеют щеки и кончики пальцев.

– Вот так. – Произнес Сивер с удовлетворением.

Сергей выпрямился и некоторое время с изумлением

осматривал новоприобретенные руки.

– Я вернулся. – Пробормотал он.

– Ты не куда и не уходил. Отныне ты снова человек, и попробуй не превращаться в животное.

– Это уж как получится. – Счастливо ухмыльнулся Сергей. – А я все-таки вернулся! Славно быть человеком. Ой как славно!!

Он довольно попрыгал на своих двоих, с ощущением, что все что произошло ранее ничто иное как страшный сон. А теперь вот он прошел и не было этого ужаса змеиной жизни. Даже собственный голос показался после волчьей глотки непривычно звонким. Да речь, это лучшее что есть у человека после огня!

Только сейчас довольный Сергей обнаружил во что нарядил его древний воевода.

– Ты что? Поновей не мог что ли найти? – изумился приезжий. – Как же я так в деревню пойду?

– Так и пойдешь, а там уж сменишь на что душе угодно. Получше не Впрочем одежда была не слишком плоха. На Серее была нацеплена длинная, аж до колен полотняная толстая рубаха, на вроде той, что носили еще во времена Сивера, подпоясанная простой бечевой, такие же простые штаны-порты, в которых сейчас получилось.

постыдился бы ходить самый последний бомж. А на ногах потертые сапоги, из некачественной грубой кожи. Сделано это вообще все грубо, но видно лучше раньше не умели.

Одно хорошо – одежда была хоть и грубая, но толстая и тепло кое-как сохраняла, приедем подумалось, что именно так одевались дружинники воеводы, не хватает только кольчуги.

– Уж извини, – повторил Сивер, – тебе пора идти, находить своих. Если что, зови меня, если смогу – приду, а вообще действуй сам. Но камень мы должны уничтожить.

– Хорошо воевода, мы с тобой имеем разницу в возрасте пятьсот лет, а впряжены в это одинаково. Неужели за эти века ты не измыслил способ, как уничтожить камень?

– Не измыслил, ибо он тщательно скрывается от меня. Не сколько боится, сколько избегает и я никак не могу напасть на след. Хотя одно предположение у меня все-таки есть. Возможно то что завелось в камне можно искоренить старыми способами, которыми пользовался сам Урунгул. Короче говоря применить языческое колдовство. Но какое мы все равно не знаем. Разве что расспросить самого Урунгула. Ну иди, не задерживайся!

– Иду. – Сказал Серега и взглянул вниз на Черепихово. Затем сказал:

– Прощай Сивер.

– Не прощай, – ответил старик, – до свидания.

И Серега двинулся вниз, в деревню, на которую столько раз смотрел в немой тоске. Слабый снежный свет разливался внизу и было видно крыши домов торчащие из сугробов будто мертвые замерзшие киты. Особенно усиливали впечатле-

ние опаленные обломки кровельных балок, тупо торчащих в закрытое небо.

Он осторожно ступал ногами по похрустывающему снегу, а позади оставалось белое слабое сияние. Когда приезжий снова обернулся на пне уже никого не было, и снег заметал его в снежный бугор.

– "Вот так", – подумал Сергей не торопливо двигаясь к проклятой деревне, – "Все снова возвращается на круги своя. Снова я здесь, снова монстры, снова ужас, а не было ли время проведенное змеей отдыхом? Ну если не змеей, то по крайней мере волком, ведь волком в конечном итоге быть хорошо, особенно настоящим волком, без разума и тяжелых дум, без совести, без будущего и прошлого, Волком который не ищет смысл жизни а просто – живет, и радуется каждому мигу. Вот этого наслаждения жизнью и лишен человек. Который чем-то не доволен всегда. И в общем то понимает самое простое, только перед лицом крайней опасности. Да только пред смертью не надышишься. И что проблемы наших серых будней перед тем что довелось пережить мне здесь".

А снег кружился, укутывал в свое блестящее покрывало черную разоренную деревню, залетал в мертвые проемы окон, засыпал коченеющих жильцов, закрывал их от людских глаз. Все спрячем снег. Все та тьма, что накопилась в деревне за последние месяцы, вся исчезнет, пропадет под толстым слоем снега. Пропадет до весны.

Если конечно весна настанет.

Сергей двигался к деревне, любовался на снег и мучительно понимал, как ему не хватает сейчас луны. И даже не луны, а простого звездного неба, чистого и ясного ночью, и пронзительно голубого днем. Вся эта деревня словно под колпаком. Упрятана укрыта, чтобы не дай бог кто ни будь заметил, попытался дознаться. Люди – вообще народ любопытный. Захотели бы узнать, почему посреди жаркого августа в деревушке идет густой холодный снег.

Сергей снова вздохнул и уверенно направил свои стопы на площадь. Холодало.

10.

В двадцати пяти километрах от проклятой деревушки, под знойным, жарким августовским солнцем и безмятежно синим небом, по проселочному тракту проходящему по бережку речки Волги, пыльному и ухабистому, медленно и тягуче полз автомобиль. Старый и потрепанный жигуленок шестой модели с основательно проржавевшими крыльями, и недавно выправленными стойками. Глушитель был поврежден где-то позади и теперь машина яростно взревывала на пригорках. Солнце беспечно изливало сверху свой жар на машину, накаляя ее радиатор. Но на горизонте уже виднелась средних размеров дождевая тучка.

Леонид вздохнул, почесал бороду и опять бросил взгляд на тучку, а также на дальний горизонт, на котором она приростилась. Тракт впереди уходил дальше, сквозь поля и дубравы и мелкие деревушки достигал Черепихова, в котором так неожиданно сгинул сослуживец историка.

Да Сергей пропал странно. Отъехал, звонил через каждые двести триста километров, и в последнем звонке, сделанном непосредственно из Ярославля сообщал что до села всего один день пути. И исчез, после не слуху не духу, не даже письма, словно до Черепихова он так и не доехал. Первые дни историк думал, что Серега не смог позвонить, по причине того, что устраивался, искал жилье, но время шло и вот

с момента последнего звонка минуло почти полтора месяца. Бывают люди исчезают, но чтобы так?

Леонид снова вздохнул, нога, судорожно нажимавшая временами на сцепление болела. Еще бы, ведь гипс с нее сняли только позавчера, не успел не разработать ее не чего. В Сущности историк решил, что время проведенное в больнице потрачено зря и теперь стремился наверстать упущенное. Впрочем думал он теперь не сколько о кладе, сколько о том, что могло случиться с Сергеем. Надо было ждать и ехать вместе, не пришлось бы сейчас в спешке пылить по грунтовке, стремясь как можно быстрее достигнуть Черепихова.

Дорога от Ярославля можно назвать идеальной, ведь проходит она в основном по берегу волги и позволяет проезжающим напрямую любоваться красотами русской природы. Да и погода постаралась, обеспечила оба дня путешествия синим небом без облачка над головой и жаркой температурой не очень то характерной для августа. Да и выехал Леонид с очень даже хорошим настроением, которое однако по приближению к Черепихово стало стремительно скисать. И не помогал прекрасный ясный денек конца лета, не синие, играющие бликами волны великой реки Волги, и не колосающиеся золотые хлеба в стороне от дороги. Что тот гнетущее нависло над этой цветущей местностью, что-то огромное и тяжелое, словно накрывающее окрестности темным колпаком. И хотя не видно было из-за чего создается такое ощущение, птицы в окрестностях Черепихово что-то чувствовали и не

пели. Так что над трактом стояло только надрывное гудение автомобильного двигателя не первой свежести.

И чем ближе Леонид приближался к Черепихово, тем сильнее впадал в ощутимую депрессию. И даже нога, вроде бы отошедшая на выезде из города снова начала неприятно ныть.

Парой часов спустя, историк попал под дождь. Тяжелые тучи с горизонта подвалили совсем близко и разродились оглушающими потоками тяжелого дождя, который огромными каплями гулко забарабанил по капоту. Дворники не справлялись, их затапливало и окружающий мир выглядел все более мерзостным. А через лобовое стекло, по которому теперь текли полноводные реки, было видно как грунтовка моментом раскисает под тяжелыми струями, пузыриться и неуклонно превращается в глинистую трясину.

Глинистые дороги на средней Волге, это вообще бедствие. Глина здесь особая -тяжелая и вязкая, имеющая привычку неотвратимо прилипать к каждому опустившемуся в нее предмету. Особенно тяжело по ней ходить, ведь она налипает на сапоги огромными пластами, целыми горами, и тянет вниз, пока не создается впечатление, что на ногах находятся пудовые гири. Стоит очистить сапоги, сделать новый шаг, и вот все сначала и чем больше ступаешь, тем больше прилипает. Особенно тяжело по таким дорогам на велосипедах, у тех вообще перестают крутиться колеса от массы налипшей грязи. Вообще есть способ избавиться от грязюки, для этого

надо просто идти по траве, которая сдерживает почву и одновременно счищает уже налипшую грязь с сапогов. К сожалению к середине осени травы почти не остается и спасения от грязи нет никакого.

– Да что ж такое!!! – заорал Леонид когда передние колеса его машины бултыхнулись в исполинскую только что намытую ужу.

Он судорожно поддал газу. Колеса бессильно завертелись в жидкой грязи, но затем что-то нащупали и толкнули легкий автомобиль вперед, в следующую лужу.

Историк вздохнул опять. Собственно он как раз дошел до того состояния духа, в котором находился Сергей именно на этом месте, а именно до состояния утомленного раздражения. Дождь лил как из ведра, похолодало, а через невидимые глазу микроскопические дырки в покореженной крыше лениво капали тяжелые водяные шарики.

Машина буксовала, шла юзом, но упорно пробиралась сквозь грязевое болото, к своей холодной отвлеченной цели, холм которой уже виднелся не так далеко впереди.

А температура падал на глазах и скоро историк, вынужден был остановиться, чтобы натянуть на себя теплую куртку. Дождь, размочив наконец дорогу стал стихать и теперь лениво моросил заляпывая потресканное лобовое стекло.

Холм, на невидимом склоне которого стояло село, приблизился и машина, надрываясь своим слабеньким двигателем упорно полезла вверх. Периодически колеса не могли

ухватить твердую землю, под ними плыло, и тогда водителю казалось, что он вот – вот соскользнет и покатиться вниз, сначала на днище. А потом кувырком. А такое похоже здесь уже случалось, во всяком случае один раз он увидел ржавый корпус какого то автомобиля в кустах, а позже еще один.

Вообще места были неприятные, особенно в дождь. Кусты и ветви ближайших деревьев были странны голы, словно давно уже засохшие, а на некоторых трепетали грязно-желтые листья, словно уже наступила осень, было грязно сыро и тягостно.

И еще странность – начинало темнеть. Леонид глянул на свои часы, но те показывали пять часов вечера, а когда он поднес их к уху, оказалось стояли. Значит провозился он уже до позднего вечера. Иначе почему смеркается так рано в середине августа? Тучи закрыли собой остатки чистого неба, налились силой, потемнели, и лениво тянулись так низко, что казалось, задевают верхушки деревьев. Справа от машины, Волга тоже меняла цвет своих волн и они становились тускло черными, минуя серо стальной.

– "Буря?" – подумал Сергеев знакомый. – "Опять буря?"

Но это не буря. Буря было полтора месяца назад, и прошла, а здесь было нечто серьезней. Леонид, сам того не зная, оказался первым пришедшим снаружи человеком за долгие четыре недели и пять дней.

Он поддал газу, стремясь как можно быстрее оказаться на вершине холма, но тут ему пришлось остановиться и вклю-

читать печку, потому что температура стала критически падать. Он сильно устал и не обратил на это внимание, решив, что и в августе ночами случаются заморозки, а зря, потому что температура в Черепихове уже давно пресекла черту заморозков, прочно установившись на пяти градусах ниже нуля. Не обратил он внимания, и на то, что не при каких заморозках не будет так обильно идти пар изо рта.

Волга не замерзала, что больше создавало иллюзию тепла. Увы, на самом деле вода в медленно текущей реке становилась такая густая и маслянистая, пронизанная черными токами, с крутого правого берега, что не могла совершенно замерзнуть

Машина наконец заползла на середину холма, и колеса ее проскальзывали уже не по жидкой грязи, а натуральному льду, и ему оставалось проехать еще метров десять, чтобы с вершины открылся вид на заснеженное Черепихово, как вдруг он увидел нечто неожиданное и резко затормозил, чуть не разбив лицо о секло.

Совсем рядом с замерзшим радиатором машины, не двигаясь, словно, высеченные из черного камня сидели три больших и на редкость мерзко выглядящих создания. По-перву историк даже не понял кто они такие, но затем приглядевшись принял их за три больших черных пантер. Это было невозможно, потому что пантеры у нас не водятся, особенно на таком холоде, но факт был фактом, посреди дороги неподвижно сидели создания довольно напоминающие больших

кошек и совершенно черного цвета.

Леонид некоторое время изумленно пялился на них, а затем встряхнул головой. Мысли разбрелись и в мозги лезла всякая дрянь. Но объяснить присутствие троих зверей на дороге он не мог.

Он еще раз тряхнул головой, а затем включил фары и осторожно погудел. И тут заметил такое, от чего его недоумение стало медленно но верно переходить в страх.

Все три зверя спокойно сидели с закрытыми глазами, а после гудка медленно и неторопливо открыли глаза. Все три. И все три огромных круглых глаза не имели зрачков и слабо светились багровым светом, что смотрелось чудовищно страшно на фоне угольно черной шерсти. Он пошевелились и как один встали, и перед взором сидящего в машине открылись новые, неприятные подробности. Из черных боков псевдо пантер росли чешуйчатые подергивающиеся конечности, а между их лапами была натянута полупрозрачная перепонка, которая вибрировала в так движениям.

– Что... – выдавил из себя Леонид ошарашено сжимая руль, и подумал, что не стоит ли сдать сейчас назад, но решил, что пока не стоит.

Чудища молча стояли перед машиной и каждый был размером с крупного пса, стояли молча и сверлили взглядом красных диких глаз, а испуганный историк заметил еще и роговые шипы на их спинах. Звери вздрогнули как один и сделали шаг поближе к машине. Леонид вздрогнул и резво

подал назад, но от резкости действий мотор заглох и только подребезжал напоследок. Настала тишина, только теперь он заметил что вокруг мертвенно тихо. А еще он заметил, что из пастей черных страшных зверей медленно поднимается визгливый нарастающий звук.

Вообще, причислив тварей к пантерам историк не очень ошибся. Все трое действительно были из породы кошачьих, а именно были не так давно простыми Черепиховскими кошками. Одна из них кстати жила когда-то в синеньком доме с совами на крыше, та что справа. Что ж змеиное проклятье отобразилось не только на людях, но и на всех животных проклятого села. Мутировавшие кошки стали уже ни на что не похожи, а вдобавок приобрели еще и тотальную ненависть к человеку.

Он трясущимися руками завел двигатель снова и, нервно поглядывая на воющих тварей подал назад. И тут же резко тормознул, потому что путь вниз перекрывало с десятков серых тел. Волки! Не самые крупные, с торчащими ребрами, а некоторые чешуйчатые и трехглазые. Все они стояли стеной и в ярости рычали на дергающуюся машину.

– "Прорваться?" – подумал Леонид лихорадочно. – "Нет, не дадут!"

Это он правильно рассудил, хотя и ничего не знал о судьбе трех грузовиков с гуманитарной помощью, хотя и видел силуэт одного из них в ближних к лесу кустах. Волки бы не дали пройти такому маленькому автомобилю.

Со стороны черных чудищ раздались резкие вопли, и резко обернувшийся историк увидел как одно из них с визгливым рыком летит прямо на стекло. Он отшатнулся, вцепившись руками в руль и тут тяжелое тело ударилось о стекло. Хрустнуло, чудище отлетело прочь, гулко ударилось о землю, а по стеклу расплзлась мелкая сетка трещин. И тут же второй удар добавил их еще, это следующий монстр не жалея себя, ударил в прозрачную преграду, что отделяла его от сидящего внутри железной скорлупы человека.

Первая тварь уже поднялась на лапы и чуть прихрамывая (из лопатке у нее струился поток водянистой крови, сбегая по шерсти), разогналась для новой атаки, но в этот момент третий монстр как раз вспрыгнул на капот, и стекло не выдержало, лопнуло на сотню мелких почти круглых осколочков, а чудовище с ходу вломилось в салон, подле замершего Леонида. Бывшая кошка рухнула на сиденье, потеряла равновесие и забилась там словно в судорогах, смазав когтистой лапой (когти у нее были не меньше десяти сантиметров в длину) по серой обивке салона. Та расплзлась и мелкой трухой посыпалась на Леонида.

Именно это пробудило бывшего историка от ступора, в котором он находился. Он взвизгнул от страха, ничуть не хуже черного монстра и лихорадочно принялся открывать дверь, но пальцы дрожали и никак не хотели как следует цепляться за ручку. Наконец он резко толкнул дверь отворилась и смазала по морде засевшему подле нее третьему зве-

рю. Раздался хлюпающий звук и мерзость с воем отлетела на полтора метра.

Леонид выскочил, и на негнущихся ногах отбежал на три метра к лесу, испуганно огляделся. В салоне стоял визг и гам, там две черные кошки, та что разбила стекло и кинувшаяся следом, бились на сидении пытаясь расплести свои многочисленные конечности, взмахивали хвостами (кстати хвостов у них была по два, есть легенды о том что вампиры превращаются в кошек с двумя хвостами), и брызгали сероватой слюной на испоганенную обивку.

Неподалеку лежала третья "кошка" и не шевелилась, видать получила дверцей по черепу, а позади пара десятков волков один за другим поворачивались к нему. Их глаза с тупым удивлением уставились на сбежавшего. Сверкнул близкая зарница и четыре десятка глаз синхронно сверкнули. Рванув с места в карьер волки кинулись на него. Губы их были задраны, а с оскаленных клыков на мерзлую землю падали тягучие капли слюны.

Историк попятился от них, по пути споткнулся о тело разбившейся кошки, упал, больно стукнувшись затылком, поднялся и увидел как серые тени стремительно несутся на него. Волки мчались дикими скачками, сталкивались друг с другом в диком желании дорваться поскорее до жертвы, да еще черные недокошки выскользнули наконец из салона и влились в толпу волков.

– Ай! – крикнул Леонид тонко, и оглянулся на лес, тот был

темен и тих, однако чувствовалось, что во тьме скрывается бьющая ключом темная жизнь.

– Ааааа!!! – заорал он, опять кинулся бежать, споткнулся и упал, раскравянив губы, и в этот момент первый волк достиг его.

Вонючая мохнатая туша заслонила небо, и последнее что историк мог видеть, был его автомобиль дико и безумно смотрящийся в массе бурливших вокруг него серых тел. Волк налетел на человека, придавил мощными передними лапами и сделал молниеносный выпад челюстями, обильно разбрызгивая вонючую липкую слюну.

Куснул, и его челюсти мощно сошлись, но сцепили только кусок мерзлой жесткой земли, потому что в последний момент зверя мощно снесло в сторону. Сбоку послышался тяжелый удар и дикий агонизирующий визг, в котором явно выделялась дикая первобытная тоска. Что ж, архивный работник не мог знать что и этот волк когда-то был человеком. Звали этого человека Александр Саянцев и у него был весьма крупный дом неподалеку от основной Черепиховской площади, он часто посещал бар "Левый берег", был женат и имел трех детей, а также автомобиль Москвич 2140, с ржавым пятном на левом заднем крыле, сразу под крышкой от бензобака. Одним из любимейших занятий его, было отправиться погожим деньком на Волжский пляж и плавать в реке в сове удовольствие. Из любимых блюд у него была говяжья печенька, которую он запивал яблочным соком.

А теперь он умирал на мерзлой колкой земле, пронзенный ржавыми вилами с крашеной рукояткой, бессильно бил лапами с огромными в царапинах когтями и бессмысленные его глаза пялились в низкое темное небо.

Леонид неподвижно лежал, борясь с тошнотой, рядом завывал все тише волк, и никто больше не нападал. Историк видел только небо, на котором при вспышке очередной молнии зарницы было видно как стремительно перемешиваются тяжелые массы туч. Стало совсем темно, а затем неожиданно в воздухе разлился странный беловатый отсвет, словно от лампы дневного света, только чуть потеплей. Примерно такой, чуть другого оттенка, можно наблюдать у уличных фонарей с оранжевой лампой. Встанешь под такой и кажется немного теплее и праздничнее.

– Вставай. – Произнес усталый голос с хрипотцой, кажется старческий. – Никто тебя не тронет.

Леонид лежал не двигаясь, мысли отвлеченно бродили, а часть сознания активно боролась с подкатывающим шоком. Другая же часть натужно пыталась осмыслить и объяснить увиденное. У людей вообще так. Все необычное, раз уж почастливилось увидеть, надо осмыслить, и переработать так, чтобы могли осмыслить другие. К сожалению осмыслить получается далеко не все, и что не поддается осмыслению может перегрузить мозг и навсегда сломать разум. Вот почему, увидев что-то абсолютно инородное нашему порядку вещей, большинство попросту теряет рассудок.

Историк сейчас как раз был близок к этой опасной грани. Его рассудок был менее крепок чем у Сергея, и потому увиденное выбило его из привычной колеи раз и навсегда. Как-то, депрессивно философствуя в образе змеи Серега пришел к выводу, что необычное лучше вообще не осмыслять, а лучше принять его сразу не обдумывая. Как принимают звери птицы и рыбы. Принимающие новое, и пару часов спустя не обращающие на него внимание, словно оно находилось рядом всегда. Отсюда – думал Сергей – вероятно и растут корни большинства сегодняшних религий. Ведь для нас так много неисповедимого.

– Вставай. – Повторил голос, и откашлялся. – Тебя заждались уже.

Историк медленно сел, его била крупная дрожь и он не мог понять от шока это или от холода, потому что с неба начал беззвучно сыпаться снег. Мелкий и колючий. Леонид, покрутил головой и узрел собственный автомобиль, тупо и бессмысленно пронизывающий темноту впереди светом своих четырех фар. На капоте машины кто-то сидел, и свет, исходящий от него затмевал свет электрических ламп. Сидящий оказался древним стариком в странной одежде. Лицо, все в морщинах улыбалось, но серые глаза смотрели цепко и серьезно. В них не было не следа тупости и бессмысленности свойственной таким старикам, (а судя по виду, сидящему было не меньше девяноста лет), в них была затаенная тоска и боль, словно повидал на своем веку слишком много

всего. Однако свет от него исходил... добрый. Другого определения историк подобрать не мог, не получалось как-то. В таком свете голова прочищается, а в душе появляется ощущение праздника. Почему так?

– К...кто? – выдавил Леонид, заикаясь, так как зубы дробно стучали друг об друга.

– Это тебе расскажут. – Негромко сказал старик, ему совсем не было холодно на моментом замерзшем стальном капоте автомобиля.

– когда доберешься до села. Там тебя ждут.

– Ждут...Кто?

– Твой давний знакомец. Он первый сюда приехал.

– Серега... Сергей? Он там?

– Там. – Согласился старец с улыбкой.

– А почему он... Что с ним сейчас?

– Сейчас? – старикан сосредоточился, устремив взгляд в темноту леса, где только что заметил Леонид, горели сотни яростных волчьих глаз. – В данный момент его сильно бьют кулаком в левую скулу, и он падает от удара. Вот, упал.

– Как бьют?! Кто бьет?! Так надо ему помочь!

– Он сам справится, я видел что он останется жив и не искалечен. Если хочешь знать, мне пришлось выбирать между спасением его и спасением тебя. Я выбрал тебя, потому что сложно остаться целым после множества волчьих зубов. А он не пропадет, вы увидите.

– Но кто же вы тогда? – изумленно спросил историк, каша

у него в голове уже бурлила не преставая и он все пытался понять как у его собеседника получается так светиться.

– Как я уже говорил об этом тебе расскажут другие. Но перед вступлением в деревню мне придется тебе кое-что рассказать. Возможно тебе это покажется бредом, но не очень задумывайся, верь на слово, и тогда сохранишь рассудок и не уподобишься библиотекарю.

– Какому библиотекарю?

– Это я так к слову. – Сказал старик и огладил свою пышную седую словно идеально расчесанную бороду.

– Это вы сдерживаете волков? – спросил историк, сам удивляясь безумности своего вопроса. – Вы?

– Я. – Величественно сказал старец. Он кстати теперь радикально отличался от того типа в ватнике, что встретил Серега месяц и три дня назад. Вместе с изменениями в Черепихово, менялся и он. Изменился и Серега. Правда душевно, по приезду даже Леонид узнает его с трудом.

– Так значит... – начал историк, но тут волки жмущиеся к деревьям издали долгий яростный вой, удивительно слаженный, и как одни исчезли в темноте.

– Прежде чем ты уедешь, – сказал странный старик, – я хочу тебе кое-что рассказать, чтобы мало-мальски подготовиться к происходящим здесь событиям. Подойди ближе я тебе расскажу.

Леонид сделал шаг вперед, а Сивер склонился к нему и начал рассказывать.

11.

Спустившись в деревню с холма, на котором так обстоятельно поговорил с Сивером, Сергей первым делом отправился напрямик к бару «Левый берег», что выглядел донельзя странным теперь, с заснеженной, кое-где просевшей крышей.

Снег весело поскрипывал под ногами, вдалеке мерзко нечеловечески орали, но Сергей был спокоен. Он вернулся. И теперь пусть только попробуют его остановить.

Он быстрым шагом подошел к двери в бар и мощно толкнул ее. Дверь с грохотом отворилась и стукнула о косяк. При этом, народ, что сидел в баре, испуганно привстал и схватил ружья.

– Я вернулся! – громовым голосом объявил приезжий.

На него испуганно вылупилось человек семь, все незнакомые, а у столика вскочил на ноги изумленный Лапников. Больше в баре никого не было. Журналист взирал на него с таким же удивлением как и остальные, он то знал, кто такой Сергей и что с ним произошло.

– Ты. – Сказал он.

– Я. – Ответил Сергей. – Не пугайся ты Лапников, я это действительно. Меня Сивер вытащил... Да опустите вы ружья наконец! – крикнул он, уже остальным селянам. – Я человек, может единственный, который вас спасти собрался.

– Спасать? – спросил один из селян. – Да нас уже никто не спасет, а ты небось големов прихвостень. Вон как вырядился, разве нормальные люди так одеваются.

– Что дали. – Ответствовал Сергей и прошел через все помещение к Лапникову. Черепиховцы приподняли ружья, но видя, что пришелец не обращает на них внимания, повременили с выстрелами. Лапников при его приближении, малость отшатнулся, но к ружью даже не притронулся.

– Но ты не мог! – сказал он – из змей не возвращаются.

– Не возвращаются, – согласился приезжий, – но нам с тобой повезло, нам помогают. Сядь ка лучше, наконец за стол и поговорим. Время идет.

Лапников сел, Серега сел тоже, оглянулся на дверь и произнес.

– Вот что. Расскажи что произошло здесь за время моего отсутствия?

Журналист кинул на него быстрый взгляд, он вообще сильно изменился за последний месяц. Стал нервный, глаза так и бегают за очками.

– Сначала ты! – сказал он.

Серега вздохнул с натугой:

– Ладно, я расскажу, может тогда поверишь и перестанешь за голема считать. – Обстоятельно, хотя и несколько сжато поведал собеседнику о своей змеиной жизни. Не упустил даже мерзкий момент поедания мыши, от воспоминаний о котором Сергея до сих пор временами тошнило.

Лапников слушал, временами вытаращивал глаза, поначалу вроде не верил, но когда Сергей начал пересказывать повествование Сивера, и дошел до похорон шамана Урунгула, начал медленно кивать соглашаясь. Похоже принял.

– Значит – сказал он неуверенно -Сивер тебе все рассказал?

– Рассказал. Расскажи и ты, где Щербинский, что с деревней за это время случилось?

– Случилось что? Много чего случилось. По ночам шабашки донимали, холодно было, старые дома на растопку пускали. Народ гиб один за другим, кого-то ночные твари задирали, кто-то в змею. Видишь этих семерых? Это все кто остался.

– Как? Это все что осталось от двух тысяч населения деревни?

– Но ты же сам говорил, что к августу тут никого не останется. По домам уже не живем, ночуем здесь, здесь и от шабаша отбиваемся. Дрова скоро кончатся, пропитанье тоже... хорошо что ты вернулся, посидим здесь напоследок. – Неожиданно закончил журналист, вперив безнадежный взгляд в искорябанные доски пола.

Сергей снова осмотрел комнату. Народ сидел по углам, тесными кучками. Люди просто сидели и ничего не делали, смотрели отвлеченно в стены и похоже прибывали в депрессивном ступоре. Спиртного на полках не осталось, но селянам было уже не до него, под стойкой теперь была навалена

груда банок с тушенкой. Всем семерым хватило бы на неделю.

– Дела. – Сказал Серега, снова поворачиваясь к Лапникову. – А почему Щербинского не видно?

– Так нет его, – ответил журналист, – исчез неделю назад. Мы с ним весь это месяц вдвоем держались, от шабаша оборонялись, хотя уже не сил не было, не желания. Ты когда обратился вы змеюку, мы вообще еле от пруда ноги унесли. Ты обратился, да сразу и цапнул Щербинского за сапог, хорошо не прокусил. Впрочем теперь то что, нет с нами Щербинского, небось змеей где ни будь шастает.

– Странно, – заметил приезжий, – почему Сивер не вернул его, если вернул меня. Или он все-таки не смог селянина найти.

– Какая разница в конце концов. – Вяло сказал Лапников и понуро уставился в пол.

– Да ты не раскисай, мне Сивер прямо сказал что вот-вот найдем решение как уничтожить камень. Значит не все еще потерянно. Ружье при тебе? Я останусь пока с вами в баре, пороюсь в архиве еще раз.

– Вон твой "Дракон" – сказал журналист указывая под стойку – мы еще тогда его от пруда вытащили.

Раздался царапающий звук и из-под стола на слабый свет керосинок выползла Венди. Псина прихрамывала, а шерсть на боку весьма сильно обгорела.

– Жизнь тяжела, – произнес Лапников скорбно, – прав

был Щербинский.

За окном шелестел снег. Лапников еще рассказал что ночные шабаши с появлением снегопада стали реже, а периодически вообще пропускали по несколько ночей. Так что в деревне теперь стало безопасней. И непонятно, толи твари ночи мерзнут как люди, толи притомились и не торопятся штурмовать бар, потому что людей осталось так мало, что можно сокрушить одним наскоком, толи, что скорее всего стянули основные силы на дно пруда, где и готовят страховидных монстров. Хорошо еще что Сергей не мог вспомнить облик созданного при нем чудища. Запомнилось только что-то черное, а детали, как и кошмары теперь намертво вмерзены в подсознание.

Посидели некоторое время молча. Сергей, медленно отогреваясь и наслаждаясь теплом и покоем. Не сравнить конечно с покоем подле Сивера, но тоже ничего. Как приятно быть среди людей! Пусть даже таких мрачных и запуганных как эти. А Лапников мрачно пялился в столешницу.

Сергеев мешок сохранился и лежал теперь подле столика, вперемешку с Лапниковскими вещами. Приезжий порылся в нем, вытащил на свет, потрепанную, залитою разноцветной кровью папку. Ту самую, что так невнимательно читал в первую ночь. Положил ее пред собой, раскрыл. Где-то здесь. Да, стоит почитать внимательно и найдется отгадка, как уничтожить камень. Надо внимательно прочитать о племени, и об их языческих обрядах. Отгадка должна скрываться под

этим толстым картонным корешком с грязными потеками, о чем же тогда предупреждал воевода.

Он сосредоточенно полистал папку, медленно погружаясь в поток разнообразных сведений, и боясь пропустить нужное. Лапников напротив угрюмо сидел вяло свесив руки. Хотелось бы радоваться, что не один опять, да сил нет. Устал.

Неожиданно позади народ зашевелился, зароптал, зашешуршился и этот звук был так знаком, что Серега мигом отодвинул папку и обернулся. Так и есть, опять очередной вскочил от стола, дергается по помещению, обращается в змею. Руки селянин держал прижатыми к лицу и тонко пищал. А между пальцами пробивался косматый бурый мех.

– АААаааа – вопил Черепиховец, его шатало, он ударился об стену и чуть не опрокинулся, но удержался и сумел таки отнять руки от лица.

– Да убейте вы его, чтоб не мучился. – Сказал кто-то.

Один из селян вытащил из-под столика свое потрепанное ружье, нехотя прицелился, а остальные наблюдали за ним хладнокровно и спокойно, будто не убивали на глазах их бывшего земляка.

Пораженный змеиной болезнью болезненно метался по старым доскам пола, отшатывался в испуге о столиков с людьми, а лицо его было странной смесью гладкой блестящей шерсти и чешуи. На лбу проклюнулся третий глаз желтоватого цвета, который безумно вращался в орбите. Бывший селянин шатнулся к столику за которым сидели Сергей

с Лапниковым, слепо оглядел их и неожиданно сделал то, что от него совсем не ожидали. Он рванулся вперед и цепко схватил, будто когтями папку и с историей Черепихова.

– Эй! – вскрикнул Сергей в изумлении, а этот монстр отскочил в сторону, и прыгнул головой вперед в окно.

Громыкнул выстрел, это опомнившийся селянин нажал таки на курок. Но монстра и след простел. Лишь задувал ледяной сквозняк в расколотое стекло. Да изумленно сидел Сергей, уставившись на то место, где только что была папка.

– Как же так? – сказал он.

– А никак, – произнес один из людей, что сидели у стены, – нет теперь твоей папки. И зачем ему она только понадобилась?

– Но там же... А! Я иду за ним!

– С ума сошел, хочешь что бы второй раз пришибили?

Но Серега уже вскочил, взглянул на Лапникова, тот остался безучастен и выскочил в морозную тьму. Ветер тут же продрал до костей и толстая подаренная рубаха совсем не спасала. В небе мерцали зарницы, а снега не было, лишь лежал он только на земле, толстым, утоптаным неведомыми тварями слоем. Обращенец стоял напротив у стены другого дома, он дрожал, сжимал в лапах папу и дико сверкал глазами.

– Стой! – крикнул Серега. – Отдай папку!!!

– ААААа!!! – ответил монстр и стремительно метнулся в сторону.

Сергей побежал следом. Было холодно, ноги увязали в снегу, а сверху одна за другой сверкали зарницы.

– Стой! – орал приезжий. – Брось папку, отпущу!

Змей впереди несся так, что за ним взметывался высокий белый снежный бурун, по которому его очень легко было обнаружить в темноте. Бегущий на ходу издавал писклявые звуки, и изо всех сил пытался оторваться подальше от преследующего Сергея. Он пару раз оскальзывался, гулко шлепая изменяющимся на ходу лапами, а затем вдруг резко кинулся в сторону и скрылся в тени одного из домов. Громко хлопнула дверь, значит монстр спрятался внутри. Тихий замирающий взвизг и тишина.

Сергей остановился тяжело дыша, давно та не бегал. А еще по рыхлому снегу. Он находился в прибрежной зоне Черепихово и где то за крайним домом начинается обрыв, а под ним течет невидимая в темноте Волга. Ветер посвистывал в пустых оскаленных рамах, тихо и печально. Да где то еще скрывался монстр, укравший папку как раз в тот момент когда приезжий уже почти нашел средство избавления.

– "Неужели они знали?" – подумалось Сереге – "Они знали о том что вернулся, и о том что замышляю снова разрушит камень. Может мы и правда под колпаком. И Сивер тоже?"

Только теперь он обнаружил, что забыл в баре ружье, выскочил как есть, налегке. В доме, в который вбежал монстр, что т тихонько шебуршилось. Поскрипывали половицы.

– Зайти или не зайти? – спросил сам себя приезжий. – Ружья нет, но с другой стороне он вроде меня боится, может удастся уговорить отдать папку?

Медленно Серега двинулся к распахнутой настежь двери. Та висела на одной петле, и покачивалась, чуть поскрипывая. А черный провал двери зиял пустотой. На пороге был навален снег, под которым с трудом угадывались очертания дорогого ковра. Было абсолютно темно, только ветер пел свою тоскливую песню.

– "Фонарь бы" – подумал Сергей с досадой и сделал шаг вперед в темноту.

Половицы под ковром скрипнули, и нога скользнула по ледяному покрову. Приезжий остановился, тщетно пытаясь привыкнуть к царящему вокруг мраку. В темноте что то шевельнулось и затихло.

– Эй. – Тихо сказал Серега во тьму. – Ты здесь?

Вообще было ужасным пренебрежением к опасности, идти вот так. Без оружия, через проклятую деревню. Но видно превращение в человека ослабили бдительность Сергея.

В соседней комнате зашевелилось, и раздался звон бьющегося стекла, что-то тяжелое рухнуло на пол, взвизгнуло, так, что приезжий вздрогнул. И снова тишина, лишь поскрипывает выбитая оконная рама.

– "Надеюсь этот дом не из тех, из которых хозяева не успели вылезти во время бури?" – подумал приезжий. Испуганно оглядываясь по сторонам.

Впрочем видно было очень мало, если не сказать ничего. Снег лежал двадцатисантиметровым слоем на полу, и если и был здесь бывший хозяин этого уютного домика, то наверняка скрывался под снегом. Не наступить бы.

Сергея медленно направился к комнате из которой последний раз слышался звон. Теперь там была тишина. Вблизи оказалось, что двери в комнату нет, она лежит под ногами припорошенная снегом. Две ржавые насквозь петли одиноко свисают с косяка, причем на одном из них гнилые остатки дерева. Видимо дверь попросту выломали. Кто выломал ясно, но кто здесь скрывался, и выжил ли? Какое теперь это имеет значение, дом все равно пуст, а внутри прячется только очередной перерожденец Черепихово.

Сергей замер в проеме, напряженно пытаясь хоть что ни будь увидеть. Почти полная темнота, хотя на противоположной двери стене повисло что-то тяжелое, временами колыхающееся, наверное портьера или тяжелая штора. Оттуда били и слабые лучики света, от верхних зарниц.

Сергей переступил порог, гулко ударил ногой по лежащей двери.

Ничего не произошло. Ни шума не шороха, и слышно лишь Серегино учащенное дыхание.

Он сделал еще шаг, нащупал шероховатую стену рядом с собой и снова двинулся вперед. Темнота насадала со всех сторон, в ней кажешься мухой, надежно спеленатой черной вязкой паутиной. Да, тьма глушит даже шаги, и лишь тот,

кто затаился в этой же комнате видит в ней хорошо, много лучше почти беспомощного человека.

Приезжий двигался вдоль стены, испуганно оборачиваясь, каждый раз, когда ему казалось, что кто-то находится позади. Нет, тишина. Вот что люди иногда боятся так же как и тьму – тишина, тишина в которой не знаешь, не подкрадывается ли к тебе что-то сзади. А тишина вкупе с тьмой – сочетание хуже некуда.

Он наконец добрался до портьера, остановился и тут позади него, из тьмы родился грохочущий звук шагов, сопровождаемый дробным клацаньем когтей, пробивавших снег до самых прогнивших досок пола. Сергей стремительно обернулся, и тут темнота вокруг взорвалась. В голове стукнуло, загудело, а перед глазами расплывались зеленые пятна, он вяло хватанул руками воздух, но кулак, только что мощно ударивший его в скулу ударил еще раз и Сергей развернувшись упал намертво вцепившись в портьера. Та не выдержала и сорвалась с карниза открывая в комнату доступ вялому ночью – дневному свету.

В пяти километрах от дома историк Леонид обстоятельно разговаривал с воеводой Сивером, а из леса на них ненавидяще пялились волки.

Сергей отупело упал на колючее снежное покрывало, а следом его погребла под собой тяжеленная пропитанная льдом портьера. И вовремя, потому что вылезший из угла монстр ударил ного – лапой по тому месту где должен был

лежать приезжий. Но лапа запуталась в портьере и в результате не попала по телу. Серега одурманено выползал у стены. И пока змей ожесточенно драл когтями портьеру, смог кое-как стать на ноги. Мир вокруг плыл, можно смутно было наблюдать черную фигуру возящуюся у окна. Серега встряхнул головой стараясь ее прочистить, скула горела и дергала.

– "Кулаком ударил!" – подумал он и чуть не рассмеялся, несмотря на абсурдность данного действия в такой момент.

Ударил кулаком, хотя в наличие такие когти, велика память человека, не сразу исчезает. Монстр наконец расправился с портьерой, не нашел там тела и гневно расшвырял ее кусочки в разные стороны, обернулся и слабенький свет на секунду озарил его лицо.

– Какая гадость! – сказал приезжий громко и вслух, он надеялся что змей поймет и правильно истолкует его слова.

Да, помесь змея с волком это что-то. На деформированном человеческом теле, вроде бы человеческой голове, растет густая бурая шерсть и топорщатся серые волчьи уши. В шерсти гневно сверкают два оранжевых звериных глаза, а третий, во лбу мертв и темен без зрачков. Явно змеиный. Там где шерсти нет, есть чешуя, что выглядит особенно гадко, кажется что оборотня побил лишай, кожа чешуится и маленькие серые чешуйки падают вниз.

Оборотень нашарил наконец глазами Сергея и расхлебывая пасть, заорал. Полный набор волчьих огромных клыков

сверкнул в слабеньком уличном свет, а между ними болтался и дергался сероватый, словно покрытый налетом ядовитый клык с которого падали на язык быстрые капельки яда. Чудище снова взревело и сжало свои когтистые кулаки, двинулось на него дико сверкая желтыми глазищами, которые теперь вроде бы даже светились во мгле.

Сергея кинул быстрый взгляд за спину. Прикидывал возможность бегства. Нет, не убежать никак, этот недозмей отрезал собой все пути к бегству.

Чудище ринулось вперед вопя как древние паровозы при выходе из туннеля, ноги к приезжего все еще были ватными, но он невероятными усилиями умудрился увернулся, больно стукнулся затылком о стену, снова чуть не упал. Но мощный удар, что монстр целил в него, прошел мимо, инерция увлекла чудовище вперед и кулак его с хрустом влетел в стену.

– Ааарг! – выдал змей, хватаясь за правую лапу.

И тут Сергей кинулся снизу на него, ударил правой, и чуть не сломал руку, но тут же добавил левой. Монстр отодвинулся в сторону, и забыв про покалеченную лапу начал яростно махать когтями, пытаясь зацепить человека.

Сергея еще пару раз ударил оборотня в живот, но тот был словно деревянный и кинулся к двери. Удар в лопатку настиг его тут же и опрокинул на ледяной пол. Монстр подскочил и добавил еще ногой. Приезжий попытался подняться на четвереньки но был тут же опрокинут новым ударом и загнан

в угол.

– "Да что я ему!" – проорал мысленно он. – "Мяч что ли"

И в следующий раз стремительно вскочил на четыре ко-
нечно, и кинулся вбок, монстр попытался нагнать, но Сер-
гей уже встал на ноги и прижался спиной к стене. Монстр
ударил, реакция у него была потрясающая, звериная. Вряд
ли даже боксер тяжеловес, выстоял бы против этого зверя,
Сергея попытался защититься, но не смог, и получил удар
в переносицу, от которого на секунду глаза залило оранже-
вой болью. Оборотень ударил еще и еще, но Сергей, ослеп-
ленный жуткой болью их даже не почувствовал. Но даже че-
рез оранжевый круги плавающие в глазах он увидел что на
тошнотворно мерзкой роже чудовища плавает бессмыслен-
ная улыбка.

Следующий удар приезжий кое-как отбил руками, хотя
секунду казалось, что кости не выдержат этого и переломят-
ся, и пока чудище замахивалось для нового, изо всех сил
пнул в твердое волосатое брюхо.

– Ооох... – выдохнул оборотень, а в брюхе на этот раз что-
то прогнулось.

А Сергей не давая тому передыху что было сил ударил
всем весом в эту продолжающую блуждать ухмылку. Хруст-
нуло, руку пронзило острой болью, а в колеблющимся све-
те зарниц засверкал вылетая огромный беловатый волчий
клык. Монстр отшатнулся на полметра, всего лишь отшат-
нулся, ведь в конечном итоге он весил почти вдвое больше

Сергея, а из пасти потянулась желтоватая сукровица. Кровь не текла, или эта желтая как глицерин гадость и была кровью этого змеемонстра?

– Ну – выдавил Сергей хрипло – каково?

Видимо монстру было неприятно, потому что теперь он по настоящему озверел. Хотя впрочем озверел, про такого как-то даже не подходит, он ведь и так зверь, впрочем и звери подвержены неконтролируемой ярости, сродня той, при которой африканский носорог вырывает своим костяным оружием кусты и мелкие деревца.

Оборотень кинулся на Сергея и начал его мордовать без зазрения совести. Монстр ревел, брызгал слюной, кулаки его стремительно работали, и только часть из них Сергей как мог принимал на руки. Так его не были никогда, это был какой то садизм и вскоре Сереге стало казаться, что он видит частицы жизни вылетающие из него при каждом ударе.

В избиваемой голове, зациклено крутились две оставшиеся мысли: Первая – ведь он же меня убьет. Вторая – снег идет.

Он сумел увернуться от последнего удара, скорей просто завалился на бок и услышал как оборотень снова попал в стену, взревел, но боли видно больше не чувствовал. Сергей нагнулся, прижав руки к груди, бить ими было все равно бесполезно, к тому же правая похоже вывихнута, а то и сломана. Он наклонился, поднырнул под очередной удар, чуть не упав кинулся вперед. Мысли в голове растворились, лишь стран-

но медленно проплывал пред глазами снежный наст.

Мощно оттолкнувшись ногами Сергей боднул оборотня в сравнительно мягкий живот. Боднул мощно, не думая о том что может сломать шею. Ударил со всего веса, и хотя и весил гораздо меньше чем монстр, удар таки достиг своего.

Шея выдержала, в голове и так плавал туман, и ничего нового в ней не образовалась, а вот чудовище покачнулось, зашаталось

И тут приезжий обхватив мохнатое туловище руками, обрушил таки его на снежный покров пола.

Мучительно медленно тяжелая масса начала заваливаться. Так падает столетний дуб, крепко вцепившийся толстыми корнями в землю.

Он заваливался-заваливался и наконец тяжело рухнул, и взвилась вокруг него тонкая снежная пыль.

– Ааааа!!! – заорал оборотень неожиданно, а вместе с его диким воплем до Серегиных ушел дошел странный резкий звук. Словно прорвали кусок толстой грубой ткани.

Вой оборотня перешел в визг, а Сергей по-прежнему сдавивший его руками увидел как из пасти рта чудища хлестнул в потолок фонтан желтоватой, гадостно воняющей крови чудовища. Оборотень бился в судорогах, агонизирующе орал, огромная мохнатая лапа зацепила Сергея и отшвырнула словно пушинку к обледенелой стене. Чудовище яростно извивалось, но с каждой секунду судороги слабели, и теперь было видно, как из под шеи змея растекается гниловатая па-

рящая лужа жидкости.

– Иииии! – провизжал монстр и захлебнулся. И затих, лишь слабеюще простучало по полу, то, что должно было быть хвостом народившегося змея.

Сергея лежал под обледенелой стеной, от которой несло холодом и как ему казалось, умирал. Впрочем, иначе мало кому покажется, измордуй его так как Сергея. Внутри все горело, оба глаза заплывали но все-таки самым омерзительным было именно то ощущение медленно закрадывающегося в организм холода, вытесняющего последние частицы жизни.

Холод, тьма, энтропия.

Пару слов о монстре, только что испутившего дух, в трех шагах от скрючившегося у стены Сергея. Оборотень стал жертвой собственной неосторожности. Прячась в темной нише от идущего следом Сергея, бывший селянин уронил с ветхого стола огромное глубокое блюдо сделанное из хрустала, очень кстати дорогое, гордость бывшей хозяйки этого дома, ныне лежащей окоченевшей на кухне.

Звон именно этого блюда слышал Серега пробираясь по холлу. Да блюдо разбилось, на три огромных куска, направив к небу образовавшиеся острые как кинжалы края. На эти то хрустальные ножи более тридцати сантиметров длиной и навалился всем своим немалым весом оборотень. Он напоролся не на один или два, а на все три острейших осколка, которые вошли ему в спину и шею. Сергею еще сильно повезло, что какой ни будь осколок не пробил тело мутанта насквозь

и не поранил его самого. Что ж, следите за чистотой в доме.

Грохнула входная дверь и в прихожей затопали торопливые шаги. Показался колеблющийся, но такой яркий казался свет керосинового фонаря. Изумленные голоса, затем в проеме комнате неожиданно появилось изумленное лицо Лапникова. В одной руке он крепко сжимал свою двустволку, а глаза шарили в поисках опасности. Тут он увидел Сергея, лежавшего в скорченном виде, но не обратил внимания, видно приняв за труп, каких много в пустых домах. Понял это и Серега, и поэтому он чуть двинулся и выдавил из себя слабый хрип:

– Лааа...

Лапников повернулся, глаза у него вытаращились, и он испуганно выдохнул:

– Оох. – и почти побежал к Сереге, в комнату вслед за ним ввалилось еще трое селян, которые сразу остановились нацелив ружья на бездыханный труп оборотня.

Когда Лапников уже наклонился над ним Сергей вяло пробормотал себе под нос:

– А пораньше было нельзя?

Следом за этим он отключился.

Тишина, темнота. Во тьме, измученный разум бился и взывал к свету. Сколько так может продолжаться? Который раз его ввергают в эту тьму, в котором лишь подсознание единственный собеседник и советник? Второй? Третий?

Сколько надо бить человека чтобы сломать его? Сколько надо мучит рассудок. Чтобы и он сломался. Сергей оказался крепок, а может это сивер в очередной раз помог, развел малость своим присутствием темноту кошмаров.

Приезжому снился сон. Он стоит на голой равнине, а позади стена, что тянется до самого горизонта. А в стене – исполинских размеров ворота, наглухо закрытые на прочнейший сосновый засов. Серега смотрит на них и понимает что это за сон, и страх толстым вязким потоком вливается в душу. Да, вот он этот кошмар, он здесь, столько лет мучивший его. Серега оступело смотрит на ворота и ждет неизбежного.

И вот оно! Дикий рев за воротами, что-то тяжелое бродит за ними, ищет малейшую щелочку чтобы прорваться внутрь. Ему надо только одно, просочиться внутрь и добраться до человека стоящего в изумлении. Сергей чувствует эту ненависть, что изливается на него из-за дощатой стены. Рев становится громче, и удар, тяжелый и мощный, обрушивается на крепкие створки. Страшно, Сергей видит, что ворота все-таки не выдержат и страшилище прорвется внутрь. Надо бежать!

Приезжий разворачивается и бежит, бежит в поле, но ноги вязнут и высокая отдающая прелью трава цепляется за ноги, останавливается. За плечами удары снова и снова падают на дверь, и та скрипит, почти уже разваливается, расходится по бревнышку.

И вот с последним ударом бегущий слышит, как двери

слетают с петель. Сергей знает, как сделать, чтобы кошмар прекратился. Он поворачивается и остановившись глядит на падающие ворота. Сейчас, сейчас сон прервется, спасая сознание, от увиденного.

Но сон не прерывается, нет, и с крайним ужасом Сергей видит свой страх, что пролезает в пролом в воротах. Это не страшный шипастый, тяжелый носорог динозавр.

Это Щербинский.

И он проходит в ворота и глаза у него светятся страшным багровым огнем. Щербинский открывает рот, обрамленный шевелящейся бородой и ревет:

– Я иду! – и снова. – Я идуу!

Сергей очнулся, и с горечью осознал что вернулся снова в этот ужасный циничный мир, где над человеком издеваются как хотят, где деревня скрыта под колпаком и нет прохода свету нет, и где в любой момент можно обратиться в змею

– Очнулся – сказал незнакомый голос.

Сергей приоткрыл глаза, и тут же к нему вернулось мироощущение, а также дикая головная боль, и разнообразный набор болей по всему телу. Свет хлестнул по глазам и пришлось их снова закрыть. Некоторое время полежал так, затем все-таки снова приоткрыл их, и щурясь. Узрел над собой побеленный потолок трещинах.

– Аай... – простонал он, но глаза приоткрыл еще больше, и обшарил ими помещение.

По крайней мер так можно отвлечься от боли, что терзала казалось все тело.

– "Круто он меня" – промелькнула мысль.

Он лежал похоже на кушетке, а вокруг находился некий кабинет, достаточно светлый, хоть и освещаемый сейчас двумя керосинками, письменным столом из ДСП и беленым шкафчиком из металла напротив.

У кушетки стоял стул а на стуле сидел некий тип, старенький с седой козлиной бородкой. Один он был в некий белесый балахон.

– Север? – спросил Серега, хотя то что вышло изо рта было весьма искаженно.

– Нет, нет. – Отозвался субъект. – Не знаю кто такой Север, хотя мне кажется это его статуя стоит в нашем музее. Я доктор. Доктор Тимаго, в общем то я оказал тебе первую помощь.

А правильно, и балахон на типе, похоже докторский халат.

– Значит, – сказал Сергей, – меня вытащили?

– Вытащили, – согласился доктор, – а то бы неминуемо замерз.

– А где Лапников?

– Ждет в другой комнате, пригласить?

– Давайте.

Тимаго ушел в комнату напротив, а Сергей попытался приподняться, удалось, несмотря на то, что голову снова заволокло туман. Видимо его состояние не так уж и плохо. Пол-

минуты он созерцал мутными глазами докторский кабинет, а потом обессилено привалился к стене.

Вернулся доктор, а с ним Лапников с собакой. Вид у него пожалуй стал повеселее чем раньше.

– Живой! – сказал он, – слава богу, мы уж думали, что тебя не донесем. Все-таки ты вернулся! Теперь мы прорвемся!

– Чего вдруг оптимистом таким заделался?

– Так ведь вернулись. Тебя вот спасли. Такого зверя в одиночку завалил.

Сергей неожиданно понял что Лапников против обыкновения называет его на ты. Нет, изменился журналист.

Сергей воззрился на доктора:

– Сильно он меня?

– Змей то? Ну вообще жить будешь.

– В смысле.

– Множественные кровоподтеки, вывихнуты пальцы правой руки, пара трещин в ребрах, я их перетянул, так что ничего, оба глаза затекли, ну это ты и сам понял, нос сломан, печально но факт. Я как мог его выправил, так что внешне это не отразится. В сущности ты очень легко отделался, при таких ударах, все обычно кончается сотрясением мозга. А у тебя нос.

– Мои мозги уже сотрясли так, что больше нельзя. – Улыбнулся Сергей, и моргнул глазами от острой вспышки боли в голове.

– Затылок разбил, это да, – продолжил доктор, – но тоже

только ссадина. – Затем глянул на Лапникова и спросил. – Ну что. Второго звать?

– Зови. – Кивнул Лапников.

– Эй ты! Давай сюда! – крикнул Тимаго в дверной проем. Оттуда послышались шаги и в комнату вошел... Леонид!

– Ну что? – сказал он. – Живой?

– Леонид! – воскликнул Сергей. – Да ты здесь!

– Здесь, – подтвердил тот, – и даже много чего узнал.

– Но как...

– Очень просто, ну слушай и изменился ты, не узнать.

Сам историк выглядел по-прежнему, только на лбу красовался малиновый синяк, да волосы были всклокочены и стояли дыбом.

– Еще бы, – сказал Серега с горькой усмешкой. – Не каждый раз тебя так мордуют!

– Да нет, дело не в том, ты прямо постарел лет на десять, не меньше!

– Уж на десять... а где папка?!

– Тут она, – сказал Лапников, – я ее поднял в доме, когда этот... это издохло.

Серега отодвинулся от стены, снова взглянул на Леонида, тот стоял и ухмылялся подле Лапникова, оба чем-то неотличимо похожие. Может быть потому что у обоих бороды? Только у Леонида она черная, а у журналиста рыжеватая. И оба смотрят с хитрым прищуром.

– Даже не вериться что ты здесь. – Произнес Серега. –

Искал значит меня?

– Искал. – Сказал Леонид все с тем же ухмылом.

– Что ты все улыбаешься?

– А чтоб с ума не сойти. – Ответил непринужденно историк.

Сергей потряс головой и ему показалось, что внутри что-то зазвенело перекатываясь, все вернулись, Леонид как-то оказался здесь. Как раз его и не хватало в последнее время, есть по крайней мере хоть один здравомыслящий человек теперь в Черепихово. Приезжий уставился на Леонида мутным взором и спросил:

– Ты как, знаешь все?

– Мне встретился по дороге странный тип по имени Сивер, он назвался воеводой русского войска бравшего село в четырнадцатом веке.

– Это он и есть, верь на слово.

– И он рассказал мне такой бред, в который я никогда бы не поверил, не наблюдай за нами в это время тридцать волков, которые не смели к нему подошли.

– А еще он светился.

– Да, еще он светился. Остальное он тебе тоже рассказал.

– Рассказал, – странным тоном произнес Леонид, – и это тоже в некотором роде правда.

– Правда. – Произнес доктор Тимаго и после этих слов обратился в змею.

Улыбка Лапникова поблекла, Леонид вытаращил глаза, а

Сергею неожиданно захотелось заплакать. Среднего размера змейка печально поглядела на них со стула, а затем скользнула в темноту за дверь. На стуле остался сиротливо лежать белый халат.

– Ооох... – сказал Леонид, а Лапников пожал плечами:

– Минус один. Итого в деревне осталось шесть человек, плюс трое приезжих.

Сергея, наконец собрался с силами и встал, поддерживая себя об стену. Голова на миг закружилась, но он удержался на ногах.

– Так, – сказал приезжий, – раз нас снова трое, хоть немного и в ном составе, не мешало бы сосредоточиться и на деле. – так все тебе рассказал Сивер?

– Да. – Сказал историк. – Все. Вплоть до твоих скитаний по лесу.

– Ну это он мог бы и не писать. Дайте мне папку, необходимо посмотреть обряды.

– Обряды? Какие обряды?

– А говорил что все рассказал. Сивер намекнул мне что отгадка кроется в древних обрядах племени Лемех.

– Ах обряды, – протянул Леонид, – в папке твоей обрядов нет.

– Как нет? А зачем же я тогда...

– Ну, не знаю. В Ярославском архиве я все-таки побывал и вынес оттуда помимо прочего именно описание старинных обрядов язычников.

За стенами дома доктора что-то отдаленно гроыхнуло. Дальний раскат грома может быть, или еще что ни будь.

– Что же за обряды? – спросил Серега поморщившись, перетянутые ребра болели, а дрался получается напрасно.

Приезжий еще раз оглядел друзей. Оба держаться спокойно, невозмутимо, словно не обратился у них на глазах человек в змею только что. Человек все-таки ко всему привыкает, даже к этому. Только потом становится черствым, и не обращает внимания на боль ближнего. Такими возвращаются с войны, когда люди умирают совсем рядом. Или из деревни Черепихово, как не дико это звучит. Что ж, чувственное отупение тоже в своем роде защитная реакция.

Гром гроыхнул поближе, словно собиралась простая летняя гроза, что не редкость в это время, если только нет снега. Эх, порой хочется даже такую грозу, лишь бы развеять ледяное омертвление этого края.

– Обряды, – сказал историк, – обрядов много, но нам надо специальный, можно сказать самый закрытый. Нам надо ритуал инноодушевления.

– Вот ведь бред, – встряхнул головой Лапников, – ты сам то хоть понял что сказал.

– Понял. – Спокойно ответил Леонид. – Не только в христианстве были ритуалы изгнания бесов. У древних угоров тоже было нечто подобное.

– А ты считаешь что у нас тот самый случай? – спросил Сергей.

– Тот самый. Мы имеем дело с вселением в неодушевленный предмет. В камень. И пусть мы не знаем что вселилось, мы имеем на вооружении универсальный обряд.

– И какой же?

– Все очень просто, и... – историк на мгновение замялся – в одной позиции довольно сложно. Видите ли, для того чтобы изгнать змея из камня необходимо зарубить острым железом, недавно обращенного оборотня.

– В смысле, оборотня.

– В том смысле, что надо убить бывшего жителя этой деревни.

Настала тишина. Леонид внимательно посматривал на остальных, ждал ответа. Лапников опустил голову и елозил взглядом по полу. Сергей казалось снова впал в забытие, от боли. Вид у него действительно был страшненький, с этими заплывшими глазами, жуткими фиолетовыми кровоподтеками на лбу и на скулах.

Разряд грома ударил прямо у них над головой так, что с потолка посыпалась обильно штукатурка, а справа по стене пролегла легкая трещинка.

– Ладно, – тихо сказал наконец Сергей, – нам необходимо пролить кровь оборотня. Пролить на камень. Оборотень. Змей, когда-то был человеком, как и мы сейчас. Но обратившись в змею, он отдал свою душу в жертву Снорунгу. То что осталось лишь змеиная оболочка, то есть уже не человек. Для человека это означает смерть.

– Интересно, а как ты умудрился остаться при своем, хотя был змеей. – Встрял Лапников.

– Не подозревай, – ответил Сергей, – мне помог Сивер. Я кроме всего прочего не участвовал в создании того черного супермонстра. Если то что осталось после обращения больше не человек, то мы сможем это сделать. Мы поймаем оборотня и убьем его.

– А если... – начал журналист и затих.

По соседней стене разлился беловатый яркий свет и в грязных серых обоях проступило лицо. Лицо было с белоснежной бородой, оно оглядело присутствующих и остановилось на Сергее.

– Побили? – спросил Сивер.

– При чем напрасно. – Ответил Серега. – Здравствуй воевода, что желаешь?

– Желая сказать, что нашел Щербинского.

– Как?! И что же с ним?

– Он обратился в змея. – Произнес старый воевода со вздохом.

– Это мы предполагали. Что же тут нового. Ты ведь не сможешь вернуть его?

– Не смогу. Но он обратился не просто в змею. Он обратился в летающего змея.

– Это как тот, что мы испугнули у Дворца Культуры?

– Больше. Этот размером с дом, красные крылья, тяжелые чешуи, и четыре лапы с когтями. Летает и временами дышает

огнем.

– Это как это огнем? – удивился Лапников. – это что же за змей такой? Это же дракон какой то! Сивер, да это не может быть правдой. Я понимаю змея, но дракон!

– Дракон есть, – сказал сивер громко – и вы в этом сейчас сами убедитесь, потому что он вылез из пруда пол часа назад и сейчас начнет кружить над селом. Я поэтому и пришел, чтобы предупредить.

Сергея оттолкнулся от стены и встал. Сивер нес бред, который в очередной раз норовил стать правдой. Снова громыхнуло у них над головами.

– Бегите отсюда! – крикнул Сивер. – бегите прочь и прячьтесь в каком ни будь подвале, где он вас не достанет.

– А почему именно нас?

– Да потому что в деревне больше никого не осталось!

Громыхнуло. Сивер исчез, а на его месте стена и часть крыши неторопливо обрушились и явили взору трех находившихся внутри людей темные небеса. С виду пустые, но потом они различили нечто, парящее почти в облаках. Тяжелая черная масса, вырисовывающаяся на фоне вспыхивающих временами зарница. И масса эта неторопливо взмахивала крыльями. Затем крылья на миг застыли и вниз с неба обрушился ослепительный огненный водопад, заливший собой два окрестных дома, где что-то глухо взорвалось и полыхнуло. Под ухом Лапников заорал.

– Боже! Да это же напалм!!!

12.

Это было безумие. Шизофрения, ненормальность. Просто мрак наконец! Последние часы, проведенные в сыром ледяном подвале окончательно доконали Серегу. Он сидел и чувствовал как незаметно сходит с ума. Да плохо было быть змеей. Но насколько безумнее было возвращение. Странное ощущение. Особенно гадко, что лица товарищей совершенно невозмутимы, словно не твориться здесь черти что. Словно не бежали недавно от огромной агрессивной черной гадины с крыльями, заливаемые потоками жидкого огня, вон аж новообетенную телогрейку прожгло в двух местах. Интересно как там с кожей.

Да, безумие сидеть так, размышлять, да еще и искать пути к спасению. Но человек хочет жить и иногда попадаются такие, что за жизнь цепляются всеми четырьмя конечностями или зубами. И не смотрят при этом, что мозг вот-вот перегорит. И даже не смотря на внутренний разброд, Сергей знал, что лица спутников, такие же как и у него самого.

Да дракон вернулся. И несмотря на столь огненную явь, дико было представить что это все-таки Щербинский. Человек, селянин, один из многих. Мысль о том. Что он умер, принялась бы гораздо легче.

И эта тварь, бывшая раньше их другом и спутником теперь пыталась их убить. Пыталась целенаправленно и стара-

тельно. Дракон методично изничтожил дом бывшего доктора и им пришлось бежать, укрываясь под крышами хат от льющегося сверху огня. Пару раз они чуть не погибли. Тем более что Лапникову с Леонидом приходилось тащить Сергея почти на себе, хотя от отталкивался и говорил что может идти сам.

Чудище пировало над селом, рушило во множестве дома и скоро в Черепихове наконец стало светло.

Стало светло от множества пожарищ.

Дома загорались как спички, оплавленная обгорелая кровля летела во все стороны расплавленными каплями, дорогу падали обгорелые дымящиеся доски, стрелял лопающийся шифер. Взлетала огненными роями сорванная с крыш черепица.

В конце концов трое оставшихся в Черепихово людей укрылись в подвале одного уже сгоревшего дома. Укрылись и некоторое время слушали как сверху бушует разъяренная тварь. Ощутили пару увесистых ударов в землю неподалеку. Но потом все затихло, видно дракон все-таки потерял их.

– Интересно, – сказал Лапников, сидя привалившись к покрытой наледью стенке погреба. Рядом стояли крашенные белой краской полки на которых обретались тридцать банок с квашеной капустой. К счастью теперь температура была много ниже нуля, а то ясно было видно, что большинство банок порченые, а некоторые даже покрыты беловатой плесенью, – как такая зверюга моет плевать огнем не обжигаясь?

– Плохо фэнтези читал. – Произнес Серега лениво. – Огонь образуется не в глотке дракона. Скорее всего у него имеется специальная железа, что вырабатывает горючий газ. Дракон выдыхает его, а на зубах, скажем, у него воспламенитель. Как зажигалка. Получается что огонь образуется у дракона не в пасти а уже на воздухе. К газу же привыкнуть я думаю легче чем к огню.

– Поучительно. – Съязвил Лапников. – подумать только, мы сидим в этом ледяющем погребе и размышляем над устройством дракона! Никто не подумал над тем, что выходя отсюда нет.

– Может и нет, – согласился Сергей, – да только выхода давно нет, надоело все. И Сивер наш тоже без сил. Гадину огненную не смог отогнать.

– Тяжело. Не жизнь у нас последний месяц а пародия какая то. Издевательство над личностью потрясающее. А меня ведь в дома в Москве ждут.

– И меня. – Ответил Серега. – Отпуск то полторы недели назад закончился. Вот так люди исчезают. И куда там инопланетянам всяким.

– Небось по больницам ищут.

– Лапников а Лапников, – сказал Серега – тебя зовут то как? А то мы все как-то по фамилии да по фамилии.

Лапников помолчал. Подтянул к себе поближе собаку. На руках вынес, спас таки, затем сказал тихо:

– Данила...

– Потрясающе, – слабо ухмыльнулся Сергей, – Данила Лапников! Звучит то как! А теперь скажи мне Данька, только на чистоту. Зачем ты приехал в Черепихово?

– Честно? – спросил тот.

– Сам понимаешь, может быть не выберемся отсюда.

– Ну если честно. Совсем честно, то я приехал сюда отрыть клад.

– Ух ты! – вырвалось у Леонида.

Серега снова ухмыльнулся:

– Значит правда соперник! И я за кладом.

– Получается мы оба не журналисты? А я признаться думал, что ты честно, скрывал. Тогда кто же ты?

– Я не журналист. Подумав на досуге я пришел к выводу, что не один нормальный журналист, кроме таких маскирующихся олухов как мы с тобой, не за что не поедет писать опус о такой занюханной глухой дыре! Я художник, работаю в рекламной компании. А вот он, – Сергей кивнул на Леонида, – мой сослуживец, бывший историк. Специалист по средневековой Руси. А ты кто тогда.

Лапников блеснул очками, странное видение в почти полной темноте. В щель над головой прорывался только слабенький лучик от бушующих вокруг пожаров.

– Я писатель, – сказал он, – писал книгу о древней Руси. Нужно было кое-что узнать, полез в архив, а там наткнулся на документ, про клад который. Да и Сивера там видел.

– Вот значит почему ты такой осведомленный был?

– Да, я хорошо подготовился.

– Вот что Данила, – произнес Леонид из дальнего угла, – раз уж так, то если мы все-таки выберемся отсюда, то вырытый клад поделим, на три части. Согласен?

– Согласен. – Ответствовал Лапников. – Да только не выберемся мы.

Все замолчали. И надолго. В общем то не было желания говорить у людей, запертых в ледяном подземном коробе, эдакой благоустроенной могилой на троих. То что дракон оставался сверху и по-прежнему сторожил их было хорошо видно. Он парил в небесах неподалеку бдительно патрулируя окрестности и не один предмет не ускользнул бы от его бдительного желтого ока.

В погребке царила тьма. Тьма густая, липкая. Словно имеющая вес и объем. Надежно отделявшая троих одиноких людей друг от друга. Они молчали, понимали, что если просидят так еще часов пять то просто тихо замерзнут. Что лучше спокойно замерзнуть в погребке или выскочить наверх и сгореть в жутких мучениях, словно облитый напалмом.

Тьма, вереница призраков, выпускающая из подсознания самые тайные образы. В темноте ничего не мешает. Не отвлекает от тяжелых мыслей. Тьма да холод, энтропия. Ведь только тьма да холод существуют сами по себе, без какой то либо внешней поддержки. Что Земля, что Вселенная, когда ни будь все погибнет и угаснет, лишь только темнота и холод вечны.

Что скрывается от нашего взора еще? Сколько таких "чудес" водится на Земле и не были ли правы все старые легенды и верования? Когда то чудовища ходил по земле, или то с чем они столкнулись существует лишь в единственном экземпляре? Эдакое аморфное зло, проявляющееся то тут то здесь. Отражение злобы в душах миллиардов людей? Что скрывается во тьме?

Деревня Черепихово. Полторы тысячи человек, живущих своей жизнью. Радующихся и печалившихся, созидających и разрушающих. Людей разных, совсем разных, но все-таки в чем-то одном единых. Все они хотят жить.

Ну вот буря, страшный катаклизм, рушит деревню. Разорвет тесный людской муравейник, и уносит жизни почти двух третей населения. Что ж, такова жизнь и народ остается, пытаются строить все заново. Но тщетно, на свободу вырывается новое зло, в чем-то тоже похожее на пронесшуюся стихию. Что-то большое, аморфное и темное, такое же обезличенное. Оно пронесится над деревней, но эта буря уже не уйдет, она останется, останется навсегда, если ее не выкорчевать сейчас, не уничтожить. За какие же грехи выпала такая доля селянам, тем двум сотням что нашла смелость остаться на пепелище? Такая страшная участь. Вымирать животной смертью одним за другим, так, что в конце концов осталось только трое, да и то не из деревни! И эти трое медленно замерзали в темном подвале, предаваясь мрачным мыслям и скоро не останется ни одного. И темна будет деревня, а сле-

дом за ней, это распространится и дальше, по всей области, а затем и по стране. Не это ли давно обещаемый конец света?

Конец августа в этом году выдался жарким и душным. Дождей в общем то почти не было, солнце светило круглосуточно, и жарко, накаляя асфальт на ярославских улицах и ослепительно отражаясь от синего полотна Волги.

Ослепительно оно сияло и на Черепихово, вернее в том месте, где кончался черный непроницаемый колпак, словно сделанный из плотного материала, такой монолитный. Весь этот сияющий радостный день температура держалась на уровне двадцати пяти градусов выше нуля и в воздухе постепенно нарастало напряжение.

– Будет гроза. – Говорили жители деревни Карявкино, кидая недоумевающий взгляд через Волгу, где колыхалась непонятная синяя дымка, абсолютно закрывавшая собой село Черепихово. А ведь даже в самый ненастный день можно было увидеть как поблескивают слегка купола Черепиховского собора.

А гроза действительно надвигалась. Уже ближе к вечеру на горизонте обрисовались тяжелые, льнущие всей своей тяжестью к земле, фиолетовые грозные облака. Тучи кучковались на горизонте, клубились, наливались тяжестью, и наконец легкий вечерний бриз, погнав их на Черепихово. Облака двигались сплошной тяжелой массой. В к которой непрерывно что то клубилось и перемешивалось. А затем громыхнуло первый раз, и множественные зарницы озарили мрач-

ную внутреннюю поверхность туч. С треском молния ударила в лес, яркая светящаяся, толстая, а затем на пыльную ждущую землю пролились первые капли дождя. Громыхнуло снова, и вот уже потоки. Ниагара воды изливалась в лес, тревожа листья деревьев.

Дождевой фронт стремительно надвинулся на Карявкино, мигом пересек волгу, вспенив темные мутные воды, и смешался с вечным черным покровом села. Здесь, в ледяном царстве живой быстрый дождь не мог существовать, поэтому он превратился в ленивый снегопад, и мягко начал стелиться на землю.

Но молнии остались. Во все своем буйстве сверкали они в темном тучевом полог, разрывали его на мгновение, и яростно били в высокие крыши домов, на миг оживляя их. Словно пытаюсь вдохнуть свою яростную электрическую жизнь в их окоченелые ледяные остовы.

Дракона, безраздельно мародерствующего над домами, гроза тоже немного обеспокоило, молнии били совсем рядом с ним, он ощущал как встает грубый проволкообразный ворс на брюхе, от скопленного в воздухе электричества. Поэтому он предпочел приземлиться на развалины Дома культуры и сложить там крылья, отдыхая.

Не ускользнуло буйство стихии, и от замерзающих пленников погребца. Лапников, первый слегка высунул голову, услышав оглушительный грохот. Молнии ударила в землю на той стороне улицы и он поспешно спрятался обратно.

– Гроза. – Сказал он.

– И что? – спросил Серега лениво.

– Впервые за последнее время гроза. Все вокруг оживает.

– Все оживают, а я замерзаю. И похоже навсегда.

Леонид не присоединился к их затеплившейся было дискуссии. Он тяжелым сном спал в уголке. Чиркнуло, раз, другой, остро запахло спичечной серой и в темноте погреба вспыхнул слабенький огонек. Пламя затрепетало на воздухе дующем из щели, чуть не погасло, но удержалось, сохраненное заботливой рукой. Крохотный огонек высветил лицо Лапникова настороженное и диковатое. Очки блестели, и казались глазами огромного насекомого. Псевдожурналист выглядел так странно, что Сергей попытался вяло отшатнуться от него. Но не смог, заледенел весь.

– Гроза! – повторил нетерпеливо Лапников, сипло и хрипами.

– Ну?

– Молнии вокруг. Эта скотина слишком большая. В нее может ударить!

– И что?

– Да ты совсем что ли отупел? Он сейчас не летает! Есть шанс проскользнуть!

Сергей дернулся, все тело отозвалось тупой болью. Но меньше чем сейчас. Кое-как встал на колени. В этот момент спичка догорела и погасла. Лапников с проклятиями зажег новую. В этом свете Сергей внимательно вгляделся в изму-

ченное лицо писателя.

– Думаешь?

– Думаю. Давай, буди своего...

Сергея оглянулся на люк, но там словно начался Армагеддон, и вспышки молний словно ослепительные узкие стилеты вспарывали ткань тьмы.

– "А ведь и правда!" – подумал он. – "Рискнуть что ли?"

Он начал трясти спящего Леонида за плечо. Тот не отзывался, и голова болталась бессильно, и Сергей испугался даже, что он уже не проснется. Встряхнул историка еще раз и тот приоткрыл пустые глаза.

– Что...

Сергей встряхнул еще раз:

– Вставай давай! Еще такого шанса не будет!

– Оставь... – прошептал Леонид, и снова уронил голову на грудь.

Сергея его встряхнул, и из-за этого кулаки с содранной кожей снова разболелись:

– Ленка не спи. Герой из тебя как... Ну вставай же!!! – заорал он внезапно. Чиркнула третья спичка.

Леонид открыл глаза и вполне осмысленно уставился на Сергея:

– Сгорим. – Сказал он.

– Не сгорим. Дракон сейчас не летает, он молний боится.

– Давайте быстрее, пока гроза не закончилась – поторопил Лапников, и первый со скрипом поднялся на ноги. Охнул,

видно тоже сильно замерз. Да и ноги затекли. Он осторожно приподнял крышку люка и в погреб обильно посыпался рыхлый липкий снег. Тут же ворвался гром, прометнулся по ледяной камерке и затих.

– Да, погодка... – протянул Лапников. – Но все же лучше чем мертвая тишина.

Он толкнул крышку и та с упала наружу с грохотом, который совершенно потонул в раскатывающемся по небу грома.

– Никого. – Воскликнул бывший журналист, оглядывая небо, затем оглянулся уже в погреб, где ему как раз подавали собаку.

Кое-как выползли на снег. Сверху грохотало, лупило молниями, а снегопад становился все гуще и гуще. Вот он, типичный летний ливень, и такой же наверное короткий. Так что надо торопиться. Вылезали с трудом, со скрипом, Сергей выползя в снег вообще чуть не отключился, лежал некоторое время с темнотой в глазах, уговаривал себя встать. В конце концов удалось, и он приподнялся, отправился за остальными. Вообще сейчас было уже полегче, в частности, голова у него прошла и больше не напоминала бронзовый колокол, в который нещадно бьют.

– "Все-таки повезло", – подумал Сергей, – "что вообще жив остался. Против такого монстра пойти".

Выползли из погреба Леонид. Его подняли, поставили на ноги и втроем побежали прочь, вдоль по улице, прячась в тени оставшихся домов и испуганно бросая взгляды на небо.

Пожарища обходили далеко по кривой дуге. Дракона – Щербинского в небе пока не было, да и вряд ли он заметил их с высоты в таком снегопаде. Тут уже в пяти метрах всякая видимость терялась.

– Куда бежим то? – спросил Лапников.

– В музей. – Ответил Сергей, боязливо оглядываясь.

– В музей? Почему?

– Все просто, там хороший подвал, есть печка, может быть съестное. Короче можно пересидеть. А там может и подумаем что делать.

Гроза наверху была в самом разгаре, у них на глазах толстая молния ударила в скрюченные корни гниющего дуба, что торчали на доме культуры. Мощностъ ее была так велика, что дерево воспламенилось и скоро весь дуб был объят пламенем, создающим великолепное зарево. В багровом отсвете стало видно, как дуб дергается в огне, заем его середина переламывается и он падает на арку, сокрушая ее своим весом. Секунду колоннада держалась, а затем тяжело обрушилась с мощным грохотом, донесшимся до них даже через неиствующую грозу.

– Вот и нет домика. – Сказал Серега.

Они бежали (Вернее ковыляли) по основной улице, и временами слышали в пустых домах некие завывания, кто-то ревел, скребся, и они шарахались от звуков. Что за твари остались в Черепихово? Может все те же изменившиеся сельяне, которые оказались не нужны, для непонятных планов

Снорунга. И вот они теперь вернулись обратно в свои разрушенные изгаженные дома, и воют там. Скребуются, пытаются вспомнить свою бывшую сущность.

Ружье было одно на троих, у Лапникова. Серегин прекрасный дробовик так и остался в баре. И заходить за ним, значит терять драгоценное время. Эксжурналист целился своим оружием в каждую подозрительную тень и даже один раз выстрелили, попав в совершенно обычную на вид собаку. Без каких то видимых изменений к змее.

– Это просто собака, – произнес Серега, когда они оставили бьющееся на земле животное позади, – думаешь превращений больше не будет?

– Может быть. – Ответил Лапников. – превращаться то больше некому, кроме нас. А нас хранит Сивер. Может быть.

Сквозь снегопад они увидели музей. Все то же строение, гнилостного мерзкого цвета, с отвалившейся треснутой штукатуркой, открывающей красный пористый кирпич. Гроза шла на убыль. В деревушке за рекой она уже закончилась и там установился все тот же спокойный вечер в конце августа. От высыхающей травы шел пар, а воздухе пахло озоном и на удивлении легко дышалось.

Трое оставшихся в пределах этих двадцати километров людей нырнули в темноватый зев музея, и застыли у входа в подвал. Темно, но на крюке над дверью остался один единственный фонарь тип "летучая мышь". Три других они использовали при прошлом посещении и над ними не висел

тогда Щербинский поливая окрестности огнем.

– Ну что? – спросил Серега оборачиваясь на остальных. – Полезем вниз?

Лапников кивнул, Леонид промолчал, вид у него был подавленный, замученный. Сергей приоткрыл дверь и стал спускаться в темноту. Странно но теперь это было удивительно легко и не страшно. Приезжий помнил первый спуск, помнил, как тряслись они тогда и пугались даже собственной тени. Конечно, тогда они спускались вниз в темноту и холод, а сверху оставляли теплый летний день. И опасность грозила снизу из подzemелья. Теперь же все на оборот. В подвал спускаешься, чтобы найти там защиту от того что летит с неба, спускаешься в темноту, чтобы уберечься от пламени. Подумать только как быстро может менять страхи человек.

Они быстро спустились, почти сбежали, по лестнице, и Сергей оживал прямо на глазах. Он вообще уже довольно долгое время отходил от побоев, и сейчас чувствовал себя готовым к действию, если только это действие не будет еще одним боем с монстром оборотнем.

Вот и ржавая дверь впереди, а под ней засохла красноватая лужа, от лежавшего здесь змеюка. Сергей как сейчас помнил этого обращенца. Видно несчастный скрылся здесь, когда почувствовал, что запахло жареным. Но змеиное проклятье настигло его и здесь, здесь его оно и убило, или он сам убил себя, решив что ему уже не помогут.

Лапников неожиданно очутился впереди и уже открывал

дверь, осторожно заглядывая туда. Сергей подошел ближе и встал позади.

– Ну? – спросил он.

– Тишина. – Свистящим шепотом сказал Лапников и отворил дверь полностью.

Там и правда была тишина, полная, неподвижная, ледяная. Где трусливые обладатели страшных красных глаз. Прячутся как всегда в темноте или ушли как все остальные на дно пруда? Лапников поднял фонарь повыше и осветил. Скучный свет озарил стальной канцелярский столик и массу бумаг на нем. Еще он осветил печку буржуйку, которой прячущийся здесь селянин согревался в холодающие ночи. И все равно никого. И нет даже ощущения что на тебя все время смотрят.

– Они ушли – сказал Лапников и повесили фонарь над столиком.

Леонид осторожно вошел в дверь позади. Повертел головой:

– Вы что здесь уже бывали?

– Бывали, тогда здесь было страшное место. Теперь здесь убежище. Давайте как растопим печку.

Леонид поднял ворох бумаги, негнушейся рукой, вопросительно глянул на Сергея. Тот кивнул.

И вот, подборки "Черепиховской правды" за 40-70 годы отправилась в печку. Огонь весело трещал, сыпал искрами, принимая хоть и слегка отсыревшую, но все-таки так хоро-

шо горящую бумагу. Буржуйка раскалилась, воняла дымом, но если сидеть совсем рядом с ней, то можно наконец было согреться. Выгнать из костей могильный холод погребца. Все трое сгрудились вокруг печурки, смотря в огонь и медленно отогревались.

Еды не нашлось. Печально но бывший узник обитатель этого архива все съел. Может и выполз поэтому наружу, терзаемый голодом, замученный постепенным превращением в змею.

Печально, потому что оставшихся трое горожан не ели уже полтора дня. А голод плохое сочетание с холодом.

– Ну ладно, – сказал Сергей, спихивая свою телогрейку поближе к огню сушиться, – от холода мы уже не умрем. Это хорошо. Но что дальше?

Он сидел почти вплотную к печурке, чуть ли не обжигаясь. В своей странной длинной рубахе, заляпанной теперь бурой засохшей кровью. Бурой, вперемешку с водянистой зеленоватой. Вид у Сергея был дикий.

– Отогрелись. – Произнес Леонид. – А что дальше я не знаю. Лично я теперь думаю как бы мне удержаться в рассудке.

– Вообще есть способ. – Сказал Лапников. – Есть. Он конечно безумный. Сумасшедший. Но разве не такой весь этот окружающий на мир?

– И что же за способ?

– Когда ты мотался змей по лесам, – произнес писатель, –

я свел знакомство с оставшимися Черепиховцами, и от одного такого болтуна, что любил потрепаться, прежде чем его унес маленький крылатый змей, узнал, что есть тут в районе села военная база.

– Вот это действительно бред. Какая база может быть в глухом лесу? Что им там делать?

– Ну обычной то не должно. А эта была особой. В общем то это одна из тех забытых баз, где находятся ракеты с ядерным зарядом. Таких пусковых шахт много запрятано по лесам, да по тайге на случай войны с Америкой. Их делали во время холодной войны. А теперь там запустение.

– А селянин то откуда это знал? – спросил Серега – про базу секретную?

– А он на ней служил – просто ответил Лапников.

– Как?!

– До последнего месяца там находился маленький гарнизон. Они там кое-как следили, чтобы оборудование не растаскивали местные. Скука была страшная, солдаты разбежались. Вот и этот ушел, стал жить в селе. Про них уж и позабыли давно.

В печи треснул огонь. Серега хмыкнул. Потом сказал:

– Значит тут есть база. Бред, но что-то подобное я читал в газетах. И ты даже знаешь где эта база находится?

– Да, я расспросил довольно подробно. Знаю, и это не так далеко отсюда.

– И что ты думаешь мы найдем там?

– Кучку змей от гарнизона, если не расползлись, и вооружение в целости.

– И ты думаешь мы сможем убить из оружия твоего дракона?

– Сможем.

– Это же Щербинский.

Лапников замолчал, тоскливо взглянул в огонь, что был бесшабашен и не имел проблем. Затем произнес:

– Щербинский мертв. Осталась только огромная кожистая гадина! И мы убьем ее!!!

– Я за – сказал Серега – туда надо идти через заснеженный лес, кишаций монстрами, но это лучше, чем оставаться здесь, загнанные под землю как крысы или кроты. Нас наверняка убьют, но после всего происшедшего это не так страшно. Леонид ты как?

– Мы пойдем – отвечивал тот – мы погреемся еще чуть и чуть и пойдем. Через ночной заснеженный лес с маленькой надеждой найти спрятанную военную базу.

Снова все замолчали. Слышно было как с оттаявшего потолка капает крупными каплями вода. Одна упала на печку и зашипела. Сергей поднялся:

– Ну что тогда тянуть. Гроза закончилась, больше все равно ничего не изменится. Пойдемте.

Они поднялись, оставили фонарь зажженным, печку горящей. Все равно возвращаться не придется. В любом последующем варианте. Тяжело двинулись вверх по лестнице,

каждый в своих думах.

– Зайдем в музей. – Предложил Серега.

– Зачем? – вяло спросил Лапников.

– Нам нужно нечто острое чтобы зарубить оборотня на камне. Может поймаем какого по пути.

– И что ты хочешь взять?

– Меч. – Сказал Сергей.

– Ну меч так меч, – ухмыльнулся Леонид, тащащийся сзади. – Только его надо наточить. Там в уголке я видел древний точильный станок.

Приезжий кивнул. Почему-то ему казалось, что ритуал будет верным только если применять именно меч.

Они вышли из подвала и сразу испуганно уставились на небо. Снегопад прекратился. Гроза тоже, и темное небо было холодно и беззвездно.

А главное пусто. Ни следа дракона. Может он улетел? Как бы то ни было они сразу нырнули в тень под уцелевшей частью потолка и под эти навесом вкрались в зал.

С того времени как Сергей видел его последний раз месяц назад, Черепиховский музей изменился до неузнаваемости. Он и раньше то не выглядел трезво, с этим отсутствующим потолком и стенами в зеленых потеках. А уж теперь вообще потерял вид какого то либо жилого дома. Пред ними простирался зал, пол которого был закрыт снежной нетронутой равниной, из которой дико и нелепо, как непонятные торосы или айсберги торчали стеклянные музейные витрины. И

снег и стекло переливалось в холодном зимнем свете, что царствовал вокруг, блестели, и наводили жуть.

Целых витрин оставалось не так много, и Сергей уверенно направился к одной, по-прежнему прячась под сохранившимся навесом.

В витрине что-то тускло блестело. Серега оглянулся и увидел, как двое горожан медленно, след в след подбираются ближе к нему. Вдруг Лапников задрал голову к небесному потолку и остановился как вкопанный, придержав идущего следом Леонида. Приезжий тоже глянул наверх.

Темной холодной тенью над зданием бывшего музея пронесся дракон. Виден он был плохо – темный силуэт, на темном небе, но потрясали его размеры. Одни крылья в размахе похоже достигали пятнадцати метров. Летающий кит. Тварь стремительно пронеслась над ними и исчезла из виду. Видно и она никого не заметила внизу.

Секунду стояла тишина, затем Леонид гулко выдохнул и подтолкнул Лапникова. Иди мол.

– Лапников – крикнул Сергей приглушенно – ружье!

Тот добрался поближе и кинул ружье приезжему. Тот взял его, а затем обрушил деревянный приклад на стекло. Сухое дерево столкнулось со стеклом и то, с немелодичным звоном расколосось и обрушилось в снег, что загасил вообще всякий звук.

– Ну? – спросил Лапников подходя.

– Тут он, тут. – Произнес Сергей и осторожно сунул руку

в пролом.

В почти полной тьме пошебуршил, и наконец что-то схватил и потянул. Звякнуло, и оставшаяся часть стекла раскололась, засыпав стеклянной крошкой нетронутый снег.

В руках Сергей держал меч. Держал ровно, за рукоятку правой рукой, и слабенький свет тускло блестел на лезвии. Лапников остановился, критично всматриваясь в приезжего. Тот совершенно переменялся, и теперь вообще не выглядел живущем в этом веке. Выглядел он грозно, и до невозможности дико. Сергей повел мечом, свет заиграл на острие и тут проявилась масса недостатков, что невидны были поперву.

Да, меч был совсем старый. Цвет у него был скорее не серебристый а какой то желтоватый, с легким налетом ржавчины. Рукоять, та вообще истерлась, потемнела, а в эфесе слепо, как пустая глазница зияла оправа, где должен был находиться драгоценный камень. При ближайшем осмотрении меч оставлял весьма тягостное ощущение. И уж конечно выглядел в тысячу раз хуже чем те коллекционные мечи с хромированным лезвием, что продаются за облачные цены в магазине.

Но было у него одно отличие, от тех безвкусных расфуфыренных клинков, серебрень с которых слезала стоит лишь раз потереть. Это был настоящий меч. И сталь под налетом ржавчины была хороша, и чувствовалось что в глубине веков этим мечом секлись и рубили, и прекрасно сбалансированное лезвие было остро наточено. И этим мечом убивали.

Убивали наверное не раз и не два. Это было оружие. Чем же еще мечи отличаются от столовых ножей?

Вот и в этом мече чувствовалось его направленность на сечу.

Сергей сомкнул пальцы на рукояти (показавшейся ему впрочем неудобной) приподнял меч, взмахнул им. Тупое лезвие со свистом рассекло воздух, и в финале чуть не вырвалось из пальцев. Меч был тяжел и длинен, двуручный.

– Надо бы наточить. – Произнес Лапников и Сергей сунул ему ружье.

В той же витрине приезжий отыскал широкий кожаный пояс, невообразимо древний, даже думать не хотелось, истертый весь, и нацепил его на себя, застегнув грубую пряжку. У пояса обнаружилась перевязь, в которую Сергей и сунул тяжеленный меч. Тупой стершийся конец клинка при этом почти волочился по земле. Хорошо еще рост позволяет, а то был бы пониже, вообще носить бы не мог. Разве что за спиной.

– Эй! – крикнул Леонид с другого конца зала. – Сюда!

Там, у стены, где кровля точно также нависала еще над снегом обнаружился древний точильный станок. То есть не такой уж древний, но сделанный никак не раньше девятнадцатого века. Другой бы любой станок за время давно окислился, развалился от ржавчины, тем более так долго стоял под снегом и дождем. Но эта махина была создана из черного чугуна и потому незыблема и непоколебима. Выглядело это

чудовище точильного искусства ничуть не менее гордо чем какая ни будь Царь пушка.

И самое главное, станок работал от ножного привода. И даже вполне современный точильный камень находился здесь.

– Ух, – сказал Леонид, – прямо паровоз. Думаете мы сможем раскачать его?

– Не сможем, так просто об камень заточим. – Произнес Сергей всматриваясь в сочленения станка.

Затем он подозвал Леонида и они стволом ружья кое-как отбили с вращающихся деталей лед. Над головами очередной невидимый тучевой массив нашел на другого и на разоренное село посыпался легкий снегопад. Но это им было только на руку.

– Ну давайте! – Скомандовал Сергей. – Вы давите.

Основание станка, как чугунный остров выступало над морем снега, а еще выше помещалась некая огромная чугунная педаль, сочлененная с чугунным же колесом, от которого шкив шел непосредственно к точильному камню. Насколько помнил Сергей такая конструкция применялась вплоть до тридцатых – сороковых годов.

Лапников с Леонидом нажали, а Серега навалился на колесо. Ничего не произошло, в общем то как и ожидали. За столько лет стояния, наверняка все части станка крепко прилипли друг к другу. Они навалились еще раз, причем Леонид почти прыгнул на педаль всем весом и на этот раз педаль с

шорохом поддалась, надавилась, и точильный камень с глухим скрежетом провернулся.

– Есть! – произнес Сергей – давайте, давайте.

Станок основательно засорился и абсолютно не был смазан и поэтому на педаль, рассчитанную всего на одного человека, пришлось налегать вдвоем со всей силы. Да и то колесо периодически заедало.

– Точи, точи. – Сказал Лапников, смахивая пот, быстро разогрелся, словно не помирал совсем недавно от холода.

Серега глянул на точильный камень, резво вертевшийся и осторожно приложил вынутый меч к нему. Брызнула узенькая полоска искр, лезвие отбросило. Но Сергей понес его еще раз, на этот раз крепко прижав. Теперь искры бежали потоком, облетая острие и мимолетно высвечивая его.

Он начал осторожно водить мечом вдоль камня, стараясь как можно равномерней распределить заточку. Когда ему показалось, что с одной стороны хватит, он перешел на другую. Искры летели, металл визжал и люди все время поглядывали на небо. Потому что производимый ими фейерверк должен был хорошо виден с высоты. Маленькое оранжевое пятнышко среди окружающей тьмы.

Особенно осторожно он полировал острие. Когда ему показалось что наточил достаточно, сказал:

– Хватит!

Лапников и историк кинули педаль. Оба тяжело дышали, а Леонид даже привалился к ледяной стене позади.

– УФ, – сказал писатель, – а это ведь тяжелее чем я думал. Ну что наточил?

Сергея снова поднял меч. Теперь тот выглядел еще более странно. Желтоватый налет в середине клинка еще оставался, но зато края блестели чистым металлом. Казалось они просто светятся во тьме. Светятся прямо как Сивер. Если бы не было так темно, то стало бы видно, как кромку покрывают многочисленные царапины, от неудачной заточки, но в полутьме оружие выглядело больше чем внушительно.

– Воин, – ухмыльнулся Леонид оглядывая Сергея, – не хватает только кольчуги.

– А это мысль. – Заметил Сергей и расколол ближнюю к нему витрину, за которой висело что то темное.

Поворошив в разломе мечом, он вытащил на свет, в ка-вычках, тусклое серое одеяние. Это была старая, древняя кольчуга из мелких колец, что закрывала тело и руки, а шею оставляла открытой. Кольца покрылись налетом и почти не блестели. Кроме того кое-где кольчуга откровенно проржавела. Одеянье глухо звякнуло при движении.

Не замечая ироничных ухмылок Леонида и откровенно скарбезных Лапникова. Сергей натянул кольчугу на себя. Охнул под навалившейся тяжестью, даже на ногах присел. Тому неведомому человеку, что ее носил кольчуга была по колени. Сергею же она была что длинная куртка, то есть до колен не доставала довольно далеко. К счастью в плечах они были примерно одинаковы, так что железная рубаха не ер-

зала и не сползала. Все же тяжела она была, да к тому же вспомнилось, что пояс надет под кольчугой, и пришлось его снимать и снова застегивать уже над кольчугой. Затем повесил в перевязь меч и чуть не упал.

– Эх, – сказал Сергей, ухмыльнувшись, – коротка кольчужка!

– И тяжела, – добавил Леонид, – килограмм пятнадцать весит.

Серега потопал, звякнул колечками, затем произнес:

– Но зато защищен, от когтей и зубов, хоть и не везде.

– Бежать то хоть сможешь?

– Смогу, – сказал приезжий и вынув меч воинственно им взмахнул.

На этот раз не удержался и выронил тяжелое лезвие, а сам, потеряв равновесие вынужден был опереться об стену. Лапников даже не улыбнулся, а Леонид вынужден был спрятать улыбку в бороду.

Снегопад усилился и все помещение было заполнено твердо падающими снежинками. Станный был снег. Падал так, словно каждый кристаллик летел по собственным невидимым прямым, абсолютно рельсам. Абсолютно прямо, не играя, не подлетая на потоках воздуха. Наверное так падает снег в царстве мертвых. Снег, который поскорее стремится скрыть все живое своим белым пленяющим покрывалом.

– Двинулись? – спросил Серега понимая меч из глубокого снега.

– Двинулись – откликнулись эхом его спутники и они вдоль стены зашагали к выходу.

Неба уже не было видно, все скрывал совершенно снег, летел сплошной белесой сетью, и казалось вздохнуть нельзя, не поймав пару таких снежинок.

Люди добрались до вестибюля, остановились там на секунду, и Сергей оглянувшись увидел свое отражение в зеркале.

И изумился. С ним случилось то что так редко случается с человеком нашего времени. Он себя не узнал. Из зеркала на него смотрел чужак.

Тип, что грустно пялился на него из зеркала был лет на двадцать старше Сергея. Под глазами у него налились мешки, а лоб прорезали три глубокие морщины. Скулы у чужака были резко очерчены и выступали вперед, нос заострился как у покойника, а глаза ввалились и излучали жуткую тоску. Кроме того, у него обнаружилась уже весьма длинная борода, растрепанная и нечесаная. В какой то момент ему показалось что волосы у него поседели, но это оказался всего лишь нападавший снег.

Человек, являющийся его отражением словно побывал в аду и вернулся обратно. Вернулся совершенно непохожим на того Сергея, что приехал на личной машине в эту деревню всего полтора месяца ранее. А похожим он в общем то был на подзаборного бомжа – пропойцу, тем более что основную поверхность лица украшали дикие синяки.

– Лапников? – спросил Сергей не поворачиваясь – я нормально выгляжу?

– А как ты должен выглядеть? – ответил эксжурналист, – как обычно.

Сергей усмехнулся невесело. Затравленное выражение лица никак не гармонировало с боевым убранством. И висящим у пояса мечом, что не казался в полумраке таким уж ржавым.

– "Кто я?" – спросил он про себя у своего же отражения. – "Старый клоун напяливший ржавую кольчугу? Это же сумасшедший дом!"

– Это сумасшедший дом на троих, – сказал он своим спутникам, – и мы в нем единственные психи. Вам незнакома теория которая предполагает весь внешний мир, порождением сознания одного единственного человека. Так вот, этот человек неизлечимо свихнулся. И у него паранойя и шизофрения вместе взятые. А еще у него боязнь потерять личность! Пошли что ли?

– Пойдем, – кивнул Лапников и толкнув входную дверь, осторожно выглянул наружу. – Его нет.

И они вышли наружу. В холодную мертвую тьму в которой падает снег.

14.

По наставлению Лапникова двинулись сразу прочь от реки, в сторону леса. База, как рассказал писатель находилась не далее чем в трех километрах от села, хотя и путь к ней вел через довольно дремучую и безтропиночную часть Черепиховского леса.

Шли скрытно, не разговаривая. Прячась под крышами уцелевших домов. Впрочем в такой снегопад засечь с высоты три маленькие темные фигурки было проблематично, если только дракон не обладал инфракрасным зрением.

Но вот слух у твари бы отменный, ничего про это сказать нельзя. Когда трое кладоискателей добрались до окраины Черепихова, впереди путь им преградили трое волков. Волки были самые обыкновенные. Серые, с грубым ворсом и без намека на третий глаз. Сергей подозревал что это вообще лесные звери никогда не бывшие людьми. Так или иначе но волки встали перед ними и шерсть их топорщилась а огромные белые зубы оскалены. Сергей сделал шагок вперед и волки сразу же предостерегающе взрыкнули.

Позади Лапников поднял ружье и выпалил из обоих стволов. Среднего волка отбросило назад, а правого дробь только зацепила. Левый волчара, напуганный выстрелом канул во тьму. Грохот выстрела отдался по округе вызвав с десятков повторений, стучаясь о пустые дома. Сергей обернулся и по-

спешно толкнул Лапникова в проем пустого но целого дома.

– Ты что? – прошипел он – он же услышит!

Лапников вытаращился на него. А секунду спустя дракон уже был над ними. И через окошко было видно как его черное, плохоразличимое туловище носиться по кругам над местом выстрела. Да, он явно услышал и понял. Люди замерли, прижимаясь к обледенелым стенам, старались не шевелиться. Дракон кружился над ними и временами они даже слышали звуки взмахов больших глянцевых крыльев.

– Ну что же он не уйдет? – почти провыл Лапников. – В смысле не улетит. Неужто чувствует.

– Да кто ж его знает, – сказал Сергей и снова выглянул из окна.

Тварь по-прежнему парила в высоте. Ходила кругами и снегопад ей похоже почти не мешал. Наконец дракону надоело высматривать, и с небес обрушился огненный водопад, пришедшейся аккурат на хижину где они прятались. Следом он, распрямил круг и двинулся в сторону реки.

В доме воняло дымом, кровля горела, даже полыхала и в ближайшем будущем обещала совсем обвалиться, поэтому они поспешно покинул хату и снова двинулись к лесу освещенные огнем пожарища, что бил им в спины. С резким визгом вдруг из огня что-то вылетело, разметав в разные стороны горящую кровлю. Что-то крылатое, с человека, с головой похожей на череп. Оно взлетело над крышей, все горя, но не удержалось, упало на другой стороне дороги, полыхая как

факел. Уже не визжало, стонало только.

– И мы с этим прятались? – хладнокровно спросил Леонид, хотя руки у него откровенно подрагивали.

– Больше не стреляй. – Сказал Сергей Лапникову. – Всю округу перебудим. Их тут небось по домам знаешь сколько прячется.

Бывший журналист кивнул, и когда они наткнулись еще на двоих волков, оружие даже не снял с плеча. Вместо этого Сергей вытащил меч, с усилием приподнял его и взмахнул. Волки рыча попятились, а приезжий кинулся вперед и рубанул по первому волку. Лезвие было наточено. И похоже наточено как надо, потому что, мощный удар рассек волка почти пополам. Меч не удержался в руке, вырвался и ткнулся в мерзлую землю, а второй зверь кинулся на Сергея сбоку. Ударил, рванул клыками, но напоролся на кольчугу и не смог даже добраться до тела. Серега отшвырнул его, а затем добавил пинка, так, что зверь отлетел в темноту и больше не появлялся.

Половники волка не двигались, впрочем как и положено обычному волку разрубленному пополам. Остекленевшие дикие глаза смотрели наверх, в снегопад.

– Вот так, – сказал Сергей с удовлетворением, – и так будет со всей нечистью что встанет у нас на пути.

И они двинулись дальше. Сверху сыпался снег, скрывал их следы, накрывал пушистым ледяным покрывалом труп волка, тушил разгорающийся пожар в крайнем доме, и со-

вершенно не трогал дракона, что по всей своей холоднокровности не должен был летать в такую стужу. Или драконы на самом деле теплокровные, вон даже у них огонь вырабатывается.

У того чудища что летало теперь над Черепихово, цель была одна. Добраться до троих приезжих людей и спалить их заживо. Память и манера мыслей у него остались от Щербинского, ярость же появилась недавно. Ни одной мысли не промелькивало в глянцево черной голове монстра, не проблескивал там и огонек сознания. Была лишь надежда выследить и спалить троих крошечных существ, что пробирались где-то окольными путями к лесу. Самому Щербинскому черное блестящее бронированное тело оказалось ничуть ни худшей могилой чем земляная.

– Лес, – тихо сказал Лапников.

Сергей кивнули они осторожно остановились у крайнего дома. Они дошли до леса. Вот тут кончались разрушенные дома, а там начинался лес. Густой и неприветливый даже без листьев. Но между домами и хилым ельником из которого в основном состоял внешний ряд бора находилась полоса белой пустынной земли, идеально открыто. Настоящее чистое ровное поле. И глазу невозможно было зацепиться ни за один вступающий над полосой объект. Снегопад как назло начал стихать, а лес издевательски темнел впереди.

Они присели прямо на ледяную землю, стараясь сесть так чтоб их не было видно с высоты.

– И что? – спросил Лапников.

– Нам все равно надо в лес. – Сказал Сергей. – А так как обходить это далеко да и опасно, я бы попытался перебежать. Тут метров пятьдесят не больше.

– Бежать на виду? А если змей нас засечет?

– Ну тогда уж ничего. Но я думаю он сейчас в другой части деревни. Он же полетел к реке.

– Но бежать? Ты что никогда не бегал по снегу?

– Бегал, и знаю, что бежать по нему почти не возможно. Но другого выхода то нет! Над нами довлечет рок, мы в западне и почти обречены. Мы идем на военную базу которой скорее всего нет вовсе, чтобы сбить дракона базукой. Да разве кто-то из нас умеет ей пользоваться?

– Мы не умеем, – сказал Леонид, – ну подергаться то надо. Я побегу.

– Мы все побежим, – произнес Сергей и глянул на небо, что медленно очищалось от падающего снега.

Холодало. Зима, что опустилась на Черепихово в разгар лета была уже не просто зимой. Ведь обычной зимой температура редко падает ниже двадцати градусов. А здесь похоже было все двадцать пятью. По крайней мере мерзли они теперь неимоверно, несмотря на теплые ватники и чужие свитера, нахватанные на скорую руку.

– На счет три, – сказал Сергей, – мы бежим. Бежим как можем. Ну? Раз, два три!!!

Они вскочили и ринулись прочь от домов, к лесу. Пробе-

жав первые три шага они покинули грунтовку дороги и по колено увязли в липком снегу. Лапников тут же упал, но поднялся сам, подхватил свою псину под брюхо и рванулся вперед.

Они мчались. Вернее они ползли и даже мухи, залипшие в варенье, пожалуй дали бы им фору в скорости. Снег, связывал ноги, лишал вскорости, и казалось это все сон. Белый кошмар, когда несешься по равнине и чувствуешь как ужас дышит тебе в спину. Сергей и сам пару раз падал, кольчуга тянула в снег, но поднимался и снова бежал, хватаясь за несуществующие опоры в воздухе. Самое страшное ощущение было как раз то чувство открытости, незащищенности, когда огромное небо над головой, и с этого неба тебя могу заметить и испепелить. Страх придавали силы, и Сергей мчался несмотря на тяжелую кольчугу, не смотря на то, что ребра жутко болели, а глаза почти ничего не видели. В мозгу крутилась единственная засевавшая там мысль. Простая до идиотизма, сообщавшая: Финальный рывок, финальный рывок.

Финал ли? Сергей потерял счет времен, он несся по глубокому снегу, чудом сохраняя равновесие, потому что знал, что если упадет, то уже не встанет. Жгучий пот заливал глаза и он с трудом различал все не кончающуюся равнину (на самом деле она был около ста метров), да качающуюся впереди спину Леонида. Маленький историк мчался так, что обогнал бы и волка. Доведись зверю бежать стометровку. Вот так страх придает силы. Никогда ты не бежишь так быстро

как от преследовающего тебя хищника.

Финальный рывок. Совсем рядом бежал Лапников и снег стоял за ним столбом. Вот он начал падать, но Сергей автоматически подхватил его рывком поднял на ноги, и эксжурналист помчался так, что даже обогнал Сергея. А у того в голове уже гудело, словно там находился некий котел, который двигает все тело с такой скоростью. Сейчас котел перегреют, и он взорвется, разнеся весь локомотив. Ноги бежали, а сознание отстранено и с некоторым изумлением наблюдал за этим со стороны. Глаза уже ничего не видели, и сильно не хотелось потерять направление.

Впереди Леонид наконец достиг леса, а следом за ним в ельник вломился и писатель.

– "А я?" – хотел крикнуть приезжий но ноги, неуправляемо несли его туда же. Удивительно, им больше не надо было приказывать двигаться. Они разогнались и двигались уже автономно.

Он на всех порах влетел в лес, проломился через кустарник и тяжело рухнул в снег подле спутников. Упал как в перину, не чувствуя тела, имея единственное желание, поскорее заснуть. Он лежал, но в сознании все еще продолжался безумный бег. Не могло оно смириться со столь резкой остановкой. Да и сердце было подобного мнения, потому что колотилось так быстро что ритм сливался в единый непрекращающийся гул. Приезжий лежал, кое-как хватал ртом воздух и ему казалось что вот-вот отдаст концы, слишком рез-

ка была остановка после долго бега. В голове мутилось, его тошнило, а снег падал на лицо и оставался там.

Наконец, безумно долгое время спустя, дыхание все-таки успокоилось, а в глазах перестало двоиться, и пришло новое ощущение. Лежа на спине в глубоком снегу приезжий почувствовал что холодеет. Странное ощущение, вроде бы тебе только что было на удивление жарко, а теперь тепло уходит, испаряется, и оказывается что заменить то его нечем и в тело вползает холодная изморозь.

– "Интересно, поставил ли я рекорд на стометровке?" – возникла мысль. И тут же следующая:

– "Надо подниматься."

Легче сказать чем сделать. Тело вообще не починалось ему, отключившись от мозга из за чрезмерной нагрузки. Когда он вяло задвигал руками, пытаясь за что ни будь ухватиться, то неожиданно понял что они спасены, раз достигли леса. Облегчения это не принесло. Уж лучше сгореть. Чем подвергать себя таким мучениям, пытаясь подняться из снежного плена. Странно, но снег казался ему теплым, уж не то ли знаменитое чувство тепла у замерзающих?

– Ай, ай, ай! – заорал он неожиданно и легкие откликнулись на это дело режущей болью, еще не отойдя от нагрузки.

Сергей наконец перевернулся на живот, нащупал корявый ствол старой ели и по ней стал осторожно подниматься на ноги. На пол дороге, чьи то руки его подняли и поставили на ноги. Приезжий обернулся и сначала ему показалось что по-

зади стоит Леонид, но оказалось что это Лапников. Тяжело дышащий с загнанным видом.

– А где очки? – спросил Сергей.

– Потерял. – Ответил новоявленный писатель с кислой миной.

Сергею захотелось смеяться, но вместо этого оттолкнул от себя Лапникова и сказал серьезно:

– Пошли, надо Леонида поднять, пока он живой.

Леонид однако поднялся сам, качаясь двинулся к ним. Вид у него был злой, суровый, а борода так и топорщилась веником. Встретились и потащились в лес. Тела были словно налиты жидким чугуном, что лишал возможности быстро двигаться, и мешал координировать движения. Сергей в полголоса ругался. Но заставлял себя двигаться ровно и спокойно, не дергаясь.

Пару раз останавливался и спрашивал у писателя направление. Тот лишь невразумительно махал рукой.

Трое измученных, задыхающихся людей, идущих неизвестно куда по снежному лесу, так бы и сгнули, если бы счастье еще раз не улыбнулось им через беспросветную тьму.

Как автоматы они двигались сквозь лес, придерживаясь вроде бы правильного направления (На самом деле, они как все неопытные ходоки все время ходили кругами), и чувствовали что замерзают. На лицах было полнейшее отупение, и сил оставалось не слишком много. Все были в своих мыслях. Сергей например вспоминал лето. Вспоминал с тос-

кой, как вспоминают его в начале декабря, когда не начались еще Новогодние праздники, а снег обезличенно ложится на черную грязь, а с утра тебя всегда встречает серое небо.

Лето! Жара, а с синего, пронзительно синего неба так льется тело. Стоит лишь выйти из тени, как тебя окатывает поток жара и секунду кажется что ты прямо сейчас растаешь от такого солнечного удара. (Возможно как раз летом то такой жар и тяжок, и все стараются прятаться по теням. Но для человека у которого мороз уже проморозил мышцы и добирается до костей, лучше не придумашь). Солнце светит и нет никаких уголков где можно спрятаться от его всепоглощающего тепла.

От таких вот мыслей Серегу отвлек неожиданный приближающийся шум. В лесу до этого момента стояла совершенная ледяная тишина, а теперь вот что-то нарушило ее. Некий рык, может быть рев исполинского бронированного чудовища. Рев был ровен и он приближался к ним. Этот звук пробудил в Сергее заснувшую было потребность действовать. Он жестом остановил еле бредущих спутников, а сам, вытащив меч из перевязи стал ждать. Холодный свет блистал на заточенном лезвии, высвечивал засохшую кровь волка на нем. Сергей молча ждал.

Рев приблизился и в глубине леса неожиданно вспыхнули глаза. Два исполинских потрясающе, далеко друг от друга отстоящих глаза. Они были яркие, они светили и ослепляли. Судя по тому как они располагались, чудовище по размерам

должно превышать давешнего дракона Щербинского. И этот рев. Сергей сжав меч, покорно ждал появления монстр.

Рев все приближался, глаза становились ярче, слепили трех замерших словно зайцы на дороге людей. И вот, проломив последний слой хилого ельника прямо перед ними, на прогалину выполз... танк. Огромный зеленоватый танк Т-80, с повернутой той криво пушкой, обсыпанный весь снегом.

Танк проехал мимо них, и повернул и наткнулся на толстый в три обхвата ствол древнего дуба. Наткнулся, пошебуршил гусеницами и заглох, так и не свалив исполина. Настала тишина, и боевая машина чуть потрескивала остывая. Сергей со спутниками замерли с открытыми ртами. Это уже просто не лезло ни в какие рамки. Люк на башне с грохотом открылся и из него вылезло полупрозрачное существо с горящими багровыми глазами.

– Аааах! – заорало оно и кинулось на Сергея.

Тот поднял меч и, наискось взмахнув лезвием, зарубил чудовище. Вновь настала тишина.

– Танк. – Произнес Лапников хрипло.

От танка шло тепло разогретого двигателя и трое замерзших людей прислонилось к теплой броне, греясь.

– Танк. – Сказал Сергей тоже. – А если есть танк, то есть и база. Он наверное с нее и приехал! Да мы похоже спасены.

– Мы уже который раз спасены! – язвительно произнес Лапников – нас спасают каждый раз только для того, чтобы

пролить страдания!

– Но на этот раз мы действительно спасены! – воскликнул Сергей грея руки о броню. Вы что не видите, какую он проложил дорогу. И она ведет наверное прямо к базе! У нас есть дорога!

– Что за садизм... – простонал писатель. – Вот она каторга... Что ж мы тогда стоим? Пошли!

Они оттолкнулись от остывающей машины и двинулись вперед по широкой дороге, проломанной, да еще и раскатанной танком. В дальнейшем Сергей пришел к выводу что и здесь скорее всего замешан Сивер. Это он заставил красноглазое чудище насильно вести танк им на помощь.

Так ли не так. Это он никогда не узнал. Они шли по дороге, теперь, резво потому что дорога была ровная и снег укатанный. Дважды на них нападали волкоподобные твари, но Сергей шел с обнаженным мечом и зарубил их без жалости. Даже не взглянув на тела.

И через двадцать минут ходьбы впереди замаячили распахнутые настежь ржавые ворота Черепиховской военизированной базы.

15.

База была пуста, лишь три черные вороны сидели на истрепанном бетонном заборе и тупо пялились на пришельцев. Сергей гаркнул на птиц и они молча снялись с забора затерявшись в снегопаде.

Люди прошли немного вперед и остановились в воротах. Зрелище разрушенного городка было мрачным, а то что он был разрушен, сомнения не вызывало. Достаточно было посмотреть на часть фанерных зеленых домиков, как приходила мысль. Все это разграблено и разрушено, и давно. Домики покосились, многие светили обгорелыми черными боками и пустыми окошками. Посреди крохотной базы торчал столб на котором, вниз головой висел труп человека – змея. Чуть поодаль, за домиками просматривался одинокий танк, сильно проржавленный и пусковая шахта.

– Никого – сказал Лапников – тут никого нет.

Да, никого здесь уже не осталось, лишь три или четыре волка грызли что-то спрятавшись за бараками. Что они грызут узнавать не хотелось. За исключением жадного подвывания зверей стояли обычная тишина и полумрак.

В метре от них что-то зашевелились и трое единственных на многие километры людей без особого удивления узрели несколько крупных и длинных змей, покрытых белым клочковатым мехом, что не торопясь ползли по своим делам.

Бить их не стали.

– Ну что? – спросил в очередной раз историк – где будем искать?

Сергей еще раз обвел взглядом базу.

– А вон! – сказал приезжий, указывая на темную массу поодаль.

Они двинулись к ней, миновали полузасыпанный снегом БТР со спущенными колесами. Чуть вздрогнули, когда люк неожиданно открылся и из него высыпала стайка белых мышей, сразу же затерявшаяся в снегу.

– Ну и ну. – Только и сказал Лапников.

Темная масса оказалась ничем иным как передвижной зениткой. Четыре ствола и все тупо пялились в темное небо. Выглядела чуть проржавевшей но вполне пригодной. База вокруг была сумрачна и пустынна, и навевала жуткую тоску, хотя впрочем что тут не навевало тоску?

Снег есть снег и когда он идет в конце лета то это навевает определенную грусть. Извечный вопрос, что лучше холод или жара? Когда наступает Зима мы грустим по жаркому лету, а стоит пройти всего полугодую и вот мы уже изнывая от жары желаем походить по снегу. Человек так уж устроен, что никогда ему все не приходится в меру. Трудно быть человеком. Гораздо легче зверем, что живет одним днем. Зверь всегда счастлив. Даже через полминуты после того как его побьют.

Трое людей что одиноко стояли сейчас посреди разорен-

ной базы хотели пожалуй только одного – покоя. И только гордость мешала им выбрать покой смерти. Как можно ввернуться в нормальную серую городскую жизнь имея воспоминания вот об этом крахе маленького села, помня о жизни без солнца. И эти трое уже находились в некотором оупении, когда эмоции пригасают, оставляя место даже не логике а неизвестно чему. Жизнь временами действительно тяжела, прав летающий теперь над лесом Щербинский.

– Ты хочешь... – медленно сказал Леонид оглядывая критически зенитку. – Из нее пострелять?

Сергею это показалось легкой издевкой. Даже не легкой, но он ответил совершенно серьезно:

– Да, хочу!

– Ну так садись, – произнес Лапников рядом и бросил взгляд на небо, но то было сумрачно и пустынно.

Сергей стал не торопясь вскарабкиваться на платформу. Зенитка была установлена в кузове массивного грузовика Урал, что на шести колесах, и потому взбираться приходилось довольно далеко. В глазах плыло и двоилось.

– "Какой бред!" – подумалось снова ему, и правда последние часы со времени его возвращения казались тяжелым и навязчивым сном.

Он взобрался и обнаружил на сидении зенитки дохлую змею. Брезгливо скинул ее вниз, в снег, и сам не без отвращения взгромоздился на ее место. Когда змея умерла здесь было еще тепло, теперь же металлическое сиденье было по-

крыто тонким слоем скользкого льда, хоть не садись.

Обращаться с подобным оружием он разумеется не умел, но отыскал некие крутящиеся ручки, что видимо передвигали ствол зенитки по разным направлениям. Старая смазка замерзла, и ручки почти не крутились. Сергею удалось лишь чуть приподнять стволы немного выше. Навести на цель ее не было никакой возможности. Оставалась лишь надежда, что перед тем как пульнуть пламенем дракон зависнет на секунду точно над ним.

Спусковой крючок он тоже нашел (или думал что нашел), где у зенитки был магазин он не знал точно. И поэтому лишь глянул в прицел и крикнул сверху:

– Ну ка хватайтесь за эти ручки и тяните.

И указал на основание зенитки. Когда-то оно крутилось электромоторами, действуя в паре со стволами, но сейчас двое оставшихся внизу людей смогли слегка повернуть его вручную. Площадь поражения увеличилась и теперь составляла на одной линии все 360 градусов. Не густо, но лучше чем ничего. Ничего не говорили, молчали и в очередной раз взглянув в прицел Сергею почему-то показалось, что так за ним он и останется. Только ему будет много теплее чем сейчас. Реальность казалась сном.

– "Что я делаю?" – спросил сам себя-"Неужели я собираюсь застрелить из неработающей зенитки, у которой даже не могу опустить стволы, огромного летающего дракона который раньше был моим другом селянином Щербинским? Мо-

жет быть лучше все-таки замерзнуть? Кому из людей выпал такая доля еще, кроме меня и этих троих? Да никому!"

Он был не прав, за время существования камня некоторым Черепиховцам выпадала доля и похлещце. В частности был такой Степан Колотайло, родившийся в 1567 году и обращенный по своей неосторожности в рыбу. Он был вынужден жить Воскорецком омуте, что держал его как тюрьма, жутко тосковал по воле. И в конце концов принял мученическую смерть выбросившись на песчаный пляж в низовьях холма.

Не стоит забывать и жену сельского старосты, что медленно обращалась в тритона, после посещения подвала собора и в конце концов не выдержав ушла в ставшую более родной среду – в воду (а не утопилась как думали остальные).

Сергей снова взглянул в прицел и спросил стоящих в непонятном ожидании товарищей:

– Как его приманить?

– Стрельни. – Сказал Лапников. – Если уж он услышал ружье, то уж зенитку засечет тем более.

– Хорошо. – Сказал Серега и потянулся к вроде бы спуску, краем глаз заметив что они остались стоять на прежнем месте, не убежали. Видно решили что если уж сожгут, то сожгут. После всего происшедшего это не так уж и страшно.

– Никто не хочет подумать? – произнес он спокойно, – прежде чем я привлеку тварь, что нас сожжет. Может как ни будь иначе?

– Да жми уж жми. – Ответствовал Леонид и взмахнул рукой. – Что тянуть.

И Сергей надавил.

Случилось чудо. Одно из многих, и по Серегиной же заметке получается почему-то так, что самые большие страсти, самый большой кошмар, всегда сопровождают и самые большие чудеса. Во всяком случае концентрация чудес на квадратный километр была в Черепихово явно раз в пятьдесят больше нормы. Иначе как вы объясните то, что зенитка, почти месяц простоявшая сначала под проливным дождем а потом и под снегом, зенитка с замороженным засохшим маслом, у которой даже не поворачивались нормально стволы, разразилась оглушительным дробным лязгом и свободно выплонула в темные небеса порцию крупнокалиберных зарядов.

Где они и расцвели алыми красивыми цветами. Хлопнули высоко, почти в самых облаках. Поток латунных блестящих гильз, еще горячих вылетел из безнадежно заклиненного механизма и со звоном покатился по платформе. Сверху, зениточные разрывы дали на холодную землю крошечный огненный отсвет.

– Ого! – Сказал Леонид. – Фейерверк.

Сергея слегка оглушил грохот оружия, и он встряхнув головой спросил:

– И когда он по-вашему прилетит?

– Будем ждать. – Ответил тот и улыбнулся.

Сергей поспешно глянул в прицел чтобы не видеть этой улыбки. Что ни говори но человеческого в ней было явно мало.

Дракон увидел. Да еще как увидел. Они поняли это, когда не так далеко в лесу вспыхнул неожиданный пожар, а следом стало возможно разглядеть точку, маленькую черную точку, которая только что извергла из себя огненный поток.

– Летит! – крикнул Лапников, как показалось Сергею восторженно. – Летит!!!

Дракон летел, он приближался стремительно, шел на брющем и крылья его почти не колыхались. Эта темная стремительная громадина действительно вселяла ужас. Да только трое оставшихся на поляне людей давно уже утратили способность сильно пугаться. По крайней мере тот дикий бег через снежную просеку высосал из них последний страх. Они были спокойны но это было спокойствие камикадзе.

Черное чудище засекло людей и прямо на лету извергло огненный вал, но прицелилось слегка неточно и полоса огня оплавилла снег более чем в десяти метрах. На Сергея пахнуло жаром и он снова нажал на спуск. Зенитка оглушительно застучала и бесполезные вспышки разорвали небо весьма далеко от дракона.

Летучий монстр сделал круг развернулся, снова собрался плюнуть огнем на лету но передумал и часто замахал крыльями зависая.

– Давай!!! – заорал кто то из стоящих внизу и Сергей сно-

ва выпалил в небо.

– "Теперь я понимаю что значит по настоящему попасть в небо!" – подумал Сергей и ему снова захотелось смеяться.

Безумие, ему хотелось смеяться хотя над ним завис огнедышащий дракон пышущий яростью. Впрочем именно в такой ситуации делать больше ничего не оставалось.

Дракон завис, и крылья его вяло взмахивали, удерживая грузное тело вопреки всем законам гравитации. Он смотрел на Сергея и тот увидел что у дракона оказывается есть глаза. Они не были пламенными и пылающими как часто изображают драконов на картинках. Они не горели яростью и ненавистью. Они были абсолютно черными и непроницаемыми. Это были глаза змеи. Щербинский все-таки обратился в змею.

– Ненавижу змей. – Простонал Серега вглядевшись в эти глаза, напомнившие ему череду детских страхов и вновь нагнул на курок.

На этот раз он попал. Почти попал, потому что один разряд чуть-чуть зацепил крыло. Дракона кинуло в сторону и огненный шквал, вылетевший из его глотки ушел в пустоту, как апокалипсический феерверк. Чудище повело в сторону и оно взревело мерзким шипяще – металлическим воплем.

– Крути!!!! – заорал Серега и двое его подручных схватились за ручки и как могли быстро развернули платформу.

Сергей открыл огонь и на этот раз широкий веер разрядов закончился в самом брюхе черного монстра. Вместо харак-

терных резких хлопков разрывов, с небес донесли глухие чавкающие звуки. Чавк, чавк, чавк. И еще пару раз. Сергей еще пару раз пальнул в черную тушу. А затем сиганул с сидения прямо в глубокий снег.

И вовремя. Огонь обрушился сверху, охватил зенитку и она взорвалась выплюнув в небеса оставшиеся в магазине снаряды. Следом взорвался и грузовик, мощно швырнув троих выживших горожан в снег. Часть снарядов что ушли в воздух при взрыве снова воткнулась в черное брюхо.

Теперь дракон не ревел – визжал. Визжал истерично и просто изливал свою боль с небес. Сергей, лежавший в снегу на спине тупо наблюдал, как чудище шатается, пытается удержаться на крыльях, а из его брюха отрывается и падает шматами некая ярко горящая красная субстанция. Щербинского поносило – поносило, следом он взмахнул крыльями и направился прочь в сторону леса, ветер последний раз донес его крик.

Сергей поднялся на ноги, и с изумлением обнаружил горячий свинцовый осколок, что застрял в звеньях кольчуги. Пришел уже на излете, но если бы не кольчужная рубашка... Обидно было бы помереть после того как смертельно ранил такую махину. Рядом догорала зенитка вместе с грузовиком.

Леонид тоже встал и рассматривал толстый кусок металл воткнувшийся буквально в трех сантиметрах от места где он лежал.

– Ну что ж, – чересчур философски сказал он, – нам дают

шанс разобраться с этим ядовитым гнездом. Не уж то упустим его?

– Не упустим, – произнес Серега, – мы ничего не упустим. Тем более что я знаю куда он полетел.

– И куда же? – спросил Лапников, поднимаясь, и понимая свою собаку, что похоже была в кратковременном шоке.

– А вон гляньте.

И он указал в то направление куда улетел дракон. Да они ранили его, и ранили похоже серьезно, ведь дракон как и все оборотни был все-таки смертен, несмотря на размеры и из жутких ран, от снарядов которыми можно сбить самолет, водопадам хлестала кровь. А кровь у него была странная. Вроде бы красная, но светящаяся в ночи. Странная жидкость, более всего пожалуй напоминающая раскаленную лаву, только не греющую. И кровь эта обильно осела на окружающих деревьях подсвечивая их как яркие маячки. И след этот уходил вдаль.

Поляна, как это не дико приобрела более живой, даже праздничный вид. Осветившись этой багровой светящейся кровью и костром догорающего грузовика с зениткой.

Сергей оглянулся на спутников:

– Ну что? Мучили нас и терзали, пугали и страшили. Да только мы вот тут, живы и относительно в рассудке! Мы смогли завалить такого монстра из зенитки с которой никто не умеет обращаться! У нас есть шанс! Попробуем завершить это!

– Давай! – вяло ответил ему Леонид. – Если мы разберемся здесь то у нас будет маленькая возможность убраться отсюда в своем рассудке.

Лапников только плюнул в лужу с драконьей кровью. Слюна в ней зашипела. Сергей вынул меч, что коротко блеснул багряным в свете костра и двинулся по следам крови, старательно пытаясь заглушить в себе мысль, что он только что смертельно ранил своего друга Щербинского.

Они шли в глубину леса, а деревья над ними поблескивали красным, что причудливо отражался в снегу. Они шли, а потом перешли на бег, и вскоре понеслись взметывая снежную пыль. Следы уходили вдаль, но Сергей уже понял, куда они приведут. Только на этот раз им просто так дойти не дадут.

Люди мчались, словно не бежали перед этим утомительный марафон по полю. Мчались со всех ног, а впереди Сергей взмахивал тяжелым мечом.

А лес вокруг вдруг стал потихоньку оживать. Откуда-то из-за переплетенных ветвей, из-под толстого слоя снега стали выползать крохотные зверьки. Мышки, белки, бурундучки. Их круглые глазки яростно блестели и дико вращались в орбитах. Они верещали и бросались под ноги людям. Те давили их и отшвыривали прочь. Сергей ускорил бег и крикнул:

– Приготовьтесь!!!

– К чему? – заорал позади Лапников.

Сбоку на их тропу вылетел здоровенный кабан секач. Щетина у зверюги стояла дыбом и он издавал визгливое воинственное хрюканье. Почти не оглядев бегущих, чудовищная свинья кинулась в атаку. И тут же всей массой напоролась на меч, который Сергей выставил перед собой. Без замаха, но лезвие утопилось в кабане наполовину и им пришлось задержаться вытаскивая клинок из дергающейся еще туши.

Пока Сергей возился с мечом, на них из чащи выскочило три огромных лося, разбрызгивающих пену изо рта и дико оскаливая квадратные зубы. Лапников выстрелил из обоих стволов и двое сохатых опрокинулись на красноватый снег, забились в судорогах, третий скакнул на Сергея, но тот как раз вытащил меч и шатнулся в сторону, позволив лосю растоптать проколотые останки кабана. Когда лось развернулся для новой атаки его уже ждал новый выстрел.

– Не останавливаемся!! – закричал приезжий и снова кинулся по кровавому следу, пинком отшвырнув рыжешерстую лисицу, что пыталась запустить зубы в крепкий сапог.

На пути Леонид подобрал дубину и уже успел огреть ей огромного филина, что прыгнул с вершины дремучей ели с намерением выцарапать ему глаза. Лапников стрелял не престаивая и трясущимися руками перезаряжал.

Да, лес оживал. Доселе пустынного, из него как из рога изобилия, сыпались дикие звери. Хищные и травоядные. Они бежали с одной единственной целью – остановить. Особенно неприятна была белая рысь, что прыгнула на спину

Сергею с низких ветвей дерева и опрокинула того в снег. Кольчуга уберегла от острых когтей, и от таких же острых зубов, а подбежавший Леонид мастерским ударом дубины скинул ее в снег, где ее и dokonчили выстрелом.

Странный был бег, безумный. Ты бежишь, а по бокам несетя холодный лес из которого, буквально из-за каждого дерева прет всякая нечисть. Да не только животные, а и всякие монстры, которых не видели даже в шабашах. По пути им встретился небольшой деревянный голем. С виду вроде человек, но внутри из дерева. Сергей рубанул по нему и острое лезвие расправилось с големом как с обыкновенной колодой, разрубив его на две части. Выражение лица у неподвижно лежащего болвана не на йоту не изменилось.

Монстры перли волной, приходилось останавливаться и махать мечом, что становился все тяжелее и тяжелее. В два, три удара он расчищал дорогу, Лапников, позади, добавлял выстрелами и они снова бежали как моги, пинками расшвыривая мелких зверьков. По пути Сергей даже раздавил меховую белую змею. Чего совершенно не заметил. Змею вдавило глубоко в снег, а затем растерло по мерзлой, твердой как камень земле. Высоко над верхушками темных деревьев, зарницы снова стали бросать свои призрачные всполохи на землю.

Бежалось тяжело, ноги путались в снегу. И от людей поднимался, клубами горячий пар. От налетавших же на них монстров пара не шло. Да и была ли у них теплая кровь? Впе-

реди перед бегущими появилось три полупрозрачные фигуры, полные копии той, что сидела в танке. Серега налетел на них с бега, взмахнул лезвием, обезглавил одного и меч застрял в шее другого так, что вытащить его приезжий не смог. Третий монстр, сверля своими багровыми глазами ухватил человека за шею и повалил на снег, травмировав незажившие ребра Сергея. От чудища мерзко пахло, да и на ощупь оно было склизким и совершенно холодным. Тварь расхлебнула пасть и куснула снег в трех сантиметрах от Сереего уха, который едва успел отодвинуть голову.

Затем чудище схватило за шею и отодрали от Сергея. Тварь орала и обивалась, но ее отбросили в сторону и подогрели выстрелом из ружья. Ствол у оружия Лапникова был рябым от частых выстрелов.

Затем раздалась еще выстрелы и еще, потому что на тропинку вылетело с десятков волков и с места кинулись в бой, ружье гремело с едва заметными паузами, так быстро перезаряжалось, но Леонида захлестнуло, его приперли к стволу исполинского вяза и какой то изловчившийся волчара смог проскользнуть под дубину и хватануть за ногу.

И тут же упал дико кусая окровавленный снег, продырявленный крупной дробью, почти картечью. Серега поднялся на ноги и кинулся помогать Лапникову работая мечом, изо всех сил стараясь удержать его в руках. Меч весил восемь килограмм, не меньше. Единственное хорошее в этом весе было то, что когда его опускаешь почти не надо применять силу,

он одним своим весом разрубил кого угодно. Волков били. В них стреляли крупной дробью, разрубали на части мечами, а иногда доставали удачными пинками, ломавшими им ребра. И волки кончилась. Стая была перебита, а последним на тропу выскочил огромный волк, размером теленка, весь серо-седой, сверкающий оскаленными громадными зубами. Он взревел и тут же словил заряд из ружья, но словно не заметив этого рванулся на людей. Но получил еще один заряд, а следом сокрушающий удар мечом по плоскому черепу. Голова хрустнула, один яростный оранжевый глаз вылетел, и повис на ветке голубой ели, а чудовище пало им под ноги и забилося в конвульсиях.

Леонид стонал позади, держась за ногу. Крохотные зверьки хрустели под ногами, атаку с бессильной яростью берсерка.

– Что с ногой? – крикнул Сергей, но тут из зарослей на него вывалился большой бурый медведь, стоящий на задних лапах и трубно ревуший.

Лохматая туша с ходу перешла к бою и с потрясающей для таких размеров скоростью, скребанула обоими когтистыми лапами. Пасть у медведя была широко открыта, желтые клыки выпячивались наружу и дергались, а пеня брызгала в разные стороны. Серега отскочил назад, споткнулся о бугор и завалился на спину, но тут же перекатился в сторону, постанывая от боли в ребрах. Когтистые лапы зачерпнули снег совсем рядом, не перекашись он, наверняка уже лишился бы

скальпа.

Лапников наконец сообразил что к чему и начал один из другим садить в коричневую волосатую тушу выстрел за выстрелом. Тропинка наполнилась грохотом, визгом, а в воздух полетели кровавые клочья и комья коричневатого меха. Медведь завизжал, и ринулся на журналиста, оставив в покое снова обрушенного на снег Сергея. Лапников успел выстрелить еще два раза, после чего кинул ружье и бросился к ближнем у дереву, забыв по свою собаку.

Та визжала на хуже медведя улепетывая за хозяином. А еще говорят что с эрделями охотились на медведей. Враки все. Бурый лесной зверь притормозил, отвлекшись на псину, а позади Сергей поднялся и снова кинулся на него. А тут еще на медведя накинута тройка лис, впавших в неистовую ярость и кусавших все подряд, как при бешенстве. Две из них вцепились в лапы и безумно крутили вытарашенными глазами, а третья прыгнула и повисла в буром густом ворсе на груди. Медведь заревел, впереди него Лапников безуспешно пытался залезть на обледенелый ствол дерева.

Сергей наконец доплелся до медведя, пытавшего судорожно содрать с себя лис (одна из них, которая на лапе, прогрызла таки мех и вцепилась в нежные пальцы зверя) и с воплем:

– Получи тварь!!!! – рубанул по хребту.

Меч стукнул, и отлетел, оставив на густой шкуре длинный кровавый порез а на чистом прежде лезвии появилась зазуб-

рина. Как по металлу или по камню ударил. Медведь содрал с себя среднюю лису и с наслаждением размазал ее по стволу дерева в трех сантиметрах от все еще пытавшегося вскарабкаться Лапникова. Тот, заорал, истерично. Сергей забежал сбоку и примерившись воткнул клинок между ребрами. Воткнул слабо, на треть лезвия, но медведюга вдруг дико заорал и начисто позабыл про грызущих внизу лис. Он хватанул лапой меч, торчавший сбоку и тот провелеся еще дальше только расширив глубокую рану. Зверь пал на четвереньки и развернулся к Сергею, по дороге вновь задев мечом дерево. Из раны наконец потекла водянистая синяя жидкость, что шипела и пузырилась, попадая на снег.

– Ой нет! – простонал Леонид откуда то сбоку – это что такое?

Меча в руках не было, и приезжий кинулся бежать, увлекая за собой зверя. Меч болтался в коричневом боку как странное украшение, а из раны на землю падали какие то красноватые кусочки, похожие на тряпки. Все это обильно смешивалось с синеватым раствором, похожим на искусственную кровь и дико воняло.

Медведь мчался за ним, рычал, ревел, а в глазах была пуста, да и вообще они напоминали глаза змеи. Такие же темные ни невыразительные. По пути он растоптал еще одну лису. Но третья стойко болталась на задней павой лапе и в конце концов в своей ярости перегрызла сухожилия на толстой лапе недозверя.

Сергей прыгнул вправо. Позади него медведь с подломленной задней лапой неуклюже повалился на снег. И даже после этого он бы встал и сражался если бы не меч, что под тяжестью упавшей туши вошел в медведя по самую рукоятку. Тот заревел, забился в страшных судорогах, но его черные глаза по-прежнему спокойно взирали на Серегу. И даже когда лохматая туша замерла, выражение их не изменилось.

Наступило временное затишье. Последняя лиса была погребена под телом медведя, а новых из леса еще не подошло. Лишь маленькие полевые мышки бессильно цеплялись за крепкие сапоги.

У сосны в полуобмороке сидел Лапников и пальцы его перебирали ружье. Поодаль Леонид, прыгая на одной ноге старался затянуть другую оторванным от своей дорогой рубашки лоскутом. Раны он перевязывать не умел и потому получалось не особенно хорошо. Подошел Сергей, и вдвоем они кое-как все-таки затянули лоскут. Волк здорово хватанул ногу историка, вырвав клочок мяса, но к счастью не задев кость. Оставалось лишь надеяться что волк не был бешеным. Но уж это проверить было никак нельзя.

– Уф, – сказал Леонид, – больно. Ну ничего, пошли поднимем Лапникова.

Они подковыляли к стволу и подняв журналиста на ноги, грубо встряхнули, но тот лишь смотрел мутными глазами. К нему подошла его псина, про которую все забыли и лизнула в руку.

– А она молодец, – сказал Сергей – на себя можно сказать отвлекла.

Лапникова еще раз встряхнули и на этот раз он замахал руками и слабо сказал:

– Да что вы меня трясете? В порядке я.

– А точно?

– Точно, я даже медведя этого узнал. Мы его в музее видели. Там был такой окаменевший скелет древнего пещерного медведя.

– Ты хочешь сказать что это он и был?

– Чучело же было. А от этого меч отлетел, потому что у него кости каменные.

Из леса выскочил заяц беляк и свирепо напал на Серегу, вцепившись ему в сапог. И так уже изгрызенный до неузнаваемости мелкими зверьками. Сергей некоторое время смотрел на него, затем ловко хватанул за уши, и остерегаясь брыкающихся конечностей, размахнулся и зашвырнул косога во тьму. Больше он не приходил.

– Пошли! – сказал Сергей. – Надо вытащить меч.

Лапников кивнули, и по дороге подобрал свое ружье. Перезарядил. Втроем они кое-как сдвинули тяжеленную тушу, в ране которой и правда проглядывали черные окаменелые кости и вынули клинок, по счастью не сломавшийся, хотя и измазанный в спиртовом растворе что заменял медведю кровь.

Зарницы на небе усилились а вот драконья кровь на глазах

бледнела, словно выдыхалась. Становилось все холоднее но трое единственных живых в округе людей этого не замечали.

– Пошли – сказал Сергей – нам надо торопиться!

И они побежали, помчались, даже укушенный Леонид бежал в меру своих сил. Скоро они снов наткнулись на заслон из разъяренных зверей и приняли битву. Сергей стоял впереди, как живой щит и отбивал мечом атаки яростных меховых тел. Меч летал уже легче, приноровился. Звери прыгали, попадали под лезвие и падали бездыханными на ноги, а некоторые после этого отползали в сторону лишённые лап или тяжело раненные. Чем хорош меч? тем что он не требует патронов и при этом имеет не худшую поражающую способность. Гора мертвых животных громоздилась у ног Сергея и некоторые в последнем усилии пытались ухватить его за сапог. Звери шли на него, наскакивали и он бы давно опрокинулся под их массой, если бы не добавочный вес кольчуги, что позволяла ему устоять на ногах, одновременно защищая от когтей и клыков. Он взмахивал мечом и если везло, доставал сразу по два а то и по три зверя средних размеров. В стороны летел мех и ключья кровавой кожи.

Позади безостановочно хлопало ружье Лапникова прикрывая тыл. Просеку оглашал вой и галдеж, а также бессильный хрип перерубленной глотки.

Миг, и волна зверей схлынула, лишь лежала бездыханная меховая гора у ног приезжего, и раскиданы по поляне те кто еще мог отползти. Больше из леса никто не вылетал. Сергей

уже давно заметил, что обезумевшие звери всегда нападали волнами, шли широким фронтом.

Горожане пробежали еще с полусотню метров и свернули по следам с тропы и проломившись сквозь густой путанный ельник замерли.

Они были на берегу Черепиховских прудов.

Их ждали. По берегу темного незамерзающего водоема с которого поднимался черный же липкий туман стояли звери. Было их несчитаное количество, хоть и в основном крошечные грызуны. И стоял и они ровной полосой, что начиналась непосредственно от воды. Они стоял и смотрели на людей. И их глаза были змеиными. Глаза сотен и тысяч маленьких обитателей леса обещали скорую гибель и притом не самую легкую.

Все они когда-то были людьми. И все об этом забыли.

Камень находился на месте и, казалось, впитывал в себя основную массу понимающегося гнилого тумана. Выглядел он как всегда невзрачно, а теперь еще и был подвинут немного к краю валуна. Был подвинут толстой черной чешуйкой исполинского дракона в бессилии лежавшего на нем. Часть громоздкой чернявой туши бултыхалась в воде по цвету почти сливаясь с поверхностью. Глаза дракона были пусты. А на его антрацитовый шкуре поигрывал все тот же зеленоватый свет из глубин пруда.

Звери стояли и не двигались, окружив плотными рядами валун и дракона и похоже чего-то ждали.

Замерли и люди, оступело осматривая панораму. Затем Сергей двинулся вперед и вышел на ровное место. До первых рядов притулившихся друг к другу зверьков оставалось метров пять. Стояла мертвая тишина и Сергей вдруг заметил что поодаль из воды торчит насквозь проржавевший трактор. Фары напоминали изумленные глаз вытарщенные к небу. Вновь стал падать легкий снежок.

– Ну... – сказал Сергей хрипло, и неожиданно почувствовал себя клоуном в этой древней ржавой кольчуге и с заточенной железкой в руке.

Звери смотрели осуждающе, а затем как один расступились выпуская НЕЧТО и темной воды пруда. И бросив туда одни единственный взгляд Сергей почувствовал что отключается. Из воды за спинами крошечных и не очень зверьков выходил тот самый монстр созданный на глазах Сергея в хрустальном дворце. Тот, в котором собраны все основные страхи человечества. Адская выдумка!

Чудище не торопясь выскользнуло из воды и чуть слышно ступило на снег. Фигура человека но... но описать его было невозможно. Монстр двинулся к ним легкой походкой и Сергею показалось что он... оно улыбается. Меч выпал у приезжего из руки и неслышно воткнулся в снег. Сергей закрыл глаза, но одно дикое ощущение опасности возникающее при приближении этого творения могло свести с ума. Как сквозь сон он услышал тонкий нечеловеческий крик Лапникова. Последовало ощущение приближения чего-то черного а за-

тем... выстрел.

Мощный выстрел дуплетом! Гром внутри головы. Сергей распахнул глаза во всю ширь. В них двоился и колыхался мрачный пруд.

Черный падал. Падал медленно, и тяжело, ведь мы боимся тяжелых вещей. Раскинув картинно руки, невообразимо мерзкие при ближайшем рассмотрении, после которых хвосты Уруnguла казались верхом красоты. Он падал, а из груди били два широких фонтана крови. И кровь была черной. Он падал беззвучно, потому что мертвая тишина страшней дикого рева, он дергался содрогался наконец коснулся земли. Ужас пал и Сергею даже показалось что земля содрогнулась как от удара.

Тихий вздох вырвался из тысячи маленьких лесных глоток. Он пронесся по берегу пруда и затих. А у Сергея осталось ощущение, что он видел как были убиты все кошмары на земле.

Он в полнейшем ступоре обернулся на спутников. Леонид лежал на земле и был бледен как покойник, а Лапников отвлеченно смотрел через Серегино плечо на пруд. Лицо у него было отсутствующе. Если и был самый подходящий момент во всей этой истории сойти с ума, то он наступил.

Но с ума Сергей не сошел. Он просто подумывал как бывший журналист смог застрелить Черного, если даже одни единственный взгляд на него начисто лишал какой либо воли. Но он не знал. Что в создании такого монстра имеет-

ся один единственный прокол. Лапников испугался. Лишь глянув на поднимающийся из воды ужас он испугался так сильно, что его испуг мигом пересек ту грань когда человек перестает разумно соображать. После этой грани имеется лишь два пути. Либо окончательно и бесповоротно сойти с ума, превратившись в животное, либо защищаться. Да защищаться. Драться за жизнь неосознанно а стихийно, движимый стремление спасти себе жизнь, пусть и это окончится гибелью или потерей рассудка. Ведь и заяц в последнюю секунду перед тем как его растерзают огрызается на охотничьих псов.

Да в этом состоянии и находился журналист и он сделал единственное что мог. Попытался убить надвигающийся на него ужас. И тот монстр что шел на них, не смотря на свою ужасную форму был смертен, как смертно все на Земле. И две пули тринадцатого калибра пробили его насквозь и вышли из огромных дыр на спине.

Лапников был отключен. Да он стоял здесь, смотрел широко раскрытыми глазами на пруд, но душа его была не с ним. Сергей взмахнул у него перед глазами рукой, но те даже не моргнули.

– Это как же? – глупо сказал Сергей почти не сознавая что стоит перед тысячей неподвижных зверей смотрящих на него во все глаза. – Значит я один?

– Есть еще я! – ответили ему со стороны камня и от темной шкуры дракона отделилась почти серная же фигура.

Фигура приблизилась к нему и это оказался Урунгул. Верховный шаман выглядел мрачно но глаза абсолютно ничего не выражали. Да и не человеческие были эти глаза, змеиные. меховая одежда голема чуть трепалась, хотя ветра в округе не наблюдалось.

– Я ждал что то подобное – сказал Сергей – ты никак во плоти?

– Во плоти – с сильным акцентом подтвердил шаман – теперь я могу убивать.

– А может поговорим? Никогда, знаешь не разговаривал с разодранными пополам шаманами. Как тебе такое предложение.

– Ты слишком далеко зашел. Тебя никто не просил возвращаться из состояния скользящего, теперь ты должен умереть. И хотя душа твоя для нас будет потерянна, на дороге ты у нас стоять не будешь.

– Кто же ты все-таки? – спросил Серега в упор глядя на Урунгула. – тот самый шаман племени Лемех? Тот кого порвали деревьями?

Голем рассмеялся, весьма естественно, затем глянул своими темными беззрачковыми глазами на Серегиных спутников и рассмеялся вновь. Затем произнес:

– Нет конечно, я не шаман Урунгул, и даже не его копия, клон. Шаман Урунгул умер пятьсот лет назад и никогда больше не вернется. Странно что ты этого не знал.

– Но постой, ты же выглядишь как Урунгул, вот даже руки

змеиные. У него же руки оторвало.

– Я отражение страхов этой деревни. Так получилось, что память о страшном шамане осталась в веках и все поколения селян в тайне боялись его. Я возник из страхов тысячи Черепиховцев. То что ты видишь в конечном виде не существует. Это некая тень темного сознания множества людей.

– Не понимаю, – сказал Серега, – если ты не шаман, и не хранишь в себе его память, то кто же тогда Сивер?

Голем усмехнулся:

– Я был создан, – сказал он, – совсем недавно, но в общем то я знаю даже больше чем ты, хотя ты жил много больше. Сивер зеркальная копия меня, вернее даже Сивер и я почти одно и то же, потому что ты видишь две разные стороны одного целого. Мы одно явление, но он воплощение благодетеля а я страхов села. Ты столкнулся с самим мирозданием человек. Кстати настоящий Сивер дожил до восьмидесяти пяти лет и умер в глубоком маразме, а напоследок еще и облысел как коленка.

– А камень? – указал мечом Сергей. – Что это такое?

– Это метеорит, советские ученые были совершенно правы приписывая его к небесам.

– Как же так?

– Просто этот камень обладает возможностью собирать и концентрировать в себе обе стороны царящие в этом мире. Он собирает как зло так и добро, так что в конечном итоге Сивер тоже порождение этого камня. И великий змей, кото-

рого на самом деле никогда не существовало.

– Банально – вдруг сказал Сергей – тебе не кажется что то подобное о добре и зле было?

– Было. – Вздохнул голем – но ведь вся наша жизнь состоит в этом. И если было столько сюжетов о добре и зле, так значит что-то в этом есть? Значит и вправду наша жизнь поделена на черные и белые полосы, а не однотонно серые как думают некоторые.

– Наверное, – сказал Сергей и поднял меч, – я убью тебя.

– Я только хотел сказать, – произнес голем, – что вместе со мной ты убьешь и Сивера, и всех этих зверей. Но зло ты не убьешь. Хотя бы потому что без зла не существует добро.

– Я не хочу убивать зло, – произнес приезжий устало, – я лишь хочу пройти к камню. За одно тебе спасибо голем, названный Урунгулом, теперь я знаю, то чрез что я прошел здесь существует в единственном числе. Спасибо голем, теперь у меня не будет кошмаров.

– Теперь у тебя не будет кошмаров, – спокойно согласился голем и неожиданно резво выхватил из-за спины кривой и тяжелый ятаган, – кстати шаман Урунгул таким не пользовался, – сказал он, – это надумки. Кстати ты не испытываешь ничего убив меня, так как убьешь лишь эту оболочку. А я вернусь в камень.

Сергей заорал и кинулся на голема, дернув мечом в исплинском размахе. Голем небрежно выставил ятаган и меч ударился о него с такой силой, что удар отдался болью в ки-

стях. Меч звякнул. А ятаган словно был сделан из камня, лишь издал глухой стук. Псевдо шаман вперился своими пустыми глазами в Сергея и неожиданно рванулся в атаку. На приезжего обрушился град ударов, и вскоре, а именно чрез полторы секунды, понял, что не имеет никакого понятия о том как драться мечом. Часть этих ударов он кое-как отбил, морщась от боли в пальцах, часть скользнула по кольчуги, а один прорвал хилую Серегину и обрушился на плечо.

Сергей откинуло, но кольчуга сдержала удар, хотя в плече что-то щелкнуло. Хорошо еще что ятаган прибыл на излете. Он чуть не упал и это спасло его от другого мощного рубящего удара. Выражение лица голема было безмятежно, но сам он махал кривой саблей (похожей кстати на турецкую, что за маразм) быстро и четко. Одно хорошо, меч у Сергея был почти в полтора раза длиннее.

На секунду голем застыл и усмехнулся, Сергей кинулся на него, ткнул пред собой мечом, но фигура в меховых одеждах отскочила и приезжий получил сильный удар плашмя по спине. Он споткнулся и чуть не упал, но все-таки удержался, и тяжело повернулся, чтобы успеть отразить новый рубящий удар ятагана. Меч жалобно звякнул и получил очередную зазубрину. Псевдо шаман наступал, его удары были мощные и в тоже время быстрые и точны, одни раз он попытался вывернуть меч из рук Сергея, но тот вовремя подался назад.

Неподалеку от них Лапников невозмутимо смотрел мимо дерущихся в пруд. В мозгу он уже утонул.

– Каково? – спросил неожиданно голем и резким стремительным движением воткнул свой ятаган в живот Сергея.

Тот вытаращил глаза и взвыл, уже чувствуя как сталь вспарывает живот. Но кольчуга выдержала и на этот раз, но все равно. То бы как свирепый удар поленом. Сергей всхлипнул и согнулся в три погибели. Он обречено глянул на голема, ожидая удар ятаганом по шее. Но клон Урунгула бить не стал, он поднял ногу и пинком отбросил Сергея на снег. У кромки воды тысяча мелких лесных зверьков неподвижно наблюдали за ними.

Приезжий лежал на снегу и тупо наблюдал как капает на колкий снег кровь из потревоженного носа. Капли падали и тут же расплывались, это было даже красиво. Они падали и расплывались, падали и расплывались. И на Сергея вдруг снизошло некое просветление.

– "Вот она, реальность". – Подумалось ему. – "Все эта чертовщина, все эти шабаши, волки, драконы, это все сон, это кошмар. А реальность вот она. Реальность, это капающие на темный снег капли твоей крови".

И тут над ухом у него раздался голос. Голос бы тихий, но вполне отчетливый и печальный:

– Подвинься! – сказал он.

Это точно был не голем, тому что тот стоял метрах в двух от него и видимо наслаждался победой. Но это нельзя было сказать наверняка потому что лицо у него был непроницаемым. И по невозмутимости с ним мог сравниться только

Лапников или мертвец.

– Что... – слабо просипел Сергей. – Кто это?

– Разве ты меня не узнал? – спросил голос. – Я Сивер.

– Но тебя же нет. Ты же с ним одно и то же?

– Это долго рассказывать а у тебя осталось не слишком много времени, а посему подвинься.

– Как это?

– Что ты там бормочешь? – поинтересовался голем но Сергей его проигнорировал.

– Подвинься. Освободи свой мозг от мыслей и пусти туда меня – сказал Сивер – без моей помощи тебе не справиться с ним.

– Но я не хочу...

– Сейчас не время выбирать, не думай не о чем, а я постараюсь взять контроль над твоим телом.

– Хорошо Сивер, я постараюсь.

Голем Урунгул топал к нему, ятаган он держал чрезвычайно сложным образом, но загнутый острый кончик смотрел Сергею в лицо. Одновременно в этом последовало довольно странное ощущение, что в голову что то просовывают, что то холодное. А затем боль в животе ушла. Ушла и боль в ребрах, наоборот, тело с каждой секундой набирало все больше силы, да такой силы, что бывает лишь у редкого человека.

А затем приезжий вдруг с изумлением увидел, как его правая рука самолично ползет к кинутой на снег рукоятке меча. Рука ползет, а он, совершенно не ощущает ее веса, да и

он вообще не чувствовал ее. Словно его затащил в собственном теле и оставили зрителем. Это было страшновато но Сивер сказал ему:

– Спокойно. Я давно не сражался на мечах. – и Серега смирился отчаянно надеясь лишь на то, что Сивер не даст Сергееву телу погибнуть или сильно пораниться.

А затем, когда голем подошел совсем близко Сергеева рука вдруг резко ухватила меч, а следом и он сам перекатился в сторону и вскочил на ноги. Голем встал, но никакого удивления на лице, может он этого и ждал. Но теперь Сергиным телом управлял Сивер и меч в его руках был словно пушинка. Он и держал то его небрежно, всего одной рукой. Урунгул стремительно атаковал, его кривой меч бешено летал, но каждый раз он наталкивался на недавно заточенную сталь старого меча из музея.

Бились мощно и периодически яркие искры разлетались в разные стороны. Поначалу псевдо шаман наступал, делал колющие удары, но потом вдруг сник и Сергей-Сивер теснили его к драгоценному валуну. Мечи сталкивались, звякали, искры разлетались в сторону а самих мечей почти не было видно из за скорости с которой их хозяева обращались. В один момент длинный Сергеев меч изящно кругнувшись выбил ятаган из рук голема но тот с потрясающей скоростью перехватил его в полете другой рукой хвостом и ринулся в бой.

Теперь он рубился как берсерк, похоже уже не заботясь

о себе, он надел, а его кривое лезвие, двигалось потрясающей быстро, пару раз он чуть не отхватил Сергею голову, но тот, благодаря чужим рефлексам вовремя приседал. Одни раз Урунгул даже прорвал оборону и его меч разрубил кольчугу на плече, чуть задев и кожу. Было бы и больше но Сивер вовремя отпрянул.

Бились они долго, и столь же долго за ними наблюдали недвижные звери, столь же недвижные Лапников с Леонидом. А на берегу пруда стояла тишина, за исключением резких ударов стали и сталь.

Затем, однажды, когда у Сергея уже рябило в глазах, от бешено носящихся своих же рук, блеска лезвий и мельтешащего впереди шамана, Сивер вдруг двинулся вперед, а затем широкий старый меч со всей сил опустился на ятаган.

Звякнуло жалобно. Так наверное звякает тонкий хрустальный графин, когда бьется о паркет. А затем с воющим звуком ровно половина ятагана голема отлетела в измазанный снег. В воздухе надолго повис тонкий звенящий звук. А затем настала тишина. Голем стоял, и смотрел он на короткий обрубок своего меча, словно не верил, что тот мог сломаться.

Секунду не бил и Сергей, а затем стремительно замахнулся и опустил меч на Урунгула голема – шамана села Черепа. Меч коснулся мехового одеяния, разрубил ее а следом за ней и тело. Замах бы такой, что лезвие разрубило голема почти пополам, от плеча и до пояса.

И тут Сивер выскользнул из тела Сергея.

– Оох. – Произнес тот.

Голем лежал перед ним, а из разрубленных половинок вытекала водянистая, однако вполне человеческая кровь. Лицо же осталось бесстрастным. Големы не живут. Они существуют. Повторный вздох пролетел по рядам зверей, но теперь они стали сдвигаться и потихоньку разбежаться кто куда, стремясь поскорей исчезнуть с этого места.

– Вот мы и убили его Сергей. – Сказал Сивер, теперь он в своем собственном обличье стоял у черного бока дракона и слабо светился. – Теперь осталось докончить начатое.

Серега кивнул. Только сейчас он ощутил что тело у него болит даже сильнее чем раньше, да еще саднила длинная царапина на плече. Там кольчуга разошлась словно разъявленный голодный рот. Руки и ноги у него тряслись были словно налиты свинцом. Он еще раз посмотрел на распростертого голема, а затем неожиданно плюнул на него, и побрел к камню и к Сиверу, который серьезно, без улыбки смотрел на него.

По пути приезжий ненавидяще глянул на меч.

– Бред. – Сказал он. – Мечи какие то. Деремся как в средневековье, рубим надвое друг друга. Надоело все.

– Но ведь даже сейчас нравы человечества абсолютно такие же. Люди всегда ценили только силу, и ее же уважали. – Сказал Сивер. – Ты не представляешь как некоторым и сейчас бы понравилось разрубить кого ни будь так, чтоб почти

пополам. Люди то не меняются. Эта прогресс идет вперед, а человек остается на месте.

Сергей доплелся кое как до валуна, взглянул на Сивера, а затем на камень. А затем на толстую шею черного дракона, что лежал вплотную к этому самому камню.

– Древние ритуалы надо соблюдать, – произнес Сивер – этот дракон еще жив, но чтобы уничтожить камень необходимо убить его. Когда кровь оборотня достигнет камня, змеиное проклятье потеряет силу.

Дракон и правда дышал, и его правое крыло слегка нервночески подергивалось. Глаза же были выпуклы и темны. Глаза змеи, болотной жабы. Сергей кивнул Сиверу и приподнял меч. Постоял так, затем опустил.

– Я не могу. – Сказал он – Это Щербинский.

Сивер выжидательно смотрел на него.

– Это же Щербинский! Пусть теперь он дракон, но ведь когда-то он был человеком!!! Я помню как впервые встретил его в баре "Левый берег". И в конечном итоге это он спас меня там, в синеньком домике.

– Это был Щербинский, – произнес воевода, – ты же сам говорил и был абсолютно прав. После обращения в змею теряешь свою личность. Ползать по траве остается только тело, а для человека это означает смерть. Причем совершенно такую же как и при уничтожении вот этого вот человеческого тела. То что ты видишь уже давно не Щербинский. Это машина, биологический автомат и он был настроен только

на уничтожение вас. Трех оставшихся в живых в этом селе. Щербинский сейчас там где и все остальные Черепиховцы, на том свете если он существует.

Сергей снова посмотрел на дракона. Да он был огромен, уродлив и совершенно черен, да у него был выпуклые змеиные глаза которые никогда не закрывались. И этот мерзкий роговой гребень, идущий по хребту. Но все-таки это был Щербинский, и самое страшно было то что черная квадратная морда была чем-то похожа на него. То есть после обращение он сохранил сходство с лицом человека.

– Да что ты такое вообще, – вдруг крикнул Серега, резко разворачиваясь к Сиверу, – Кто же из вас прав? Ты или Урунгул?

Сивер вздохнул. Он же не должен дышать, если он что-то вроде призрака, и даже если он мудреное отражение всего добра на Земле. К чему все эти эффекты?

– И он и я говорим правду. Только мы ее говорим с различных точек зрения, и тот и другой упускаем важные детали, только потому что ты не сможешь нас понять. Прости Сергей, но есть силы поразумней вас людей. Ты бы просто не понял, ведь даже я понимаю не все, что они мне говорят.

– Кто же они?

– Я не знаю и это чистая правда. Я не буду лгать. В мире так много еще не познанного. Но я устал и хочу отдохнуть.

Посыпался снег, густой, красивый, заигравший теперь в белом свете Сивера, и в красноватом сиянии крови дракона

Щербинского. Это был дико, безумно, стоять вот так с мечом на берегу черного пруда и разглагольствовать о добре и зле. Сергею неожиданно показалось что все это бред и он на самом деле какой день лежит в горячке где ни будь в Москве и все это ему видится. Но какое же надо меть воображение чтобы представить все это? Какое!

– Но я не хочу его убивать! – вскричал Сергей. – Я знаю что это уже не Щербинский а только его измененная оболочка. Но я не хочу! Я же не убивал людей до сих пор!

– Я тебе вот что скажу. – Сказал Сивер мирно. – Ничего уже не изменить. Этот дракон. Этот оборотень все равно смертельно ранен. Ты всадил него треть обоймы и сейчас у него брюхо набито свинцом. Если ты его не убьешь сейчас, он все равно умрет, но тогда придется начинать все сначала. Но на это нет сил не у тебя не у меня. Давай, если ты убьешь этого дракона все вернется к норме. Все это исчезнет. Исчезнут оборотни и змеи воюющие по ночам, исчезнут трехглазые волки и чучела медведей с каменными костями. Прекратятся ночные шабаши и в пруду больше ничего не сможет светиться кроме гнилушек. Прекратит идти снег, исчезнут Сноунг и я.

Сергей удивленно воззрился на него.

– Да, да, – сказал Сивер, – исчезну и я, кем бы я ни был, ведь у всех живых существ имеется какая то цель. У кого-то жить, у кого-то расправиться с камнем и умереть. Я устал за эти долгие годы, убей дракона и я наконец смогу уйти.

Сергея медленно кивнул, и перевел с белого Сивера на черного совершенно дракона. Неуверенно поднял меч и посмотрел на воеводу. Тот кивнул, как вот этот самый Щербинский на этом же самом месте месяц назад. И Сергей в мощном ударе опустил свой клинок на шею дракона. Глаза у него при этом были широко открыты и пусты.

Удар был силен, так силен, что даже превосходил тот, которым Сивер разрубил голема Урунгула, хотя бил Сергей собственными измученными мышцами. Меч прорубил жесткую кожу на шее, как в масло вошел внутрь и тихонько стукнул о хребет, если это был он.

Миг, и на камне осталась лежать отделенная черная голова размером почти со всего Сергея. Глаза у отрубленной головы остались бесстрастны. Это все равно что снова убивать труп. Мертвецы и машины не жалуются на боль.

Внутри все было похоже на вату и лишь тоненькая струйка черной крови, похожей больше на битум, лениво потекла по бесснежному валуну. Сергей и старый воевода наблюдал за этим неторопливым течением. Сергей затаив дыхание, а Сивер, погруженный в свои мысли.

Струйка коснулась камня. Некоторое время ничего не происходило и кровь стала скапливаться в ямке подле камня, маленьким черным водоемчиком, точное подобие Черепиховского пруда.

А затем с темного неба упала ослепительная белая молния полуметра толщины и вонзилась в камень прямо перед

носом у ошеломленного Сергея.

17.

Это было уже слишком. Это было безумие. Да и разве можно так издеваться над мозгом. Мозг ведь тоже не резиновый. Придет момент и он сломается.

Сергей воспарил. По крайней мере так ему показалось, после того как он снова обрел возможность видеть. То есть видеть он обрел возможность только в кратких пределах. Насколько он понял ничего никуда не исчезло, а сам он висел. Висел без опоры в пяти метрах от валуна. Да местность вроде осталась та же, но после удара молнии яркий слепящий, режущий глаза свет не исчез. Он словно растекся по испачканному снегу кругом, залил собой пруд и осел на корявых лапах старых елей. Свет шел отовсюду, он был везде, и он мешал разглядеть какие либо детали, угадывались лишь очертания земли.

– "Ай!" – подумал Сергей но ничего более конкретного ему в голову не пришло и потому он стал наблюдать.

То что это все-таки не реальность он понял, когда почувствовал что не имеет тела. То есть его не было совсем, что впрочем совсем не мешало. Может это был сон? Тот самый сон, когда нам не сняться сны, тот глубокий тяжелый сон усталых людей, который невозможно запомнить. Говорят что именно в это время душа отрывается от человека и странствует отдельно.

Так ли это было. Сергей не знал, он просто висел и наблюдал. Его глаза. Если у него они были (А все таки какие то были, о чувствовал как может двигать ими), стали менее чувствительные к свету и теперь он стал разглядывать детали. Три тела на земле. Это без сомнения, вон они какого то красноватого такого оттенка. Что-то похожее на коричневое пятно у самой воды, может быть это остатки голема? Кто знает. Трудно разобраться когда вокруг столько света. Трудно привыкнуть к такому свету, после стольких дней ледяного мрака.

А вот он различил что-то новое. Теперь он видел валун, видел его контуры, видел как свет, в который превратилась темная вода пруда, омывает его. А на самом валуне крохотный сгусток мрака. Мрака такого черного, что глазам становилось больно, как от слепящего света вокруг.

Черный клубок колыхался, мерцал, а затем вдруг от него потянулись черные, но уже посветлее нити, словно некая паутина распространялась у него на глаза. Клубок трепыхался, рос, выбрасывал свои черные щупальца, словно, пытаясь обхватить весь мир, прижать задавить. Но щупальца бледнели, становились светлее и на глазах теряли черный насыщенный свет. Они стали цвета кофе, потом сделались еще ярче и перешли в светло – коричневый, а затем и в бежевый. И с каждым мгновением дикий буйный свет, царящий на поляне, утихал. Утихал и становился слабее. Больше не резал глаза. Словно темный клубок как-то растворялся, связывал

свет и оба они становились не похожими друг на друга.

– "Вот оно". – Неожиданно ясно подумалось Сергею. – "Свет и тьма, зло и добро, они не могут существовать друг без друга, они связаны и размешаны и идут полосами по этому миру".

Свет угасал, становился терпимым, а черный сгусток, который был не чем иным как капищенским камнем, принадлежавшим когда-то Лемехам, растворялся и теперь Сергей был уверен, что вернись он когда ни будь на берег этого пруда, он не найдет и следа, малейшего воспоминания о том что такой существовал.

Короткая вспышка камень развеялся без следа. Угас и свет и теперь местность вокруг обрела свои естественные цвета, а именно теперь было видно как липкий мокрый снег, медленно сползает с древних елей.

Дракона не было. Не было и вмятины на почве, там где он лежал, словно не существовало такое огнедышащее чудовище, а ранее простой человек Иван Щербинский. Со своего положения Сергей видел Лапникова и Леонида неподвижно лежащих на липком, проваливающемся снегу, а также он чувствовал, что прямо за ним, если повернуться лежит также и его собственное тело. Но Сергею не хотелось на него смотреть, они так достаточно насмотрелся.

Местность внизу плыла, и от снега поднимался густой пар туман. Сергей повернулся в эфире и тут почувствовал рядом с собой еще кого-то. Впрочем он тут же понял. Ощувив сла-

бенькое. После вселенского света белое сверкание.

– Сивер... – сказал он, но рта не было и мысли пришлось отправить иначе, и он почти видел как они поплыли в стороны белого тепла.

– Я здесь, – неслышно отвечивал Сивер. – Спасибо тебе.

– Что тут произошло?

– Ты наблюдал, то что люди видят очень редко. Ты увидел равновесие. Это большая честь.

– Равновесие? Какая же честь в этом? Мы достигли своего?

– Достигли, мы уничтожили камень.

– А что же тогда со мной?

Белая тень рядом колыхнулась и казалось снова озарила пруд, воды которого вдруг престали быть черными. Обычная вода.

– Это трудно объяснить, но ты присутствовал при колоссальном выбросе разнополярной энергии. Ты сейчас вне тела, но это пройдет, ты вернешься. Вы все вернетесь к жизни.

– Но Сивер! – мысленно вскрикнул Сергей. – Я понимаю, что мы уничтожили камень, и остановили змея, кем бы он ни был. Но я хочу задать один вопрос. Как я буду жить дальше? Как, Сивер? Как можно жить, зная, что я один из трех последних оставшихся в живых людей в Черепихово? Как я могу жить. Сознывая что мчался по черному лесу, а потом на меня налетали обезумевшие звери? Да как я вообще тогда

вернусь в нашу серую жизнь, если побывал в змеином теле? Как быть нормальным человеком после змеи. Я ведь даже помню, до сих пор помню, как глотал эту мышь!

Ему показалось что Сивер улыбнулся. Впрочем какая улыбка могла быть у белого свечения? Сергею стало внезапно теплее.

– Ты сможешь. – Долетела до Сергея мысль. – Вы все сможете. Да вы пережили чудовищные для вас вещи. Но вспомните, ведь и в вашем, сером как ты говоришь, мире существуют люди, которые утверждают что видели призраков, которые пережили клиническую смерть, или которые вступили в контакт с НЛЮ. А ведь треть из них пережила действительно нечто необычное. И ведь живут, да еще как!

– Но ведь наш мир такой маленький. Я хочу сказать, сколько всего необычного скрывается по кожурой нашей цивилизации.

– Мир познаваем – усмехнулся Сивер – но до определенной степени. Не надо искать смысл жизни. Это никуда не ведет, лишь к безумию. Надо жить так, как живут самые простые звери, не задумываясь, и уметь довольствоваться каждым прожитым днем, каждой секундой. Ты уедешь отсюда и будешь жить как обычно. Постарайся только что ни будь оставить после себя.

– Хорошо Сивер – сказал Сергей тихо – я постараюсь. Я постараюсь не сломаться.

– Вы все много сделали для меня и я помогу вам послед-

ний раз. Тот клад... за которым вы все ехали он существует, хотя это и несколько не то, о чем вы думаете. Раскопайте его, прежде чем уедете.

– Хорошо. – Повторил Сергей, и увидел что все вокруг заволкло туманом.

– Мне пора. Теперь я освободился от пятисотлетнего гнета. Я не знаю что меня ждет впереди. Но уверен плохого там нет. Все же лучше чем столько лет обретаться ту на земле. Прощай.

– Прощай. – Сказал Сергей и улыбнулся про себя. – Но я думаю мы еще встретимся.

– Надеюсь не скоро. – Ответствовал Сивер. – Не гонись за чудесами Сергей, у тебя и так их пришлось слишком много на эту жизнь.

Приезжий почувствовал как что-то теплое дружески коснулось его, а следом за этим белое сияние взмыло в светлеющие небеса и исчезло. Сразу стало холоднее, а туман по сторонам потемнел. А когда он потемнел совсем Сергей... проснулся.

Он проснулся а за окном был день. Приезжий легонько шевельнулся и с удовольствием ощутил что снова при теле. Зевнул и снова уставился в окно.

В общем то через оконный проем, чем-то знакомый, видно было немного, но один вид бледно голубого ясного неба рождал в душе неизбывную радость. Слабый утренний свет

падал в комнату и составлял ясный квадрат на беленом потресканном потолке.

– Он очнулся! – Радостно воскликнул кто-то рядом.

А следом Серега повернулся и сел, чувствуя себя полным сил, словно заново родился. Напротив, на дряхлом шатающемся табурете сидел Лапников и на лице его гуляла идиотская улыбка, которую журналист видимо считал радостной. Псина Венди лежала безмятежно в углу, а еще дальше на ржавой кушетке сидел Леонид и рассматривал свои босые ноги.

– И что? – спросил Сергей. – Что случилось то? И где мы?

– А вот это ты должен знать, спаситель ты наш! – ответил Лапников довольно. – Мы то почитай все пропустили, а уж как ты там с камнем разбирался я не знаю. Ну видать все-таки разобрался, раз день наступил.

– День. – Повторил Сергей. – Значит вы не помните как я с Урунгулом дрался?

– Мы не помним даже куда делся тот черный ужас, который из воды выполз. – Из угла сказал Леонид.

Сергей еще раз глянул в окно, увидел двор. Где подтаивал снег, образуя черные земляные плешки и неожиданно понял где находится.

– Все возвращается на круги своя. – Тихо сказал он.

– Ты это о чем? – встрепенулся Лапников.

– Как мы здесь очутились не знаете?

– Мы все здесь очнулись. Я час назад, первое время по-

нять не мог откуда свет. Потом грелся с полчаса, а там и Леонид отошел.

– Отошел то отошел, да вот только ноги отморозил. Там где-то наверное. Хорошо не насовсем, отошли. А ведь у меня одна сломана, только срослась. И он откинулся на кушетку.

На Серегину ржавую кушетку, ту самую, на которой он ночевал первую и вторую свою ночь в этой бывшей деревне. Да, они находились опять там же. Там откуда все началось, они сидели в маленьком синем доме с совами на крыше. Все вернулось и Сергей видел все те же бревенчатые стены в потеках а в углу так и остался лежать топор с зазубринами на лезвии.

– Все вернулось. – Повторил Сергей и потянулся к солнечным лучам, которые снова несли тепло.

Во дворе снег кипел и стремительно исчезал, как в общем то и положено снегу оказавшемуся под летним солнечным теплом. Проявлялась земля, а на ней становилась видна пожухлая словно прошлогодняя трава. Было ли это возвращение жизни в Черепихово? Не пожалуй, скорее это абсолютная гибель села. И где теперь находится деревня скоро станет просто поляна на берегу великой реки Волги. А на соседнем берегу в деревне Карявкино будет по прежнему кипеть жизнь.

Удивительно, но двор был пуст. Его автомобиль, безвылазно простоявший здесь все потрясения теперь исчез. Его больше не было, а на почве остались глубокие следы испо-

линских лап, словно у машины вдруг выросли ноги и она кое-как ушла, уковыляла с опостылевшего места. Жалко.

Они оставались в бывшей деревне Черепихово еще пару дней. Весь первый день они провели валяясь на черной рубероидной крыше дома семьи Саврасовых, нежась под настоящим летним солнцем, щедро изливающим тепло на почерневшую после снега землю. И тщательно старались выкинуть из головы все происшедшее. Да только не удавалось, да и никогда не удастся.

Наше подсознание, это болота, страшное и липкое навсегда задержало в себе образы разоренного села. Пусть же выжившим не сняться кошмары!

На второй день они взяли раздолбанный жигуленок Леонида и съездили в разрушающийся Черепиховский собор. В селе все вообще стало стремительно рушиться, словно вместе с тающим снегом уходят и все строения Черепихова.

Они без страха вошли в подвал, и начали копать в условленном месте, грустно друг на друга поглядывая. Затем лопата обо что-то звякнула и они быстренько раскопали увесистый бронзовый, весь зеленый уже, окислившийся сундук.

– Это? – спросил Сергей.

– Сам знаешь. – Ответили ему и приезжий потянул за древнюю ручку, открывая вид на Черепиховский клад.

Лапников и Леонид подались вперед, не зная что увидят. А из открывшегося сундука что-то с шуршанием посыпалось. Сергей замер, наклонился и подобрал одни из предме-

тов.

Это была рукопись, старя потрепанная бумага с резкими древнеславянскими значками. И все остальные были рукописями. Десятками, даже сотнями рукописей, разных времен и разных событий.

– Летопись... – сказал Сергей. – Это и есть клад из за которого мы попали сюда?

– Это он и есть. – Спокойно подтвердил Леонид осторожно беря и расправляя одну из бумаг. – Эта очень детальная летопись средних веков, а среди них есть и заметки самого старого Сивера, Черепиховского основателя. Нашего с вами знакомца. Это клад.

– Какой же клад? Одни архивы. – Несколько разочарованно протянул Лапников.

– Видимо в том документе говорилось не сколько о кладе физическом, сколько кладе духовном, в конечном итоге здесь наверно бесценные сведения.

– Вот и весь клад – сказал Сергей тихо – но ведь после всего этого нам уже не до кладов... Иногда мне кажется что я все таки не живу. А остался там, у черных прудов. А это что?

Он наклонился, разворошил ломкую бумагу, а затем ухватился обо что-то на дне.

И вытащил меч. Его спутники повернулись к нему с изумлением, потому как меч этот был не чета тому старом, плохо заточенному, пыльному лезвию, сотни лет хранившемся в музее. Нет этот меч был огромен и его серебристая поверх-

ность блистала впитывая в себя лучи новоявленного солнца. Рукоять была из чистого серебра, выкованная словно вчера. А в самой рукояти блестело три огромных драгоценных камня. Сергей приподнял меч и тот победно вспыхнул и распространил вокруг себя такое знакомое белое сияние.

– Ух! Как же он сияет! -воскликнул Лапников. – Что делает этот меч здесь?

– Это последний подарок Сивера. – Ответил Сергей прищурив глаза любовавшийся полосками света проносющимися по лезвию. – Это был его меч.

– Значит он твой? – спросил Леонид, возвращаясь к рукописям.

– Да он мой, и пусть он не пригодится мне в том мире. Куда мы вернемся, я не забуду что сделал. – И Сергей мощно взмахнул обретенным мечом и тот поймал яркий солнечный блик, сверкнувший так ярко, что его увидели и на том берегу Волги в Карявкино.

На проплывающем в это время мимо села теплоходе "Русь", подумали что это приветствие и радостно замахали в ответ.

Три часа спустя они погрузили сундук в машину и теперь стояли, глядя через площадь на покоробившийся но стоящий Черепиховский собор, чьи главы дерзко отвечали небу золотыми бликами.

– Вот и все. – Произнес Сергей.

– Ну и нечего тогда, – сказал Леонид громко, – садись в

машину и поехали. Повезло тебе Лапников, до самой Москвы доведем.

– Нечего так нечего. – Произнес Лапников и сел сзади затасив и свою собаку.

Сергей окинул взглядом площадь и тоже залез в машину. Меч он держал на коленях. Когда они отъезжали позади раздался грохот падающих и рассыпающихся бревен.

Это рухнул бар "Левый берег".

Он стремительно промчались по ветшающим улицам, мимо поваленных фонарных столбов, гниющих на глазах, мимо домов с проваленными крышами и уже почти достигли выезда из села, знаменитого Черепиховского кордона, как вдруг им навстречу из разрушенного дома выскочил человек. Леонид изумленно тормознул, а человек подсочил к ним, сунулся в Серегино окно и затараторил:

– Что случилось? Что случилось, вы куда сейчас едете? Куда народ подевался. Я тут ждал, у нас тут такое было, но очнулся – никого совсем, два дня по домам прятался пытался понять а что...

– Ба! – сказал Сергей и тип сразу замолк. – Да это же Щербинский младший!

Так оно и было. Иногда лучше быть камнем чем живым человеком. Превращенный давным-давно в камень младший брат почившего ныне зоотехника благополучно пережил в своем окаменевшем состоянии всех жителей проклятого села а после падения проклятья оживший и долгое время пуг-

ливо прятавшийся от каждой тени теперь стоял пред ними и ошалело пытался понять что же произошло. Он торчал в Серегинном окне, потешно тарашил глаза и заливал сидевших внутри потоком вопросов.

– Эй, последний Черепиховец! – окликнул наконец его Сергей.

– Что последний? Что вообще случилось-то?

– Садись-ка в машину, – сказал ему Серега. – Нам тебе все еще долго и долго объяснять.

Он покорно сел в автомобиль и с заднего сиденья обратился:

– Так вы мне расскажите что здесь было?

– Ты проспал самое интересное. – Сказал ему Лапников, и добавил, – счастливчик!

Леонид дал газ и они вынеслись за кордон, унося последнего селянина из его оплота. На пригорке гони чуть приостановились и оглянулись на деревню, под колпаком которой столько времени были заперты.

Деревня исчезала. Вокруг буйствовала растительность, шумели деревья, а село Черепихово лежало позади как огромная черная язва на теле Земли. И поднимался от деревушки гнилостный запах разложения и смерти. Не скоро заживет этот шрам на берегу реки Волги, но реке то ведь все равно, так? Она так и будет нести свои воды, была у нее на правом берегу такая деревня Черепихово или нет.

Разбитая машинешка скатилась с холма и вид на разорен-

ную деревню скрылся, оставшись навсегда только в глубинах памяти.

– Смотрите! – сказал вдруг Данила Лапников. – Листва на деревьях пожелтела!

И правда, мощный и непоколебимый Черепиховский лес готовился скинуть листья и теперь они у него пожелтели и налились багрянцем. Красиво.

После долгой, долгой Зимы в Черепихово наконец вступала Осень.